

Троцкий Лев Давидович

Дневники и письма

Под редакцией Ю. Г. Фельштинского

Лев Давидович Троцкий

Настоящее издание включает все дневники и записи дневникового характера, сделанные Троцким в период 1926-1940 гг., а также письма, телеграммы, заявления, статьи Троцкого этого времени, его завещание, написанное незадолго до смерти. Все материалы взяты из трех крупнейших западных архивов: Гарвардского и Стенфордского университетов (США) и Международного института социальной истории (Амстердам).

Для студентов и преподавателей вузов, учителей школ, научных сотрудников, а также всех, интересующихся политической историей XX века.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ А. АВТОРХАНОВА

ОТ РЕДАКТОРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1926-1927 ГОДОВ

ВЫСЫЛКА ТРОЦКОГО

Приложения. Л. Седов. Переезд в Алма-Ату Из писем Н И Седовой
Троцкой Саре Якобс-Вебер

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1933 ГОДА

Приложение Л. Седов. Переезд во Францию

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ДНЕВНИК 1935 ГОДА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1937 ГОДА

ИЗ ПРЕССЫ ТЕХ ЛЕТ

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ТРОЦКОМ

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вы начнете перелистывать в архивах русские и зарубежные газеты за период Октябрьской революции и гражданской войны в России, то в качестве организаторов большевистской победы вы встретите только имена двух большевистских вождей, неразрывно связанных между собой как "сиамские близнецы" - это Ленин и Троцкий. Чтобы их исторически и политически разъединить, нужны были хирургический нож инквизитора в руках Сталина и безбрежное море фальсификаторской макулатуры его так называемого "исторического фронта".

Путем такой операции место Троцкого около Ленина занял Сталин, о существовании которого под именем Коба тогда знали лишь верхи партии в Петрограде и Москве и старые уголовники - "эксы" в Тифлисе и Баку.

Сталин пошел дальше. В своем пресловутом "Кратком курсе" он решил взять на себя одного роль организатора Октябрьской революции, лишив этой роли не только Троцкого, но и самого Ленина. Для этой цели Сталин выдумал никогда не существовавшим мифический "Партийный центр", поставив себя во главе него. Вот что писал Сталин:

"16 октября (1917 г. - А. А.) состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран Партийный центр (выделено в оригинале. - А. А.) по руководству восстанием во главе со Сталиным. Этот Партийный центр руководил фактически всем восстанием". [История ВКП(б). Краткий курс, М., 1938, с. 197].

Между тем по свежим следам Октябрьского восстания 1917 г. память Сталина функционировала отлично. Так, в "Правде" в день первой годовщины Октябрьской революции, Сталин писал: "Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому".

Спрашивается, как мог Сталин, противореча историческим документам, фактам, свидетелям и самому себе, столь вопиюще фальсифицировать подлинную историю Октябрьской революции? "История ВКП(б). Краткий курс" вышла в свет осенью 1938 г. К этому времени Сталин уже был единоличным диктатором в советском государстве. Неограниченная власть давала ему неограниченную возможность фальсифицировать историю возникновения этого государства. Чтобы сама фальсификация Октябрьской революции выглядела правдоподобной, Сталин изъясил из обращения сначала всех свидетелей - вождей революции, а потом все исторические документы - старые газеты, журналы, книги, в том числе все сочинения Ленина первого, второго и третьего изданий, ибо к ним был приложен богатый документальный аппарат, из которого было видно, кто на самом деле руководил революцией. Поэтому вполне можно согласиться с характеристикой "Краткого курса", которую дает Троцкий, полемизируя с неким Гамильтоном в письме в редакцию "Нью-Йорк Таймс" от 4 декабря 1939 г.:

"Гамильтон пытался обвинить меня в сокрытии одной цитаты Ленина (о возможности победы социализма в одной стране - А. А.). Я обвиняю Коминтерн не в сокрытии цитаты, а

в систематической фальсификации идей, фактов, цитат в интересах правящей клики Кремля. Кодифицированный сборник такого рода фальсификаций, "История ВКП1", переведен на все языки цивилизованного человечества и издан в СССР и за границей в десятках миллионов экземпляров. Я берусь доказать перед любой беспристрастной комиссией, что в библиотеке человечества нет книги более бесчестной, чем эта "История".

Фальсификация истории была хоть и бесчестным, но более-менее безобидным ударом по историческому авторитету Льва Троцкого по сравнению с чудовищным обвинением его и его бывших единомышленников на московских процессах тридцатых годов в организации заговора против советского государства по прямому поручению гестапо. Французские организаторы знаменитого процесса Дрейфуса, офицера еврейского происхождения, обвиненного в шпионаже в пользу генштаба кайзеровской Германии, были беспомощными дилетантами по сравнению со сталинскими чекистами, объявившими всю плеяду русских революционеров еврейского происхождения во главе с Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Радеком и Сокольниковым просто-напросто наемными шпионами антисемитского гестапо гитлеровской Германии.

Но заметим: даже после того, как на XX и XXII съездах партии было доложено, что в основу политических процессов тридцатых годов над троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами легли ложные фальсифицированные обвинения, жертвы этих процессов, однако, не были юридически и политически реабилитированы.

Троцкий-самая трагическая фигура в истории русской революции. Трагедия его не только в том, что он был свидетелем гибели идеалов революции, которую он возглавлял; свидетелем гибели друзей и единомышленников, вместе с которыми он завоевал власть; свидетелем гибели собственных детей от рук чекистов; но и в том еще, что Троцкий до самых последних дней своей жизни так и не понял, что он, его дети и его единомышленники стали

жертвами не "бюрократии", не "кремлевской камарильи" и даже не мстительного Сталина, как Троцкий думал, а жертвами той самой террористической системы диктатуры, которую Троцкий и Ленин создали в октябре 1917 г. Тут уж воистину: "кто посеет ветер, пожнет бурю".

Троцкий борется не против этой системы власти, а против Сталина и его "камарильи", которые узурпировали у него эту власть. Он пишет в "Письме в СССР": "От Октябрьской революции еще сохранились, к счастью, национализированная промышленность и коллективизированное сельское хозяйство. Кто не умеет защищать старые завоевания, тот не способен бороться за новые. От империалистического врага мы будем охранять СССР всеми силами".

Письмо Троцкого кончается программными лозунгами:

"Долой Каина Сталина и его камарилью!

Долой хищную бюрократию!

Да здравствует СССР, крепость трудящихся!

Да здравствует мировая социалистическая революция!"

Словом, СССР - не каторга народов, а "крепость трудящихся"; Сталин не убийца миллионов, а всего навсего "Каин", - то есть братоубийца, ибо уничтожил "ленинскую гвардию"; в стране свирепствует не чекистский корпус, а "хищная бюрократия". Надо только убрать Сталина и во главе СССР поставить Троцкого "путем восстания рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов". Вот тогда

Троцкий позаботится, чтобы СССР стал очагом "мировой социалистической революции". Надо быть безнадежным Дон Кихотом в политике, чтобы в 1940 году призывать советский народ готовить восстание против гигантской террористической машины диктатуры в надежде, что кто-то может отозваться на такой призыв.

Троцкий и Сталин не были антиподами в идеологии большевизма, а были соперниками в борьбе за власть в его рамках и на его основах. Троцкизм и сталинизм тоже не являются враждебными ленинизму течениями, а разными вариантами его интерпретации. По коренному вопросу их спора - о судьбе социализма и мировой революции - Сталин утверждал, что сначала надо построить социализм в СССР, чтобы организовать мировую революцию, а Троцкий, наоборот, доказывал, что сначала нужно организовать мировую революцию, чтобы в СССР мог победить социализм. Ленинизм допускал обе интерпретации, ибо Ленин, как истинный "диалектик", столько раз противоречил самому себе, что Троцкий и Сталин всегда находили у него нужные им цитаты.

Из этого спора между Троцким и Сталиным внешний мир сделал совершенно ложные выводы: Троцкий был объявлен опасным проповедником мировой революции, а Сталин - безопасным для внешнего мира либеральным "национал-большевиком". Опаснее, на самом деле, был не романтик революции и утопист Троцкий, а мастер мирового революционного заговора Сталин. Ведь это не Троцкий, а Сталин писал: "Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма... но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу его дальнейшего развертывания" ("Вопросы ленинизма", стр. 105).

Сталин строго следовал этой своей стратегической программе и не пугал мировую буржуазию ура-революционной фразеологией Троцкого. Он вошел в доверие к западной демократии и после второй мировой войны поставил под знамя коммунизма одну треть человечества.

Л. Авторханов

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее издание составлено по материалам трех крупнейших западных архивов, хранящих документы Троцкого: архива Троцкого в Хогтонокой библиотеке Гарвардского университета (Бостон), архива Гуверовского института при Стенфордском университете (Стенфорд, Калифорния) и архива Международного института социальной истории (Амстердам). Из архива Троцкого в Гарвардском университете заимствованы дневниковые записи 1926-1927, 1933, 1935 и 1937 годов, носящая дневниковый характер запись Троцкого от 8 марта 1938 года о процессе над Бухариным, запись о сталинской историографии, завещание Троцкого, написанное им незадолго до смерти, письма, телеграммы и заявления 1928-1940 годов. Остальные документы заимствованы из амстердамской и калифорнийской коллекций, о чем указано в каждом конкретном случае. Примечания составлены редактором только для материалов основной части книги.

Документы публикуются с любезного разрешения администрации архивов. Подготовка текстов к печати, примечания, комментарии и переводы с иностранных языков выполнены редактором.

"Дневники и письма" Троцкого на русском языке выходили в 1986 г. (Изд-во "Эрмитаж", США). Однако настоящее издание существенно отличается от предыдущего: в него вошел ряд новых документов, более полно представлены комментарии, введен раздел "Из прессы тех лет".

Бостон, 1993 Юрий Фельштинский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1926-1927 ГОДОВ

ИЗ ДНЕВНИКА (для памяти)¹

За революциями в истории всегда следовали контрреволюции. Контрреволюции всегда отбрасывали общество назад, но никогда - до той черты, с какой начиналась революция. Чередование революций и контрреволюций вызывается некоторыми основными чертами механики классового общества, в котором только и возможны революции и контрреволюции.

Революция невозможна без вовлечения широких народных масс. Такое вовлечение, опять-таки, возможно лишь в том случае, если угнетенные массы связывают надежды на лучшую судьбу с лозунгом революции. В этом смысле надежды, порождаемые революцией, всегда преувеличены. Это вызывается классовой механикой общества, ужасающим положением подавляющего большинства народных масс, объективной необходимостью сосредоточения величайших надежд и усилий для того, чтобы обеспечить даже и скромное продвижение вперед, и пр. и пр.

Но в этих же условиях заложен один из важнейших - и притом наиболее общих - элементов контрреволюции. Достигнутые в борьбе завоевания не соответствуют и, по существу, не могут непосредственно соответствовать ожиданиям широких отсталых масс, впервые пробужденных в ходе самой революции.

Разочарование этих масс, их возвращение к обыденщине, к безнадежности является таким же составным элементом пореволюционного периода, как и переход в лагерь "порядка" "удовлетворенных" классов или слоев, участвовавших в революции.

В тесной связи с этими процессами, в лагере господствующих классов параллельно развиваются процессы иного, в значительной мере противоположного характера. Пробуждение широких масс выбивает господствующие классы из привычного равновесия, лишает их как непосредственной опоры, так и уверенности, и тем дает возможность революции захватить гораздо больше, чем она впоследствии способна удержать.

Разочарование значительной части угнетенных масс в непосредственных завоеваниях революции и связанное с этим понижение политической силы и активности революционного класса порождают прилив уверенности у контрреволюционных масс, - как у тех, которые были опрокинуты революцией, но не добиты, так и у тех, которые содействовали революции на известном этапе, но дальнейшим развитием ее были отброшены в лагерь реакции.

6. Исходя из намеченной выше схемы, отражающей более или менее механику всех предшествовавших революций, попытаемся более конкретно рассмотреть те же вопросы применительно к условиям первой пролетарской революции, приближающейся к своему десятилетию.

Влияние империалистической войны, с одной стороны, и сочетание мелкобуржуазной аграрной революции с пролетарским захватом власти с другой, вовлекли в революционную борьбу невиданные и небывалые массы и тем самым придали самой революции невиданный

и небывалый размах.

Благодаря такому размаху революции и ее единственному в истории по решительности руководству, старые господствующие классы и учреждения обеих фракций-добуржуазной и буржуазной (монархия и бюрократия, дворянство, буржуазия) - подверглись полному политическому разгрому, который оказался тем радикальнее и прочнее по своим последствиям, что старые господствующие классы под руководством иностранного империализма в течение нескольких лет пытались опрокинуть диктатуру пролетариата вооруженной рукой.

Решительность разгрома старых господствующих классов является одной из гарантий против опасностей реставрации, причем значение и сила этой гарантии может быть правильно оценена лишь рядом с другими не менее важными обстоятельствами. Против монархическо-помещичьей реставрации важнейшей гарантией является непосредственная заинтересованность большинства крестьянства в сохранении за собою бывших помещичьих земель.

Милюковская идея чистой буржуазно-республиканской реставрации имеет своей задачей политически нейтрализовать крестьянство, привлекая верхи его (через блок с эсерами) на сторону реставрации.

10. Несомненно, что пролетариату удалось удержать свою власть и вместе с нею национализацию заводов и фабрик в течение 1918-1920 гг. только потому, что одновременно с ним крестьянство боролось против тех же врагов за захваченную у них землю. Борьба за сохранение национализированных фабрик и заводов гораздо менее непосредственно затрагивает крестьян, получавших пока что промышленные продукты по более дорогим ценам, чем при буржуазном режиме.

11. Именно исходя из этой оценки, Ленин² писал в 1922 году: "Мы "доделали" буржуазно-демократическую революцию так "чисто", как никогда еще в мире. Это - величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет... (Мы создали советский тип государства, начали этим новую всемирно-историческую эпоху, эпоху политического господства пролетариата, пришедшую на смену эпохе государства буржуазии. Этого тоже назад взять уже нельзя, хотя "доделать" советский тип государства удастся лишь практическим опытом рабочего класса нескольких стран). Но мы не доделали даже фундамента социалистической экономики. Это еще могут отнять назад враждебные нам СИЛЫ умирающего капитализма".

12. Вопрос о крестьянстве - пока наша революция остается изолированной - является для пролетариата по-прежнему центральным вопросом на всех этапах. Победа революции и размах этой победы обусловлены были сочетанием пролетарской революции с "крестьянской войной". Опасность реставрации (контрреволюции) определяется возможностью отделения крестьянства вследствие его незаинтересованности в сохранении социалистического режима в промышленности, кооперативного режима в области сбыта и пр. Как уже сказано, милюковская буржуазно-республиканская реставрация именно для того и пытается отделить свою судьбу от помещичье-монархической реставрации, чтобы облегчить отделение крестьянства от пролетариата.

Крестьянство - докапиталистический класс (сословие). При капитализме превращается в мелкого товаропроизводителя, в аграрную мелкую буржуазию. Военный коммунизм зажал мелкобуржуазные тенденции крестьянского хозяйства в экономические тиски. Нэп возродил противоречивые мелкобуржуазные тенденции крестьянства с вытекающей отсюда

возможностью капиталистической реставрации.

Соотношение промышленных и сельскохозяйственных цен (ножницы) должно явиться решающим фактором в вопросе об отношении крестьянства к капитализму и социализму. Экспорт сельскохозяйственных продуктов ставит внутренние ножницы под контроль мирового рынка.

Продукты нашей промышленности в 2-3 раза дороже мировых. Если внести поправку на качество, то выйдет, что наши промышленные продукты в 3-4 раза менее выгодны, чем продукты мирового рынка.

Сохранить монополию внешней торговли можно только изменяя это соотношение из года в год к выгоде для крестьян, т. е. индустриально догоняя капиталистический мир.

Это одно показывает всю несостоятельность теории, которая предлагает отвлечься от мирового рынка и рассматривать вопрос о построении социализма изолированно, в рамках одной страны.

15. Восстанавливая свое хозяйство как частный товаропроизводитель, покупая и продавая, крестьянство неизбежно воссоздает элементы капиталистической реставрации. Экономической основой их является заинтересованность крестьянства в высоких ценах на хлеб и низких ценах на продукты промышленности.

Политические элементы реставрации воссоздаются через торговый капитал, восстанавливающий связи внутри распыленного крестьянства, с одной стороны, между деревней и городом - с другой. Через посредство верхов деревни торговец организует стачку против города. Это относится, в первую голову, разумеется, к частному торговому капиталу, но в значительной мере также и к кооперативному, с его старым торговым персоналом и естественным тяготением к кулачеству.

Непосредственное экономическое и политическое значение помещичьей и буржуазной эмиграции, с точки зрения опасностей реставрации, само по себе совершенно ничтожно. Только в том случае, если бы указанные выше внутренние экономические и политические процессы достигли контрреволюционной "зрелости", могла бы произойти непосредственная "смычка" с эмиграцией, в частности, путем превращения этой последней в приказчию агентуру иностранного капитала. [Один уж анализ возможности и опасности реставрации показался бы бюрократическому тупице "маловерию", "скептицизмом" и пр. Но бюрократические тупицы для того и существуют на свете, чтобы облегчить работу реставрационных сил, мешая революционным элементам правильно оценивать эту работу и своевременно мобилизовать пролетариат для отпора им.]

Между экономическими процессами и их политическими выражениями проходят нередко многие годы. Ближайшие годы будут очень трудными именно потому, что успехи восстановительного периода ввели нас в систему мирового рынка и тем самым - на повседневном хозяйственном опыте крестьянина - обнаружили крайнюю отсталость нашей промышленности. Пройти через этот трудный период можно только при условии величайшей сплоченности пролетариата, его активности, способности его партии к решительным маневрам, для чего нужно безусловное сосредоточение диктатуры в ее руках.

Рабочий класс живет сейчас опытом восстановительного периода. Ряды пролетариата восстановились и пополнились. Жизненный уровень значительно повысился по сравнению с первым пятилетием революции.

Новый, только наметившийся этап, который грозит увеличить экономическую и политическую роль непролетарских элементов общества, еще почти не дошел до сознания

пролетарских масс.

Главная опасность партийного режима именно в том, что он игнорирует классовые опасности, замазывает их, борется против всякого указания на них, тем самым ослабляя бдительность и вооруженность пролетариата.

Было бы неправильным игнорировать тот факт, что пролетариат сейчас гораздо менее восприимчив к революционным перспективам и широким обобщениям, чем во время Октябрьского переворота и в первые годы после него. Революционная партия не может пассивно равняться по всякой смене массовых настроений.

Но она не может также и игнорировать перемену, поскольку эта последняя вызвана причинами глубокого исторического порядка. Октябрьская революция больше, чем какая бы то ни было другая, пробудила величайшие надежды и страсти народных масс, прежде всего пролетарских. После величайших страданий 1917-21 гг. пролетарская масса значительно улучшила снос положение. Она дорожит этим улучшением, надеясь на его развитие в дальнейшем. Но в то же время она увидела на опыте крайнюю медлительность процесса улучшения, который только теперь подвел ее к довоенному уровню жизни. Этот жизненный опыт имеет для массы, особенно для ее старшего поколения, неизмеримое значение. Она стала осторожнее, скептичнее, менее непосредственно откликаться на революционные лозунги, менее доверчива к большим обобщениям. Такое настроение, сложившееся после испытаний гражданской войны и успехов хозяйственного восстановления, - настроение, еще не нарушенное новыми сдвигами классовых сил, является основным политическим фоном партийной жизни. На это настроение опирается бюрократизм, как элемент "порядка" и "спокойствия". Об это настроение разбилась попытка оппозиции поставить перед партией новые вопросы.

22. Старшее поколение рабочего класса, проделавшее две революции или хотя бы одну последнюю, начиная с 1917 года, нервно истощено и в значительной своей части опасается всяких потрясений с перспективами войны, разрухи, голода, эпидемий и пр.

Именно на эту психологию значительной части рабочих, отнюдь не карьеристов, но отяжелевших, обросших семьей, рассчитано запугивание перманентной революцией. Употребляемая в этом смысле теория перманентной революции не имеет, разумеется, никакого отношения к старым, давно сданным в архив спорам, а означает попросту призрак новых потрясений: героических "вторжений", нарушений "порядка", угрозу завоеваниям восстановительного периода, новую полосу великих усилий и жертв. Запугивание перманентной революцией есть, по существу дела, спекуляция на обывательских и полуобывательских настроениях отяжелевшей части рабочего класса, в том числе и партийцев.

Совершенно такое же значение получил вопрос о стабилизации. Дело идет не столько о реальной оценке изменений капиталистической кривой, сколько о застрачивании перспективой потрясений. Сейчас перманентная революция и "отрицание" стабилизации представляют собою две стороны одной и той же монеты. И в том, и в другом случае дело идет о том, чтобы бесформенным обывательским настроениям дать консервативное оформление, направленное против революционных перспектив.

Молодое поколение, только сейчас поднимающееся, лишено опыта классовой борьбы и необходимого революционного закала. Оно не само ищет путей, как искало старшее поколение, а сразу попадает в обстановку могущественных партийных и государственных учреждений, партийной традиции, авторитетов, дисциплины и пр. Это до поры до времени

затрудняет молодому поколению самостоятельную роль. Вопрос о правильной ориентировке молодого поколения партии и рабочего класса получает гигантское значение.

25. Параллельно с указанными выше процессами в партийном и государственном аппарате чрезвычайно выросла роль особой категории старых большевиков, которые примыкали к партии или активно в ней работали в период 1905 года, затем отошли от партии в период реакции, приспособились к буржуазному режиму, занимали в нем более или менее видное положение, были оборонцами вместе со всей буржуазной интеллигенцией, вместе с нею же оказались вдвинуты в февральскую революцию, о которой в начале войны и не помышляли, были решительными противниками ленинской программы и Октябрьского переворота, но после победы или ее упрочения снова вернулись к партии, одновременно с тем, как буржуазная интеллигенция прекращала саботаж. Эти элементы, мирившиеся более или менее с Третьеиюньский режимом, по самому существу своему могут быть только элементами консервативного порядка. Они -за стабилизацию вообще и против оппозиции вообще. В их руках находится в значительной мере воспитание партийного молодняка.

Такова совокупность обстоятельств, которые за последний период партийного развития определили* перестройку партийного руководства и передвижку партийной политики вправо.

Официальное одобрение теории социализма в одной стране означает собою теоретическое освящение происшедших сдвигов и первый открытый разрыв марксистской традиции.

Элементы реставрации заложены: а) в положении крестьянства, которое не хочет помещика, но материально еще не заинтересовано в социализме (отсюда важность политической связи с беднотой); б) в настроениях значительных слоев рабочего класса, в снижении революционной энергии, в усталости старшего поколения, в повышении удельного веса консервативных элементов.

Противодействующие реставрации тенденции: а) страх мужика перед тем, что помещик как ушел с капиталистом, так и вернется вместе с ним; б) фактическое сохранение власти и важнейших средств производства в руках рабочего государства, хотя бы и с крайними извращениями; в) фактическое сохранение руководства государством в руках коммунистической партии, хотя бы и преломляющей в себе молекулярную передвижку классовых сил и сдвиг политических настроений.

Из сказанного вытекает: говорить о термидоре как о совершившемся факте было бы грубым искажением действительности. Дальше внутрипартийных репетиций и теоретической подготовки дело не пошло. Материальный аппарат власти не сдан другому классу.

26 ноября 1926 г.

ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ (для памяти)

1 "Есть ли какие-либо экономические рецепты для преодоления всех противоречий, отвращения всех опасностей и разрешения всех стоящих перед нами задач?"

Вопрос неправильно поставлен. Если бы такие рецепты были, это значило бы, что можно построить социализм в одной стране.

Обстановка данной стадии переходного периода - в условиях так называемой мировой "стабилизации" - глубоко противоречива.

Наши задачи в порядке важности следующие:

а) сохранить подлинно ленинскую партию как революционное оружие пролетариата; поэтому не скрывать от нее противоречий и опасностей, наоборот, воспитывать ее на познании их (отбор революционеров);

б) маневренной политикой - на основном классовом стержне - сохранить диктатуру пролетариата как можно дольше, связав ее с началом пролетарской революции в Европе (отсюда: определенное отношение к кулаку, нэпману, бюрократу, с одной стороны, к бедноте - с другой; отношение к середняку - под критерием определенного отношения к бедняку и кулаку);

в) как можно дальше продвинуться тем временем по пути социалистического строительства. Это требует: ясного понимания взаимозависимости нашего и мирового хозяйства; правильной оценки внутренних ресурсов и умелого их использования в сочетании с ресурсами мирового рынка. Критерием является не так называемая "независимость", а темп.

2. Соотношение классовых сил в настоящий период. Относительный рост социалистических элементов хозяйства в промышленности и торговом обороте.

Абсолютный рост капиталистических элементов в промышленно-торговой области (при относительном их снижении). В сельском хозяйстве - не только абсолютный, но и относительный рост кулацких и фермерско-капиталистических элементов хозяйства. В итоге социалистический фактор отстает от народного хозяйства в целом (диспропорция, ножницы). В политике это уже привело к значительному изменению соотношения сил в ущерб пролетариату.

Понижение классового самочувствия пролетариата, несмотря на культурный рост. Причины этого: ножницы цен, безработица, медленный рост зарплаты, быстрый рост алкоголизма. Перевес центробежных тенденций над центростремительными чрезвычайно усиливается бюрократизмом.

Рост политической активности мелкобуржуазных и средне-буржуазных элементов города и деревни. У этих вчера еще правивших классов политические претензии, естественно, обгоняют экономический базис. Снижение классовой линии пролетариата питает их самоуверенность и порождает иллюзии (которые останутся иллюзиями лишь в той мере, в какой партия (поймет опасность и сумеет вовремя мобилизовать пролетариат для защиты угрожаемых позиций).

Сравни: Неявка на нынешнюю партперепись (опасность войны). Партнеделя во время денкинской опасности. Пленум ЦК и съезд научных работников.

3. Ближайшая политическая перспектива.

Неизбежное нарастание классового нажима справа. Нажим может сопровождаться отдельными острыми толчками. Захлестывание некоторых частей оправа. Милюков[5] - Устрялов[4] - Каминский[5].

Отличать политические сдвиги классов и их внешнее официальное преломление (избирательные инструкции, налоговая политика, отношение к спецам и пр.).

Исключительно важно наблюдать за всеми симптомами напора справа, подчеркивать, разъяснять, предупреждать, готовить к отпору. Это основная линия нашего прогноза.

Нарастание нажима неизбежно усилит центростремительные тенденции в пролетариате. Перспектива получает на ближайший период "оборонительный" характер с неизбежностью дальнейшего перерастания в наступление. Этой задачи - подготовки классовой обороны через революционно-пролетарское ядро партии - не понимают нынешние "ультиматисты". Дать им в настоящих условиях мизинец значило бы погубить дело.

С другой стороны - ликвидаторские элементы оппозиции, откалывающиеся от своей линии теперь, когда правота ее подтверждается каждым днем, неизбежно будут отброшены в крайнее правое крыло. По отношению к ним обязательно непримиримое отмежевание. Мы можем и должны равняться по партийному массовику, который живет инерцией вчерашнего дня и которому создавшаяся обстановка мешает понять политические сдвиги в стране и партии; но у нас не может быть никаких точек соприкосновения с "оппозиционерами" из обиженных сановников и полусановников, которых пугает необходимость длительной и строго партийной борьбы за выправление линии.

ВОПРОС О СНИЖЕНИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЦЕН

Как мы предсказывали в апреле 1926 г., диспропорция за последний год не уменьшилась, а выросла. "У нас за этот год получается большое расхождение ножниц и даже большие расхождения цен при росте промышленности, чем в прошлом году" (Микоян)[6]. Реальное и длительное снижение промышленных цен может быть достигнуто только путем изменения соотношения товарных масс (увеличение промтоваров при снижении себестоимости) .

Что наша общая стратегическая линия идет на снижение цен, совершенно бесспорно для всех нас, несмотря на противоположные официозные утверждения. Вся нынешняя экономическая обстановка сделала снижение цен тактически неотложной задачей.

Без изменения всех основных ценообразующих и вообще хозяйственных факторов снижение промышленных цен рискует, до известной степени, остаться ударной мерой политического характера. Большой или меньший успех этой меры может смягчить недовольство рабочего в отношении зарплаты и недовольство покупателя-крестьянина. Уже это одно делает необходимым самое решительное, последовательное и добросовестное проведение постановления пленума.

Но проведение снижения как изолированной меры в ударно-административном порядке, без параллельных мер налогового, бюджетного, промышленного и пр. порядка, может привести в дальнейшем к увеличению диспропорции. Несколько сот миллионов могут перейти из государственного в частное хозяйство. В результате даже в случае полного доведения 10% снижения до потребителя задача финансирования промышленности может

встать перед нами еще острее, чем сейчас. В этом случае пришлось бы, в интересах развертывания промышленности, вернуть ей утерянные ею средства, так как по каналам товарного оборота к ней вернется только часть их. Вернуть промышленности сотни миллионов можно двояко: либо через бюджет и кредит, либо через новое повышение отпускных цен.

При данной структуре бюджета помощь через бюджет может повести к новым налогам, акцизам и пр. Это опять-таки может повести к повышению себестоимости, к недостаточному увеличению товарных масс и к задержке дальнейшего снижения цен или даже к повышению их. А это, в свою очередь, может повести к дальнейшему ухудшению взаимоотношений с сельским хозяйством, прежде всего, к сужению базы сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, несогласованное со всей экономической политикой ударно-административное снижение цен, даже в случае полной практической удачи, т. е. действительного снижения до 1 июня розничных цен на 10%, может смениться в дальнейшем новой полосой повышения цен или их стабильности.

Вот почему, всемирно поддерживая проводимую кампанию, следя за правильностью ее проведения другими, не допуская здесь никаких уловок, добросовестно освещая ход кампании на собраниях и в печати, словом, всемерно содействуя успеху решения последнего пленума, - ни в коем случае недопустимо просто плыть по течению, поддерживая широко распространенные административные иллюзии и впадая в экономическую вульгарщину; необходимо спокойно, деловито и настойчиво готовить сознание партии к пониманию связи главных хозяйственных процессов и вытекающей из них основной задачи: ускорения темпа промышленного развития и увеличения промышленных товарных масс как единственного пути к систематическому, а не ударному только снижению цен.

ВОПРОС О КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

Впервые на пленуме обнаружилось из всего сочетания обстоятельство, что вопрос о капитальных вложениях есть вопрос многолетних конструктивных замыслов, т. е. планов нового типа, вытекающих из самостоятельного социалистического строительства. В виде годовых колонок ВСНХ пленум столкнулся с выражением экономического хвостизма. Отклонив в апреле поправку о необходимости конструктивного планирования на несколько лет, пленум спустя десять месяцев принял постановление о том, что программа капитальных работ будущего года должна составлять часть пятилетнего плана. Таким образом, в отношении нового планирования потерял год, что неизбежно означает утерю многих миллионов.

В апреле же было отклонено предложение о немедленном назначении контрольной цифры капитальных работ на 1926/27 г. в 1 миллиард. Спустя десять месяцев, накануне строительного сезона, назначена цифра в 947 миллионов. Запоздалое назначение годовой суммы ставит ее в значительной степени под знак вопроса и во всяком случае обойдется стране в новые миллионы накладных расходов.

На апрельском пленуме Днепрострой объявляется граммофоном[7]. Спустя несколько месяцев решено приступить к его постройке уже в текущем году.

На этих примерах (и на других, не менее ярких) можно без труда показать, что господствующий эмпиризм (вульгарное отвращение и экономическому предвидению и

плановым замыслам) означает на практике беспомощный хвостизм и дорого обходится народному хозяйству.

19 февраля 1927 г.

ВЫСЫЛКА ТРОЦКОГО

СЕКРЕТАРЮ ЦИК СССР

Сим извещаю, что в связи с состоявшимся обо мне решением я вчера, 14 ноября, выселился из занимавшейся мною до сих пор квартиры в Кремле. Впредь до того, как найду себе постоянную квартиру, я временно поселился в квартире т. Белобородова[8] (ул. Грановского, 3, "в. 62). Ввиду того, что мой сын заболел, жена и сын останутся в Кремле еще в течение нескольких ближайших дней. Надеюсь, что квартира будет освобождена окончательно не позже 20 ноября.

15 ноября 1927 г. Л. Троцкий

ОПТУ - ЦИК СССР

Телеграмма

Когда меня арестовывали в разных странах, то не прикрывались обманом. ГПУ же нагромождает путаницу и обманы. Мне было заявлено, что я еду в среду вечером. А захватили во вторник утром без вещей и необходимых лекарств. В письменном объявлении сказано было, что меня препровождают в г. Алма-Ата, а по пути изменили на Ташкент, откуда, очевидно, направят в более отдаленный пункт. Таким образом, еду с больной женой без белья, без лекарств и без надежды получить их вскоре, тем более, что для досылки по почте мною дан адрес на Алма-Ату.

18 января 1928 г.

Самара (в пути). Троцкий

"СВИДЕТЕЛЬСТВО" КИШКИНУ

Если оставить в стороне контрреволюционный характер ссылки меня по 58 ст., а также возмутительные условия отправки меня и моей семьи из Москвы, зависевшие, очевидно, не от конвойной команды и ее начальника гр. Кишкина, то в отношении следования по железной дороге я не имею никаких претензий к гр. Кишкину, который для облегчения мне и моей семье следования сделал все, что мог в рамках данного ему свыше поручения.

21-22 января

Станция Туркестан Л. Троцкий

Телеграмма[9]

Москва Копия Менжинскому[10]

Два чемодана [с] книгами [и] бельем утеряны [на] участке Фрунзе -Алма-Ата без Кишкина. Лекарства бывшие [в] ящике действительно сохранились. Конвойные Аустрин [и] Рыбкин прекрасно знают [об] утрате чемоданов. Пытались ошибочно заменить их

чемоданами других пассажиров[11]. Обязались возместить пропавшее, взяли списки утерянных вещей. Отрицание Кишкина неуместно.

Троцкий

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОГПУ МЕНЖИНСКОМУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК КАЛИНИНУ¹²

Телеграмма

Высылка меня семьей предполагала наличие жилья. Между тем все квартиры Алма-Ате забронированы. Местное ГПУ никакого содействия не оказывает. Мы поселены ГПУ [в] гостинице [в] условиях близких тюремным. Питаемся ресторанной пищей, губительной для здоровья. Не имеем возможности извлечь белье [и] книги из багажа [за] отсутствием помещения. Оплата гостиницы [и] ресторана нам совершенно не по средствам. Необходима достаточная квартира [с] кухней.

31 января 1928 г.

Алма-Ата Троцкий

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦКК ОРДЖОНИКИДЗЕ[13]

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК КАЛИНИНУ

НАЧАЛЬНИКУ ГПУ МЕНЖИНСКОМУ

Телеграмма

Нач. ГПУ препятствует выехать на охоту, отказывается дать письменное постановление. Это равносильно замене ссылки арестом. По-прежнему живу [с] семьей [в] гостинице. Квартира от ведена без отхожего места [с] разрушенной кухней зато возле ГПУ исключительно для удобства последнего. Условия тюремного заключения можно создать в Москве незачем ссылать [за] 4 тысячи верст.

Февраль 1928 г. Троцкий

ПИСЬМО СМИРНОВУ[14]

Дорогой Иван Никитич!

Сегодня получил Вашу открытку и сегодня же отправил Вам телеграмму. Ваше письмо первое, какое я вообще здесь получил. То ли почта относится внимательнее к бывшему Наркомпочтелю, то ли другие причины, не знаю... Немедленно по приезде сюда написал Вам в Зангезуры открытое письмецо. Написал и всем другим отшельникам, адреса которых мне известны, но ответов еще нет. Почта здесь вообще медлительна, а сейчас к тому же февральские снежные заносы. От Раковского[15], Каспаровой[16], Сосновского[17] и Муралова[18] имел ответные телеграммы. Они все осели, чувствуют себя бодро и работают: Сосновский и Муралов в плановых органах, насчет Раковского - не знаю. От Серебрякова[19] из Семипалатинска ответа на телеграмму не получил: не переотправили ли его в другое место? Не получил ответа и от Радека[20] - "за неуказанием адреса": очевидно, Радек не бывал еще на своем телеграфе, а может, и его направили в другое место?

Ваше приглашение в Новобаязет очень заманчиво, но осуществление его связано с трудностями. Путешествие сюда было весьма утомительным, да еще в довершение всего спутники умудрились потерять по дороге два наших чемодана, один - с наиболее для меня нужными и ценными книгами... Судя по технике этого письма, Вы можете, пожалуй, подумать, что я здесь со своим секретарем. Но это совсем, совсем не так, и даже очень не так". Машинка, правда, со мною. Но работу на ней приходится организовывать на новых началах.

Рыбная ловля, как и охота, имеются и здесь, так что я могу вернуть Вам Ваше любезное приглашение. Хотя живем здесь уж скоро три недели, но я еще не охотился. Причин к тому много, но главная, пожалуй, - повышенная температура, которая не покидает меня с пути. Наталии Ивановне[21] и Леве[22] приходится очень много хлопотать, т. к. мы до сих пор не устроились еще на квартире, а живем в гостинице гоголевских времен.

Вы, конечно, читали письмо в редакцию двух мушкетеров[23]. Трудно представить себе документ более жаленький и дряненький. Теперь оказывается, что группа "Против течения" наиболее далека от большевизма. От какого большевизма? От того, который два злополучных мушкетера до вчерашнего дня проповедовали, или от того, на который они нападали? Об этом молчок, да и не мудрено: ибо ведь на умолчании о самом существовании вопросов, составляющих предмет спора, и построен весь этот льстиво-похотливо-лебезящий документ.

Международная обстановка и международное революционное движение обещает в близком будущем много нового и много важного. "Правда" права, когда говорит: "Полоса некоторой апатии и придавленности, наступившая после поражения 1923 года и позволившая германскому капиталу укрепить свои позиции, начинает проходить" (28 января 1928 г.) Теперь такого рода утверждение-насчет апатии и придавленности с конца 1923 года - повторяется на каждом шагу. А ведь в свое время те, которые не понимали смысла и значения поражения 1923 года, обвиняли в ликвидаторстве тех, которые уже в конце 1923 года предсказывали неизбежность наступления полосы некоторой "апатии и придавленности". Без понимания международного характера этой полосы нельзя понять как

следует и наши внутренние дела. В Англии поражение 1923 года отразилось слабее, чем на континенте, и там волна нового подъема началась в 1926 году, но оборвалась своим собственным поражением. Глубже всего последствия поражения 1923 года были, разумеется, в самой Германии и, пожалуй, у нас. "Правда" права, когда говорит, что в Германии апатия и придавленность начинают проходить. К сожалению, у меня нет здесь немецкой периодической печати, как и вообще нет иностранных газет. А между тем сейчас необходимо следить за ними более, чем когда бы то ни было, т. к. международные вопросы всем ходом событий выдвигаются на передний план...

В свете новых событий полезно перебрать в голове старые спорные вопросы. Оценка внутреннего положения Европы после поражения 1923 года связывалась у нас с вопросом о роли Америки в Европе. Сейчас уже приобрел прочность предрассудка тот взгляд, что рассматривать судьбы Европы без учета роли Соединенных Штатов - значит писать счет без хозяина. Так называемая "нормализация" Европы была достигнута на американских помочах. На этой основе возродилась социал-демократия - с ее новой (ныне уже выдохшейся) религией американского демократического пацифизма. Европейский пролетарский авангард был бы гораздо сильнее сейчас, если бы предвидел всю эту полосу апатии, придавленности, "американизма" и пацифизма, т. е. если б ему не внушали, что такое предвидение есть ликвидаторство. В этом и состояла основная ошибка Пятого конгресса. Ошибки руководства Маслова[24] - Рут [Фишер][25] имели уже производный характер. Люди думали, что ступеньки ведут вверх, а не вниз, и поднимали ноги, вместо того, чтобы их опускать: в таких случаях неизбежно расшибают себе нос. Период спуска, снижения волны и укрепления социал-демократии в рабочем классе длился в Германии, по оценке "Правды", в течение четырех лет. Только теперь он "начинает проходить", а ведь мы таких долгих сроков не называли... правда, срок удлинился благодаря неправильной оценке эпохи и вытекшей отсюда неправильной стратегической установке...

Сейчас Америка в гораздо большей мере хозяин Европы, чем четыре года тому назад, когда у нас впервые этот вопрос теоретически ставился. В самом американском котле накопилось, однако, слишком много паров. Конечно, финансовое могущество Соединенных Штатов и их трестовская организация дают возможность "планирования" и "регулирования" в небывалых размерах (для капитализма). Это позволяет смягчать частные кризисы, оттягивать их и тем - накапливать противоречия. По-видимому, дело теперь подошло в Соединенных Штатах к общему торгово-промышленному и вообще хозяйственному кризису. Какова будет его глубина, острота и длительность, предсказывать трудно. Но совсем нетрудно предсказать, что Америка будет выправлять свою линию за счет Европы, а это значит, в первую голову, за счет Англии. Англо-американский антагонизм уже сейчас выступил наружу из-под слегка маскировавших его форм "сотрудничества". В ближайший период этот антагонизм будет осью мировой политики. А это означает для Европы все, только не "демократический пацифизм". Вся задача теперь в правильной оценке как всего процесса в целом, так и каждого его очередного этапа в отдельности. В ближайшие годы международный фактор будет господствовать над всем.

В Индии как будто подготавливаются значительные события. Должен, впрочем, признаться, что Индию я знаю очень мало, гораздо меньше даже, чем Китай, над которым сейчас главным образом сижу. На беду книжки об Индии лежали в утерянном чемодане. Я делаю сейчас попытку получить из Москвы новую пачку книг. К сожалению, все это связано теперь с немалыми трудностями, особенно в смысле потери времени.

Насколько понимаю, почта от Вас сюда идет через Баку - Красноводск. Если это так, то мы с Вами может оказаться более близкими соседями, чем с Москвой. Впрочем все это еще подлежит эмпирической проверке.

[Вторая неделя февраля 1928 г.]

ПИСЬМО ЕДИНОМЫШЛЕННИКУ

Две недели, как мы прибыли в Алма-Ату. Землетрясений пока что не было, но обещают. Равным образом не было и наводнений. Но резерв для наводнений держится всегда наготове в виде Иссыкского озера, которое возвышается над городом, подобно громадной чаше с водою, и в любое время может быть опрокинут" на спину обитателя. Впрочем, эти явления пока еще только в перспективе. Живем в гостинице "Джетысу", что значит Семиречье, - в ужасающем хаосе, который хотя и не является результатом землетрясения, но очень напоминает последнее. Квартира нам уже отведена, и дня через 2-3 мы в ней водворимся. Впрочем, ненадолго, т. к. в мае собираемся во что бы то ни стало перебраться выше в горы, так называемые сады: в городе, как говорят, жестокая жара, а главное - совершенно невыносимая пыль.

С городом я совершенно не знакомился, т. к. сидел почти все время безвыходно с повышенной температурой. Охотой интересовался пока что только теоретически. Хищническое ведение охоты за последние годы сильно поубавило дичи. Тем не менее дичь здесь, как говорят, есть и - главное - отмечается чрезвычайным разнообразием: от перепела и стрепета до барса и тигра. Тигры, впрочем, довольно далеко отсюда, на Балхашском озере, и непосредственной опасности им от меня не угрожает.

До настоящего момента я успел по телеграфу снестись с Раковоким, Сосновским, Каспаровой и Мураловым. Все они благополучны и приступили к работе, по-видимому, все "планируют". От Серебрякова я ответа еще не получил, телеграфировал ему в Семипалатинск. Неужели же он не там? От Радека из Ишима я также не получил ответа на свою телеграмму, посланную, правда, только вчера: возможно, что он, ввиду своеобразия своего рода жизни, до сих пор еще моей телеграммы попросту не вскрыл... Написал я с десяток, а то полтора открыток в разные места. Но писем еще ниоткуда не получал. Почта приходит сюда из Москвы то на 9-й, то на 12-й, то на 15-й день, в зависимости от состояния пути между Пишпекком и Алма-Ата. Из 2-х газет, на которые я подписался при отъезде ("Правда" и "Экономическая жизнь"), я получаю только последнюю. Местная газетка "Джей-тысуйская искра" выходит 3 раза в неделю. Между Алма-Ата и Пишпекком существует воздушное сообщение, которое перевозит письма по особому тройному тарифу. Газеты же идут гужевым путем.

Книг своих я почти не разобрал. Занимался все это время главным образом Китаем. К сожалению, один чемодан наиболее для меня нужных книг потерял при перевозке и, несмотря на все принятые меры, до сих пор не найден: в этом чемодане были новейшие книги по Китаю, а также ценные географические карты. Не знаю, какое применение найдет это имущество в степях Казахстана. Впрочем, может быть, книги о Китае ушли в Китай, т. к. через Алма-Ату проходит тракт на Кульюжу, и по тракту не редкость встретить китайские двуколки на высоких колесах. Как Вам, вероятно, известно, Алма-Ата находится в сердце Азии.

Письмо двух покойничков[26] в редакцию доставило мне несколько минут веселого настроения. Они занимаются трусливо жалким переложением редакторской статьи, которая сопровождала в свое время опубликование двух документов... Думаю, что они основательно вышли в тираж...

Международное положение сейчас требует величайшего к себе внимания. До сих пор стабилизационный процесс упирался преимущественно в препятствие второго порядка, выросшее непосредственно из империалистической войны. Над этими препятствиями капитал одержал ряд серьезных побед, и именно это дало ему возможность подняться и оправиться (конечно, необходимейшим условием для этих экономических побед капитала явился ряд политических поражений пролетариата), но теперь стабилизационный процесс чем дальше, тем больше упирается в основные противоречия, в те самые, которые породили последнюю империалистическую войну. За последнее десятилетие международные отношения обострились и смягчались эпизодически. Сейчас мы входим в поло-су систематического и планомерного обострения международных отношений. На первом месте стоят, конечно, отношения Великобритании и САСШ[27]. Этот фактор становится основным - я говорю об антагонизме Англии и САСШ. В Америке надвинулся, по-видимому, серьезнейший торгово-промышленный кризис. При финансовом и вообще могуществе Соединенных Штатов этот кризис неминуемо вызовет бешеную волну империализма, а значит, и военно-морских сооружений. Англия уже в ближайший период будет поставлена перед альтернативой: окончательно стать на колени перед Америкой или воевать. Какой бы путь она ни выбрала, он будет означать для нее неизбежность величайших социальных потрясений. Что касается остальной Европы, то она будет плясать под музыку англо-американского антагонизма-подобно тому, как карась пляшет на сковородке. Отсюда вытекает, что в революционных ситуациях недостатка в ближайшие годы не будет. Весь вопрос в умелом использовании этих: ситуаций...

Главные затруднения для меня в работе над международной обстановкой состоят в отсутствии иностранной периодической печати. Может быть, впрочем, удастся с течением времени наладить получение хотя бы важнейших мировых газет (запоздание на месяц и даже более, в конце концов, терпимо). Второе препятствие, как Вы, вероятно, знаете, состоит в том, что я остался без своего секретаря. Приходится налаживать техническое сотрудничество на новых началах. К счастью, машин [к] у я с собой привез сюда, и, опять-таки к счастью, ее не потеряли в дороге.

[Февраль 1928 г.]

ПИСЬМО ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ

Вкратце сообщу вам обо всех происшествиях со времени нашего отъезда из Москвы. Про самый отъезд вы, вероятно, уже знаете. Выехали мы с Казанского вокзала экстренным поездом (паровоз и один наш вагон) и догоняли скорый поезд, который был задержан в общем часа на полтора. Присоединили наш вагон к скорому поезду на 47-й версте от Москвы. Здесь мы простились с Франей Викторовной Белобородовой и с Сережей (младший сын), которые провожали нас. В вагоне мы оказались совершенно без вещей. В результате бесконечных телеграмм вещи послали все. Нагнали нас вещи только на седьмой или восьмой день, уже в Пишпаке (Фрунзе). Ехали мы так долго вследствие снежных заносов. Из Пишпека выехали на грузовике. По дороге изрядно озябли. Через Курдайский перевал ехали на телегах, это верст тридцать. Дальше опять на автомобиле, высланном навстречу из Алма-Аты. Вещи шли следом в грузовике, причем сопровождающие умудрились потерять два чемодана с наиболее нужными вещами: погибли мои книги о Китае, Индии и прочие. Приехали мы в Алма-Ату ночью 25 января, поместили нас в гостинице. Должен по чистой совести признать, что клопов не оказалось. В общем жить в гостинице было очень гнусно (говорю об этом, потому что "самокритика" теперь официально признана необходимой). Ввиду предстоящего в апреле переезда сюда казахстанского правительства все квартиры здесь на учете. Началось то, что вежливо называется волокитой. В результате телеграмм, посылавшихся мною в Москву по самым высокопоставленным адресам, нам, наконец, после трехнедельного пребывания в гостинице, предоставили квартиру. Пришлось покупать мебель, восстанавливать разоренную плиту и вообще заниматься строительством, правда, во внеплановом порядке. Строительство не закончено и по сей день, ибо честная советская плита не хочет нагреваться. Еще в пути у меня возобновилась температура, которая и здесь вспыхивает время от времени. В общем я чувствую себя вполне удовлетворительно.

Когда появилось в газете письмо двух злополучных мушкетеров, я в который раз уже вспомнил пророческие слова Сергея: "Не надо блока ни с Иосифом, ни с Григорием, - Иосиф обманет, а Григорий убежит"[28]. Григорий действительно убежал. Тем не менее блок оправдал себя постольку, поскольку это был блок передовых московских и питерских рабочих. Бедняги мушкетеры рассчитывали, видимо, что после их жалкого и глупого письма их будут щадить. Не тут-то было: "Правда" любезно публикует отповедь Маслова, которая бьет не в бровь, а в глаз. При многих других больших минусах есть по крайней мере тот плюс, что мнимые величины выходят из игры, надо думать, выходят навсегда.

Я здесь много занимаюсь Азией: географией, экономикой, историей и прочее. Получаю пока только две газеты: "Правду" и "Экономическую жизнь". Читаю с прилежанием. Ужасно не хватает иностранных газет. Я уже писал кое-куда с просьбой переслать, хотя бы и не вполне свежие газеты. Почта доходит сюда вообще с большим опозданием и крайне неправильно. Сперва была полоса снежных заносов. Затем оказалось, что конная почта между Пишпеком (Бишкеком. - Ред.) и Алма-Атой налажена неправильно. Местная газета "Джетысуйская Искра" (выходит три раза в неделю). Обещают, что почтовые неурядки будут "изжиты", так как приступлено к переговорам с новым подрядчиком. Одним словом,

"налаживается".

Чрезвычайное внимание привлекают к себе события в Индии. Экономической основой их является, по-видимому, глубокий кризис индийской промышленности, которая быстро поднялась во время империалистической войны, а теперь вынуждена отступать под натиском иностранных, в особенности японских, товаров. Это-то, по-видимому, и придает большой размах национально-революционному движению. Крайне не ясна роль индийской компартии.

В газетах были телеграммы о выступлениях в разных провинциях "рабоче-крестьянских партий". Самое название порождает законную тревогу. Ведь и Гомиьдан[29] был объявлен в свое время рабоче-крестьянской партией. Как бы не оказалось все повторением пройденного.

Англо-американский антагонизм прорвался наконец серьезно" наружу. Теперь это основной фактор мирового положения и мировой политики. Наши газеты весьма упрощают, однако, вопрос, когда изображают дело так, будто англо-американский антагонизм, непрерывно обостряясь, приведет непосредственно к войне. Можно не сомневаться, что в этом процессе будет еще несколько* крутых переломов. Слишком грозной штукой явилась бы война для обоих партнеров. Они еще сделают не одно усилие для соглашения и умиротворения. Но в общем развитие гигантскими шагами идет ,к кровавой развязке.

Я сейчас перевожу для института Маркса³⁰ и Энгельса³¹ книгу Маркса "Господин Фогт". Чтоб опровергнуть дюжину клеветнических утверждений Фогта³², Маркс написал памфлет почти в двести страниц убористого шрифта, собрав документы, свидетельские показания, разобрал прямые и косвенные улики... Что если бы мы стали опровергать клевету в таком же масштабе? Пришлось бы издать тысячетомную энциклопедию. Ведь совсем недавно провозглашено было: разбили, разгромили, довольно полемики, - прямой переход к практическому строительству, а вместо этого открыта новая глава полемики, причем на сей раз, чтобы не повторять старого репертуара, приходится полемизировать против числа чемоданов и ящиков (преувеличив их втрое для красоты слов) и против охотничьей собаки. Моя милейшая Мая совсем даже и не подозревает, что попала в большую политику.

Кстати, об охоте. Ехал я сюда с несколько преувеличенным представлением о богатстве здешней дичи. За последние годы ее немилосердно истребляли. Конечно, дичи немало и теперь, на ехать надо за десятки верст. Я до сих пор ни разу еще не выезжал на охоту. Лева раз ездил верст за 25, но безрезультатно (правда, они там проспали утреннюю зарю). Дней через восемь-десять здесь должен начаться весенний пролет. Тогда я поеду на реку Или, впадающую в озеро Балкаш (прошу не забывать, что я живу под Китаем): там, говорят, много пролетной дичи. У самого Балкаша водятся барсы и даже тигры. С последними я намерен заключить конвенцию о взаимном ненападении.

Я упомянул уже о медленности почтовых сношений. Муралов написал письмо 24 января (он мне об этом телеграфировал). Сегодня уже 27 февраля, а письма Николая Ивановича я до сих пор не получил. Телеграммами успел обменяться со всеми друзьями, только от Серебрякова не получил ответа. Писем же не получил ни от кого, за исключением открытки, посланной Сибиря-ковым[33] с пути.

Квартира наша расположена в центре города, то есть в очень плохой его части. Мы собираемся к маю-апрелю переселиться в так называемые сады- это выше, в горах и климат там несравненно более здоровый. Погода здесь уже весенняя, снег стаял почти весь (его в этом году было необычно много).

27 февраля 1928 г.

ПРЕД. ГПУ МЕНЖИНСКОМУ

Копия начальнику Алма-Атинского ГПУ Иванову

Телеграмма

Месяц назад ГПУ запретило охоту. Две недели назад сообщило разрешение. Теперь заявило ограничение 25 верстами, где охоты нет. Это равносильно запрещению охоты. Полагая, что здесь явное недоразумение, сообщаю, что собираюсь на охоту в Илийск, 70 верст. Прошу соответственных общих указаний местным властям во избежание бесцельных столкновений.

6 марта Троцкий

НАЧАЛЬНИКУ ДЖЕТЫСУЙСКОГО ОТД. ГПУ

Считаю нужным сообщить вам, что я прервал охоту ввиду того, что формы наблюдения за мною имели слишком демонстративный характер и стали предметом широких толков. Я не собираюсь, разумеется, отрицать ваше право вести наблюдение за административно-ссылным. Но полагаю, что это наблюдение могло бы быть организовано менее кричащим образом, без всякого ущерба для его действенности. Разумеется, эти мои соображения отпадают, если Джетысуйский ОГПУ и в отношении форм наблюдения связан определенными директивами Москвы.

17 марта 1928 г.

Алма-Ата Л. Троцкий

ПИСЬМО[34]

ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ[36], МУРАЛОВУ, РАКОВСКОМУ

Сейчас весна начинается как будто по-настоящему - это, впрочем, в третий или четвертый раз. Первая "весна" началась чуть ли не полтора месяца тому назад, король здешних садоводов Моисеев, засучив рукава, провозгласил было официальное открытие весны, но выпал снег, ударили морозы и радикально отменили весну. Недели две спустя она снова сделала было довольно яркую попытку проявиться - во время этой второй попытки мы севой ездили на охоту. (Об этом я вам уже писал.)

По возвращении мы провели в Алма-Ате около недели и отправились на охоту вторично с твердым намерением использовать весенний сезон до конца. На этот раз мы взяли с собой палатки, кошмы, шубы и пр., чтобы не ночевать в юртах, откуда мы прошлый раз вывезли большое количество совсем не предусмотренной нашими охотничьими планами "дичи" .. Но снова выпал снег, и снова ударили морозы. Мы провели на охоте в этих условиях девять суток. Эти дни могут быть названы днями великих испытаний. Ночами мороз доходил до 8-10°. Тем не менее, мы 9 дней и 9 ночей не входили в избу. Благодаря теплоте белья и обилию теплой верхней одежды мы почти не страдали от холода. У меня была с собой даже походная кровать, а остальные спали на кошме, покрывающей слой камыша. Сапоги за ночь замерзли и их приходилось оттаивать над костром, иначе они не входили на ноги. Первые дни охота развертывалась на болоте. У меня на кочке был устроен скрадок (шалашик), в котором я проводил 12-14 часов в сутки. Лева стоял прямо в камышах под деревьями. В первые два дня утка еще летала, а дальше показывалась лишь на больших дистанциях: по утрам и по вечерам огромное количество уток разных пород проносилось над нами в противоположных направлениях - на недосягаемой в большинстве случаев высоте. Крайне недружная весна со снежными перебоями сбивала с толку и птицу, и охотников. На четвертый или пятый день мы стали подумывать о том, не возвращаться ли нам восвояси. Но один из спутников предложил достать лодку и попытаться счастья на большом озере Акмалы, где обыкновенно сосредотачивается вся перелетная утиная, гусиная и лебединная братва. Сказано - сделано, из соседнего Илийска (охота и на этот раз происходила в районе Илийска, на разливах реки Или) доставили лодку, и мы табором перекочевали с болота на озеро, верст, примерно, за десять. Эта кочевка связана была с приключениями. Палатки, кошмы, и пр. нагрузили на верблюда, и я, признаться, впервые наблюдал вблизи работу вьючения. Мы поехали в кибитке. Но пришлось переезжать через быструю степную речку с изменчивым руслом и дном - Карасук. Решили переезжать через воду верхом. Лошадь уже благополучно пересекла быстрину и приближалась к берегу, но попала задней ногой в яму и после неуверенной попытки легла в воду. На этой лошади я и сидел. К счастью, приключение совершилось на неглубоком уже месте, но вода была очень холодная. Опять-таки к счастью, в течение двух-трех часов в этот день грело яркое и очень теплое солнце, так что, выскочив на берег, я мог без большого риска переодеться и обсушиться. Над озером

носились тучи уток, временами пролетали гуси и лебеди. Картина была заманчива очень, но тут начались испытания другого порядка. Весенняя воца стояла еще очень высоко, так что все островки и кочки на озере оказались под водой на пол-аршина и более. Все озера окаймлено и во многих местах перехвачено высоким и крепким камышом (в два-три раза выше человеческого роста). В первый день мы пытались охотиться, стоя в воде или качаясь в лодке, - и то, и другое было очень тяжело. Решили устроить в камышах помосты: четыре тяжелых кола вбивали под водой в землю на пол-аршина, а концы их перекрывали над водой дверьми, взятыми напрокат у киргизов. В первый момент это сооружение казалось верхом комфорта, тем более, что у меня для сидения был еще мешок, набитый камышом. Но скоро я убедился, что жить на таком помосте и стрелять с него - вещь совсем не простая. Когда твердо стоишь на земле, то отдачи при стрельбе совсем не замечаешь, а на этом вот помосте каждый выстрел угрожает спихнуть тебя в воду. Эта перспектива совсем не заманчива, не столько потому, что вода холодная, сколько потому, что падать пришлось бы головой вниз, в воду, переплетенную камышом, с высоты около двух аршин. Весьма сомнительно, что при таких условиях удалось бы снова подняться. В довершение всего дичь совершенно перестала летать: морозы загоняют ее в камыши, где она и отсиживается от холода. Таким образом, охота как охота была совершенно не удачна. Мы привезли свыше сорока уток и пару гусей (гуси были убиты не нами, а спутниками). В конце концов мы решили сняться за два дня до официального срока окончания весенней охоты (1 апреля) и вернуться "домой". Другие охотничьи экспедиции закончились здесь этой весной еще менее удачно, чем наша. Тем не менее, поездка доставила мне огромное удовольствие, суть которого состоит во временном обращении в варварство: девять дней провести на открытом воздухе, и заодно девять ночей, есть под открытым небом баранину, тут же изготовленную в ведре, не умываться, не раздеваться и потому не одеваться, падать с лошади в реку (единственный раз, когда пришлось раздеться), проводить почти круглые сутки на маленьком помосте посреди воды и камышей (киргизская дверь размером в небольшое окно)-все это приходится переживать не часто. Вернулся я домой без намека на простуду. А вот дома простудился, да так, что больше недели нахожусь в полулежачем состоянии: грипп и гриппозный бронхит. Этим объясняется, в частности, почему я только сегодня собрался с этим отчетом о своей охотничьей поездке. Дело идет, по-видимому, на поправку, хотя еще не выхожу. А весна тем временем устанавливается - не то в третий, не то в четвертый раз.

Переписка находится в полном расстройстве, даже с Москвой. Письма, отделенные друг от друга двумя и даже тремя неделями, получают одновременно (если получают вообще). Не знаю, что виною: метеорологические или иные какие силы. Да выезда на дачу остается еще около месяца. К тому времени должен приехать из Москвы Сергей[36]. Иностранные газеты стал получать сейчас из Москвы и из Астрахани.

[Первые числа апреля 1928 г.]

ИЗ ПИСЬМА СОСНОВСКОМУ[37]

[...] На большое письмо Ваше, посвященное деревенской политике, я отвечу в ближайшем будущем. Думаю, что в оценке сложившейся обстановки мы с вами не расходимся. Замечательно, отмечу мимоходом, что сейчас вся энергия направлена уже на борьбу с так: называемыми "перегибами". Поразительное дело, уже годы борются против ультралевых перегибов - кажись, застраховали себя на 100%, а чуть подняли кверху палец и немедленно же получился ультралевый перегиб. Откуда сие?

В Кантоне такое же положение: пять лет, как учат, что основным злым началом истории является "перманентная революция". А чуть в Кантоне высвободили компартию из-под пяты Гоминьдана, как и ЦК Киткомпартии и представитель Коминтерна оказались повинными в этом самом первородном грехе "перманентной революции". Выходит, опять перегиб. Виноваты, конечно, исполнители. Но и исполнители не падают с неба. Знаете, я случайно наткнулся на то, что в XVI столетии в русских грамотах объясняли переметчивость тогдашних людей тем, что они "духом перегибательные". Очень мне это понравилось. Согласно этой теории XVI столетия, сохранившей всю свою свежесть, перегибы свойственны людям, которые воспитаны в перегибательном духе. Надо, впрочем, прибавить к смягчению вины перегибателей, что они были застигнуты врасплох. А для объяснения нынешних предостережений против перегибов надо принять во внимание тот глубокий, органический, утробный отпор, который пошел и еще пойдет снизу. Ибо наряду с перегибателями, личностью почти отвлеченной - сегодня здесь, а завтра там, существуют на свете еще местные почвенные люди, которые прочнее перегибателя и от которых исходит и будет исходить отпор простой или комбинированный. Им надо противопоставить других местных почвенных людей, для сего надо... и т. д.

Читали ли вы доклад Колечки Балаболкина[38] насчет оппозиции и анализа наших затруднений. Это вещь поистине классическая. У него выходит так, что согласно нашей с вами точке зрения, засилие кулака непосредственно вытекает из нашей "техно-экономической отсталости" и что против этого ничего нельзя поделать, доколе нам не поможет "государственно организованный западноевропейский пролетариат". Таким образом, выходит, что, по нашим с вами воззрениям, Колечка Балаболкин ни капельки не виноват ни в затруднениях с хлебозаготовками, ни в том, что хлебозаготовки попали в руки людей, стоящих на точке зрения Дао Цитао, т. е. отрицающих существование классов. Причинами всему этому - все с нашей же точки зрения - являются законы природы и законы экономической отсталости. В противовес этому Колечка Балаболкин выходит на площадь и говорит: "Не верьте мне, православные, мой грех, я украл". Если он этого и не говорит дословно, то никакого другого вывода из всего его глубокомысленного построения сделать нельзя.

Еще я хотел спросить у вас, не можете ли вы мне объяснить, что значит осуществлять "лозунг самокритики". Что есть самокритика? Надо ли сие понимать буквально, т. е. критика самого себя, или духовно, т. е. в смысле возможности критиковать начальство. Если принять за руководство сей последний смысл, тогда никакого лозунга не получается, ибо в желании критиковать и в потребности критиковать недостатка нет, а дело,, так оказать, в возможностях. "Лозунг" посему должен был бы быть не "самокритика", а возможное

упразднение тех перегибателей, кои сию самокритику неизменно ссылают этажом пониже, а так как в каждом этаже сидят свои перегибатели, то приходится, в конце концов, менять географические долготы. Опять-таки сей предмет требует более пространныго изложения.

Еще вспомнил я о перегибателях. Прототипом их был тот самый статский советник Передрягин, который умел писать доклады о пользе конституций, а равно и о вреде оных. Правда, когда он писал о пользе, то выходил все-таки как бы вред. Я на днях перечитал "Пестрые письма" Щедрина[39]. Что за великолепие. Именно потому, что это гениальная сатира, она бьет гораздо дальше своей эпохи.

У нас как будто установилась уже окончательная весна, примерно 'пятая по счету. К сожалению, она несет с собой наряду с расцветом садов оживление малярии и обострение хлебного и вообще продовольственного кризиса. Я вам, помнится, писал, что за все время нашего здесь пребывания пшеничная мука стояла на уровне 8-10 руб. за пуд. Сегодня, как сообщил только что вполне осведомленный человек, пуд муки на рынке стоит 25 рублей. Местная газета писала на днях: "В городе функционируют слухи, что хлеба нет, между тем, идут многочисленные подводы с хлебными грузами. Подводы, действительно, идут, как говорят. Но пока что слухи функционируют, малярия функционирует, а хлеб не функционирует [...]."

Насчет здоровья: явная малярия и у Нат. Ив., и у меня. Но в общем работоспособен.

5 мая 1928 г.

ПИСЬМО РЯЗАНОВУ[40]

Директору Института Маркса-Энгельса.

Дорогой Давид Борисович!

Работа над первым томом Маркса-Энгельса вызвала у меня ряд вопросов, из них один коренной. О нем прежде всего и хочу написать.

Первоначально я предполагал не справляться с немецким текстом и даже упустил из виду, что у меня есть здесь, с собою, первый том на немецком языке. Приступив к работе, я, однако, невольно стал заглядывать в немецкий текст. Мой вывод таков: перевод выше средних советских переводов, но все же имеет крайне приблизительный характер. Точность, которой можно и должно было достигнуть, не достигнута, причем в некоторых случаях трудно даже понять, почему перевод заменен пересказом, грамотным, добросовестным, но все же пересказом. Для образца посылаю Вам свой перевод посвящения и начала предисловия к Марксовой диссертации. Я не переводил, а лишь исправлял печатный перевод по немецкому тексту, то есть делал минимум необходимых, на мой взгляд, изменений. Каждое из внесенных мною изменений я берусь обосновать, если они требуют обоснования. Приведу несколько примеров.

а) у Маркса сказано: "мой дорогой отческий друг". Я бы так и сказал. В крайнем случае, "отец-друг". Ни в коем случае не "отец и друг", ибо Маркс не ставит эти два названия рядом как самостоятельные, а сливает их: друг, но не вообще друг, а отческий друг, отец-друг.

б) у Маркса сказано: на обложке незначительной брошюры. Переводчик прибавляет: такой незначительной брошюры. Это радикально меняет тон фразы. Маркс вовсе не хотел сказать, что брошюра из ряда вон незначительна, то-есть ничтожна; он хотел сказать, что брошюра недостаточно значительна для посвящения.

в) Вторая фраза посвящения переведена у меня почти буквально, и это придает ей другой психологический оттенок.

г) Начало второго абзаца посвящения, благодаря прибавке слов "я желал бы", получило не приподнято-патетический тон, как у Маркса, а сентиментально-личный.

д) Слово изумляться переводчик заменил словом преклоняться. Хоть посвящение и написано в крайне преувеличенных выражениях, но вряд ли и молодой Маркс хотел выразить преклонение перед Вестфаленом. Во всяком случае у него не то слово.

е) Юношески сильный старец заменен почему-то вечно юным старцем (я не выписываю немецких слов, ибо у меня русская машинка, сравните, пожалуйста, сами с немецким текстом).

ж) Непосредственно после старца начинается придаточное предложение, которое переводчик сократил при помощи причастия "встречающим"; между тем второе, параллельное, придаточное предложение дальше не сокращено ("который никогда не отступал..."); вся фраза поэтому сдвинута и даже искажена. Выходит, будто "который никогда не отступал" относится не к "старцу", а к "миру".

з) У Маркса прямо сказано: "перед темным облачным небом времени", - он имеет в виду реакционную эпоху. Между тем переводчик говорит: "перед темным горизонтом", - исторический характер образа пропадает.

и) У Маркса сказано: "смотрел через все покровы, или оболочки, или маски, или

личины". Переводчик говорит: "смотрел через все превращения". Маркс здесь противопоставляет дух - его временной оболочке, его шелухе, то есть чему-то материальному. Слово "превращения" совсем не выражает этой мысли.

к) У Маркса говорится о "телесном благополучии". Телесное здесь противопоставляется духовному, на том философско-библейском языке, на каком вообще написано посвящение. Перевод "физического благополучия" вульгаризует мысль Маркса.

Ограничусь этими примерами. Остальные будут ясны из посылаемого мною текста. Как быть, однако, дальше? Вам, конечно, совершенно ясно, что выправлять перевод дальше таким же образом означало бы проделать всю работу заново. Может быть, впрочем, другие переводы точнее, я не пошел пока дальше диссертации и нарочно послал Вам самое начало, чтобы не быть заподозренным в преднамеренном выборе какого-либо неудачного места. Если отложить немецкий оригинал в сторону и заниматься только стилистической правкой, то боюсь, что при указанных выше свойствах перевода, то есть его приблизительности, чисто литературная редакция может ненароком еще дальше сдвинуть перевод в сторону от оригинала.

Таково коренное затруднение. Я готов принять любое решение Института, то есть и коренную правку по оригиналу и поверхностную стилистическую правку. Работа первого типа потребует, примерно говоря, в 20 раз больше времени, чем работа второго типа. Сообщите мне Ваше решение.

Я внимательно прочитал оба предисловия. Считаю необходимым обратить Ваше внимание на два чисто технических вопроса.

Во-первых, вопрос о кавычках, о тех гусиных лапках, которые так не любил покойный Меринг. В тексте предисловий часто встречаются кавычки в кавычках; во всех таких случаях первая или вторая половина внутренних кавычек отпадает и потому трудно бывает решить, где начинаются или где кончаются цитируемые слова. Я считаю, что для такого издания, где требуется высшая точность, необходимы две пары кавычек: вертикальные и горизонтальные, как это иногда делается в иностранных изданиях.

Второе. Красные строки в предисловиях размещены в некоторых местах довольно произвольно, что разбивает при чтении мысль, да и не эстетично.

Все это я у себя в книге отметил карандашом, в тексте или на полях, равно как и опечатки и описки. Может быть, разрезать просто книгу на части и посылать Вам эти части по мере проработки мною текста? Если Вы сколько-нибудь заинтересованы в ускоренном получении моей работы отдельными "выпусками", то я готов пойти на такое варварство по отношению к прекрасно напечатанному и переплетенному тому. Жду указаний и на этот счет.

Я писал Вам, что перевод Ходскина мог бы прислать через месяц-полтора. В случае надобности я могу сократить этот срок очень значительно.

Так как письма идут очень медленно, то Вы, может быть, сочтете целесообразным ответить письмом-телеграммой (70 слов, стоит 3 рубля). Я буду ждать Вашего решения также и относительно Карла Фогта.

[середина мая 1928 г.]

ИЗ ПИСЬМА ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ

[...] Думать, что можно дипломатически пробраться в партию, а затем уже вести политическую борьбу за ее оздоровление, наивно, чтобы не оказать крепче. Опыт Зиновьева[41], Пятакова[42] и др. слишком красноречив. Эти люди сейчас гораздо менее в партии, чем за неделю до своего исключения. Тогда они высказывались, часть партии их выслушивала. Теперь они вынуждены молчать. Они не только не могут выступать с критикой, но даже и с похвалой. Статей Зиновьева не печатают. Центристы особенно грубо нажимают на зиновьевскую группу, требуя, чтобы она молчала и не компрометировала их. В чем же выражается пребывание этих раскаявшихся господ в партии? Не в том ли, что перед ними раскрыты двери Госбанка и Центросоюза? Но для того, чтобы служить в Центросоюзе, поистине не было надобности сперва подписывать платформу, а затем отречься от нее.

20 августа 1928 г. Алма-Ата

ЛИСТОВКА Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

По полученным сведениям, тов. Л. Д. Троцкий опасно заболел. Его изнурила до потери трудоспособности малярия, которой заражена вся местность, где он находится в ссылке.

Товарищи, ближайшему соратнику Ленина, вождю Октябрьской революции, организатору Красной армии, одному из создателей Коммунистического Интернационала, испытанному борцу за дело рабочего класса угрожает величайшая опасность.

Требуйте немедленного возвращения тов. Троцкого из ссылки, в Москву. Требуйте этого везде и всюду.

Клеймите предателем Октябрьской революции всякого, кто посмеет оказать этому требованию сопротивление.

Товарищи, добивайтесь от Центрального комитета партии и правительства ответа на вопрос: почему вождя пролетарской революции бросили в местность, гибельную для его здоровья, и без того подорванного десятилетиями эмиграции, царских тюрем, ссылок и неутомимой борьбы за дело рабочего класса, в то время как бюрократство с семьями направляют на курорты?

Почему товарища Троцкого держат в малярийной Алма-Ате, когда палачи рабочего класса Слащевы[45], Гоцы[44] и другая сволочь разгуливает по улицам пролетарских столиц?

Товарищи, заставьте ЦК партии и правительство принять срочные меры к спасению жизни т. Троцкого. Время не ждет.

Москва, 9 сентября 1928 г.

Большевики-ленинцы (оппозиция ВКПб). Товарищ, прочитав, передай другому.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО

от 20 сентября 1928 г.

Слушали:

18. О листовках троцкистов.

Постановили:

Предложить тт. Угланову[45] и Ярославскому[46] средактировать в публикуемом докладе т. Угланова соответствующее место о состоянии здоровья Троцкого[47].

Всем крайкомам, областкомам, нац. ЦК, губкомам ВКП(б). Ввиду ослабления внимания парторганизаций к идейно-политической борьбе с троцкистскими элементами и ввиду новых попыток их оживления ЦК постановляет:

1) Предложить партийным организациям усилить идейно-политическую борьбу с троцкистскими элементами, в частности, путем настойчивого индивидуального разъяснения соответствующих вопросов отдельным товарищам, в особенности рабочим, а также путем решительного отпора на собраниях антипартийным выступлениям, ограничивая, однако, такую дискуссию действительным минимумом. Для этого парткомы должны иметь своевременную информацию о подобных фактах, вести их учет и т. д. Распространяемые троцкистами документы должны получать отповедь в "Большевике", а иногда и в "Правде". Допускать в отдельных случаях перевод активных антипартийных элементов из крупных предприятий на более мелкие или в учреждения. Не допускать подобных элементов в ряды Красной армии.

4) В отношении подпольных антипартийных и антисоветских группок, особенно когда они вносят элементы разложения в рабочую среду, необходимы решительные меры революционной репрессии.

26 сентября 1928 г. Секретарь ЦК Молотов[48]

ПИСЬМО ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ

Дорогие товарищи!

По вопросу о моем переводе в другое место ряд товарищей пишет о необходимости "более энергичных" протестов. Это неправильно. Ссылные товарищи сделали решительно все, что могли, отправив телеграммы. Состояние мое вовсе не является таким тяжким, как рисуется некоторым товарищам. Сейчас мне значительно лучше. Но и независимо от этого надо ясно сказать себе, что судьба ссылных, и моя в том числе, может быть разрешена не "обострением" протестов самой ссылки, а расширением этих протестов далеко за пределы ссылки. Из доклада Уланова вытекает, что это "расширение" уже происходит. Что и требовалось доказать. Крепко жму руку.

1 октября 1928 г. Ваш Л. Троцкий

ПИСЬМО РАКОВСКОМУ

Дорогой друг, я не писал тебе очень давно исключительно потому, разумеется, что не знал твоего адреса, ибо был уверен, что ты давно уже покинул Астрахань. Но дело, как оказывается, сложилось не так: всегда есть дополнительные гнусности, которых не ждешь, хотя, казалось бы, мы с тобой достаточно знаем мастера сих дел, который несет за них непосредственную ответственность. Поистине классический характер имеет ответ, зам. Кагановича[49] Самсонова Александре Георгиевне[50] о том, что тебе нельзя лечиться в Кисловодске: "Так постановил конгресс Коминтерна, вы, наверное, читали его резолюцию". Не совсем понятна мне формальная сторона дела. Ведь ты поехал по линии ЦК, почему же они отсылают Ягоде[51] или Трилиссеру[52]? Кстати, Балаболкин направо и налево уверяет, что Ягода и Трилиссер принадлежат к его фракции[53].

Все, что ты сообщаешь о приступах малярии у тебя, весьма совпадает с такими же приступами у меня. Основные симптомы те же, плюс острые головные боли в форме каких-то последовательных толчков. Июль, август были у меня очень плохи. Хинизация помогла. Сентябрь был гораздо лучше. В октябре приступы возобновились. Опять хинизация. Стало лучше. Я даже отправился на охоту, на которой провел полторы недели. Во время охоты чувствовал себя очень хорошо, так же как в первые дни после возвращения. Но вот уже три дня как приступы возобновились, вчера был очень тяжелый день. Снова глотал хинин. У Наталии Ивановны приступы также возобновились в полной мере, причем у нее они чаще сопровождаются повышенной температурой - до 37,5.

Тебе, вероятно, сообщили, как Ярославский объяснял на каком-то собрании, что мы, мол, совсем уже решили было перевести его на Кавказ, но ввиду требований и протестов изменили решение. Копию твоего письма т. Валентинову[54] я в свое время получил и хотел тогда же телеграфировать тебе свое восхищение этим письмом, но не знал, по какому адресу. Оно у нас немедленно было переписано в значительном числе экземпляров и разослано ряду друзей. Очень обидно, что бюрократическая служба отнимает у тебя много времени . . .

Борьба с правым уклоном инсценирована в духе конструктивизма. Прямо-таки меерхольдовская постановка. Все единогласно и единодушно, полностью и целиком борются против некоего злодея П У. (правый уклон). Адрес коего, однако, никому не известен. С правым уклоном борются столь же, и еще более решительно, чем с оппозицией. Так гласят, по крайней мере, ежедневные аншлаги в "Правде", редактором коей состоит вождь Шестого конгресса Коля Балаболкин. Чудеса в решете, да и только. Однако за этим конструктивистским маскарадом открываются серьезнейшие процессы. Есть все основания думать, что на этот раз дело пойдет много дальше, чем хотели бы мастера конструктивной постановки. Об этом, впрочем, я еще напишу подробнее на днях ... Любопытно, что в то же самое время, как официально заявляется о полном единогласии в Политбюро, вышеозначенный Коля сообщает по секрету всему свету, что разногласия с оппозицией были ничтожны по сравнению с теми разногласиями, которые отделяют тройку[55] от мастера [56], и что дискуссии они не открывают только потому, что она сразу приняла бы "огнестрельный" характер: нам (Коле и его единомышленникам) пришлось бы сказать: "Вот человек, который довел страну до голода", а он оказал бы. "Вот защитники кулака и

нэпмана". Все это сообщают, если не дословно, то почти дословно, во всяком случае вполне достоверно. О шашнях Коли с двумя мушкетерами в Москве говорят совершенно открыто. Мушкетеры, однако, воздерживаются, ожидая за это поощрения от мастера.

ПИСЬМО СОСНОВСКОМУ

Дорогой друг, очень хорошо, что вы приблизились, как пишете, "на 1200 лошадиных распутных верст" и приняли активное участие в наших внутренних проработках. По-видимому, у нас с Вами солидарность по всем основным вопросам. Вы пишете, что в документе "Что же дальше?" говорится будто бы о "неизбежности победы правого курса" Сейчас у меня нет времени посмотреть весь документ. Но по существу, такая мысль ни в коем случае не могла в нем заключаться. Это либо недоразумение в формулировке, либо прямая ошибка переписчика, либо, наконец, фальсификация. Вы совершенно правы, что июльский пленум не был последней точкой в развитии партии в целом и, в частности, взаимоотношений между правыми и центристами. Об этом я писал не раз, в частности в большом своем письме от 21 октября, которое послано в Енисейск[23] октября и, надеюсь, дошло до Вас. Сейчас кампания против правых, несмотря на весь свой бюрократически-маскарадный характер, является достаточно убедительным доказательством того, что история не остановилась на решениях июльского пленума. Как и нынешние "единогласные" осуждения правого уклона отнюдь не означает устранения или хотя бы ослабления термидорианской опасности. Все находится в движении, главная борьба еще впереди, ее возможный исход, не в последнем счете, зависит и от нас. Вы поднимаете вопрос о социально-классовом содержании правого крыла и центристов. К этому вопросу многие товарищи, как видно по письмам, подходят сейчас с разных сторон. В более обширном письме, которым я сейчас занят, значительное место отводится именно освещению второго вопроса. При подходе к нему нужно не упускать из виду, что мы имеем дело не с завершившимися и окостеневшими политическими образованиями, а с процессами брожения и дифференциации внутри партии, связанной единством пролетарского прошлого. Отсюда невозможность каких-либо жестких и неподвижных классовых определений. Когда мы говорим о сползании, то это и означает, что голова уже в одном месте, а хвост еще в другом. Определить классовую глубину сползания можно только действием, т. е. нашим активным противодействием сползания и теми результатами, каких мы на этом пути добьемся. Но об этом обстоятельстве в следующем письме. Что нашим путем остается путь реформы, это совершенно бесспорно. Все наши документы к Конгрессу говорят об этом с полной категоричностью. Деление на стариков и молодых никуда не годится, в этом Вы, разумеется, совершенно правы. Вопрос Ваш, связанный с октябрьской годовщиной, отпадает, так как письмо Ваше я получил после годовщины: оно шло около сорока дней. Великолепно звучат официальные формулировки: "Всемерно усилить борьбу с осколками, обломками и пр. окончательно разбитой оппозиции". Ей-же-ей, лучше не скажешь. Угланов говорил, правда, на сентябрьском пленуме ЦК: "Оппозиция оказалась живучей ..." Фраза эта из официального отчета вычеркнута. Бюрократические фетишисты всерьез думали, что с марксизмом можно покончить репрессией и клеветой. Нет-с, голубчики, просчитались. Щелчок по носу, который держит для них в запасе история, может оказаться отсроченным, но он все же придет и - пусть поберегут свои носы. Других тем я здесь не касаюсь, так как надеюсь, как сказано, что Вы уже получили мое письмо от 21 октября. Переписка, впрочем, опять вошла в кризисную стадию. Случайность ли это, или же планомерное ограждение усиленной борьбы с вышепоименованными осколками, остатками и обломками, покажет

ближайшее будущее. Прилагаю копию своего письма т. Раковскому[57].

10 ноября 1928 г. Алма-Ата

[Л. ТРОЦКИЙ] ИСТОРИЯ ВЫСЫЛКИ Л. Д. ТРОЦКОГО В ДОКУМЕНТАХ

Уже начиная с конца октября переписка Троцкого, его жены и сына, находившихся в Алма-Ате, была почти полностью приостановлена. Не доходили даже телеграммы о здоровье.

16 декабря уполномоченный ГПУ явился из Москвы к Троцкому и предъявил ему ультиматум: прекратить руководство работой оппозиции. Троцкий ответил на это следующим письмом ЦК и Президиуму Исполкома Коминтерна.

ЦК ВКП(б) ИСПОЛКОМУ КОМИНТЕРНА

Сегодня, 16 декабря [1928], уполномоченный коллегии ОГПУ Вольнский предъявил мне от имени этой коллегии в устной форме нижеследующий ультиматум:

"... Работа ваших единомышленников в стране,- так почти дословно заявил он, - носит за последнее время контрреволюционный характер; условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам полную возможность этой работой руководить; ввиду этого коллегия решила потребовать от вас категорического обязательства прекратить вашу деятельность - иначе коллегия окажется вынужденной изменить условия вашего существования в смысле полной изоляции вас от политической жизни, в связи с чем встает также вопрос о перемене места вашего жительства".

Я заявил уполномоченному ГПУ, что могу дать только письменный ответ в ответ, в случае получения от него письменного же формулирования ультиматума ГПУ. Отказ мой от устного ответа вызывался уверенностью, опирающейся на все прошлое, что слова мои будут снова злобно искажены для введения в заблуждение трудящихся СССР и всего мира. Независимо, однако, от того, как поступит в дальнейшем коллегия ГПУ, не играющая в этом деле самостоятельной роли, а лишь технически выполняющая старое и давно мне известное решение фракции Сталина, считаю необходимым довести до сведения ЦК ВКП и Исполкома Коминтерна нижеследующее. Предъявленное мне требование отказаться от политической деятельности означает требование отречения от борьбы за интересы международного пролетариата, которую я веду без перерыва тридцать два года, т. е. в течение всей своей сознательной жизни. Попытка представить эту деятельность как "контрреволюционную", исходит от тех, которых я обвиняю перед лицом международного пролетариата в попрании основ учения Маркса и Лени-па, в нарушении исторических интересов мировой революции, в разрыве с традициями и заветами Октября, в бессознательной, но тем более угрожающей подготовке термидора.

Отказаться от политической деятельности значило бы прекратить борьбу против нынешнего руководства ВКП, которое на объективные трудности социалистического строительства громоздит все больше и больше политических затруднений, порождаемых оппортунистической неспособностью вести пролетарскую политику большого исторического масштаба; это значило бы отречься от борьбы против удушающего партийного режима, который отражает возрастающее давление враждебных классов на

пролетарский авангард; это значило бы пассивно мириться с хозяйственной политикой оппортунизма, которая, подрывая и расшатывая устои диктатуры пролетариата, задерживая его материальный и культурный рост, наносит в то же время жестокие удары союзу рабочих и трудовых крестьян, этой основе советской власти.

Отказаться от политической деятельности значило бы покрывать своим молчанием злосчастную политику международного руководства, которая привела в Германии в 1923 году к сдаче великих революционных позиций без боя; пыталась перекрыть оппортунистические ошибки авантюрами в Эстонии и Болгарии; на Пятом конгрессе [Коминтерна] оценила навыворот всю мировую обстановку и дала партиям директивы, которые только ослабляли и дробили их; политику, которая через Англо-русский комитет поддерживала под руки Генеральный совет [британских профсоюзов], оплот империалистической реакции, в самые трудные для изменников-реформистов месяцы; которая в Польше, на крутом внутреннем повороте, превратила авангард пролетариата в арьергард Пилсудского[58]; которая в Китае довела до конца историческую линию меньшевизма и тем помогла буржуазии разгромить, обескровить и обезглавить революционный пролетариат; которая везде и всюду ослабляет Коминтерн, расточая его идейный капитал.

Прекратить политическую деятельность значило бы пассивно мириться с притуплением и прямой фальсификацией основного (нашего орудия, марксистского метода, и тех стратегических уроков, которые мы при помощи этого метода завоевали в борьбе под руководством Ленина; это значило бы пассивно терпеть и покрывать теорию о вращении кулака в социализм; миф о революционной миссии колониальной буржуазии; лозунг "двухсоставной рабоче-крестьянской партии" для Востока, порывающей с основами классовой теории; наконец, как увенчание этих и других реакционных вымыслов, теорию социализма в отдельной стране, главный и наиболее преступный подкоп под революционный интернационализм.

Ленинское крыло партии терпит удары, начиная с 1923 года, т. е. с беспримерного крушения немецкой революции. Возрастающая сила этих ударов идет в ногу с дальнейшим поражением международного и советского пролетариата в результате оппортунистического руководства.

Теоретический разум и политический опыт свидетельствуют, что период исторической отдачи, отката, т. е. реакции, может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР в условиях нарастающей реакции против Октября и тем самым-расчистки путей для термидора. Наиболее явным и законченным выражением этой реакции внутри партии является дикая травля и организационный разгром левого крыла. В своих последних попытках отпора открытым термидорьянцам сталинская фракция живет "обломками" и "осколками" идей оппозиции. Творчески она бессильна. Борьба налево лишает ее всякой устойчивости. Ее практическая политика не имеет стержня, фальшива, противоречива, ненадежна. Столь шумная кампания против правой опасности остается на три четверти показной и служит прежде всего для прикрытия пред массами подлинно истребительной войны против большевиков-ленинцев. Мировая буржуазия и мировой меньшевизм одинаково освещают эту войну: "историческую правоту" эти судьи давно признали на стороне Сталина.

Если бы не эта слепая, трусливая и бездарная политика приспособления к бюрократии и мещанству, положение трудящихся масс на двенадцатом году диктатуры было бы

несравненно благоприятнее; военная оборона неизмеримо крепче и надежнее; Коминтерн стоял бы на совсем иной высоте, а не отступал бы шаг за шагом перед изменнической и продажной социал-демократией.

Неизлечимая слабость аппаратной реакции при внешнем могуществе состоит в том, что она не ведает, что творит, Она выполняет заказ враждебных классов. Не может быть большего исторического проклятия для фракции, вышедшей из революции и подрывающей ее.

Величайшая историческая сила оппозиции при ее внешней слабости в настоящий момент состоит в том, что она держит руку на пульсе мирового исторического процесса, ясно видит динамику классовых сил, предвидит завтрашний день и сознательно подготавливает его. Отказаться от политической деятельности значило бы отказаться от подготовки завтрашнего дня.

Угроза изменить условия моего существования и изолировать меня от политической деятельности звучит так, как если бы я не был сослан за 4 000 километров от Москвы, в 250-ти километрах от пустынных провинций Китая, в местность, где злейшая малярия разделяет господство с проказой и чумой. Как если бы фракция Сталина, непосредственным органом которой является ГПУ, не сделала всего, что может, для изоляции меня не только от политической, но и от всякой другой жизни. Московские газеты доставляются сюда в срок от десяти дней до месяца и более. Письма доходят ко мне в виде редкого исключения, после месяца, двух и трех пребывания в ящиках ГПУ и секретариата ЦК. Два ближайших сотрудника моих со времени гражданской войны, тт. Сермукс[59] и Познанский[60], решившиеся добровольно сопровождать меня в место ссылки, были немедленно по приезде арестованы, заточены с уголовными в подвал, затем высланы в отдаленные углы севера. От безнадежно заболевшей дочери, которую вы исключили из партии и удалили с работы, письмо шло ко мне из московской больницы 73 дня, так что ответ мой уже не застал ее в живых. Письмо о тяжком заболевании второй дочери, также исключенной из партии и удаленной с работы, было месяц тому назад доставлено мне из Москвы на 43-й день. Телеграфные запросы о здоровье чаще всего не доходят по назначению. В таком же и еще худшем положении находятся сейчас тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги которых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизмеримо превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали.

Готовя новые, все более тяжкие репрессии против оппозиции, узкая фракция Сталина, которого Ленин назвал в "завещании" грубым и нелояльным (недобросовестным), когда эти качества его еще не развернулись и на сотую долю, все время пытается через посредство ГПУ подкинуть оппозиции какую-либо "связь" с врагами пролетарской диктатуры. В узком кругу нынешние руководители говорят: "Это нужно для массы". Иногда еще циничнее: "Это - для дураков". Моего ближайшего сотрудника, Георгия Васильевича Бутова[61], заведовавшего секретариатом Реввоенсовета республики во все годы гражданской войны, арестовали и содержали в неслыханных условиях, вымогая от этого чистого и скромного человека и безупречного партийца подтверждение заведомо фальшивых, поддельных, подложных обвинений в духе термидорианских амальгам. Бутов ответил героической голодовкой, которая длилась около 50 дней и довела его в сентябре этого года до смерти в тюрьме. Насилия, избиения, пытки физические и нравственные применяются к лучшим рабочим-большевикам за их верность заветам Октября. Таковы те общие условия, которые, по словам коллегии ГПУ, "не препятствуют" ныне политической деятельности оппозиции, и

моей в частности.

Жалкая угроза изменить для меня эти условия в сторону дальнейшей изоляции означает не что иное, как решение фракции Сталина заменить ссылку тюрьмой. Это решение, как сказано выше, для меня не ново. Намеченное в перспективе еще в 1924 году, оно постепенно проводится в жизнь через ряд ступеней, чтобы исподтишка приучать придавленную и обманутую партию к сталинским методам, в которых грубая нелояльность созрела ныне до отравленного бюрократического бесчестия.

В заявлении, поданном нами Шестому конгрессу [Коминтерна], мы, отбросив клевету против нас, которая пятнает лишь ее авторов, снова подтвердили нашу несокрушимую готовность бороться в рамках партии за идеи Маркса и Ленина всеми теми средствами партийной демократии, без которых партия задыхается, окостеневает и крошится. Мы снова возвестили нашу незыблемую готовность словом и делом помочь пролетарскому ядру партии выровнять курс политики, оздоровить партию и советскую власть дружными и согласованными усилиями без потрясений и катастроф. На этом пути мы стоим и сейчас. На обвинение нас во фракционной работе мы ответили, что ликвидировать ее может только снятие вероломно наложенной на нас 58-й статьи и восстановление нас в партии не как кающихся мнимых грешников, а как революционных борцов, не изменяющих своему знамени. И, как бы предвидя предъявленный сегодня ультиматум, мы писали дословно в "Заявлении":

"Требовать от революционеров этого отказа (от политической деятельности, т. е. от служения партии и международной революции), могло бы только вконец развращенное чиновничество. Давать такого рода обязательства могли бы только презренные ренегаты".

Я не могу ничего изменить в этих словах. Снова довожу их до сведения ЦК ВКП и Исполкома Коминтерна, несущих полную ответственность за работу ГПУ.

Никогда мы не были так уверены в конечном торжестве защищаемых нами идей Маркса и Ленина, как сейчас.

Каждому свое. Вы хотите и дальше проводить внушения враждебных пролетариату классовых сил. Мы знаем наш долг. И мы выполним его до конца[62].

* * *

Месяц после отправки документа все оставалось внешним образом без изменений, если не считать еще более свирепой почтовой блокады и усиления слежки.

20 января тот же уполномоченный ГПУ явился в сопровождении многочисленных вооруженных агентов ГПУ на квартиру Троцкого и предъявил ему нижеследующее постановление ГПУ:

Выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ

от 18 января 1929 г.

Слушали:

Дело гражданина Троцкого Льва Давыдовича по ст. 58-10 Уголовного кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к

провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти.

Постановили:

Гражданина Троцкого Льва Давидовича - выслать из пределов СССР.

20 января 1929 г.

Алма-Ата Верно: нач. Алма-Атинского окротдела ОГПУ

Троцкий выдал уполномоченному ГПУ расписку. "Преступное по существу и незаконное по форме постановление ОС при коллегии ГПУ от 18 января 1929 г. мне было объявлено 20 января 1929 г. Л. Троцкий".

22 января Троцкий с женой и сыном были на автомобиле, затем на санях и снова на автомобиле отправлены под конвоем на станцию Фрунзе - 250 километров, - оттуда по железной дороге в направлении на Москву. Еще в Алма-Ате Троцкий заявил уполномоченному ГПУ, что за границу его вообще не могут выслать против его желания, и в то же время категорически требовал указания предполагаемого места высылки. Только в районе Самары ему сообщили, что дело идет о Константинополе. Троцкий заявил, что, протестуя против высылки за границу вообще, он будет всеми доступными ему средствами сопротивляться высылке в Турцию. Это было по прямому проводу сообщено в Москву. Там, по-видимому, все было предвидено, кроме отказа Троцкого добровольно выехать за границу. Москва начала новые переговоры с заграницей. Тем временем особый поезд с Троцким и его семьей (из Москвы были в условиях глубокой тайны доставлены еще два члена семьи - прощаться) был переведен на глухую железнодорожную ветку в лесу и стоял так под метелями неподвижно 12 суток. Паровоз с вагоном отправлялся ежедневно за продуктами и обедом на ближайшую крупную станцию Наконец, 8 февраля новый уполномоченный ГПУ Буланов[63] сообщил, что попытка Москвы добиться согласия на высылку Троцкого в Германию натолкнулась на категорический отказ германского правительства и что в силе остается поэтому решение о высылке в Турцию. На повторное заявление Троцкого, что он на границе заявит турецким властям о своем отказе следовать дальше, уполномоченный ГПУ Буланов ответил, что такое заявление ничего не изменит, ибо с турецким правительством вопрос согласован и на тот случай, если Троцкий откажется добровольно следовать в Турцию.

Уполномоченный ГПУ переслал в Москву по прямому проводу (ЦК, Исполкому Коминтерна, ЦИК СССР) следующее заявление Троцкого:

ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ИККИ

Председатель ГПУ сообщил, что германское с.-д. правительство отказало в визе. Значит, Мюллер[64] и Сталин сходятся в политической оценке оппозиции. Представитель ГПУ сообщил, что я буду передан в руки Кемалю[65] против моей воли. Значит, Сталин сговорился с (душителем коммунистов) Кемалем о расправе над оппозицией как над общим врагом. Представитель ГПУ отказался говорить о минимальных гарантиях против белогвардейцев, русских, турецких и иных, хотя бы и при принудительной высылке в Турцию. Под этим кроется прямой расчет на содействие белогвардейцев Сталину, которое принципиально ничем не отличается от заранее обеспеченного содействия Кемалю.

Невыполнение уже данного мне обещания о доставке необходимых книг из Москвы есть частичная иллюстрация грубой нелояльности в большом и в малом.

Заявление представителя ГПУ, будто "охранная грамота" дана Кемалем на мои вещи за вычетом оружия, т. е. револьверов, есть фактически разоружение меня на первых же шагах

перед лицом белогвардейцев с заведомо ложной ссылкой на турецкое правительство[66].

Сообщаю вышеизложенное для своевременного закрепления ответственности и для обоснования тех шагов, которые сочту нужным предпринять против чисто термидорианского вероломства.

7-8 февраля 1929 г. Л. Троцкий

Но "единство фронта" с турецкими властями было уже к этому времени обеспечено полностью, и Сталину оставалось только продолжать выполнение своего плана.

10 февраля особый поезд в составе нескольких вагонов, наполненных агентами ГПУ, доставил Троцкого в Одессу. Здесь предполагалась посадка на пароход "Калинин", но он замерз во льдах. Спешно был поставлен под пары другой пароход, "Ильич", в каютах которого еще царил в первые часы жестокий холод. Здесь руководство перешло к третьему уполномоченному ГПУ, Фокину. Троцкий заявил ему сперва устный протест, затем вручил нижеследующий документ.

Уполномоченному ГПУ гр. Фокину

Согласно заявлению представителя коллегии ГПУ Буланова Вы имеете категорическое предписание, невзирая на мой протест, высадить меня, путем применения физического насилия, в Константинополе, т. е. передать в руки Кемалю и его агентов.

Выполнить это поручение Вы можете только потому, что у ГПУ (т. е. у Сталина) имеется готовое соглашение с Кемалем о принудительном водворении в Турции пролетарского революционера, объединенными усилиями ГПУ и турецкой национал-фашистской полиции.

Если я вынужден в данный момент подчиниться этому насилию, в основе которого лежит беспримерное вероломство со стороны бывших учеников Ленина (Сталина и К°), то считаю в то же время необходимым предупредить Вас, что неизбежное и, надеюсь недалекое возрождение Октябрьской революции, ВКП и Коминтерна на подлинных основах большевизма даст мне раньше или позже возможность привлечь к ответственности как организаторов этого термидорианского преступления, так и его исполнителей.

12 февраля 1929 г.

Пароход "Ильич", при приближении к Константинополю.

Л. Троцкий

Когда на пароход прибыл турецкий полицейский офицер, заранее предупрежденный из Одессы, что пароход везет Троцкого с семьей, Троцкий вручил ему следующее заявление на имя Кемалю:

Его превосходительству г-ну Президенту Турецкой республики
Милостивый государь!

У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по собственному выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию.

Соблаговолите, господин Президент, принять соответственные мои чувства.

12 февраля 1929 г. Л. Троцкий

Турецкий полицейский офицер, как и предупреждал заранее уполномоченный ГПУ, сделал вид, что это его совершенно не касается. Пароход последовал дальше на рейд, и Троцкий после 22-дневного путешествия оказался в Турции.

Такова краткая история этой высылки, изложенная по документам. Мы еще будем иметь случай сообщить о ней дополнительные подробности.

ЗАЯВЛЕНИЕ

На Ваше сегодняшнее требование выехать из консульства отвечаю следующее:

Буланов и Волынский предложили мне от имени ГПУ, т. е. ЦК ВКП следующие условия поселения в Константинополе:

а. Агенты ГПУ находят квартиру в отдельном доме за городом, т. е. в таких условиях, которые дают минимальные топографические гарантии против совершенно легкого и безнаказанного покушения белогвардейцев или иностранных фашистов.

б. Сермукс и Познанский доставляются сюда ближайшим пароходом, т. е. не позже как через три недели.

в. До их приезда я живу - по собственному (выбору - либо в консульстве (что, по мнению ГПУ, было бы самое лучшее), либо в особняке указанного выше типа при временной охране из агентов ГПУ. Ни одно из этих условий не выполнено.

а. Из показанных 5-6 квартир только одна до некоторой степени отвечает условиям безопасности. Но для ее приведения в пригодный вид нужны две-три недели, причем я совершенно не знаю, по силам ли будут мне финансовые требования домохозяина.

б. В приезде Сермукса и Познанского, вопреки категорическому обязательству, теперь отказано.

в. Фокин уехал, не выполнив ничего из тех обязательств, которые, по словам Буланова, на него были возложены.

Между тем Константинополь кишит белыми русскими. Белые газеты расходятся здесь в количестве свыше тысячи экземпляров. Ссылки на то, что "активные" белые высланы, просто смешны. Наиболее активные, конечно, держатся в секрете, не говоря о том, что они в любое время могут приехать из других мест и найти прикрытие у "неактивных" белых. Безнаказанность им обеспечена заранее.

В этих условиях отказ Москвы выполнить обязательства и прислать Сермукса и Познанского и ваше одновременное требование покинуть здание консульства, хотя вы не предложили даже сколь-нибудь пригодной квартиры, означает требование, чтобы я подставился добровольно под удары белогвардейцев.

После того как Вы сообщили мне об отказе Москвы выполнить данное обещание относительно Сермукса - Познанского, я заявил, что во избежание мирового скандала на "квартирной" почве, я попытаюсь вызвать друзей из Германии или Франции, которые помогут мне устроиться на частной квартире или же будут сопровождать меня в другую страну (в случае получения визы).

Несмотря на то, что вызванные мною лица еще не могли даже выехать, вы предлагаете мне новое требование об оставлении консульства. Эта торопливость направлена целиком против элементарнейших требований безопасности, моей и моей семьи.

Я не имею никакого желания осложнять положение и без того не простое. Я не имею никакого интереса оставаться в консульстве ни одного лишнего дня. Но я не намерен поступаться элементарнейшими требованиями безопасности моей семьи. Если вы

попытайтесь разрешить вопрос не на основах соглашения, а применения физической изоляции меня и моей семьи, как вы мне сегодня говорили, то я оставлю за собой полную свободу действий. Ответственность за последствия будет целиком на ЦК ВКП.

Ссылки на мои статьи или интервью не имеют никакого отношения к делу. Я не собирался и не обещал молчать[67].

5 марта 1929 г. Л. Троцкий

Представителю ГПУ гражданину Минскому

В тех условиях, в каких вы выселяете нас из консульства с применением физического насилия, вы выполняете поручение тех термидорианцев, которые сознательно и преднамеренно хотят подвести меня и мою семью под удары врагов Октябрьской революции.

Вы не можете этого не понимать, ибо слишком хорошо знаете обстановку в Константинополе, - следовательно, не только Сталин и его фракция, но и вы, исполнители, несете за последствия всю полноту ответственности.

8 марта 1929 г. 17 час. 40 мин. Л. Троцкий[68]

Телеграмма

Чемоданы [и] вещи выписать [из] Берлина [при] содействии Веры Моисеевны Крестинской[69]. Часть вещей, русские книги, письменные принадлежности приобрести [в] Москве[70].

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ[71]

В некоторых константинопольских газетах сообщается, будто в беседе с турецкими журналистами я сказал, что собираюсь 1) производить в СССР новую революцию; 2) строить четвертый Интернационал.

Оба эти утверждения прямо противоположны тому, что я сказал. Взгляды мои на эти два вопроса выражены в многочисленных речах, статьях и книгах.

С совершенным уважением,

Л. Троцкий 22 марта 1929 г.

ПИСЬМО К ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМ В СССР[72]

Дорогие друзья! От вас, конечно, не ускользнул тот факт, что "Правда", "Большевик" и вся остальная официальная печать возобновила сейчас во всей силе кампанию против "троцкизма". Хотя закулисная сторона поворота нам, к сожалению, неизвестна, но самый факт возобновления дискуссии, почти прекращенной в течение известного времени, является крупнейшей нашей победой.

Полгода тому назад Молотов специально рекомендовал французским коммунистам воздержаться от всякой полемики с "троцкизмом" ввиду его фактической ликвидации. Около того времени я писал французским товарищам, что наша победа будет наполовину обеспечена в тот момент, когда мы вынудим официальный аппарат вступить в полемику с нами, ибо здесь наш идейный перевес, давно накопившийся, неизбежно обнаружится с

полной силой. И мы начнем пожинать плоды теоретической и политической работы оппозиции за последние семь лет. Это в первую очередь относится, разумеется, к западным странам, где у нас имеются свои издания и где мы можем отвечать ударом на удар. В СССР аппарат может, благодаря одностороннему характеру полемики, затянуть развязку Идеиной борьбы. Но только затянуть. В прошлом путаницы, лжи, противоречий, зигзагов, ошибок было столько, что простейшие общие выводы навязываются теперь сами собою широким кругам партии и рабочего класса. И так как эти элементарные выводы насчет нынешнего руководства совпадают в основном с тем, что проповедовала оппозиция, то аппарат оказался вынужден начать сначала всю свою проработку "троцкизма", чтобы попытаться таким путем помешать контакту между критическим недовольством партии и формулами оппозиции. Но нет сомнения, что в подогретом виде сие блюдо не принесет спасения. В некоторых последних статьях, например, у этого беспомощного Покровского⁷³, запоздалый призыв к проработке "троцкизма" имеет явно-панический характер. Нельзя достаточно высоко оценить значение этих симптомов. В партии многое сдвинулось и идет нам навстречу

На Западе мы делаем серьезные успехи, особенно в романских странах. Официальная печать французской компартии окончательно отказалась следовать приведенному выше совету Молотова, от которого (совета) Молотов, впрочем, и сам успел отказаться.. От глупейших наскоков в стиле "врангелевского офицера" французская компечать пытается переходить к принципиальной полемике. Только этого нам и надо! Французская оппозиция все более активно участвует в выступлениях компартии, регистрирует их, критикует и разрушает постепенно стену между собой и партией. Оппозиция нашла опору в синдикальном движении, где наши единомышленники опубликовали свою платформу и создали свой центр, продолжая, разумеется, вести борьбу за унитарную конфедерацию труда (CGTU). В итальянской партии за последнее время также произошли очень серьезные сдвиги. Вы знаете об исключении из партии тов. Бордиги⁷⁴, недавно вернувшегося из ссылки, по обвинению в солидарности с Троцким. Итальянские товарищи писали нам, что Бордига, ознакомившись с последними нашими изданиями, действительно заявил будто бы об общности взглядов. Одновременно с этим в официальной партии произошел давно подготовлявшийся раскол. Несколько членов центрального комитета, выполнявших самую ответственную работу в партии, отказались принять теорию и практику "третьего периода". Они были объявлены "правыми", но на самом деле они не имеют ничего общего с Таска⁷⁵, Брандлером⁷⁶ и компанией. Расхождение по вопросу о "третьем периоде" заставило их пересмотреть споры и разногласия последних лет, и они заявляют о своей полной солидарности с международной левой оппозицией. Это чрезвычайно ценное расширение наших рядов!

В одном из прошлых писем я подчеркивал, что истекший год был годом большой подготовительной работы международной левой оппозиции и что теперь можно ждать политических результатов проделанной работы. Приведенные выше факты, касающиеся двух стран, свидетельствуют, что эти результаты уже начали принимать осязательную форму. Недаром же органы Коминтерна сочли себя вынужденными, вслед за органами ВКП, встать на путь открытой "принципиальной" полемики с нами, что, конечно, послужит нам только на пользу.

XVI съезд, разумеется, еще не обнаружит этих явных, бесспорных, многообещающих, но все же лишь начинающих сдвигов в ВКП и Коминтерне. Это по-прежнему будет съезд сталинской бюрократии. Но бюрократии испуганной, растерянной, "задумавшейся".

Организационно Сталин, вероятно, сохранит свои позиции на съезде. Более того, формально этот съезд ведь подытожит всю серию "побед" Сталина над противниками и увенчает систему "единоличия". Но несмотря на это, вернее сказать, вследствие этого, можно сказать без малейших колебаний: XVI съезд будет последним съездом сталинской бюрократии. Как XV съезд, увенчавший победу "ад левой оппозицией", дал могущественный толчок распаду право-центристского блока, так XVI съезд, который должен увенчать разгром правых, даст толчок к распаду бюрократического централизма. Этот распад должен будет пойти тем быстрее, чем дольше он сдерживался системой грубой и нелояльной аппаратчины. Все это не только открывает перед оппозицией новые возможности, но и налагает на нее величайшие обязанности. Путь в партии лежит только через возрождение самой партии, следовательно, через усиление принципиально выдержанной теоретической и (Политической работы оппозиции в партии и рабочем классе. Все остальное приложится.

С крепким коммунистическим приветом,
Л. Троцкий Принкипо, 23 мая 1930 г.

ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ЦК И ПРЕЗИДИУМ ЦКК

Совершенно секретно

В Политбюро ВКП(б), в президиум ЦКК

История снова подошла к одному из великих поворотов. В Германии сейчас решается судьба немецкого пролетариата, Коминтерна и СССР. Политика Коминтерна ведет германскую революцию к гибели с такой же неизбежностью, с какой доведена была до гибели китайская революция, хотя на этот раз и с противоположного конца. Все необходимое на этот счет сказано мною в другом месте. Повторяться здесь нет смысла. Может быть, два-три месяца - в самом лучшем случае - остается еще на то, чтобы изменить гибельную политику, ответственность за которую лежит целиком на Сталине.

Я не говорю о ЦК, так как он по существу упразднен. Советские газеты, в том числе и партийные, говорят о "руководстве Сталина" о "шести указаниях Сталина", "о предписаниях Сталина", о "генеральной линии Сталина", совершенно игнорируя ЦК. Партия диктатуры доведена до такого унижения, когда невежество, органический оппортунизм и нелояльность одного лица налагают печать на великие исторические события. Безнадежно запутавшись в Китае, Англии, Германии, во всех странах мира, и прежде всего в СССР, Сталин в борьбе за спасение личного дутого престижа поддерживает сейчас в Германии политику, автоматически ведущую к катастрофе небывалого еще исторического масштаба.

Чтоб не создавать Сталину затруднений, доведенная до рабского состояния "партийная" печать вообще молчит о Германии. Зато много говорит о "троцкизме". Целые страницы снова заполнены "троцкизмом". Задача состоит в том, чтобы заставить поверить, что "троцкизм" есть "контрреволюционное" течение, "авангард мировой буржуазии". Под этим знаком созывается XVII партконференция. Совершенно ясно, что эта неизменная агитация преследует не какие-либо "идеологические" цели, а весьма определенные практические, точнее сказать, персональные задачи. Если кратко формулировать их, то придется сказать: на очередь поставлена туркулизация[77] политики по отношению к представителям левой оппозиции.

Через официальную политическую печать на Западе Сталин пустил разоблачения относительно замыслов белогвардейской террористической организации, скрыв в то же

время эти факты от рабочих СССР. Цель напечатания разоблачений за границей совершенно ясна, обеспечить Сталину алиби в его общем труде с генералом Туркулом[78]. Имена Горького[79] и Литвинова[80] присоединены скорее всего для маскировки.

Вопрос о террористической расправе над автором настоящего письма ставился Сталиным задолго до Туркула: в 1924-25 гг. Сталин взвешивал на узком совещании доводы за и против. Доводы за были ясны и очевидны. Главный довод против был таков: слишком много есть молодых самоотверженных троцкистов, которые могут ответить контртеррористическими актами.

Эти сведения я получил в свое время от Зиновьева и Каменева[81] после их перехода в оппозицию, притом в таких обстоятельствах и с такими подробностями, которые исключали какие бы то ни было сомнения в достоверности сообщений: Зиновьев и Каменев, как вы, надеюсь, не забыли, принадлежали к общей правящей "тройке" со Сталиным, стоявшей над ЦК: они были в курсе того, что было "совершенно недоступно рядовым членам ЦК. Если Сталин вынудил Зиновьева и Каменева опровергнуть их тогдашние показания, никто этому не поверит.

Вопрос в 1925 году был снят; как показывают нынешние события - только отложен.

Сталин пришел к выводу, что высылка Троцкого за границу была ошибкой. Он надеялся, как это известно из его тогдашнего запротоколированного заявления в Политбюро, что без "секретариата", без средств Троцкий станет только беспомощной жертвой организованной в мировом масштабе бюрократической клеветы. Аппаратный человек просчитался. Вопреки его предвидениям оказалось, что идеи имеют собственную силу, без аппарата и без средств. Коминтерн есть грандиозная постройка, теоретически и политически совершенно опустошенная. Будущее революционного марксизма, а значит и ленинизма, неразрывно связано отныне с международными кадрами левой оппозиции. Никакая фальсификация не поможет. Основные работы оппозиции изданы, издаются или будут издаваться на всех языках. Пока еще немногочисленные, но несокрушимые кадры имеются во всех странах. Сталин отлично понимает, какая грозная опасность - лично для него, для его фальшивого "авторитета", для его бонапартистского могущества заложена в идейной непреклонности и упорном росте международной левой оппозиции.

Сталин считает: надо исправить ошибку. План его разворачивается по трем каналам: во-первых, оглашены за границей добытые ГПУ сведения о террористическом покушении на Троцкого, подготовляемом генералом Туркулом (в созданных для него Сталиным максимально благоприятных условиях), во-вторых, открыта "идеологическая" интернациональная кампания, которая должна завершиться резолюцией партийной конференции и Коминтерна: эта резолюция нужна Сталину как своего рода политический мандат на сотрудничество с Туркулом; в-третьих, руками ГПУ Сталин подбирает и подчищает с поистине зверским неистовством все подозрительное, ненадежное, сомнительное, чтоб обеспечить себя от контрударов.

Я, разумеется, не посвящен в технику предприятия: Туркул ли будет подбрасывать дело рук своих Сталину, Сталин ли будет прятаться за Туркула - этого я не знаю, но это хорошо знает кое-кто из Ягод, играющих роль посредников при несомненном содействии знаменитого "врангелевского офицера"[82].

Незачем говорить, что планы и замыслы Сталина ни в какой мере и ни с какой стороны не могут повлиять на политику левой оппозиции и на мою, в частности. Политическая судьба Сталина, развратителя партии, могильщика китайской революции, разрушителя

Коминтерна, кандидата в могильщики немецкой революции, предрешена. Его политическое банкротство будет одним из самых страшных в истории. Вопрос идет не о Сталине, а о спасении Коминтерна, пролетарской диктатуры, наследия Октябрьской революции, о возрождении партии Ленина. Большинство чиновников, на которых опирается Сталин в СССР, как и во всех секциях Коминтерна, разбежится при первых раскатах грома. Левая оппозиция останется верна знамени Маркса и Ленина до конца!

Настоящий документ будет храниться в ограниченном, но вполне достаточном количестве экземпляров, в надежных руках, в нескольких странах. Таким образом, вы предупреждены!

4 января 1932 г. Кадыкей

ПИСЬМО ЦИОНУ[83]

Многоуважаемый г. Цион[84] (к сожалению, не знаю вашего имени-отчества).

Совершенно верно, что г. Беглин передавал мне ваши вопросы; однако он при этом не только не связал ваше имя со свеаборгским восстанием, но и не сказал мне, что вы русский. Я полагал, что дело идет о скандинавском журналисте, и потому отозвался неведением. Разумеется, я очень хорошо помню ваше имя в связи со свеаборгским восстанием.

Письмо Ваше я получил уже в дороге, вдогонку, и говорить с Вами по телефону не имел возможности. Отвечаю вкратце письмом.

Вы пишете, что в моих же "интересах" рассеять неблагоприятное обо мне впечатление в Швеции. Если б дело шло только об этом, то, право же, не стоило макать перо в чернильницу . . .

Поставленные вами вопросы, признаться, несколько удивляют меня, так ли уж они характерны для определения человека?

"Какое ваше любимое занятие, кроме охоты и рыбной ловли"? Охота и рыбная ловля для меня не занятие, а отдых. "Любимое занятие" - умственная деятельность: чтение, размышление и, пожалуй, писание.

Мой "любимый" советский писатель? События последних 20 лет чрезвычайно сузили в моем сознании место художественной литературы. "Любимые" писатели - художники были у меня 25-30 лет тому назад. Сейчас я с наибольшим интересом читаю, пожалуй, Бабеля[85].

Об иностранных писателях сказать еще труднее. Современных я знаю слишком мало, и отзыв мой имел бы совершенно случайный характер.

Труден также вопрос насчет философов. Я беру философию-(поскольку вообще знаком с ней) в ее развитии. Но я бы очень затруднялся назвать имя философа, который в моих глазах стоял бы "выше остальных".

То же самое, в известном смысле, относится и к историческим лицам. Могу сказать, что Фридрих Энгельс, как человеческая фигура, импонирует мне в высшей степени. Разумеется, историческая роль Маркса гораздо выше.

Какое время своей жизни считаю самым счастливым? На этот вопрос совсем уже не умею ответить. Во все периоды жизни было попеременно - и хорошее, и плохое. Подводить "баланс" отдельным периодам, право же, не умею и никогда так к своей жизни не подходил.

Вот и все, что могу сказать. Желаю вам всяких успехов.

16 декабря 1932 г.

ПИСЬМО В ПОЛИТБЮРО ВКП(б)[86]

Секретно

Политбюро ВКП(б)

Я считаю своим долгом сделать еще одну попытку обратиться к чувству ответственности тех, кто руководит в настоящее время советским государством. Обстановка в стране и в партии вам видна ближе, чем мне. Если внутреннее развитие пойдет дальше по тем рельсам, по которым оно движется сейчас, катастрофа неизбежна. Нет надобности давать в этом письме анализ действительного положения. Это сделано в № 33 Бюллетеня, который выходит на днях. В другой форме, но враждебные силы в сочетании с трудностями ударят по советской власти с неменьшим напором, чем фашизм ударил по немецкому пролетариату. Совершенно безнадежной и губительной является мысль овладеть нынешней обстановкой при помощи одних репрессий. Это не удастся. В борьбе есть своя диалектика, критический пункт которой вы давно оставили позади. Репрессии будут чем дальше, тем больше вызывать результат, противоположный тому, на какой они рассчитаны: не устрашать, а наоборот, возбуждать противника, порождая в нем энергию отчаяния. Самой близкой и непосредственной опасностью является недоверие к руководству и растущая вражда к нему. Вы знаете об этом не хуже меня. Но вас толкает по наклонной плоскости инерция вашей собственной политики, а между тем в конце наклонной плоскости-пропасть.

Что надо сделать? Прежде всего возродить партию. Это болезненный процесс, но через него надо пройти. Левая оппозиция - я в этом не сомневаюсь ни на минуту - будет готова оказать ЦК полное содействие в том, чтоб перевести партию на рельсы нормального существования без потрясений или с наименьшими потрясениями.

По поводу этого предложения кто-нибудь из вас скажет, может быть, левая оппозиция хочет таким путем придти к власти. На это я отвечаю: дело идет о чем-то неизбежно большем, чем власть вашей фракции или левой оппозиции. Дело идет о судьбе рабочего государства и международной революции на многие годы. Разумеется, оппозиция сможет помочь ЦК восстановить в партии режим доверия, немыслимый без партийной демократии, лишь в том случае, если самой оппозиции будет возвращена возможность нормальной работы внутри партии. Только открытое и честное сотрудничество исторически возникших фракций с целью превращения их в течения партии и их дальнейшего растворения в ней может в данных конкретных условиях восстановить доверие к руководству и возродить партию.

Опасаться со стороны левой оппозиции попыток повернуть острие репрессий в другую сторону нет оснований: такая политика уже испробована и исчерпала себя до дна; задача ведь и состоит в том, чтоб общими силами устранить ее последствия.

У левой оппозиции есть своя программа действий, как в СССР, так и на международной арене. Об отказе от этой программы не может быть, конечно, речи. Но насчет способов изложения и защиты этой программы перед ЦК и перед партией, не говоря уж о способах ее проведения в жизнь, может и должно быть достигнуто предварительное соглашение с той целью, чтоб не допустить ломки и потрясений. Как ни напряжена атмосфера, но разрядить ее можно в несколько последовательных этапов при доброй воле с обеих сторон. А размеры опасности предполагают эту добрую волю, вернее, диктуют ее. Цель настоящего письма в том, чтоб заявить о наличии доброй воли у левой оппозиции.

Я посылаю это письмо в одном экземпляре, исключительно для Политбюро, чтоб

предоставить ему необходимую свободу в выборе средств, если б оно, ввиду всей обстановки, сочло необходимым вступить в предварительные переговоры без всякой огласки.

15 марта 1933 г.

Принкипо Л. Троцкий

Пояснение

Полтора месяца тому назад приведенное выше письмо было отправлено в Политбюро ЦК ВКП(б). Ответа не последовало; вернее, ответ дан целым рядом действий сталинской клики: новым разгулом арестов в СССР, одобрением губительной политики Коминтерна в Германии и пр. В другой исторической обстановке и на других социальных основах Сталин проявляет ту же бюрократическую слепоту, что и какой-нибудь Керенский⁸⁷ или Примо-де-Ривера⁸⁸ накануне падения. Сталинская клика идет семимильными шагами навстречу гибели. Весь вопрос в том, удастся ли ей обрушить в пропасть и советский режим? Во всяком случае она делает для этого все, что может.

Мы рассылает этот документ ответственным работникам в предположении, даже в уверенности, что среди слепцов, карьеристов, трусов имеются и честные революционеры, у которых глаза не могут не раскрыться на действительное положение вещей.

Мы призываем этих честных революционеров связаться с нами. Кто захочет, тот найдет пути.

10 мая 1933 г.

Париж Редакция "Бюллетеня оппозиции"

ПРИЛОЖЕНИЯ

Л. Седов. Переезд в Алма-Ату

Дорогой друг, ты просил подробно описать путешествие наше до Алма-Аты - изволь. Делаю это в форме протокольных записей - дневника. Кое-что по понятным причинам пропускаю.

После крайне утомительных последних дней, особенно для нашего мнимого "отъезда", долго спалось. Я еще одевался, это было в начале первого часа, когда услышал звонок, затем топот ног и незнакомые голоса в коридоре. "ГПУ" - мелькнуло. Так и есть, в коридоре стояла их целая группа, одетых в военную форму. Во главе с распорядившимся вчера на вокзале. На руках он имел ордер (как я узнал позже) приблизительно следующего содержания: "Предлагается коменданту т. К ... препроводить под конвоем гражданина Троцкого в г. Алма-Ату-немедленно". Подпись: Ягода. Обращаясь к Л. Д., комендант докладывает: "Отъезд ваш назначен сегодня в 2 ч 35 мин". - "То есть как?.. А вещи? Мы не уложились ... За два часа до отхода поезда предупреждаете - безобразие". - "Мы поможем, поможем уложиться", - беспомощно повторяют они. Л. Д. отказался добровольно ехать, зашел в крайнюю комнату (спальню), куда мы все за ним проследовали. Кроме нас, т. е. Наталии Ивановны, брата и меня (Аня^[89] была на работе), были И. и Ф. В.^[90], случайно у нас находившиеся. Комнату заперли ... За дверью голос: "Тов. Троцкий, разрешите сказать вам несколько слов ..." - "Вызовите Менжинского к телефону".

- "Слушаюсь". Перерыв. "Тов. Троцкий (за дверью)! Менжинского нет" "Тогда Ягоду". Уходит. Ждем. "У телефона", - слышим, но по голосу как-то неуверенно. Л. Д. отпирает и выходит в коридор, где у нас телефон. Там происходит следующий диалог: "Алло!" - "Слушаю". - "Кто говорит? Товарищ Ягода?" - "Нет, Дерибас91". Не отвечая дальше, вешает трубку. Обращаясь к гепеурам: "Иван Никитич Смирнов Дерибаса на фронте не дострелял за трусость, говорить с ним не желаю. Я просил Менжинского или Ягоду". Опять запирается дверь. "Их нет". - "Они спрятались под кровать и боятся подходить к телефону". Несколько секунд молчания ... "Товарищ Троцкий, послушайте меня, что вы от меня прячетесь?" Л. Д. нем, его взорвало. Он подошел вплотную к двери: "Не нагличайте. Вы ворвались в мою квартиру и смеете говорить, что я от вас прячусь..." Молчат. Выхожу в коридор; прошу разрешения позвонить жене либо за ней послать.

(Никаких самостоятельных переговоров никто из нас не ведет, кроме Л. Д. - так он требует. О моем требовании видеть жену перед отъездом и взять у нее необходимые мне очки он уже говорил - они обещали). Мне отвечают: "Хорошо, вот сейчас", но ничего не предпринимают. Беру телефон. "Нельзя!" Выхожу на кухню, и туда пришли, с черного хода; стоит громадный детина Возвращаюсь в нашу "крепость". Слышу звонок. К Сергею (брату) пришел товарищ, беспартийный студент - попал в засаду. Не выпускают. На лице изумление и немного испуг. (Его продержали недели две во "внутренней".) Быстро возвращаюсь, за мной запирают ... За дверью тот же голос: "Я вынужден буду взять вас силой" (это, конечно, заранее согласовано). Молчим. Ковыряют чем-то в замке - не удается. Предлагаю забаррикадироваться мебелью. Л. Д. решительно отказывается. За дверью слышно распоряжение; "Ломайте двери!" По-видимому, ищут чем, наконец находят и пробивают стекло в дверях. В отверстие видно, что орудут нашей стамеской. Затем просовывается рука и не без опасения быстро отпирает. Входят, вернее, вваливаются. Они взволнованы, мы тоже. "Товарищ Троцкий, я должен выполнить приказ хотя бы силой ... Стреляйте в меня, стреляйте!" - вдруг истерически кричит он. В ответ им: "Что вы вздор городите, никто в вас стрелять не собирается". Осели сразу. С наглым видом входят несколько штатских гепеуров. Среди них знакомые лица: вчерашний (омерзительный толстяк, хам) и Барычкин. Бывший мытищинский рабочий, когда-то неплохой революционер (по отзыву Л. Д.), теперь вконец разложившийся пьяница и растратчик. "Штатские, шапки снимите, вы не на улице". Растерялись. "Мы-коммунисты", - слабо отвечают. И наглость как-то сразу спала, стушевываются в коридор. Старший распоряжается: "Принесите пальто и шапку". К Л. Д.: "Мы солдаты - приказ, сами знаете, были военным". "Я никогда не был солдатом, я был солдатом Октябрьской революции, а это совсем не одно и то же". Кратко им рассказывает, как англичане снимали в Канаде с теми же словами: "приказ", "мы подчиненные" и пр.92 Выбегаю в коридор, у себя в комнате беру документы, папиросы. У телефона Ф. В. звонит к себе на квартиру и успевает сообщить, что увозят. Я беру второй телефон, называю два номера, как на зло, оба заняты. Тот же громадный детина, приставленный теперь к телефону, нам не мешает; то ли от растерянности, то ли неизвестно отчего. Звонок. Беру трубку. Белобородов. Успеваю сказать: "Казанский, берут сейчас". Старший выхватывает трубку. "Это не честно!" - восклицает патетически. Болван, хочется ответить - молчу. Л. Д. под руки тащут по коридору; это момент, когда я теряю свое относительное спокойствие. Н. И. [Седова] одевается и идет за ним. Его протискивают, ее пропускают в дверь, затем захлопывают и нас не пускают. "Я еду также, пустите", - говорю одеваясь. Не помогает: "Нельзя, не велено". Врат что-то кричит им, вернее, ругается. Медлить некогда. Дружно

наваливаемся на гепеура-оттаскиваем его от двери. Я открываю и выскакиваю. Сергей притискивает гепеура в угол. За мной в это время проскакивают Ф. В. и И. За ними Сергей. Дверь взята. На ступеньках лестницы сидит Л. Д. Живо мне вспомнилась Канада ... "Долой английский ... то бишь сталинский произвол". Сбегаю по лестнице, начинаю с Н. И. звонить по квартирам. В стеклянных дверях показываются испуганные лица, что-то им кричу. Л. Д. сносят с лестницы. Позже он рассказывает забавную подробность; т. к. несущих было всего трое, им было тяжело, все время невероятно пыхтели и часто останавливались отдышаться.

Во дворе у подъезда - машина, в нее буквально втискивают. Сергей садится уже на ходу, без шапки. На дворе несколько недоуменных лиц. В машине нас 9-10 человек, битком, друг на друге. В окно видим машины спереди и сзади-"провожают". По дороге предлагаю брату выскочить, оповестить товарищей и Аню. Не соображаю, что в суматохе И. ушла. На Лубянской площади делаем попытку; горячимся, за нами смотрят в оба. Сергей успевает просунуть лишь ноги - дверцами его прищемляют. Обоих нас держат. Подъезжаем к Каланчевской площади - месту расположения вокзалов. Заворачиваем, но не на Казанский, а все на тот же знаменитый - Ярославский. Въезжаем во двор, кто-то вскакивает на подножку и указывает путь. Высаживаемся почти у платформы. Из задней машины выскакивает Беленький[93] и К°. (И этот трусливый глупец здесь). "Как с вещами?" - спрашивает Л. Д. "Все, все доставлено", - отвечает Беленький. - "Вы лжете, как лгали тогда у покойного Иоффе[94], что не было мне письма, а сами украли его"95. Л. Д. ведут под руки, затем начинают нести. Пусто. Вдалеке редкие железнодорожники. Кричу им: "Товарищи рабочие, смотрите, как несут товарища Троцкого". У одного (Л. Д. видит) взволнованное лицо. Меня хватают за спину и то, что называется, за шиворот. Слышу грубые ругательства: "Замолчи" ... Вдруг выпускают, сразу не понимаю, в чем дело. Продолжаю кричать. Позже узнаю: Сергей ударил державшего (того же Барычкина) по физиономии. "А так как, - рассказывал он, - мишень у него широкая, попал неплохо". Тот пустил меня сразу, закрыл лицо рукой и отошел ...

У платформы стоит отдельный вагон (Сев. дор. 5439) с паровозом. Повторяется история у дверей - нас никого не пускают. Затем предлагают ехать всем до места назначения. Жалкая неразбериха - как растеряны.

В вагоне занимаем отведенное нам купе; там же у окна садится гепеур. У открытых дверей становится другой. Л. Д. шутит, вспоминает увоз, вообще ищем веселую сторону этой "поездки". О Дерибасе Л. Д. замечает: мелкий, жалкий карьерист. О Беленьком: тот Грища[96] (брат его) за границей был эмигрантом-революционером, этот, кажется, просто скрывался от воинской повинности. Затем он нарочито громко начинает говорить о том, как у нас высылку не умеют организовать как следует быть, как и хозяйство наладить. Одно к одному. С ненавистью говорит о неряшливости - это не случайная черта ... И в хозяйстве, и в теории, и в высылке. Эта черта мелкобуржуазная. (Кстати сказать, как говорили, организация ссылки была под руководством Бухарина[97].) Тут же Л. Д. заходит "объясняться" с конвоем. Говорит, что лично против них - лишь исполнителей - ничего не имеет, что демонстрация (т. е. отказ добровольно идти) имела чисто политический характер. Повторяет им о неумении ГПУ организовать высылку. Шум подняли, вся Москва об этом знает, т. е. достигли как раз того, чего хотели избежать. Кряхтят . . . Комендант бормочет что-то вроде: "Да, неважно было" ... Л. Д. смеется: "Мне приходилось участвовать и организовывать операции посложнее этой; как бы я здесь поступил, будучи на вашем месте? . .". И он набрасывает им план организации ссылки . . . Далее рассказывает им, в

назидание, так сказать, историю с Биде Фопа, полицейским чиновником, руководившим высылкой Л. Д. из Франции в 1910 году. Этот Биде Фопа попал затем в Россию, остался после Октябрьской революции и в 1918 году как будто бы был арестован ВЧК. Льву Давыдовичу привезли его. Привез тот самый Дерibas, который теперь руководит его ссылкой в Алма-Ату. Л. Д. сразу узнал Биде - он был небрит, без воротничка, обрюзг. "Ну да" месье, это я". - "Как же это так случилось?" - спросил его Л. Д. - "Когда-то вы высылали, а теперь сидите у нас в тюрьме". "Таков ход событий", - ответил тот философски. (Позже его обменяли на кого-то). "Как видите, - сказал Л. Д. слушавшим гепеурам,- история повторяется; она еще многое покажет, история".

Итак, мы едем. Где-то дальше нас должны прицепить к поезду "Москва-Ташкент". Едем без необходимых самых вещей, без перчаток, галош - а ведь зима. "Поезд" наш переходит с Северной дороги на Казанскую и доходит до станции Фаустово, верстах в 50-ти от Москвы. Останавливаемся саженьях в 80-100 от платформы; будем дожидаться ташкентского поезда. Выхожу из вагона; не препятствуют. Направляюсь на станцию для "разведки", может быть, телеграфировать. В двух шагах сзади шествует провожающий". Захожу в темный буфет, заказываю чаю, осматриваюсь. Спутник мой юркнул в дверь с надписью "Телеграф". Решаю зайти тоже - посмотреть, что он там придумал. Там у нас (в присутствии "проводящего") происходит следующий диалог: "Где здесь подать телеграмму?" - "Это не телеграф". - "А что же это?" - "Здесь был телеграф". - "А почему же надпись на дверях?" - про должаю допрашивать. - "Ее не успели снять". - "А где же здесь телеграф?" - спрашиваю иронически. - "Здесь вообще нет телеграфа" - "Да ну?" - и, показывая на телеграфные аппараты, стоящие в комнате: - "А это что такое?" - "Это .. это ..." Запнулись, не знают, что сказать. Улыбаюсь (единственное, что мне остается), выхожу. По-прежнему провожают до вагона.

Скоро подходит поезд, с ним несколько наших чемоданов. Нас прицепляют. Прощаемся с нашими двумя провожающими: Сергеем и Ф. В-ой. Им ждать здесь несколько часов поезда на Москву; да и ехать порядочно. Хорошо еще, что брату достали у проводника вагона шапку. Трогаемся. На Алма-Ату.

Начинаем устраиваться, нам отводят два купе, в одном вещи, "столовая" и я. В другом Л. Д. и Н. И.

Из всего этого ты можешь заключить цену заметке в "Правде" (Кривде) о "братстве" и прочем. Как известно, вагона мы не выбирали, занимали его спутники-гепеуры, ехали же мы без вещей. Бумага все стерпит.

Через несколько часов на какой-то станции хочу пройтись; не выпускают. Сообщаю нашим, на этот раз решаем смолчать. Л. Д. находит, что лучше не обострять, это все равно ничего не даст. Наоборот, надо медленно завоевать себе хоть некоторую свободу, в частности, вытеснить гепеура из купе и дать этим возможность Н. И. заснуть. Это к вечеру удастся - он переселяется в коридор к открытым дверям купе. Хочу пойти в вагон-ресторан поужинать, не пускают опять. Л. Д. просит коменданта (или, как он называет, старшего) к себе. "Мне не сообщили, что семья моя тоже на положении арестованных. В чем здесь дело?" - "Не арестованы, но не имеют права", - отвечает тот. "Дайте ему с собой конвойного", - предлагает Н. И. "Это мне кажется неудобным. Под конвоем (притворно возмущенным голосом) - нет". - "Мне это вполне удобно", - пробую вставить. "Дайте ему тогда штатского, у вас ведь есть штатские . . ." "Это неудобно", - повторяет комендант и уходит. Я голоден и поэтому зол. Вдруг он возвращается: "Пожалуйста, идите". "Что такое?" - спрашивает Л. Д. - "Я очень извиняюсь, я допустил ошибку". Непонятно. И, действуя,

очевидно, по нашим указаниям, посылает со мной штатского провожатого. Выпускают не на платформу, а на внутреннюю сторону, т. е. на пути. Непонятная предосторожность.

Ночью, после того как "старички" мои легли уже спать, ко мне стучат. "Лев Давыдович уже спит?" - "Вероятно". - "Не будете ли вы так добры (вежливость-то какая) сказать, что по уставу дверь должна быть открытой". - "Скажите сами". Будят и сообщают. Л. Д. отвечает, что дверь не заперта. "Все равно, должна быть хоть щель". Боятся, что убежит, что ли.

На дверь, там, где она скользит на роликах, поперек набивают дощечку - чтоб не прикрывалась. Дверь трясется, скрипит, мешает спать ... Приходится терпеть. Я спокойно запираюсь (ведь я "не арестован"), ложусь. Так проходит этот, во всяком случае необыкновенный, день.

* * *

Все, что происходило у нас на квартире после нашего отъезда, происходило и в сотнях других квартир большевиков-ленинцев. Засада в течение суток, повальный обыск, арест 25-30 пришедших проститься товарищей, их "отсидка" в числе сотен других оппозиционеров; сперва в одиночках "внутренней", без книг и газет - на положении полной изоляции; затем в Бутырках, в ужасающих антисанитарных условиях, в общих камерах с уголовщиной всех "специальностей". Повсюду хамское обращение, грубость, издевательства . . . голодовки как единственная форма протеста - все это так хорошо известно!

В пути. 2-й день.

Едем от Рязани к Самаре. Режим немного полегчал. Выхожу на остановках гулять; сопровождают. Л. Д. читает Маркса, по-немецки. Для заработка думает переводить. Рассказывает, как Маркс блестяще, на основании политической обстановки и поведения при этом Фогта, доказывает его несомненную продажность Наполеону III, не имея никаких непосредственных улик. (Как известно, в 1871 г. найденные документы подтвердили это целиком). "Манера письма Маркса в этом произведении не для рабочих - цитаты с греческого, латинского и пр. Для узкого академического круга". Насчет стиля "Фогта" он не согласен с Энгельсом, который приравнивает его к лучшим памфлетам Маркса - "18 Брюмера" и др. "Эти образцы выше. В "Фогте" чувствуется торопливость, некоторая даже неряшливость. Конечно, это Маркс ..." "Если бы против бухаринских писаний и лжи так написать ... пришлось бы писать целые тома".

Комендант в разговоре пробалтывается, что нас везут на Ташкент. "То есть как? Ведь Верный (Алма-Ата) в стороне, не доезжая Ташкента - значит, мы не в Верный едем? Иначе непонятно, при чем здесь Ташкент". - "Нет, в Верный через Ташкент", - твердит в ответ комендант. Оправдывается профилем пути - не пройдет вагон. В Ташкенте же мы его переменим. (Кстати сказать, вагон прекрасно прошел). Очевидно, уже не в Верный, а ухудшение - думаем мы.

В Самаре получаем купленные по нашему списку наиболее необходимые вещи - в компенсацию за оставленные в Москве. Смена белья, продукты и проч. - Почти все мало или велико, словом, плохо. Среди покупок оказываются игральные карты; мы от них отказываемся. Гепеуры, очень обрадованные, садятся играть в преферанс. Трудно себе

представить бывшего чекиста - "эту карающую руку революции" с ... картами в руках ... Не те времена, не те люди. Л. Д. шутит, присваивает купленным вещам "почетные" имена: туфли им. Менжинского, кальсоны "Ягода" . . .

Хотим послать телеграмму в Москву, домой. "Хорошо, пожалуйста, - отвечает комендант, - но я, со своей стороны, предлагаю запросить по прямому проводу - это ваше право". По существу это ограничение - правда, в крайне деликатной форме: по прямому проводу "говорить" он будет сам; телеграмму же просто не послать, очевидно, кажется ему менее удобным. Как узнали позже, это "неудобство" он прекрасно обошел, не отправив ни одной из посланных через него трех телеграмм, выдавая мне при этом фиктивные квитанции.

На станции долго "маневрирую" и, уловив, наконец, момент, опускаю письмо. Оно вернее.

Коменданта Л. Д. напоминает; "Несколько раз он мне рапортовал; затем от ГПУ был в комиссии по качеству продукции, для срочных расследований и, надо сказать, не проявил ни инициативы, ни расторопности". По типу он, несомненно, бывший офицер, м. б., даже гвардейский - немного грассирует. Ночью мне доводится с ним беседовать. "Беседа" наша заключается в том, что он без конца рассказывает о прелестях природы в месте нашей ссылки. Затем вспоминает, как ему несколько раз приходилось охранять Л. Д. "Тем более странна ваша роль теперь", - замечаю я. Он пожимает плечами и говорит традиционно: "Служба". "Вам уже Лев Давыдович пытался объяснить насчет службы" . . Молчит. Расстаемся холодно. Помимо всего прочего он оказывается еще и порядочным болтуном.

3-й день. 19 января.

Едем недалеко от в стороне лежащего Уральска. "Над головой Преображенского"99, - говорит Л. Д. Присматриваемся к агентам; я с ними даже обедаю в ресторан-вагоне за одним столом. Кроме одного, явно враждебного, с неприятно-отталкивающим лицом, остальные - просто служаки-обыватели. Есть среди них и бывшие рабочие. Вопросами политическими не интересуются абсолютно. Все подряд читают книгу "Побеги революционеров" (случайно ли?), не с точки зрения убегающего революционера, очевидно, а наоборот, с точки зрения "ловца", т. е. жандарма, полицейского. Находятся все они в исключительно привилегированном положении; едят в ресторане, даже бреются, как будто бы, за счет государства. Л. Д. вспоминает, как конвойные солдаты везли его, по процессу Петербургского совета рабочих депутатов 1905 г., в Сибирь; на черном хлебе и чае. Зато и настроены иначе были, письма их тайно посылали, революционные песни разучивали ...

Проезжаем Оренбург; пейзаж однообразный - степь и степь. Редкие караваны верблюдов. Лишь в зависимости от времени дня меняется окраска. Впервые видим кустарник, растущий прямо в песках, сейчас покрытых снегом, - саксаул; оказывается, превосходное топливо. К ночи в Ак-Булаке из-за снежных заносов стоим часов десять.

4-й день. 20 января.

В Кызыл-Орде получаем газету с заметкой о высылках. Сообщение ТАСС объясняет ссылки "установлением тесного контакта с представителями иностранной буржуазии". Л. Д. разоблачает: "Подводят фундамент под 58-ю статью, на основании "факта" (провалившиеся

документы, напечатанные в "Правде" - 15 янв.), имевшего место после объявления ссылок и потому причиной уж никак служить не могущего". Сначала предложение "ответственной" работы; через день обвинение в государственном преступлении - с объяснением большинству товарищей, что за "срыв кол-договорной кампании", и, наконец, в пути уже все узнают новую причину - связь с иностранной буржуазией". Как жалко запутались, заврались эти с позволения сказать политики. "Да, изолгались вконец", - говорит Л. Д.

Комендант докладывает, что у него есть телеграмма-распоряжение везти непосредственно на Пишпек (Фрунзе) - Алма-Ата. "Ташкент" отменен. Сам он в Арыси сдает начальство другому (Аустрину) и просит дать ему записку насчет неимения к нему претензий. Л. Д. дает ему "удостоверение"[100].

Из Кзыл-Орды в вагоне с нами едет уполномоченный ГПУ по Средней Азии -Вольский. Он просит разрешения зайти, дать интересующие нас сведения о дороге и Алма-Ате. "Что ж, пускай заходит" ... Появляется небольшой, жирный человек. На все вопросы он отвечает крайне туманно - ничего толком не знает. Просто зашел, что называется, "поглазеть".

Обедаем в купе (я уже не хожу в ресторан-вагон - противны спутники). Настроение бодрое, Л. Д. много шутит, да и я понемногу стараюсь. Н. И. гораздо лучше - она ведь выехала совсем больная и первые дни очень плохо себя чувствовала.

Поезд наш из-за заносов опаздывает часов на восемнадцать. Поэтому в Арысь прибываем не 21-го, как следовало бы по расписанию, а 22-го. Поезда (ташкентского), на который мы должны пересесты и ехать до Фрунзе, приходится ожидать почти сутки (21 час). В Арыси же маленькое разнообразие в лицах. Сменяется конвой, "наши" едут в Ташкент, оттуда им прибыла смена. Общий облик, как и число, прежнее (конвоиров 12).

Ехать мы должны в девять часов вечера, а в час - два ночи с опозданием приходит московский поезд с нашими вещами. Гепе-уры по этому поводу дают телеграмму в Ташкент и получают разрешение задержать ташкентский на Пишпек, на сколько потребуется. Вообще говоря, чудовищный произвол. Ночью принимаю вещи, все, кроме моих двух чемоданов[101]; их, очевидно, второпях забыли. Еду без вещей уж окончательно - невесело.

7-й день. 23 января.

От Арыси ландшафт меняется. Теперь степь лишь с одной стороны, а с другой горы. Дорога идет крутыми подъемами (местами идем двойной тягой), спусками. Встречаются туннели. На станциях преобладает азиатское население; смуглые, рослые, в красочной одежде. При молитве становятся на колени, -подкладывая коврики, - и монотонным голосом нараспев читают . . .

8-й день. 24 января.

Утром прибываем на конечную станцию железной дороги -Пишпек (Фрунзе). Отсюда нам остается еще около трехсот верст. Ожидаем телеграмму от наших из Москвы. Сообщают, что нет. (Мы с пути дали адрес до востребования - Фрунзе). Следовательно, телеграмму нашу не послали -другого объяснения нет.

Часа в три к вагону подъезжает грузовик. На нем мы должны ехать до перевала Курдай. Легкие вещи идут с нами, тяжелые - следом гужевым транспортом. К вечеру без особых

приключений, если не считать вытаскивание грузовика из снега, доезжаем до почтовой станции у перевала. Л. Д. с утра "температурит", 37,3-но ехать надо. Дальше, через перевал мы должны ехать на лошадях, верст 30. Располагаемся до отъезда на почтовой станции. Хозяйка - женщина лет 35, казачка. Об этом она говорит с гордостью; не говоря о "татарах", крестьяне (русские): "Это что ... Мы раньше в люди выходили, дочери в гимназию, сыновья в юнкерское шли" . . . Вздыхает. Казаки здесь революцией и гражданской войной разорены. (Они шли с белыми). Но как быстро приспособились. Хозяинчают, родственники все служат, дочь работает в кооперативе, - комсомолка. "У них, небось, батраки есть,- говорит Л. Д., - которые о комсомоле и мечтать не смеют".

Гепеуры в соседней комнате торгуются с возчиками. Тех семь хозяев на девять лошадей, никак не могут поделиться ... Ждем. Постепенно укладываемся, Л. Д. исключительно старательно, аккуратно упаковывает чемодан с провизией. Каждый стакан обкладывает бумагой - "чтоб в дороге не стукнулись и разбились". Учит тепло одеваться, главным образом напирает на обувь. Н. И. читает целую лекцию с опытно-показательными примерами: о стряхивании снега с коленок и пр. Вечером так и не уехали. Не сторговались. Сейчас за дверью другой возчик, киргиз, уговаривает; "Сударь сударевич, - слышу я, - разный бывает лошадь, - мой тысячу рублей стоит". Все-таки не убедил. Едем завтра, в три часа утра. Н. И., которая отвыкла от покупок, не знает цен, за все платит слишком много. Я, указывая на это, предупреждаю, что так мы можем преждевременно обанкротиться. Л. Д., шутя, предлагает над Н.И. назначить опеку, как над разорившимся помещиком. Вообще надо сказать, что они оба, особенно Л. Д., превосходно приспособились к новым условиям. Ложимся вздремнуть; за стенкой все говорят. Гепеуры похожи на хозяйку в одном отношении - одинаково, если не хуже, презрительно говорят о киргизах: "татары", "азиаты". И каким тоном!

9-й день. 25 января.

Наконец после трехчасового ожидания выезжаем. Уже шесть утра. Едем в телегах, сани здесь не применяются: сегодня мороз, снег, завтра - тает. Укутаны мы основательно. Старшие мои имеют презабавный вид; в телегах, на сене, в солдатских тулупах и валенках. Видны одни носы. В телегу прямо валят, т. к. в такой одежде почти невозможно двигаться. О своем виде сказать ничего не могу. Темно. Мороз градусов 10-12, сильный ветер усиливает впечатление от мороза. Едем со скоростью пяти верст в час ... Переезжаем невысокие горы - перевал Курдай; ничто по сравнению с Кавказом, например. Время от времени встречаем караван-сарай, здесь укрываются путники, застигнутые бураном. Возчик с опаской говорит: "Не было бы только бурана"; они здесь очень часто бывают.

Переехав перевал, около часу отдыхаем - отогреваемся. Затем пересаживаемся на легковую машину, уже до Алма-Аты, без пересадки. С нами едет новый комендант и алма-тинский гепеур. Остальные на грузовике с вещами, следом. Едем по дороге, порой покрытой даже глубоким снегом. Смелый и необыкновенно ловкий шофер на машине АМО по этой трудной дороге гонит, что называется, вовсю. Он из броневиков - там, говорит, поле зрения меньше было, труднее приходилось ..,[102]

Из писем Н. И. Седовой-Троцкой[103] Саре Якобс-Вебер[104]

Знаете, месяца за два, за три до нашей высылки в Алма-Ату (давно это было) происходили частые и бурные заседания Политбюро. Близкие товарищи и друзья собирались у нас на квартире в ожидании окончания заседания ПБ и возвращения Л. Д. с Пятаковым, чтобы узнать о происходящем. Помню одно такое заседание. Ждали мы их возвращения с нетерпением. Заседание затянулось. Первый пришел Пятаков, ждем, что он скажет. Он молчит, бледный, уши горят. Очень взволнован. Встает, наливает себе стакан воды, потом второй, выпивает. Вытирает платком пот со лба и говорит; "Ну, знаете, на фронте бывал, а такого не видел!" В это время входит Л. Д. Он [Пятаков] обращается к нему и говорит: "Ну зачем вы ему (Сталину) это сказали?! Ведь он вам этого не забудет, ни вам, ни вашим детям, ни вашим внукам!". Тогда это казалось таким далеким в отношении детей, особенно внуков. И никто, конечно, ни на минуту не сомневался в том, что надо было это сказать, и правильность, испугавшая Пятакова, слов Л. Д. подтвердилась. Но и слова Пятакова начинают подтверждаться: сын недалеко и от внука.

4 июня 1935 г.

Помню, как обвинял его Пятаков, когда на заседании П[олит] б[юро] Л. Д. [Троцкий] назвал Сталина "могильщиком партии и революции". После заседания, у нас в столовой (в Кремле), где ждали конца заседания друзья наши, П[ятаков] сказал Л. Д.: "Кто вас тянул за язык, ведь он (Ст[алин]) не забудет вам этого, ни вашим детям, ни внукам". Л. Д. ничего не ответил. Незачем было.

Нужно было сказать правду, чего бы она ни стоила. Заседатели конгресса [20 съезда партии], конечно, не посмели этого сделать.

21 февраля 1956 г.

Очень меня взволновало чтение вашей главы о борьбе Сталина с оппозицией, Дечера105. Я перенеслась в обстановку этих последних дней "рукопашной" ... вижу, вижу все с ясностью вчерашнего дня, слышу телефонный разговор Л. Д. с Бухариным - голос его, страстное негодование - отъезд в Алма-Ату ...

29 февраля 1960 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1933 ГОДА

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Итак, на наших паспортах проставлены отчетливые и бесспорные французские визы. Через два дня мы покидаем Турцию. Когда мы с женой и сыном прибыли сюда - четыре с половиной года тому назад, - в Америке ярко горело солнце "просперити". Сейчас те времена кажутся доисторическими, почти сказочными.

Принкипо - остров покоя и забвения. Мировая жизнь доходит сюда с запозданием и в приглушенном виде. Но кризис нашел дорогу и сюда. Из года в год на лето из Стамбула приезжает меньше людей, а те, что приезжают, имеют все меньше денег. К чему обилие рыбы, когда на нее нет спроса?

На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимою, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы. Здесь нет не только театров, но и кинематографов. Езда на автомобилях запрещена. Много ли таких мест на свете? У нас в доме нет телефона. Ослиный крик успокоительно действует на нервы. Что Принкипо есть остров, этого нельзя забыть ни на минуту, ибо море под окном, и от моря нельзя скрыться ни в одной точке острова. В десяти метрах от каменного забора мы ловим рыбу, в пятидесяти метрах омаров. Целыми неделями море спокойно, как озеро.

Но мы тесно связаны с внешним миром, ибо получаем почту. Это кульминационная точка дня. Почта приносит новые газеты, новые книги, письма друзей и письма врагов. В этой гряде печатной и исписанной бумаги много неожиданного, особенно из Америки. Трудно поверить, что существует на свете столько людей, кровно заинтересованных в спасении моей души. Я получил за эти годы такое количество религиозной литературы, которого могло бы хватить для спасения не одного лица, а целой штрафной команды грешников. Все нужные места в благочестивых книгах предупредительно отчеркнуты на полях. Не меньшее количество людей заинтересовано, однако, в гибели моей души и выражает соответственные пожелания с похвальной откровенностью, хотя и без подписи. Графологи настаивают на присылке им рукописи для определения моего характера. Астрологи просят сообщить день и час рождения, чтоб составить мне гороскоп. Собиратели автографов уговаривают присоединить мою подпись к подписям двух американских президентов, трех чемпионов бокса, Альберта Эйнштейна[1], полковника Линдберга[2] и, конечно, Чарли Чаплина[3]. Такие письма приходят почти исключительно из Америки. Постепенно я научился по конвертам отгадывать, просят ли у меня палки для домашнего музея, хотят ли меня завербовать в методистские проповедники или, наоборот, предрекают вечные муки на одной из вакантных адских жаровен. По мере обострения кризиса пропорция писем явно изменилась в пользу преисподней.

Почта приносит много неожиданного. Несколько дней тому назад она принесла французскую визу. Скептики - они имелись и в моем окружении - оказались посрамлены. Мы покидаем Принкипо. Уже дом наш почти пуст, внизу стоят деревянные ящики, молодые руки забивают гвозди. На нашей старой и запущенной вилле полы были этой весной окрашены такого таинственного состава краской, что столы, стулья и даже ноги слегка прилипают к) полу и сейчас, четыре месяца спустя. Странное дело: мне кажется, будто мои ноги немножко приросли за эти годы к почве Принкипо.

С самим островом, который можно пешком обойти по периферии в течение двух часов, я

имел, в сущности, мало связей. Зато тем больше - с омывающими его водами. За 53 месяца я близко сошелся с Мраморным морем при помощи незаменимого наставника. Это Хараламбос, молодой греческий рыбак, мир которого описан радиусом примерно в 4 километра вокруг Принкипо. Но зато Хараламбос знает свой мир. Безразличному глазу море кажется одинаковым на всем его протяжении. Между тем дно его включает неизмеримое разнообразие физических структур, минерального состава, флоры и фауны. Хараламбос, увы, не знает грамоты, но прекрасную книгу Мраморного моря он читает артистически. Его отец, и дед, и прадед, и дед его прадеда были рыбаками. Отец рыбачит и сейчас. Специальностью старика являются омары. Летом он не ловит их сетями, как прочие рыбаки, как ловим их мы с его сыном, а охотится на них. Это самое увлекательное из зрелищ. Старик видит убежище омара сквозь воду, под камнем, на глубине пяти, восьми и более метров. Длиннейшим шестом с железным наконечником он опрокидывает камень, - и обнаруженный омар пускается в бегство. Старик командует гребцу и вторым шестом, на конце которого укреплен маленький сетчатый мешок на квадратной раме, нагоняет омара, накрывает его и поднимает вверх. Когда море подернуто рябью, старик бросает с пальцев масло на воду и глядит через жирные зеркальца. За хороший день он ловит 30, 40 и больше омаров. Но все обеднели за эти годы, и спрос на омаров так же плох, как на автомобили Форда.

Ловля сетями, как промысловая, считается недостойной свободного артиста. Поверхностный и ложный взгляд! Ловля сетями есть высокое искусство. Надо знать место и время для каждого рода рыбы. Надо уметь расположить сеть полукругом, иногда кругом, даже спиралью, применительно к конфигурации дна и де-сятку других условий. Надо опустить сеть в воду бесшумно, быстро развязывая ее на ходу лодки. Надо, наконец, - не последнее дело - загнать рыбу в сеть. Это делается ныне так же, как делалось 10 и более тысяч лет тому назад: при помощи швыряемых с лодки камней. Заградительным огнем рыба загоняется в дугу, потом в самую сеть. В разное время года, при разном состоянии моря нужно для этого разное количество камней. Запас их приходится время от времени обновлять на берегу. Но в лодке имеются два постоянных камня на длинных шнурах. Надо уметь метать их с силой и сейчас же быстро извлекать из воды. Камень должен упасть близко возле сети. Но горе, если он угодит в самую сеть и запутается в ней: Хараламбос покарает уничтожающим взглядом, - и он прав. Из вежливости и социальной дисциплины Хараламбос признает, что я, в общем, неплохо бросаю камни. Но стоит мне самому сравнить свою работу с его работой, как гордыня сразу покидает меня. Хараламбос видит сеть под водой, когда она для меня уже невидима, и он знает, где она, когда она невидима и для него. Он ее чувствует не только перед собою, но и за своей спиной. Его конечности всегда соединены с сетью таинственными флюидами. Вынимать сеть - тяжелая работа. Хараламбос туго подвязывает живот широким шерстяным шарфом даже и в жаркие июльские дни. Нужно грести, не обгоняя и не отставая, следуя по дуге сети - это уже моя забота. Я не скоро научился подмечать почти незаметные движения рукой, при помощи которых мастер указывает помощнику направление. Выбросив в воду 15 кило камней, Хараламбос вытаскивает нередко сеть с одной единственной рыбкой, размером в палец. Иногда же вся сеть живет и трепещет от пойманной рыбы. Чем объяснить эту разницу? "Дениз", - отвечает Хараламбос, пожимая плечами. "Дениз" значит "море", и это слово звучит, как "судьба".

Мы объясняем с Хараламбосом на новом языке, постепенно сложившемся из турецких, греческих, русских и французских слов, сильно измененных и редко

употребляемых нами по прямому назначению. Фразы мы строим так, как двух- и трехлетние дети. Впрочем, наиболее частые операции я твердо называю по-турецки. Случайные свидетели заключили отсюда, что я свободно владею турецким языком, и газеты сообщили даже, что я перевожу американских писателей на турецкий язык. Явное преувеличение!

Бывает так, что едва успеем опустить сеть, как вдруг послышится за спиной всплеск и сопение. "Дельфин", - кричит Хараламбос в тревоге. Беда! Дельфин ждет, пока рыбаки нагонят камнями в сети рыбы, а затем вырывает их одну за другой вместе с большими кусками сети, которые служат ему в качестве приправы. "Стреляй, мусью", - кричит Хараламбос. Я стреляю из револьвера. Молодой дельфин пугается, пускается наутек. Но старый пират питает полное презрение к автоматической хлопушке. Только из вежливости он отплывает после выстрела немножко дальше и, посапывая, выжидает своего момента. Не раз нам приходилось спешно вытаскивать пустую сеть и менять место ловли.

Дельфин - не единственный враг, есть и другие. Маленький черный садовник с северного берега успешно перетряхивает чужие сети, если они оставляются на ночь без надзора. Под вечер выезжает он на своем челноке будто бы на ловлю, а на самом деле занимает наблюдательный пункт, откуда ему хорошо видно всех, кто вывозит сети на ночь. Есть люди, которые воруют чужие сети (у нас с Хараламбосом пропало за эти годы немало сетей), но это опасно и хлопотливо: сеть нужно переделать, чтоб не узнали, за ней нужно ухаживать, чинить ее, время от времени красить сосновой корой. Маленький садовник все эти докучные хлопоты возлагает на собственников сетей, сам он пользуется только рыбой и омарами. Хараламбос скрещивает с ним в пути взгляды острее ножа. Мы пускаемся на хитрости: отъехав подальше, ра-зыгрываем пантомиму сбрасывания сети, а затем, завернув за маленький остров, богатый зайцами, тайно опускаем сеть в воду. В одном случае из трех нам удается обмануть врага.

Главная рыба здесь - барбунья, краснуха. Главный рыбак по краснухе - старик Кочу. Он знает свою рыбу, и иногда кажется, что рыба знает его. Когда краснухи много, Кочу сразу наносит возможным конкурентам стратегический удар. Выехав раньше всех, он обрабатывает водное поле не сплошь, а в шахматном порядке, ходом коня, или еще более замысловатыми фигурами. Никто не знает, кроме самого Кочу, где прошла уже сеть, а где еще пет. Обложив таким способом большой участок моря, Кочу спокойно заполняет затем неиспользованные квадраты. Высокое искусство! Кочу успел изучить море, потому что Кочу стар. Но еще и отец Кочу работал до прошлого года вместе с другим стариком, бывшим парикмахером. В дряхлом челноке они ставили сети на омаров и, сами до костей изъеденные морской солью, ходили на двух старых омаров. Оба сейчас отдыхают на принкипском кладбище, где больше народу, чем в поселке.

Не надо, однако, думать, что мы ограничивались сетями. Нет, мы прибегали ко всем приемам ловли, которые обещали добычу. Па крючки мы ловили больших рыб, до 10 кило весу. Когда я тянул из воды невидимого зверя, который то покорно следовал, то неистово упирался, Хараламбос глядел на меня, не спуская глаз, и которых не оставалось и оттенка почтительности: не без основания опасался он, что я дам драгоценной добыче сорваться ... При каждом моем неловком движении он рычал на меня свирепо и угрожающе. Когда рыба становилась, наконец, видна в прекрасной своей прозрачностью воде, Хараламбос шептал мне предостерегающе: "Буюк, мусье" (большой). На что я отвечал задыхаясь: "Буюк, Хараламбос". У борта лодки мы подхватывали добычу небольшой сеткою. И вот уже великолепное чудовище, отливающее всеми красками радуги, потрясает лодку ударами

сопротивления и отчаяния. На радости мы съедали по апельсину, и на языке, который никто не понимает, кроме нас, и который мы сами понимаем только наполовину, мы делимся пережитыми впечатлениями.

Сегодня утром ловля была плоха: сезон кончился, рыба ушла на глубину. К концу августа она вернется. Но Хараламбос будет ее ловить уже без меня. Сейчас он внизу заколачивает ящики с книгами, в полезности которых он, видимо, не вполне убежден. Сквозь открытое окно виден небольшой пароход, везущий из Стамбула чиновников на дачу. В библиотечном помещении зияют пустые полки. Только в верхнем углу, над аркой окна, продолжается старая жизнь: ласточки слепили там гнездо и прямо над британскими "синими книгами" вывели птенцов, которым нет никакого дела до французской визы.

Так или иначе под главой "Принкипо" подводится черта.

15 июля 1933 г.

Принкипо Л. Троцкий

ПЕРЕЕЗД ВО ФРАНЦИЮ (Страницы дневника)[4]

В феврале 1929 года мы прибыли с женой в Турцию. 17 июля 1933 г. мы выехали из Турции во Францию. Газеты писали, будто французская виза была выдана мне по ходатайству... советского правительства. Трудно придумать более фантастическую версию: инициатива дружественной интервенции принадлежала на самом деле не советской дипломатии, а французскому писателю Maurice Parigianine, переводчику моих книг на французский язык. При поддержке ряда писателей и левых политиков, в том числе депутата Guernot, вопрос о визе получил на этот раз благополучное разрешение. За четыре с половиной года моей третьей эмиграции не было недостатка в попытках и с моей стороны, и со стороны моих благожелателей открыть мне доступ в Западную Европу. Из отказов можно было бы составить изрядный альбом. На его страницах значились бы подписи социал-демократа Германа Мюллера, рейхсканцлера Веймарской республики, британского премьера Макдональда[5], в то время еще социалиста, а не полуконсерватора, республиканских и социалистических вождей испанской революции и многих, многих других. В моих словах нет и тени упрека: это только фактическая справка.

Вопрос о Франции встал после последних выборов, давших победу карттели радикалов и социалистов. Дело, однако, заранее осложнялось тем обстоятельством, что в 1916 г., во время войны, я был выслан из Франции министром внутренних дел Мальви за так называемую "пацифистскую" пропаганду, на самом деле по настоянию царского посла Извольского[6]. Несмотря на то что сам Мальви был примерно через год после того выслан из Франции правительством Клемансо[7], опять-таки по обвинению в пацифистских происках, приказ о моей высылке продолжал сохранять свою силу. В 1922 г. Эдуард Эррио[8] во время первой своей поездки в Советскую Россию, прощаясь после любезного посещения военно-го комиссариата, спрашивал меня, когда я думаю посетить Париж. Я напомнил ему шутя о моей высылке из Франции. "Кто же теперь об этом вспомнит!" - ответил со смехом Эррио. Но учреждения имеют более твердую память, чем люди. Сходя с итальянского парохода в Марсельском порту, я подписал доставленное мне инспектором Surete Generate[9] извещение об отмене приказа 1916 года: должен сказать, что давно уже я с таким удовольствием не подписывал официальных бумаг.

Если основная линия жизни отклоняется от средней орбиты, то все соответствующие эпизоды, даже самые банальные, принимают таинственные очертания. В газетах было немало остроумных догадок о том, почему мы с женой совершили путешествие под "псевдонимом" Седовых. На самом деле это не псевдоним, а фамилия моей жены. По советским законам паспорт выписывается, по желанию, на фамилию любого из супругов. Наш советский паспорт был выписан в 1920 г. на фамилию жены, как дающую меньше поводов к "сенсации".

Чтобы избежать каких-либо манифестаций и осложнений при высадке в Марселе, мои французские друзья решили выехать на моторной лодке навстречу пароходу в открытое море. Из этого простого замысла выросли новые осложнения. Владелец моторной лодки, почтенный г. Ranchetti, которому не открыли заранее цель поездки, не спал всю ночь, ломая себе голову: зачем двум молодым людям выезжать на рассвете, без дам, в открытое море. Таких случаев еще в его практике не бывало. Между тем в эти самые дни шел в Тулоне

процесс двух бандитов, убивших в море лодочника и овладевших его имуществом. Хоть и связанный задатком, г. Panchetti решил все же уклониться от опасного путешествия: в самый критический момент он заявил, что мотор отказывается работать. Найти в этот час поблизости другого лодочника не было никакой возможности. Только привлечение к делу инспектора Surete, удостоверившего мирные намерения обоих молодых людей, спасло положение. Лодочник покаялся в своих подозрениях и благополучно доставил пассажиров с парохода на берег, далеко от пристани. Два дожидавшихся нас здесь скромных "Форда" были вскоре превращены прессой в два автомобиля исключительной мощности.

Те же газеты писали, что нас встречали в Марселе и сопровождали по Франции многочисленные полицейские. На самом деле, кроме инспектора, успокоившего лодочника, официально объявившего мне об отмене изгнания и тут же откланявшегося, мы не соприкасались ни с одним полицейским. Чтобы дать понять, какую привлекательность имело для меня путешествие по югу Франции в автомобиле, без надзора и охраны, отмечу, что начиная с 1916 года, следовательно, в течение последних шестнадцати лет, - более старые периоды жизни оставляю в стороне, - я передвигался не иначе, как в сопровождении "охраны", дружественной или враждебной, но всегда охраны.

Но мы ни слова не сказали до сих пор о самом главном: о цели нашего путешествия во Францию. Во всяком случае этой целью не может быть ни медицинская помощь, ни богатые книгохранилища, ни другие блага французской культуры. Должна быть другая, "настоящая", тщательно скрываемая цель. На следующий день мы узнаем о ней из газет: путешествие во Францию предпринято ... для свидания с Литвиновым. Я протираю глаза: с Литвиновым? Из тех же газет я впервые узнаю, что народный комиссар по иностранным делам находится на одном из французских курортов. Наиболее проникательные из журналистов не оставляют нас в неведении и насчет того, зачем, собственно, понадобилось это свидание. Оказывается, я за последнее время целиком нахожусь во власти мечты: умереть в России и быть похороненным в родной земле. Самому мне, правда, до сих пор казалось, что вопрос о том, где и как я буду похоронен, составляет наименьшую из моих забот. Фридрих Энгельс, в котором я привык видеть одну из наиболее обаятельных человеческих фигур, завещал сжечь себя, а урну со своим пеплом утопить в океане. Если что и удивляет меня в этом завещании, так не безразличие Энгельса к почве родного Вупперталя[10], а самый факт заблаговременных размышлений о том, как ликвидировать собственный прах. Почему именно в океане? Но проникательность прессы неумолима. Сегодня я снова читаю о моей попытке добиться через Литвинова и Сурица[11], советского посла в Турции, который также находится на курорте Royat, права вернуться в Советский Союз. Оба дипломата отказали, однако, мне в свидании начисто, и это явилось "самым страшным потрясением" моей жизни. Еще бы: Литвинова должна была не менее, чем меня, удивить мысль о том, что я мог пытаться именно через него вести переговоры о возвращении в Россию. Такие вопросы решаются в Москве исключительно в партийном порядке, а в аппарате партии Литвинов уже задолго до Октябрьской революции не играл никакой роли. При советском режиме он не выходил за рамки чистой дипломатии. Упоминание в этой связи Сурица является еще большим недоразумением. Вся эта история в целом - да простят меня проникательные журналисты - представляет собой образец патетической чепухи. Я не был в Роя и не пытался видеться с Литвиновым. У меня не было ни малейших оснований для такой попытки.

Можно было бы написать поучительное исследование о тех сложных путях, какими

истина прокладывает себе дорогу через прессу. Чтоб убить человека в современной войне, нужно изрядное количество тонн чугуна. Сколько нужно тонн типографского свинца, чтоб установить тот или другой факт? Ошибка прессы в данном случае в том, что она ищет загадки там, где ее нет. Мое отношение к нынешнему советскому правительству не составляет тайны: со времени моей высылки в Турцию я ежемесячно откликался в "Бюллетене русской оппозиции"[12] (Берлин, Париж), как и в иностранной печати, на вопросы внутренней и внешней политики СССР. Вместе с моими единомышленниками я неоднократно заявлял в печати, что каждый из нас готов по-прежнему, на любом посту служить советскому государству. Но сотрудничество с нами не может быть достигнуто путем отказа с нашей стороны от наших взглядов и от нашей критики. Между тем к этому сводится как раз весь вопрос для правящей группы. Она успела полностью израсходовать свой авторитет. Не будучи в силах обновить его через нормальный съезд партии, она нуждается все в новых и как можно более громких признаниях своей непогрешимости. Но именно этого она не может ждать с нашей стороны. Лояльное сотрудничество - да! Покрытие ее ложной политики перед общественным мнением Советов и всего мира - нет! При такой ясности взаимных позиций нет никакой надобности нарушать летний отдых народного комиссара по иностранным делам.

* * *

До недавнего времени пожар считался в нашей семье далеким и чуждым явлением, как извержение вулкана, кораблекрушение или игра на бирже. Но после того, как в январе 1931 г. сгорела ночью занятая нами в Принкипо вилла, причем огонь уничтожил все без остатка книги, часы, платье, белье и ботинки, идея пожара очень интимно вошла в нашу жизнь. Уже несколько месяцев спустя новая наша квартира сразу наполнилась в один злосчастный день душливым дымом, и все метались по дому в поисках источника: открыли, наконец, - в подвальном этаже разгорелся костер. Инициатором предприятия оказался мой внук, 6 лет, который трудолюбиво собрал в кучу опилки, дрова, старую вату - и с успехом поджег этот хорошо воспламеняющийся материал. Не без труда и волнений удалось потушить пожар - к огорчению для его инициатора. Проезжая по Франции в автомобиле, мы наблюдали на расстоянии большой лесной пожар. "Жаль, что далеко, - сказал один из спутников, - это прекрасное зрелище". Остальные укоризненно покачали головами: что сказали бы крестьяне по поводу этого эстетического отношения к пожару. Не успели мы провести на новой квартире и нескольких часов, как июльский воздух, и без того горячий, сделался невыносимым. Большая пустошь, прилегающая к вилле, покрылась дымом и пламенем. Горела высохшая трава, горел кустарник, и гонимый настойчивым бризом огонь, полосой в сотню метров, двигался на нашу дачу, охватил деревянный часток, обвитый колючей проволокой, проник во двор, горела трава, горели ярким пламенем кусты, вокруг дома огонь разделился по двум направлениям, бурно вспыхнула деревянная беседка, дом наполнился дымом, все метались, что-то выносили, пожарных вызвали из соседнего городка, пожарные медлили, мы покинули дачу, считая ее обреченной. Но произошло чудо: слегка изменилось направление ветра, огонь заколебался вдоль усыпанной гравием дорожки и стал отступать от дачи в сторону. К приезду пожарных огонь затих. Но и сейчас, когда пишется эти строки, во дворе стоит запах гари ...

Так или иначе, это - французская гарь. Турецкая глава жизни отошла в прошлое. Остров

Принкипо превратился в воспоминания.

11 августа 1933 г. Л. Троцкий

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. Седов. Переезд во Францию[13]

24-го утром "Болгария" должна была придти в Марсель. По соглашению (и за специальную плату) [Если я упоминаю об этом, то для того, чтобы показать, что дело было организовано не полицией. Всякий имеет право остановить пароход за определенную плату [..] - Прим. Л. Седова.] с пароходным обществом и властями друзьям Л. Д. разрешили до прихода парохода в порт снять Л. Д. и Н. И. с парохода на моторной лодке в открытом море. Капитан парохода был обществом предупрежден по радио. Местом высадки был выбран друзьями Л. Д. Касио в 15 (?) приблизительно километрах от Марселя. Моторную лодку друзья хотели снять еще дальше [...]. Друзья совершили небольшую поездку по морю с тем, чтобы испробовать качество лодки, ознакомиться с местом, а лодку сняли с 6 часов утра следующего дня. Не только о цели путешествия, но и о направлении хозяину и матросу ничего не было сказано. Сняли лодку на полдня, дали аванс (от него хозяин настойчиво отказывался), предложили запастись резервом горючего. Друзья Л. Д. переночевали в Другом месте и в половине шестого утра на двух автомобилях были уже в Касисе. Автомобили поставлены в укромное место вблизи места предполагаемой высадки. Хозяин пришел одновременно с нами; не было матроса, его побежали будить. Между тем мотор не хотел работать. Крутил ручку хозяин (без особых усилий); изо всех сил крутили друзья. Мотор не работал. Друзья начали волноваться. Один побежал искать другую лодку. Другой начал проверять с хозяином мотор. Объяснения хозяина были сбивчивые. Удалось обнаружить, что не действует зажигание. Поведение хозяина стало еще более подозрительным (он давал совсем другие объяснения) . Видно было, что он не хочет ехать. По пристани взволнованно ходила его жена. Матрос также явно умышленно опаздывал. Что случилось? Вместе с двумя друзьями на лодке должен был ехать представитель сюртэ-женераль; задачей его было визировать паспорта приехавших и сообщить Л. Д. отмену постановления о высылке (1916 года). Он заявил хозяину о своем служебном положении. Тогда -и то не сразу, хозяин еще повозился минут десять с мотором - он хватил себя кулаком по голове и крепко выругался: "Ах, я идиот, я . . . забыл дома угли от дина-момашины". Тут же все выяснилось. В эти дни в Тулоне шел на шумевший процесс убийц собственника моторной лодки, нанятой на прогулку. Он был убит, а лодка продана за границей. Понятно, под впечатлением этого процесса он не спал всю ночь и решил не ехать. Станный характер клиентов: два молодых человека без дам, необыкновенный час поездки, расспросы о том, может ли лодка уйти далеко в море, ее ход и др. вопросы не "туристического" характера, все это еще более усилило подозрительность хозяина и матроса. Друзья были приняты за (возможных) убийц. В этом он открыто признался.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДНЕВНИК 1935 ГОДА[1]

7 февраля 1935 г.

Дневник - не тот род литературы, к которому я питаю склонность: я предпочел бы ныне ежедневную газету. Но ее нет... Отрезанность от активной политической жизни заставляет прибегать к таким суррогатам публицистики, как личный дневник. В начале войны, запертый в Швейцарии, я вел дневник в течение нескольких недель ... Затем короткое время в Испании, в 1916 г., после высылки из Франции. Это, кажется, и все. Приходится прибегнуть к политическому дневнику снова. Надолго ли? Может быть, на месяцы. Во всяком случае, не на годы. События должны разрешиться в ту или другую сторону и - прикрыть дневник. Если его еще раньше не прикроет выстрел из-за угла, направленный агентом ... Сталина, Гитлера[2] или франц[узских] друзей-врагов.

Лассаль[3] писал когда-то, что охотно оставил бы ненаписанным то, что знает, только бы осуществить на деле хоть часть того, что умеет. Такое положение слишком понятно для всякого революционера. Но надо брать обстановку, как она есть. Именно потому, что мне надо было участвовать в больших событиях, мое прошлое закрывает мне ныне возможность действия. Остается истолковать события и пытаться предвидеть их дальнейший ход. Это занятие способно во всяком случае дать более высокое удовлетворение, чем пассивное чтение.

С жизнью я сталкивался здесь почти только через газеты, отчасти через письма. Не мудрено, если мой дневник будет походить по форме на обзор периодической печати. Но мир газетчиков сам по себе интересует меня, а работа более глубоких социальных сил, как она отражается в кривом зеркале прессы. Однако я, разумеется, не ограничиваю себя заранее этой формой. Преимущество дневника - увы, единственное - в том и состоит, что он позволяет не связывать себя никакими литературными обязательствами или правилами.

8 февраля [1935 г.]

Трудно придумать занятие более мучительное, чем читать Леона Блюма[4]. Образованный и в своем роде умный человек как бы поставил себе целью жизни ничего не говорить, кроме салонных пустяков и замысловатого вздора.

Разгадка в том, что политически он давно уже выведен в тираж. Вся нынешняя эпоха ему не подходит. Его маленькое искусство, пригодное для кулуаров, кажется жалким и ничтожным в грозном водовороте наших дней.

В сегодняшнем номере[5] статья посвящена годовщине 6 февраля[6]. Конечно, "этот день не принадлежал фашизму!"[7]. Но Фланден[8] все же не на высоте: "мятежники фашисты противопоставили свою силу его слабости"[9]. Сильный Блюм упрекает Фландена в слабости. Блюм ставит Фландену ультиматум: "стоять за фашистский мятеж или против!"

[9]. Но Фланден вовсе не обязан выбирать. Вся его "сила" в том, что он между фашистским мятежом и рабочей самообороной[9]. Равнодействующая тем больше приближается к фашистам, чем слабее Блюм-Кашен[10].

Когда-то Сталин разрешился афоризмом: социал-демократия и фашизм - близнецы! Сейчас близнецами стали социал-демократия и сталинизм, Блюм и Кашен. Они все делают для того, чтоб обеспечить победу фашизму.

В LeHumanite[11] тот же торжественный аншлаг: "Это был не их день!"[12]. Это торжество могучему "единому фронту" обеспечил слабый Фланден. Угроза единого фронта вывести рабочих на [площадь de la] Concorde, т. е. подставить безоружные и неорганизованные массы под дула и кастеты милитаризованных шаек, была бы преступным авантюризмом, если б это была серьезная угроза. Но тут bluff[13], заранее согласованный со "слабым" Фланденом. Непревзойденным мастером такой тактики был в доброе старое время Виктор Адлер[14] (где его партия?). Сегодняшние обличения против Фландена в Рори, как и в Нима, - только прикрытие вчерашнего соглашения с ними. Эти господа думают обмануть историю. Они обманут только себя. А Temps[15] тем временем борется с коррупцией и упадком нравов . . .

9 февраля [1935 г.]

Ракоши[16] приговорен к вечной каторге. Он держал себя с революционным достоинством после нескольких лет тюрьмы. От казни спасли его во всяком случае не протесты в LeHumanite, почти не находившие отклика. Гораздо большую роль сыграл тон большой фран[цузской] прессы, начиная с Temps. Эта газета была "за" Ракоши против венгерского прав[ительств]а, как она была против Зиновьева за сталинский суд. В обоих случаях, конечно, по патриотическим соображениям. Какие же еще соображения могут быть у Temps?

В деле Зиновьева были, правда, еще соображения социального консерватизма: московский корреспондент Temps, который, видимо, хорошо знает, где искать директив, несколько раз подчеркивал, что Зиновьев, как и все вообще гонимые ныне оппозиционеры, стоят влево от правительства, и что для беспокойства нет следов оснований. Правда, и Ракоши стоит влево от Хорти[17], и даже очень значительно, но дело идет и в этом случае о маленькой услуге Кремлю. Бескорыстной, надо думать?

* * *

Министерство] вн [утренних] дел запретило рабочие контрманифестации, назначенные на 10 февраля. Раз Кашен-Блюм требуют от "слабого" Фландена роспуска фашистских лиг, то они делают его тем самым достаточно сильным против рабочих организаций. Механика необонапартизма налицо. Кашен-Блюм, конечно, будут в печати проклинать Фландена: это одинаково полезно и Фландену, и им самим. Но в душе эти господа будут радоваться запрещению рабочих манифестаций: все, даст бог, придет в норму, и можно будет дальше продолжать свою полезную оппозиционную деятельность...

Число стачечников, получающих пособие, возросло, тем временем, до 483.000. По вопросу о стачечниках Блюм послал В парламенте выступать Фроссара[18]. Это означает по

адресу буржуа: "Не беспокойтесь, в вопросе о стачечниках вам ничего не грозит, сохраните нам лишь парламент и наши свободы".

11 февраля [1935 г.]

Мемуары Rohm[19], начальника штаба SA, убитого впоследствии Гитлером, дают достаточно яркое - при всей своей тусклости - представление о самоуверенной вульгарности этой среды. В "социализме" наци психологические пережитки траншейного "сближения классов" занимают (занимали) очень видное место. То, что Мартов[20] и др. меньшевики - без всякого основания - говорили о большевизме: "солдатский социализм" - вполне применимо к наци, по крайней мере к их вчерашнему дню. В образе самого Рема казарменное "братство" очень органически сочетается с педерастией.

Однако же этот ограниченный ландскнехт, который, вследствие отсутствия случая воевать за Германию, хотел воевать за Боливию, делает, благодаря своему натуралистическому подходу к явлениям и людям, ряд мелких замечаний, совсем недоступных салонным социалистам.

"Пламенные протесты и массовые митинги, безусловно, ценны в смысле создания настроения возбуждения и часто, возможно, они просто незаменимы; но если за кулисами этого взрывоопасного представления не стоит человек, готовый к действию и решившийся на действия, они не принесут никакого эффекта" (Мемуары, ст. 80)[21].

Эта мысль, в которой есть верное ядро, направлена, отчасти, против Гитлера: он говорил речи, а я, Рем, делал дело. Солдат должен, по Рему, стоять впереди политика. Но политик опрокинул солдата.

12 февраля [1935 г.]

Сегодня Рор и Нума захлебываются от восторга по поводу того, что 100 000 "антифашистов" прошли по Place de la Republique. "Что за великолепный народ!"[22] - пишет Блюм. Эти люди всегда удивлены, когда массы отвечают на их призывы. И они вправе удивляться, ибо в течение десятилетий они только и делали, что злоупотребляли доверием массы 100 000! Но condottieri[23] фашизма знают, что это только толпа, которая сегодня собралась, а завтра рассыпется. Vaillant-Couturier[24], этот сноб, который превратил марксистское отношение к морали в циничную распущенность, делает из манифестации на Place de la Rep[ublique] тот вывод, что теперь - sans delai![25] - фашистские лиги должны быть] разоружены и распущены!

Как не вспомнить поэтому, что генерал Groner[26] в качестве министра вну[тренних] дел [Германии] запретил SA, армию Гитлера, декретом 13 апреля 1932 г. Rohm рассказывает по этому поводу:

"Исчезли только мундир и знаки отличия. Как и раньше, штурмовые отряды тренировались на полигонах Доеберица, как и на других учебных полях, принадлежавших правительству Рейха. Только теперь они преподносились не как штурмовые отряды, а как Общество немецкого народного спорта"[27].

Надо прибавить, что генерал Тренер был не только министром внутр [енних] дел, но и министром рейхсвера. В первом своем звании он, по соображениям парламентского

оппортунизма, запретил SA, а во втором звании предоставлял им за счет государства все необходимые удобства для дальнейшего развития. Этот многозначительный политический эпизод освещает до конца глупость требования разоружить фашистов.

Запрещение военных лиг, если бы фран[цузское] пр[авительст]-во нашло нужным прибегнуть к этой мере, - что, вообще говоря, не исключено - означало бы лишь, что фашисты в области вооружения вынуждены были бы прибегнуть к некоторой поверхностной маркировке, а рабочие оказались бы действительно лишены малейшей легальной возможности подготовить свою оборону. Центральный лозунг "единого фронта" как бы специально создан для того, чтобы помочь буржуазной реакции загнать пролетарский авангард в подполье.

* * *

По поводу прудонистско-анархического конгресса 1874 г.[28] Энгельс презрительно писал Sorge[29]: "Общее несогласие по всем основным вопросам скрыто тем фактом, что они не спорят, а только - говорят и слушают"[30]. Замечательно меткая формула, которая как нельзя подходит к совещаниям лондонско-амстердамского блока[31]. Но ныне такого рода "объединения" еще неизмеримо менее-жизнеспособны, чем 60 лет тому назад!

* * *

Перемена тона Temps в высшей степени замечательна. От прежнего олимпийского осуждения правой и левой диктатуры не осталось почти ничего. В передовицах - восхваление муссолинизма как средства спасения "на случай крайности". В анкетах - реклама для Jeunesses Patriotes[32] и пр. Notre Dame Фландену не поможет[33].

* * *

Перевод Чубаря[34] из Харькова в Москву прошел в свое время как-то незаметно, и я сейчас затрудняюсь даже вспомнить, когда, собственно, это произошло. Но перевод этот имеет политический смысл. Чубарь есть "заместитель" Молотова в том смысле, что должен раньше или позже вытеснить его. Рудзутак[35] и Межлаук[36], два других заместителя, для этого не годятся: первый опустился и обленился, второй политически слишком незначителен. Во всяком случае Молотов живет под конвоем трех заместителей и размышляет о смертном часе.

* * *

Нет существа более отвратительного, чем накапливающий мелкий буржуа; никогда не приходилось мне наблюдать этот тип близко, как теперь[37].

13 февраля [1935 г.]

"Вожди" пролетариата продолжают наперебой демонстрировать перед реакцией свои трусость, гнилость, свою поистине собачью готовность лизать руку, которая занесла над ними хлыст. Первое место занимает, конечно, Блюм. Как великолепно держал себя 10-го народ Парижа! Как спокойно! Как дисциплинированно! Правительство должно было понять, "на чьей стороне были народные симпатии"[39]. Фландена обругали в Notre Dame, а мы ни словом не обидели Regnier[39]. И т. д. Словом: "с нашей стороны вам ничто не грозит. Можете ли вы нам отказать в разоружении фашистов?" Но когда же буржуазия уступала тем, со стороны которых ей ничего не грозит?

* * *

Энгельс, несомненно, одна из лучших, наиболее цельных и благородных по складу натур в галерее больших людей. Воссоздать его образ - благородная задача и в то же время исторический долг. На Принкипо я работал над книгой о Марксе-Энгельсе, - предварительные материалы сгорели[40]. Вряд ли придется снова вернуться к этой теме. Хорошо бы закончить книгу о Ленине[41], чтоб перейти к более актуальной работе - о капитализме распада.

Христианство создало образ Христа, чтоб очеловечить неуловимого господина сил и приблизить его к смертным. Рядом с олимпийцем Марксом Энгельс "человечнее", ближе; как они дополняют друг друга;1 вернее: как сознательно Энгельс дополняет собою Маркса, расходует себя на дополнение Маркса, всю свою жизнь, видит в этом свое назначение, находит в этом удовлетворение, - без тени жертвы, всегда сам по себе, всегда жизнерадостный, всегда выше своей среды и эпохи, с необъятными умственными интересами, с подлинным огнем гениальности в неостывающем очаге мысли. В аспекте повседневности Энгельс чрезвычайно выигрывает рядом с Марксом (причем Маркс ничего не теряет). Помню, я, после чтения переписки М[аркса]-Э[нгельса] в своем военном поезде, высказал Ленину свое восхищение фигурой Энгельса, и именно в том смысле, что на фоне отношений с титаном Марксом верный Фред ничего не теряет, наоборот, выигрывает. Ленин с живостью, я бы сказал с наслаждением, присоединился к этой мысли: он горячо любил Энгельса именно за его органичность и всестороннюю человечность. Помню, мы не без волнения разглядывали вместе портрет юноши Энгельса, открывая в нем те черты, которые так развернулись в течение его дальнейшей жизни.

Когда читаешь прозу Блюмов, Поль-Форов[42], Кдшенов, Торезов[43] - наглотаешься микробов мелочности и наглости, пресмыкательства и невежества, нельзя лучше освежить легкие, чем за чтением переписки Маркса и Энгельса, друг с другом и с другими. В эпиграмматической форме намеков и личных характеристик, иногда парадоксальных, но всегда глубоко продуманных и метких - сколько поучительности, умственной свежести и горного воздуха. Они всегда жили на высотах.

14 февраля [1935 г.]

Прогнозы Энгельса всегда оптимистичны. Они нередко опережают действительный ход дальнейшего развития. Мыслимы ли, однако, вообще исторические прогнозы, которые, по французскому выражению, не сжигали бы некоторые посредствующие этапы? В последнем

счете Э[нгельс] всегда прав. То, что он в письмах к Вишневецкой[44] говорит о развитии Англии и Соед. Штатов, полностью подтвердилось только в послевоенную эпоху, 40-50 лет спустя, но зато как подтвердилось! Кто из великих людей буржуазии хоть немного предвидел нынешнее положение англо-саксонских стран? Ллойд Джорджи[45], Болдвин[46], Рузвельты[47], не говоря уже о Макдональдах, кажутся и сегодня еще (сегодня даже больше, чем вчера) слепыми щенками рядом со старым, дальновидным Энгельсом. Какой нужно иметь медный лоб всем этим Кейнсам[48], чтоб объявлять прогнозы марксизма опровергнутыми.

* * *

Насколько могу судить по присланным мне газетам, сталинские лакеи во Франции (Торез и К°) заключили прямой комплот с правыми социал-демократическими вождями для кампании против "троцкистов", начиная с организации молодежи[49]. Сколько времени Сталин-Бухарин именовали нас "социал-уклоном", а затем социал-фашистами! Несмотря на всю разницу исторической обстановки, блок Блюма-Кашена и их совместная борьба против "троцкизма" удивительно напоминает блок Керенского-Церетели[50] (1917 г.) и их травлю большевизма[51]. Черты сходства - в ограниченной природе "радикального" мелкого буржуа, в его страхе перед грозной обстановкой, его растерянности при виде ускользающей почвы, в его ненависти к тем, которые вслух характеризуют его и предсказывают ему его судьбу.

Разница в том - и разница, увы, не малая, - что: а) консервативные рабочие организации (SFIO[52], CGT[53]) играют во Ф[ранции] несравненно большую роль, чем играли в 1917 г. в России; б) большевизм скомпрометирован постыдной карикатурой сталинской партии; в) весь авторитет Совет[ского] гос[ударства] пущен в дело на дезорганизацию и демократизацию пролетарского авангарда. Историческая битва во Франции еще не потеряна. Но фашизм имеет в лице Блюма и лакеев Сталина неопенимых помощников. Торез вывернул наизнанку все доводы, аргументы и методы Тельмана[54]. Но и вывернутая наизнанку политика сталинизма остается по существу той же. В Германии два аппарата - соц[иал]-дем [ократический] и [коммунистический] - своей показной, перекошенной, не соблюдавшей пропорций шарлатанской борьбой отвлекли внимание рабочих от надвигавшейся опасности; во Франции те же два аппарата пришли к соглашению относительно иллюзий, которыми можно отвлекать внимание рабочих от реальности. Результат тот же!

* * *

Честный, неподкупный, национальный Temps обличает: "Политические машины чаще всего бывают лишь искусственным облаком, за которым скрывается личная заинтересованность"[55]. Смесь квакера с Тартюфом, но и квакер и Тартюф модернизированы соответственно эпохе Устрика[56]-Ставиского[57]. Орган "Comité des Forges"[58] обличает "les interets particuliers"![59] "Comité des Forges" подчиняет своим интересам всю французскую печать. Ни одна радикальная газета не смеет, например, ничего напечатать. по поводу того фашистского клерикального террора, который царит в госпиталях Comité des Forges против революционных рабочих: в случае уличения их

выбрасывают накануне операции. Редактор дем [окрэтической] газеты, радикал-социалист, франкмасон. и пр. отвечает: "Ничего не могу напечатать; в прошлом году за заметку против кого-то из Com [ite] de[s] F[orges] моя газета - через [агентство] Navas - была лишена объявлений на 20000 фр." Как же официозу де Венделя[60] не обличать "особые интересы" во имя национального блага!

В 1925 (или 1924 г.?) Красин[61] в качестве советского полпреда во Франции вел переговоры с директором Temps и докладывал о них на зас[едании] Политбюро для получения необходимых директив. Предложения Temps были таковы: а) редакция через известное время посылает в Москву сотрудника, который начинает с критических, но спокойных по тону корреспонденции; б) в передовицах прекращается борьба против СССР; в) еще через неск[олько] месяцев (помнится, шесть) газета начинает вести дружественную СССР линию во внешней политике; г) корреспонденции из Москвы принимают благожелательный характер; д) во второй передовице - внутренняя политика - редакция сохраняет полную самостоятельность в критике большевизма; е) сов[етское] пр[авительство] платит Temps миллион франков в год. Красин начал с полумиллиона, дошел до 750 000 (на этом остановились переговоры) и спрашивал теперь Политбюро, идти ли дальше. Вопрос был решен отрицательно, не только ради экономии в валюте, но и по дипломати[ческим] соображениям: на соглашение с Фр[анцией] надежды тогда не было, разумнее было отложить операцию.

Кто даст себе труд просмотреть Temps за 1933-34 год, тот увидит, что сделка была реализована полностью, лишь с запозданием на 9 лет*. Никто не поставит в вину советскому пр[авительству] тот факт, что оно покупает буржуазную прессу и старается при этом не переплатить. Гнусностью является то, что клика Сталина делает буржуазную печать орудием в борьбе против собственной партии. Московские телеграммы Temps по делу Кирова[62] представляют самое ядовитое выражение.

* Я затрудняюсь, как уже было оказано, отнести переговоры Красина к 1924 или 1925 году (в Москве я установил бы дату без труда). В 1924 году директором Temps был Emille Herbard, контрагент царского агента Рафаловича[63]. В 1925 г. Emilleя сменил старик Adrien: такова скромная дань, которую разоблаченный порок уплатил добродетели. Полагаю, что, независимо от даты, Красин вел переговоры с Emilleем, но ручаться не могу: в тот период я персональной стороной дела не интересовался, да и сейчас она не имеет значения. Temps есть Temps. Поколения сменяются, подкупность остается.

Давно известно, что "троцкисты" являются "авангардом контрреволюционной буржуазии". Это доказано не столько латвийским консулом[64], сколько другими европейскими и американскими консулами, отказывающими мне в визе. Однако незачем выходить из рамок дела Кирова, чтобы определить, как располагаются симпатии (или интересы, что, впрочем, одно и то же) буржуазии.

Клевета Сталина на Зиновьева - Каменева, несмотря на свою явную лживость, была воспроизведена без критики всей французской печатью. Мое фактическое заявление насчет моего знакомства с "консулом" не было напечатано ни одной "буржуазной газетой во Франции. Особенно поучительна информация Temps. Московский корреспондент несколько раз успокаивал читателей этой газеты заверением, что все группы, которые ныне громит Сталин, стоят влево от него и что нет, следовательно, оснований тревожиться. Тот же корреспондент три раза (!) сообщал по телеграфу, будто консул соглашался передать письма Троцкому, тогда как на самом деле консул выпрашивал такое письмо. Моя сухая фактическая

поправка редакцией Temps напечатана не была. Тот же корреспондент превратил Евдокимова[65] в "троцкиста", а в одной из позднейших телеграмм говорил о "тройке" (troika) Троцкий-Зиновьев-Каменев, чтобы заставить забыть о "тройке" Сталин-Зиновьев-Каменев. И т. д., без конца. Находчивый журналист, как и его газета, знает что делает. В конце концов Temps выполняет в этой области ту же работу, что и L'Humanite, только осторожнее, умнее, тоньше. Кто из них бескорыстнее, судить нелегко. Думаю все же, что L'Humanite обходится дешевле.

* * *

10 октября 1888 г. Энгельс писал в Нью-Йорк:

"Во Франции радикалы в правительстве делают из себя дураков больше, чем можно было предположить. В том, что касается рабочих, они отказываются от своей программы полностью и выявляют себя как чистые оппортунисты. Они вытаскивают из огня оппортунистические каштаны и занимаются стиркой грязного белья. Это было бы прекрасно, если б не было Буланже⁶⁶ и если б массы не загонялись этим, в порядке принуждения, в его объятия"[67].

Эти строки кажутся написанными для наших дней. В 1934 г. радикалы оказались так же неспособны править Францией, как в 1883, и как тогда, они пригодны лишь на то, чтоб тащить для реакции каштаны из огня. Все это было бы прекрасно, если б налицо была революционная партия. Но ее нет. Хуже того, есть ее отвратительная карикатура. И радикалы гонят массы в сторону фашизма, как полстолетия тому назад в сторону буланжизма.

В этих условиях сталинцы заключают с радикалами блок "против фашизма" и навязывают этот блок социалистам, которые даже мечтать не смели о таком подарке. В качестве полудрессированных обезьян сталинцы продолжают и сейчас брюзжать против картели: не парламентские сделки с радикалами, а "Народный фронт"[68] против фашизма! Кажется, будто читаешь официоз Шарантона[69]. Парламентская картель с радикалами, как ни преступна она с точки зрения интересов социализма, имеет или имела политический смысл с точки зрения избирательной и парламентской стратегии демократов-реформистов. Но какой смысл может иметь внепарламентский блок с парламентской партией, которая по самой своей социальной структуре не способна к какому бы то ни было внепарламентскому массовому действию: буржуазная верхушка партии боится, как огня, своей собственной массовой базы. Получить раз в четыре года голоса крестьян, мелких торговцев или чиновников - на это Эррио великодушно согласился. Но двинуть их на открытую борьбу значит вызвать духов, которых он боится гораздо больше, чем фашизма. Так называемый "народный фронт", т. е. блок с радикалами без внепарламентской борьбы, есть самое преступное издевательство над народом, какое только позволяли себе рабочие партии со времени войны, - а они позволяли себе многое. В то время, как Эррио держит стремя Фландену, а радикальный министр внутренних дел дрессирует полицию на подавление рабочих, сталинцы гримируют радикалов вождями народа, обещая совместно с ними раздавить фашизм, который политически питается, главным образом, фальшью и ложью, радикализма. Разве же это не сумасшедший дом?

Если б неизбежная расплата за эти преступления - и какая страшная расплата! - пала только на клику сталинских лакеев, наемных авантюристов, бюрократических циников,

можно было бы только сказать: поделом! Но беда в том, что расплачиваться придется рабочим.

Особенно кошмарным кажется тот факт, что под видом марксизма и большевизма угнетенным массам, ищущим выхода, преподносятся идеи, на борьбе с которыми сложился марксизм и вырос большевизм. Поистине Vernunft wird Unsinn, Wohltat - Plage![70].

Вся серьезная буржуазная печать поддерживает, прикрывает, защищает вооруженные лиги. Буржуазия окончательно прониклась сознанием их необходимости и спасительности. Экономические трудности слишком велики. Революционные возмущения возможны, даже неизбежны. Полиции недостаточно. Пускать в дело войска, особенно при годичном сроке обучения, слишком рискованно: войска могут колебнуться. Что может быть надежнее специально подобранных и натасканных фашистских отрядов? Они не колебнутся и не позволят колебнуться армии. Мудрено ли, что буржуазия обеими руками держится за свои вооруженные лиги?

А Блюм просит буржуазное правительство о маленьком одолжении: разоружиться. Только и всего. Изо дня в день Поль-Форы, Веланы-Котурье, Зеромские[71] повторяют это глупое и постыдное "требование", которое должно только укреплять уверенность фашистов в своем завтрашнем дне. Ни один из этих опереточных героев не понимает серьезности положения. Они обречены.

Час ночи. Давно я не писал в такой поздний час. Я пробовал уже несколько раз лечь, но негодование снова поднимало меня.

Во время холерных эпидемий темные, запуганные и ожесточенные русские крестьяне убивали врачей, уничтожали лекарства, громили холерные бараки. Разве травля "троцкистов", изгнания, исключения, доносы - при поддержке части рабочих - не напоминают бессмысленные конвульсии отчаявшихся крестьян? Но на этот раз дело идет о пролетариате передовых наций. Подстрекателями выступают "вожди" рабочих партий. Громилами - небольшие отряды. Массы растерянно глядят, как избивают врачей, единственных, которые знают болезнь и знают лекарство.

16 февраля [1935 г.]

Tempo печатает очень сочувственную телеграмму своего московского корреспондента о новых льготах колхозникам, особенно в области обзаведения собственным крупным и мелким скотом. Подготавливаются, видимо, и дальнейшие уступки мелкобуржуазным тенденциям крестьянина. На какой линии удастся удержаться нынешнему отступлению, предсказать пока трудно. Самое отступление, вызванное крупнейшими бюрократическими иллюзиями предшествующего периода, нетрудно было предвидеть заранее. С осени 1929 года Бюллетень рус[ской] оппозиции забил тревогу по поводу авантюристских методов коллективизации. "В ажиотаже несогласованных темпов заложен элемент неизбежного кризиса в ближайшем будущем". Дальнейшее известно: истребление скота, голод 1933 года, несчетное количество жертв, серия политических кризисов. Сейчас отступление идет полным ходом. Именно поэтому Сталин снова вынужден рубить все и всех, кто слева от него.

Революция по самой природе своей вынуждена бывает захватить большую область, чем способна удержать: отступления тогда возможны, когда есть откуда отступать. Но этот общий закон вовсе не оправдывает сплошной коллективизации. Ее несообразности были

результатом не стихийного напора масс, а ложного расчета бюрократии. Вместо регулирования коллективизации в соответствии с производственно-техническими ресурсами; вместо расширения радиуса коллективизации - вширь и вглубь, в соответствии с показаниями опыта, - испуганная бюрократия стала гнать испуганного мужика кнутом в колхоз. Эмпиризм и ограниченность Сталина откровеннее всего обнаружались в его комментариях к сплошной коллективизации. Зато отступление совершается ныне без комментариев.

Temps, 16 февраля: "Наши парламентарии собираются похоронить экономический либерализм. Неужели они не видят, что* этим готовят и свои собственные похороны и что если суждено умереть экономическим свободам, парламенту непременно придется последовать за ними в могилу?"[72]

Замечательные слова! Не догадываясь о том, "идеалисты" из-Temps подписываются под одним из важнейших положений марксизма: парламентская демократия есть не что иное, как надстройка над режимом буржуазной конкуренции, стоит и падает вместе с нею. Но это вынужденное заимствование у марксизма делает политическую позицию Temps неизмеримо более сильной, чем позиция социалистов и радикал-социалистов, которые хотят сохранить демократию, дав ей "другое" экономическое содержание. Эти фразеры не понимают, что между политическим режимом и хозяйством отношения такие же, как между консервами и жестяной упаковкой.

Вывод: парламентская демократия так же обречена, как и свободная конкуренция. Вопрос лишь в том, кто станет наследником.

17 февраля [1935 г.]

Представим себе старого, не лишённого образования и опыта врача, который изо дня в день наблюдает, как знахари и шарлатаны залечивают насмерть близкого ему, старому врачу, человека, которого можно наверняка вылечить при соблюдении элементарных правил медицинской науки. Это и будет приблизительно то состояние, в каком я наблюдаю ныне преступную работу "вождей" французского пролетариата. Самомнение? Нет. Глубокая и несокрушимая уверенность!

Жизнь наша здесь очень немногим отличается от тюремного заключения: заперты в доме и во дворе и встречаем людей не чаще, чем на тюремных свиданиях. За последние месяцы завели, правда [радио]аппарат TSF, но это теперь имеется, кажись, и в некоторых тюрьмах, по крайней мере в Америке (во Франции, конечно, нет). Слушаем почти исключительно концерты, которые занимают ныне довольно заметное место в нашем жизненном обиходе. Я слушаю музыку чаще всего поверхностно, за работой (иногда музыка помогает, иногда мешает писать - в общем, можно сказать, помогает набрасывать мысли, мешает их обрабатывать) . Н[аталья] слушает, как всегда, углубленно и сосредоточенно. Сейчас слушает Римского-Корсакова[73].

TSF напоминает, как широка и разнообразна жизнь, и в то же время придает этому разнообразию крайне экономное и портативное выражение. Одним словом, аппарат, как нельзя лучше пригодный для тюрьмы.

Тюремная обстановка.

18 февраля [1935 г.]

В 1926 г., когда Зиновьев и Каменев, после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня, присоединились к оппозиции, они сделали мне ряд нелишних предостережений.

- Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам? - говорил, примерно, Каменев по поводу моей критики политики Сталина-Бухарина-Молотова в Китае, в Англии и пр. - Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить.

?

- Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведет войну в другой плоскости, чем вы. Ваше оружие против него недействительно[74].

В другой раз тот же Каменев говорил мне: "Я его (Сталина) слишком хорошо знаю по старой работе, по совместной ссылке, по сотрудничеству в "тройке". Как только мы порвали со Сталиным, мы составили с Зиновьевым нечто вроде завещания, где предупреждаем, что в случае нашей "нечаянной" гибели виновным в ней надлежит считать Сталина. Документ этот хранится в надежном месте. Советую Вам сделать то же самое".

Зиновьев говорил мне не без смущения: "Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о вашем физическом устранении? Обдумывал и обсуждал. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами. Он считал поэтому необходимым рассеять кадры оппозиционной молодежи. Но что отложено, то не потеряно ... Примите необходимые меры".

Каменев был, несомненно, прав, когда говорил, что Сталин (как, впрочем, и он сам с Зиновьевым в предшествующий период) вел борьбу в другой плоскости и другим оружием. Но самая возможность такой борьбы была создана тем, что успела сложиться совершенно особая и самостоятельная среда советской бюрократии. Сталин вел борьбу за сосредоточение власти в руках бюрократии, за вытеснение из ее рядов оппозиции; мы же вели борьбу за интересы международной революции, противопоставляя себя этим консерватизму бюрократии и стремлению к покою, довольству, комфорту. При длительном упадке международной революции победа бюрократии, а следовательно, и Сталина, была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин: явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья.

Во время нашей жизни в Алма-Ате (Центр[альная] Азия) ко мне явился какой-то советский инженер, якобы по собственной инициативе, якобы лично мне сочувствующий. Он расспрашивал об условиях жизни, огорчился и мимоходом очень осторожно спросил: "Не думаете ли вы, что возможны какие-либо шаги для примирения?" Ясно, что инженер был подослан для того, чтобы пощупать пульс. Я ответил ему в том смысле, что о примирении сейчас не может быть и речи: не потому, что я его не хочу, а потому, что Сталин не может мириться, он вынужден идти до конца по тому пути, на который его поставила бюрократия.

Чем это может закончиться?

Мокрым делом, - ответил я, - ничем иным Сталин кончить не сможет.

Моего посетителя передернуло, он явно не ожидал такого ответа и скоро ушел.

Я думаю, что эта беседа сыграла большую роль в отношении решения о высылке меня за

границу. Возможно, что Сталин и раньше намечал такой путь, но встречал оппозицию в Политбюро. Теперь у него был сильный аргумент: Т[роцкий] сам заявил, что конфликт дойдет до кровавой развязки. Высылка за границу - единственный выход!

Те выводы, которые Сталин приводил в пользу высылки, были мною в свое время опубликованы в "Бюллетене русской оппозиции". (См.)[75]

Но как же Сталина не остановила забота о Коминтерне? Несомненно, он недооценил этой опасности. Представление е силе связано для него неразрывно с представлением об аппарате. Он начал полемизировать открыто только тогда, когда последнее слово было обеспечено за ним заранее. Каменев сказал правду: он вел борьбу в другой плоскости. Именно поэтому он недооценил опасности чисто идейной борьбы.

20 февраля [1935 г.]

В течение 1924-1928 гг. возраставшая деятельность Сталина и его помощников направлялась против моего секретариата. Им казалось, что мой маленький "аппарат" является источником всякого зла. Я не скоро понял причины почти суеверного страха по отношению к небольшой (пять-шесть человек) группе моих сотрудников. Высокие сановники, которым их секретари составляли речи и статьи, всерьез воображали, что могут разоружить противника, лишив его "канцелярии". О трагической судьбе своих сотрудников я рассказал в свое время в печати: Глазман[76] доведен до самоубийства, Бутов умер в тюрьме ГПУ, Блюмкин[77] расстрелян, Сермукс и Познанский - в ссылке.

Сталин не предвидел, что я смогу без "секретариата" вести систематическую литературную работу, которая, в свою очередь, может оказать содействие созданию нового "аппарата". Даже и очень умные бюрократы отличаются в известных вопросах невероятной ограниченностью!

Годы новой эмиграции, заполненные литературной работой и перепиской, создали тысячи сознательных и активных единомышленников в разных странах и частях света. Борьба за Четвертый Интернационал[78] бьет рикошетом по советской бюрократии. Отсюда - новая полоса длительного перерыва - кампания против троцкизма. Сталин сейчас дорого бы дал, чтобы повернуть назад решение о высылке меня за границу: как заманчиво было бы поставить "показательный" процесс. Но прошлого не возвратишь. Приходится искать путей ... помимо процесса. Разумеется, Сталин ищет их (в духе предупреждений Каменева-Зиновьева). Но опасность разоблачения слишком велика: недоверие рабочих Запада к махинациям Сталина могло только усилиться со времени дела Кирова. К террористическому акту (вернее всего, при содействии белых организаций, где у ГПУ много своих агентов, или при помощи франц[узских] фашистов, к которым дорогу найти нетрудно) Сталин наверняка прибегнет в двух случаях: если надвинется война или если его собственное положение крайне ухудшится. Может, конечно, найтись и третий случай, и четвертый... Затрудняюсь сказать, насколько сильный удар нанес бы такого рода террористический акт Четвертому Интернационалу; но на Третьем он во всяком случае поставил бы крест ...

Поживем - увидим. Не мы, так другие.

Раковский милостиво допускается на торжественные собрания и рауты с иностранными послами и буржуазными журналистами. Одним крупным революционером меньше, одним мелким чиновником больше!

* * *

Жиromский[79] хочет объединиться со Сталиным. Otto Bauer[80], как пишут, собирается в Москву. И то, и другое вполне объяснимо. Все перепуганные оппортунисты Второго Интернационала должны тяготеть ныне к советской бюрократии. Им не удалось приспособиться к рабочему государству. Суть их природы - приспособление, склонение перед силой. Революции они никогда не сделают. Нужен новый отбор, новое воспитание, новый закал, - новое поколение.

6 марта [1935 г.]

Больше двух недель, как я не прикасался к дневнику: нездоровье и спешная работа. Последний Conseil national⁸¹ французской социалистической партии свидетельствует о силе давления, под которым находится парламентская верхушка. Леон Блюм признал, что в Туре, в 1920 г.[82], он не вполне правильно понимал проблему завоевания власти, когда считал, что раньше должны быть созданы условия социализации, а затем ... но зачем после этого бороться за власть, если "условия социализации" можно создать и без нее. Или Б[люм] имеет в виду экономические, а не политические условия? Но эти условия не создаются, а разрушаются затяжной борьбой за власть: капитализм не развивается, а загнивает. Б[люм] не понимает положения и сейчас, после отказа от своих турецких взглядов. К революционной борьбе за власть мы вынуждены, по его словам, не общим состоянием капитализма, а угрозой со стороны фашистов, которые выступают у него не как продукт разложения капитализма, а как внешняя опасность, ставящая под удар мирную социализацию демократии (старая иллюзия Жореса)[83].

Если вожди буржуазии слепы по отношению к законам упадочного капитализма, то это понятно: умирающий не хочет и не может отдавать себе отчет в этапах собственного умирания. Но слепота Блюма и К^о ... она, пожалуй, лучше всего доказывает, что эти господа являются не авангардом пролетариата, а лишь левым и наиболее перепуганным флангом буржуазии.

После мировой войны Блюм считал (да и сейчас, по существу, считает), что условия для социализма еще не готовы. Какими же наивными мечтателями были Маркс и Энгельс, которые во вторую половину XIX столетия ждали соц[иалистической] революции и готовились к ней!

Для Б[люм]а существует (поскольку для него вообще что-либо существует в этой области) какая-то абсолютная экономическая "зрелость" общества для социализма, которая определяется сама собою, одними своими объективными признаками. Против этого механически-фаталист[ского] представления я вел борьбу уже в 1905 г. (см. "Итоги и перспективы"). После того произошла Октябрьская революция (если не говорить обо всем остальном!), а эти парламентские верхогляды ничему не научились!

7 марта [1935 г.]

В протоколах объединенного июль-августовского пленума ЦК и ЦКК за 1927 г. (кажется, именно в этих протоколах) можно прочитать (кому эти секретные протоколы доступны) особое заявление М. Ульяновой[84] в защиту Сталина. Суть заявления такова: 1) Ленин порвал незадолго до второго удара личные отношения со Сталиным по чисто личному поводу; 2) если б Ленин не ценил Сталина как революционера, он не обратился бы к нему с просьбой о такой услуге, какой можно ждать только от настоящего революционера. В заявлении есть сознательная недосказанность, связанная с одним очень острым эпизодом. Я хочу его здесь записать.

Сперва об М. И. Ульяновой, младшей сестре Ленина, по-домашнему "Маняше". Старая дева, сдержанная, упорная, она всю силу своей неизрасходованной любви сосредоточила на брате Владимире. При жизни его она оставалась совершенно в тени: никто не говорил о ней. В уходе за В. И. она соперничала с Н. К. Крупской[85]. После смерти его она выступила на свет, вернее сказать, ее заставили выступить. Ульянова по редакции "Правды" (она была секретарем газеты) была тесно связана с Бухариным, находилась под его влиянием и вслед за ним втянута в борьбу против оппозиции. Ревность Ульяновой началась, помимо ее ограниченности и фанатизма, еще соперничеством с Крупской, которая долго и упорно сопротивлялась кривить душой. В этот период Ульянова стала выступать на партийных собраниях, писать воспоминания и пр., и надо сказать, что никто из близких Ленину лиц не обнаружил столько непонимания, как эта беззаветно ему преданная сестра. В начале 1926 г. Крупская (хотя и ненадолго) окончательно связалась с оппозицией (через группу Зиновьева-Каменева). Именно в это время фракция Сталина-Бухарина всячески приподнимала, в противовес Крупской, значение и роль М. Ульяновой.

В моей автобиографии[86] рассказано, как Сталин старался изолировать Ленина во второй период его болезни (до второго удара). Он рассчитывал на то, что Ленин уже не поднимется, и стремился изо всех сил помешать ему подать свой голос письменно. (Так, он пытался помешать напечатанию статьи Ленина об организации Центр[альной] Комис[сии] для борьбы с бюрократизмом, т. е. прежде всего с фракцией Сталина). Крупская являлась для больного Ленина главным источником информации. Сталин стал преследовать Крупскую, притом в самой грубой форме. Именно на этой почве и произошел конфликт. В начале марта (кажись, 5-го) 1923 года Ленин написал (продиктовал) письмо Сталину о разрыве с ним всяких личных и товарищеских отношений. Основа конфликта имела, таким образом, совершенно не личный характер, да у Ленина и не могла быть личной ...

Какую же просьбу Ленина имела в виду Ульянова в своем письменном заявлении? Когда Ленин почувствовал себя снова хуже, в феврале или в самые первые дни марта, он вызвал Сталина и обратился к нему с настойчивой просьбой: доставить ему яду. Боясь снова лишиться речи и стать игрушкой в руках врачей, Ленин хотел сам остаться хозяином своей дальнейшей судьбы[87]. Недаром он в свое время одобрял Лафарга[88], который предпочел добровольно "join the majority"[89], чем жить инвалидом.

М. Ульянова писала: "С такой просьбой можно было обратиться только к революционеру" ... Что Ленин считал Сталина твердым революционером, это совершенно неоспоримо. Но одного этого было бы недостаточно для обращения к нему с такой исключительной просьбой. Ленин, очевидно, должен был считать, что Сталин есть тот из

руководящих революционеров, который не откажет ему в яде. Нельзя забывать, что обращение с этой просьбой произошло за несколько дней до окончательного разрыва. Ленин знал Сталина, его замыслы и планы, его обращение с Крупской, все его действия, рассчитанные на то, что Ленину не удастся подняться. В этих условиях Ленин обратился к Сталину за ядом. Возможно, что в этом месте - помимо главной цели - была и проверка Сталина, и проверка натянутого оптимизма врачей. Так или иначе, Сталин не выполнил просьбы, а передал о ней в Политбюро. Все запротестовали (врачи еще продолжали обнадеживать), Сталин отмалчивался ...

В 1926 г. Крупская передала мне отзыв Ленина о Сталине: "У него нет самой элементарной человеческой честности". В завещании выражена, в сущности, та же самая мысль, только осторожнее. То, что было тогда в зародыше, только теперь развернулось полностью. Ложь, фальсификация, подделка, судебная амальгама приняли небывалые еще в истории размеры и, как показывает дело Кирова, непосредственно угрожают сталинскому режиму.

9 марта [1935 г.]

Роман Алексея Толстого[90] "Петр Первый" есть произведение замечательное - по непосредственности ощущения русской старины. Это, конечно, не "пролетарская литература", - А. Толстой целиком взращен на старой русской литературе, да и на мировой, разумеется. Но несомненно, что именно революция - по закону контраста - научила его (не его одного) с особой остротой чувствовать русскую старину, с ее своеобычностью, неподвижной, дикой, неумытой. Она научила его чему-то большему: за идеологическими представлениями, фантазиями, суевериями находить простые жизненные интересы отдельных социальных групп и их социальных представителей. А. Толстой с большой художественной пронизательностью раскрывает материальную подоплеку идейных конфликтов петровской России. Реализм индивидуальной психологии возвышается благодаря этому до социального реализма. Это несомненное завоевание революции как непосредственного опыта и марксизма как доктрины.

Mauriac[91] - фран[цузский] романист, которого я не знаю, "академик", что его плохо рекомендует - писал или говорил недавно: мы признаем СССР, когда он создаст новый роман, стоящий на уровне Толстого[92] и Достоевского[93]. Mauriac, видимо, - противопоставлял этот художественный идеалистический критерий марксистскому, производственному, материалистическому. На самом деле противоречия тут нет. В предисловии к своей книге "Литература и революция" я писал лет 12 тому назад: "Успешное разрешение элементарных .. [94]. В этом смысле развитие искусства есть высшая проверка жизненности и значительности каждой эпохи".

Роман А. Толстого ни в каком случае нельзя, однако, еще выставить как "цветок" новой эпохи. Выше уже сказано, почему. Те же романы, которые официально причисляются к "пролетарскому искусству" (в период полной ликвидации классов!), совершенно еще лишены художественного значения. В этом, конечно, нет ничего "пугающего". Для того, чтоб полный переворот всех социальных основ, нравов и понятий привел к художественной кристаллизации по новым осям, нужно время. Искусство всегда идет в обозе новой эпохи. А большое искусство - роман - особенно тяжело.

Что нового большого искусства еще нет, это факт вполне естественный, пугать он, как

сказано, не должен и не может. Но могут испугать отвратительные подделки под новое искусство по приказу бюрократии. Противоречие, фальшь и невежество нынешнего "советского" бонапартизма, пытающегося безвозбранно командовать над искусством, исключают возможность какого бы то ни было художественного творчества, первым условием которого является искренность. Старый инженер может еще нехотя строить турбину - она будет не первоклассной, именно потому, что сделана нехотя, но свою службу сослужит. Нельзя, однако, нехотя написать поэму.

А. Толстой, не случа[йно] отступил к концу XVII - началу XVIII века, чтоб иметь необходимую художественную свободу.

10 [марта 1935 г.]

Просмотрел внимательно документы экономического плана СГТ. Какое убожество мысли, прикрытое спешной бюрократической напыщенностью! И какая унижительная трусость перед хозяевами. Эти реформаторы обращаются не к рабочим с целью поднять их на ноги для осуществления своего плана, а к хозяевам с целью убедить их, что план имеет, в сущности, консервативный характер.

На деле никакого "плана" нет, ибо хозяйственный план, в серьезном смысле слова, предполагает не алгебраические формулы, а определенные арифметические величины. Об этом нет, конечно, и речи: чтоб составить такой план, надо быть хозяином, т. е. иметь в своих руках все основные элементы хозяйства: это доступно только победоносному пролетариату, создавшему свое государство.

Но и алгебраические формулы Жуо[95] и К0 должны бы прямо-таки поражать своей бессодержательностью и двусмысленностью, если б не знать заранее, что эти господа озабочены одним: отвлечь внимание рабочих от банкротства синдикального реформизма.

18 марта [1935 г.]

Вот уже скоро год, как мы подверглись атаке власти в Барбизоне[96]. Это было самое комичное *qui pro quo*[97], какое только можно себе представить. Операцией руководил *Monseieur le pro-cureur de la Republique* из Melun[98] - высокая особа из мира юстиции, - в сопровождении судебного следователя, *greffier*[99], пишущего от руки комиссара, *Surete generale*, сыщиков, жандармов, полицейских, в числе нескольких десятков. Честный *Benno*[100], "molosse"[101], разрывался на цепи, *Stela*[102] вторила ему из-за дома.

Прокурор заявил мне, что вся эта армия прибыла по поводу.. украденного мотоцикла. Все было шито белыми нитками. Рудольф[103], мой немецкий сотрудник, привез на мотоцикле почту. У него потух фонарик в пути. К этому придрались жандармы, давно искавшие повода пробраться на нашу таинственную дачу ...

21 марта [1935 г.]

Весна, солнце жжет, уже дней десять как высыпали фиалки, крестьяне возятся в виноградниках. Вчера до полуночи слушали "Валькирию"[104] из Бордо. Двухлетний срок военной службы. Вооружение Германии. Подготовка новой "последней" войны. Крестьяне

мирно срезают виноградную лозу, уваживают полосы между линиями винограда. Все в порядке.

Социалисты и коммунисты пишут статьи против двух лет и, для внушительности, пускают в оборот самый крупный шрифт. В глубине сердец "вожди" надеются: как-нибудь обойдется. Здесь тоже все в порядке . . .

И все-таки этот порядок подкопал себя безнадежно. Он рухнет со смрадом ...

* * *

Jules Remains[105], видимо, очень этим озабочен, ибо предлагает себя в спасители (Общество 9 июля). В одной из последних книг своей эпопеи Romaines выводит, видимо, себя под именем писателя Strigelius'a (кажется, так). Этот S[trigelius] может все то, что умеют другие писатели, а кроме того, еще кое-что сверх того. Но он умеет не только как писатель. Он понял, что "уменье" (гений) универсально. Он умеет и в других областях - в частности, в политике - больше, чем другие. Отсюда Общество 9 июля и книга J. R[omaines] об отношениях между Францией и Герм[анией].

Несомненно, у этого даровитого писателя закружилась голова. Он много понимает в политике, но скорее зрительно, т. е. поверхностно. Глубокие социальные причины явлений остаются от него скрыты. В области индивид-психологии он замечателен, но тоже не глубок. Ему как писателю (тем более как политику) не хватает, видимо, характера. Он зритель, а не участник. А только участник может быть глубоким в качестве зрителя. Золя[106] был участник. Оттого при всех его вульгарностях и срывах он гораздо выше J. Romaines'a, глубоко теплее, человечнее. J. Romaines о самом себе говорит (уже без псевдонима, под собственным именем): "distant"[107]. Это верно. Но distance[108] у него не только оптическая, а и моральная. Его нравственные огни позволяют ему видеть все только на известном, неизменном расстоянии. Оттого он кажется слишком далеким от маленького Бастида и слишком близким к убийце Кинетту. У участника "distance" меняется в зависимости от характера его участия, - у зрителя - нет. Зритель, как Romaines, может быть великим писателем.

* * *

Я не дописал о нашей прошлогодней "катастрофе" в Барбизоне. "История" достаточно запечатлена на страницах газет. Какой бешеный поток глупейших выдумок и неподдельной ненависти!

Хорош был "прокурор" республики! Этих высоких сановников никогда не следует смотреть слишком близко. Он явился ко мне по поводу будто бы украденного мотоцикла (нашего мотоцикла, на котором ехал Рудольф), но тут же спросил, какова моя настоящая фамилия (паспорт у меня на имя Седова - имя жены, - по советским законам это вполне допустимо, но прокурор из Melun не обязан знать советских законов).

Но ведь вы должны были поселиться на Корсике?

А какое это имеет отношение к украденному мотоциклу?

Нет, нет я спрашиваю вас, как человек человека[109].

Впрочем, это было уже сказано в виде отступления, когда оказалось, что у меня на

паспорте виза Surete generale. Рудольфа продержали 36 часов, надевали на него menottes[110], ругали (sale boche)[111], били, вернее, толкали с зуботычиной. Когда его, наконец, ввели ко мне, я поставил ему стул (на нем лица не было), но прокурор крикнул: non debout![112] Рудольф сел, даже не заметив этого крика. Из всех этих посетителей только старый greffier производил благоприятное впечатление. А остальные.. .

Впрочем, все это не заслуживает столь подробной записи.

22 марта [1935 г.]

В Норвегии у власти в течение нескольких дней Рабочая партия. В ходе европейской истории это мало что изменит. Но в ходе моей жизни ... Во всяком случае встает вопрос о визе.

В Норвегии были только проездом в 1917 г., по дороге из Нью-Йорка в Петербург, - я не сохранил о стране никаких воспоминаний. Ибсена[113] помню лучше: в молодости писал о нем.

23 марта [1935 г.]

Федин[114] в романе "Завоевание Европы" - роман написан литературно неглубоко, часто претенциозно, показывает одно - революция научила (или заставила) русских писателей внимательнее приглядываться к фактам, в к[о]т[о]рых выражается социальная зависимость одного человека от другого. Нормальный буржуазный роман имеет два этажа: ощущения переживают только, в бельэтаже (Пруст![115]); люди подвального этажа чистят сапоги и выносят ночные горшки. Об этом в самом романе редко говорится, это предполагается как нечто естественное; герой вздыхает, героиня дышит, следовательно они отправляют и другие функции: должен же кто-то подтирать за ними следы.

Помнится, я читал роман Luis'a "Амур и Психея" (необыкновенно фальшивая и пошлая стряпня, законченная, если не ошибаюсь, невыносимым Claude Farrere'ом). Luis помещает слуг где-то в преисподней, так что его влюбленные герои никогда не видят их. Идеальный социальный строй для влюбленных бездельников и их художников.

В сущности, внимание Федина тоже направлено на людей бельэтажа (в Голландии), но он старается - хоть мимоходом - подметить психологию отношений шофера и финансового магната, матроса и судовладельца. Никаких откровений у него нет, но все же освещаются уголки тех человеческих отношений, на которых покоится современное общество. Влияние Октябрьской революции на литературу еще целиком впереди!

TSF передает Symphonie heroique[116], concert Padeloup. Я завидую Н[аталье], когда она слушает большую музыку: всеми порами души и тела. Н. не музыкантша, но она нечто больше того: вся ее натура музыкальна, в ее страданиях, как и в (редких) радостях, всегда есть глубокая мелодия, которая облагораживает все ее переживания. Мелкие повседневные факты политики хоть и интересуют ее, но она не связывает их обычно в одну целую картину. Однако там, где политика забирает в глубину и требует полной реакции, Н. всегда находит в своей внутренней музыке правильную ноту. То же и в оценке людей, притом не только под лично-психологическим, но и под революционным углом зрения Филистерство, вульгарность, трусость никогда не укроются от нее, хотя она чрезвычайно снисходительна ко

всем маленьким человеческим порокам.

Чуткие люди, даже совсем "простые" - также дети, - инстинктивно чувствуют музыкальность и глубину ее натуры. О людях, которые безразлично или снисходительно проходят мимо нее, не замечая скрытых в ней сил, почти всегда можно с уверенностью сказать, что они поверхностны и тривиальны.

...Конец Героической симфонии (она передавалась во фрагментах).

25 марта [1935 г.]

Только после записи 23 марта о Н. я отдал себе отчет в том, что на предшествующих страницах я вел скорее политический и литературный дневник, чем личный. Да и могло ли, в сущности, быть иначе? Политика и литература и составляют, в сущности, содержание моей личной жизни. Стоит взять в руки перо, как мысли сами собою настраиваются на публичное изложение... Этого не переделаешь, особенно в 55 лет.

Кстати, Ленин (повторяя Тургенева[117]) спрашивал однажды Кржижановского[118]: "Знаете, какой самый большой порок?" Кржижановский не знал. - "Быть старше 55 лет". Сам Ленин до этого "порока" не дожил ...

* * *

В Blois (Loir-et-Cher), в округе С. Chautemps¹¹⁹, выборы дали вождю Front Paysan[120], Dorgeres[121], 6 760 голосов, радикалу - 4 848 г. Предстоит перебаллотировка. Chautemps получил в мае 1932 г. 11 204 голоса и был избран в первом туре. Замечательно симптоматичные цифры! После 6 февраля 1934 г. я говорил, что начинается период французского радикализма и с ним вместе Третьей республики. Крестьяне покидают демократических болтунов и обманщиков. Большой фашистской партии, по образцу наци, во Франции ждать нельзя. Достаточно, если Доржересы подкопают в разных местах "демократию", - в Париже найдется кому опрокинуть ее.

Муниципальные выборы обнаружат несомненный упадок радикализма. Часть избирателей уйдет вправо, часть влево - к социалистам. Эти последние кое-что потеряют в пользу коммунистов: сведут ли социалисты баланс с плюсом или минусом, трудно предсказать, во всяком случае, изменение вряд ли будет очень значительным. Радикалы должны потерять много. Коммунисты, несомненно, выигрывают. Выиграет крестьянская реакционная демагогия. Но цифры муниципальных выборов лишь в чрезвычайно ослабленной степени отразят более глубокий и более динамичный процесс отхода мелкобуржуазных масс от демократии. Смелый военный толчок фашизма может обнаружить, насколько далеко зашел этот процесс, - во всяком случае, гораздо дальше, чем кажется рутинерам парламентаризма. "Вожди" рабочих партий и синдикатов ничего не видят, ничего не понимают, ни на что не способны. Какая жалкая, невежественная, трусливая братия!

* * *

15 июля 1885 г. Энгельс писал старику Беккеру[122]:

"Вы совершенно правы, радикализм изнашивается с необыкновенной быстротой. Собственно, осталось износиться только самому Клемансо. Когда придет его черед, он потеряет целую грудку иллюзий, прежде всего ту, что в наши дни можно управлять буржуазной республикой во Франции без того, чтобы красть самим и давать украсть другим" [123].

А доброжелательный Temps все еще сотрясается от неожиданности при каждом новом финансовом скандале!

Маркс и Энгельс долго ждали, что Клемансо не остановится на программе радикализма, - он казался им для этого слишком критическим и решительным, - а станет социалистом. Клемансо действительно не удержался на позиции радикализма (созданного специально для людей, как Herriot), но отошел от нее не к социализму, а к реакции, тем более цинической, что не прикрытой никакими иллюзиями, никакой мистикой

Главным тормозом, помешавшим Клемансо (как и многим другим французским интеллигентам) двинуться от радикализма вперед, был рационализм. Ограниченный, скарденый, плоский рационализм стал давно бессилён против церкви, но зато превратился в надежную броню тупоумия против коммунистической диалектики. О рационализме Клемансо я когда-то писал, надо будет разыскать.[124]

* * *

Раковский был, в сущности, моей последней связью со старым революционным поколением. После его капитуляции не осталось никого. Хотя переписка с Рак[овским] прекратилась по цензурным причинам - со времени моей высылки за границу, тем не менее фигура Раковского оставалась как бы символической связью со старыми соратниками. Теперь не осталось никого. Потребность обменяться мыслями, обсудить вопрос сообща давно уж не находит удовлетворения. Приходится вести диалог с газетами, т. е. через газеты с фактами и мнениями. И все же я думаю, что работа, которую я сейчас выполняю - несмотря на ее крайне недостаточный, фрагментарный характер, - является самой важной работой моей жизни, важнее 1917 г., важнее эпохи гражданской войны и пр.

Для ясности я бы сказал так. Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Окт[ябрьская] рев[олюция] произошла бы - при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Окт[ябрьской] революции: руководство большевистской партии помешало бы ей совершиться (в этом для меня нет ни малейшего сомнения!). Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы с сопротивлением большевистских верхов, борьба с "троцкизмом" (т. е. с пролетарской революцией) открылась бы уже с мая 1917 г., исход революции оказался бы под знаком вопроса. Но, повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция все равно привела бы к победе. То же можно сказать в общем и целом о гражданской войне (хотя в первый ее период, особенно в момент утраты Симбирска и Казани, Ленин дрогнул, усомнился, но это было, несомненно, преходящее настроение, в котором он едва ли даже кому признался, кроме меня* [* Надо будет об этом подробнее рассказать]).

Таким образом, я не могу говорить о незаменимости моей работы даже по отношению к периоду 1917-1921 гг. Но сейчас моя работа в полном смысле слова "незаменима". В этом смысле нет никакого высокомерия. Крушение двух интернационалов поставило проблему, для работы над которой никто из вождей этих интернационалов абсолютно не пригоден.

Особенности моей личной судьбы поставили меня лицом к лицу с этой проблемой во всеоружии серьезного опыта. Вооружить революционным методом новое поколение через голову вождей Второго и Третьего Интернационалов - этой задачи сейчас, кроме меня, некому выполнить. И я вполне согласен с Лениным (собственно, с Тургеневым), что самый большой порок - быть старше 55 лет. Мне нужно еще, по меньшей мере, лет 5 непрерывной работы, чтобы обеспечить преемственность.

26 марта [1935 г.]

Spaak[125] стал министром в Бельгии. Жалкий субъект. В прошлом году он приезжал ко мне в Париж "советоваться". Мы подробно (часа два) говорили о положении в бель[гийской] партии. Меня поразила его политическая поверхностность. Так, он раньше совершенно не задумывался о работе в синдикатах. "Да, да, это очень важно!", вынул блокнот и стал записывать. "И это революционный вождь?" - подумал я. В течение беседы Спаак "соглашался" (и записывал). Но в его согласии была нотка, которая вызывала сомнение. Не то чтоб он казался мне неискренним. Наоборот, он приехал с лучшими намерениями: осведомиться и укрепить себя перед борьбой. Но, видимо, мои формулировки пугали его. "Ах, вот как? Это гораздо более серьезно, чем я думал...>

Такая нота звучала во всех его репликах, хотя на словах он и "соглашался". В общем, он показался мне честным "другом народа" из просвещенной буржуазной среды, - не более того. Но именно честным: коррупция вокруг Вандервельде[126] - Анзееле[127] явно отталкивала его... Через некоторое время я получил от него письмо. Профсоюзники требовали закрытия Action[128], грозили расколом с партией, ЦК партии охотно поддавался этому шантажу. Спаак спрашивал совета: уступать или нет? Я ответил, что уступать значило бы совершить политическое харакири. (Еще в беседе я упрекал Спаака за его уступчивость, особенно за поведение на конгрессе партии 1933 (?) г., принявшем решение о "плане", - Спаак и тут "соглашался"...). Action сохранилась: правым, после позорной истории с Кооперативным банком, пришлось временно отступить. Но поведение самого Спаака все время оставалось зыбким, неуверенным, фальшивым... А теперь вот этот "революционный" герой стал министром транспорта в "национальном министерстве". Дрянненький человечико!

Что для Спаака было решающим: страх перед дальнейшим движением масс или маленькое личное тщеславие (стать "министром")? Разница, в конце концов, не велика, ибо оба эти мотива чаще всего дополняют друг друга.

27 марта [1935 г.]

В 1903 г. в Париже в пользу "Искры" ставился спектакль: "На дне" Горького. Пытались поручить роль Н[аталье], - чуть не по моей инициативе: мне казалось, что она хорошо, "искренне" сыграет свою роль. Но ничего не вышло, роль переуступили другой. Я был удивлен и огорчен. Только позже я понял, что Н. не может ни в одной области "играть". Она всегда и при всех условиях - всю жизнь - во всех обстановках (а мы их пережили немало) оставалась сама собою, не позволяя обстановке влиять на свою внутреннюю жизнь.

Сегодня гуляли - поднимались в гору... Н. устала и неожиданно села, побледневшая, на

сухие листья (земля еще сыровата). Она прекрасно ходит и сейчас еще, - не уставая, и походка у нее совсем молодая, как и вся фигура. Но за последние месяцы сердце иногда дает себя знать, она слишком много работает, со страстью (как все, что она делает), и сегодня это сказалось при крутом подъеме в гору. Н. села сразу, видно, что дальше не могла, и улыбнулась виноватой улыбкой. Как мне стало жаль молодости, ее молодости... Из парижской оперы ночью мы бежали, держась за руки, к себе на rue Cassendi, 46, au ras gymnastique... это было в 1903 году... нам было вдвоем 46 лет, -Н. была, пожалуй, неустойчивее. Однажды мы целой группой гуляли где-то на окраине Парижа, подошли к мосту. Крутой цементный бык спускался с большой высоты. Два небольших мальчика перелезли на быка через парапет моста и смотрели сверху на прохожих. Н. неожиданно подошла к ним по крутому и гладкому скату быка. Я обомлел. Мне казалось, что подняться невозможно. Но она шла на высоких каблуках своей гармоничной походкой, с улыбкой на лице, обращенном к мальчикам. Те с интересом ждали ее. Мы все остановились в волнении. Не глядя на нас, Н. поднялась вверх, поговорила с детьми и так же спустилась, не сделав, на вид, ни одного лишнего усилия и ни одного неверного движения... Была весна, и так же ярко светило солнце, как и сегодня, когда Н. неожиданно села в траву..

"Против этого нет сейчас никаких средств"[129], - писал Энгельс о старости и смерти. По этой неумолимой дуге, меж рождением и могилой, располагаются все события и переживания жизни. Эта дуга и составляет жизнь. Без этой дуги не было бы не только старости, но и юности. Старость "нужна", потому что в ней опыт и мудрость. Молодость, в конце концов, потому так и прекрасна, что есть старость и смерть. Может быть, все эти мысли оттого, что TSF передает Gotterdammering Вагнера[130].

29 марта [1935 г.]

Надо будет рассказать, как ГПУ воровало у меня из архива документы. Но это не к спеху..

Сегодня в Le petit Dauphinois замечательная корреспонденция из Brussels, собственно, слегка замаскированные интервью с De Man'ом[131]. Le petit D[auphinois] - реакционная газета, но пока еще не фашистская. Ее симпатии к De Man'у беспредельны, по крайней мере симпатии ее брюс[сельского] корреспондента. Мы узнаем, во всяком случае, что план Де Мана опирается на два столпа: римского папу и бельгийского короля. В папской энциклике "Quadragesimo Anno"[132] сказано, что господа денег могут, по своему желанию, помешать людям дышать. Отсюда, согласно Де Ману, исходит Van Zeeland[133], премьер. Вернее: Де Ман хочет, чтоб Van Zeeland исходил из этой энциклики. Покойный король[134], оказывается, относился к "плану" с сочувствием, а новый король, Леопольд[135], "изучал каждый день с неизменным интересом работы Генриха Де Мана до тех пор, пока последний не сделался его министром"[136]. Это все поведал корреспонденту сам Де Ман.

По существу плана. Во-первых, "государство должно освободиться от опеки банков и само взять в свои руки очаги командования". Во-вторых: корпорации a la Mussolini[137] - для заведывания вещами; парламентаризм - для управления людьми. Видно, что все это записано под диктовку Де Мана: журналисту таких формул не выдумать!

Заведывание вещами и управление людьми - плагиат у Энгельса: отмирание государства, по Энгельсу, будет состоять в постепенной замене управления людьми - заведыванием вещами. Но как можно одновременно создать два режима, корпоративный и парламентский,

для вещей и для людей, - этого никак не постичь. Каким образом Де Ман собирается отделить людей от вещей, т. е. собственников от их собственности? Ведь к этому и сводится весь вопрос. Революционной экспроприации Де Ман не хочет, конечно, - а никакая энциклика не побудит самых благочестивых хищников предоставить банки и тресты в управление бессильным "корпорациям"...

Вся эта затея - наполовину авантюра, наполовину заговор против народа - закончится жалким крахом, из которого Де Ман и Спаак выйдут оплеванными. Банки, спасенные ими посредством девальвации, покажут новаторам, как "освободить" государство от их опеки!...

* * *

В московских дипломатических переговорах (визит Eden[138] и пр.) решается, в числе многого другого, судьба Коминтерна. Если Англия примкнет к идее пакта (без Германии), конгресс Коминтерна, обещанный на первую половину нынешнего года, созван, конечно, не будет. Если Англия и Франция столкнутся с Германией (без СССР), конгресс, вероятно, состоится. Но этот конгресс банкротов ничего не способен дать пролетариату!

* * *

Claude Farrere, о котором я упоминал на днях, выбран в Академию. Какое отвратительное скопище старых шутов!

Барту[139], который в качестве плохого писателя тоже, как известно, был академиком, на анкету: "Чего бы вы желали для себя?" ответил: "Мне желать нечего: в юности я мечтал о карьере министра и академика, а в зрелые годы стал тем и другим!" Нельзя с большим сарказмом охарактеризовать себя самого!

30 марта [1935 г.]

"Смердящие подонки троцкистов, зиновьевцев, бывших князей, графов, жандармов, все это отребье, действующее заодно, пытается "подточить стены нашего государства"[140].

Это, конечно, из "Правды". Ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры не помянуты: действуют "заодно" лишь троцкисты и князь! Есть в этом сообщении нечто непроходимо глупое, а в глупости - нечто фатальное. Так выродиться и поглупеть может только исторически обреченная клика!

В то же время вызывающий характер этой глупости свидетельствует о двух взаимно связанных обстоятельствах: 1) что-то у них не в порядке, и притом в большом беспорядке; "беспорядок" сидит где-то глубоко внутри самой бюрократии, вернее, даже внутри правящей верхушки; амальгама[141] из подонков и отребьев направлена против кого-то третьего, не принадлежащего ни к троцкистам, ни к князьям, вернее всего, против "либеральных" тенденций в рядах правящей бюрократии; 2) готовятся какие-то новые практические шаги против "троцкистов" как подготовка удара по каким-то более близким и интимным врагам сталинского бонапартизма. Можно бы предположить, что готовится какой-нибудь новый coup d'etat[142] с целью юридического закрепления личной власти. Но в чем этот coup d'etat мог бы состоять? Не в короне же! В пожизненном звании "вождя"? Но это слишком

напоминало бы Fuhrer'a! Вопросы "техники" бонапартизма должны, видимо, представлять все большие и большие политические трудности. Подготавливается какой-то новый этап, по отношению к которому убийство Кирова было лишь зловещим предзнаменованием.

31 марта [1935 г.]

Курьез!.. Советский историк В. И. Невский[143] не хуже и не лучше многих других советских историков: неряшлив, небрежен, догматичен, но с примесью некоторой наивности, которая на общем фоне "целевых" фальсификаций выглядит подчас как добросовестность. Ни в каких оппозициях Невский не состоит. Тем не менее его подвергают систематической травле. Почему? Вот одно из объяснений. В своей "Истории РКП", вышедшей в 1924 г. (в обзоре литературы), Невский замечает:

"Книжки, вроде брошюры Конст. Молотова "К истории партии", пожалуй, не только ничего не дают, а приносят прямой вред, такая масса ошибок в них: только на 39 страницах этой книжки мы насчитали 19 ошибок!.." В 1924 г. Невский не мог знать, что звезда Молотова вознесется высоко и что "19 ошибок" брошюры не помешают автору ее стать предсовнаркомом. Молотов и организовал, очевидно, через Оргбюро, где он одно время (давно уже!) хозяйничал, травлю против бедняги Невского... Но времена переменчивы: звезда Молотова померкла и - кто знает - слова Невского о безграмотности предсовнаркома могут еще послужить к вящей славе злополучного историка. Поистине, курьез!..

2 апреля [1935 г.]

Переговоры Eden'a в Москве закончились довольно широковещательным дипломатическим сообщением, в которое входит взаимное обязательство не вредить интересам и благосостоянию другой стороны. По дороге в Варшаву Eden немедленно подчеркнул, что это не только обязательства В[елико]брит[ании] по отношению к СССР, но и обязательства СССР по отношению к Великобритании. Дело идет о Китае и Индии, о Коминтерне, о "Советском" Китае. Какие обязательства на этот счет даны Москвой? Проверить характер обязательств Кремля можно будет на вопросе о созыве конгресса Коминтерна в Москве. Конгресс без китайцев, индусов и англичан невозможен. Но возможен ли он с китайцами, индусами и англичанами после московских переговоров?

В конце концов, если б Сталин обязался потихоньку ликвидировать Коминтерн, для дела социалис[тической] революции был бы громадный плюс. Но такого рода обязательство явилось бы вместе с тем безошибочным доказательством того, что советская бюрократия окончательно порвала с мировым пролетариатом.

* * *

У меня снова открылся вчера болезненный период. Слабость, легкое лихорад[очное] состояние, чрезвычайный шум в ушах. Прошлый раз во время подобного состояния Н[enri] Mfolinier[144] был у местного префекта. Тот справился обо мне и, узнав, что я болен, воскликнул с неподдельной тревогой: "Это крайне неприятно, крайне неприятно... Если он умрет здесь, мы ведь не сможем хоронить его под вымышленным именем!" У каждого своя

забота!

* * *

Только что получил письмо из Парижа. Ал. Львовна Соколовская [Вонская], первая жена моя, жившая в Ленинграде со внуками, сослана в Сибирь. От нее уже получена открытка за границей из Тобольска, где она находилась на пути в более далекие части Сибири. От младшего сына, Сережи, профессора в технологическом институте, прекратились письма. В последнем он писал, что вокруг него сгущаются какие-то тревожные слухи. Очевидно, и его выслали из Москвы. - Не думаю, чтоб Ал. Льв[овна Соколовская] проявила за последние годы какую-либо политическую активность: и годы, и трое детей на руках. В "Правде" несколько недель тому назад, в статье, посвященной борьбе с "остатками" и "подонками", упоминалось - в обычной хулиганской форме - и имя А. Л., но лишь попутно, причем ей вменялось в вину вредное воздействие - 1931 г.! - на группу студентов, кажется, Лесного института. Никаких более поздних преступлений "Правда" открыть не могла. Но одно уж упоминание имени означало безошибочно, что следует ждать удара и по этой линии.

Платона Волкова, мужа покойной Зинушки[145], арестовали снова в ссылке и отправили далее. Севушка (внук), сынок Платона и Зины, 8-ми лет, недавно только перебрался из Вены в Париж. Он находился при матери в Берлине в последний период ее жизни. Она покончила с собой, когда Сева находился в школе. Он поселился на короткое время у старшего сына и невестки. Но им пришлось спешно покинуть Германию ввиду явного приближения фашистского режима. Севушку отвезли в Вену, чтоб не было лишней ломки в языке. Там его устроили в школу наши старые друзья. После нашего переезда во Францию и начала контрреволюционных потрясений в Австрии мы решили перевезти мальчика в Париж, к старшему сыну и невестке. Но семилетнему Севушке упорно не давали визы. Долгий ряд месяцев прошел в хлопотах. Только недавно удалось перевезти его. За время в Вене Сева забыл - совершенно русский и французский язык. А как прекрасно он говорил по-русски, с московским напевом, когда пятилеткой впервые приехал к нам с мамой на Принкипо! Там, в детском саду, юн быстро усваивал французский и отчасти турецкий. В Берлине перешел на немецкий, в Вене стал совсем немцем, а теперь в парижской школе снова переходит на французский язык. О смерти матери он знает и время от времени справляется о "Платоше" (отце), который стал для него мифом.

Младший сын, Сережа, в противоположность старшему и отчасти из прямой оппозиции к нему, повернулся спиной к политике лет с 12-ти: занимался гимнастикой, увлекался цирком, хотел даже стать цирковым артистом, потом занялся техническими дисциплинами, много работал, стал профессором, выпустил недавно, совместно с другими инженерами, книгу о двигателях. Если его действительно выслали, то исключительно по мотивам личной мести: политических оснований не могло быть!

Для характеристики бытовых условий Москвы: Сережа рано женился, жили они с женой несколько лет в одной комнате, оставшейся им от последней нашей квартиры, после нашего выезда из Кремля. Года полтора тому назад Сережа с женой разошелся; но за отсутствием свободной комнаты они продолжали жить вместе до последних дней. Вероятно, теперь ГПУ развело их в разные стороны... Может быть, и Лелю[146] сослали? Это не исключено!

3 апреля [1935 г.]

Я явно недооценил непосредственный практический смысл заявления о "подонках

троцкистов" (см. 30 марта); острие "акции" снова направлено на этот раз против лично близких мне людей. Когда я вчера вечером передал письмо от старшего сына из Парижа Н[аталье], она сказала: "Они его [Сергея] ни в каком случае не выпустят, они будут пытаться его, чтоб добиться чего-нибудь, а затем уничтожат..".

По-видимому, высылка 1074 человек была намеренно предпослана новой акции против оппозиции*[* Сравнение документов не подтверждает этого предположения]. "Графы, жандармы и князья" представляют первую половину амальгамы, ее базу. Но лучше привести более полную выдержку из "Правды".

"Против происков врагов надо принять вполне реальные мероприятия. Вследствие обломовщины, доверчивости, вследствие оппортунистического благодушия к антипартийным элементам и врагам, действующим по указанию иностранных разведок, удается иногда проникнуть в наш аппарат.

Подонки зиновьевцев, троцкистов, бывших князей, графов, жандармов, все это отребье, действующее заодно, пытается подточить стены нашего государства...

Разоблачение антипартийных элементов за последнее время, недавнее сообщение наркомвнутотдела об аресте, высылке и привлечении к ответственности бывших царских сановников в Ленинграде показывают, что есть политическое и уголовное жулье, которое лезет в любую щель.

Недавно в Москве судили афериста Шапошникова, который объезжал города и везде выдавал себя за инженера. Дурачки принимали его на работу, доверяли государственное имущество, и потребовалось значительное время, пока его разоблачили и посадили в тюрьму. Или другой аферист и враг - Красовский, он же Загородный, выдавал себя за кандидата в члены ЦИКа. Глупцы поверили на слово, и он проник в члены избирательной комиссии и совершил там преступление. В Саратовском крае шпион, пользуясь смехотворной фальшивкой, пробрался на ответственную работу и лишь через некоторое время был пойман и расстрелян". (Правда, 25 марта)

К кому относятся слова насчет "иностраных разведок" - к князьям или к троцкистам? "Правда" прибавляет, что они действуют "заодно". Смысл амальгамы, во всяком случае, в том, чтобы дать ГПУ возможность привлекать "троцкистов" и "зиновьевцев" как агентов иностранных разведок. Это совершенно очевидно. Вот первоначальное сообщение насчет 1074:

"За последние дни в Ленинграде арестована и высылается в восточные области СССР за нарушение правил проживания и закона о паспортной системе группа граждан из бывшей аристократии, царских сановников, крупных капиталистов, помещиков, жандармов, полицейских и других. Среди них бывших князей - 41 чел., бывших графов - 33 чел., бывших баронов - 76 чел., бывших крупных фабрикантов - 35 чел., бывших крупных помещиков - 68 чел., бывших крупных торговцев - 19 чел., бывших высших царских сановников из царских министерств - 142 чел., бывших генералов и высших офицеров царской и белой армии - 547 чел., бывших высших чинов жандармерии, полиции и охраны - 113 чел.

Часть из высланных привлечена к ответственности органами надзора за деятельность против сов. государства и в пользу иностранных государств". (Правда, 20 марта).

Здесь о троцкистах еще ни слова, обвинение о деятельности "в пользу ин[остранных] го[сударств]" выдвинуто пока только против бывших "князей и жандармов". Только через 5 дней "Правда" сообщает нам, что троцкисты и зиновьевцы действовали с ними "заодно!" Такова грубая механика амальгамы.

С какой непосредственностью и проникновенностью Н[аталья] представила Сережу в тюрьме: ему должно быть вдвойне тяжело, ибо его интересы совсем вне политики, и у него, поистине, в чужом пиру похмелье. Н. вспомнила даже Барычкина: "отомстит он ему теперь!". Барычкин - бывший мытищинский (под Москвой) рабочий, окончательно испортившийся и исподличавшийся в ГПУ. Кажется, в 1924 он попался в растрате, но Ягода "спас" его и тем превратил в раба. Это Барычкин когда-то часто сопровождал меня на охоту и рыбную ловлю и поражал смесью революционности, шутовства и лакейства. Чем дальше, тем антипатичнее становился он, и я отделался от него. Он жаловался плаксиво Н. И. Муралову: "Не берет меня больше Л. Д. [Троцкий] на охоту.." После этого, как уже было сказано, он попался в растрате и в качестве прощенного демонстративно проявлял ненависть к оппозиции, чтоб оправдать доверие начальства.

Когда меня выслали из Москвы, он нагло вошел в квартиру, не снимая верхнего платья. "Вы почему в шапке?" - сказал я ему. Он вышел молча с видом побитой собаки. На вокзале, когда "гепеуры" несли меня на руках, Лева кричал: "Смотрите, рабочие, как несут Тр[оцкого]". Барычкин подскочил к нему и стал зажимать рот. Сережа ударил с силой Барычкина по лицу. Тот отскочил, ворча, но истории не поднял... Вот по этому поводу Н. и сказала: "Припомнит он теперь Сереже..."

4 апреля [1935 г.]

Все текущие "мизерии" личной жизни отступили на второй план перед тревогой за Сережу, А. Л., детей. Вчера я сказал Н.: "Теперь наша жизнь до получения последнего письма от Левы кажется почти прекрасной и безмятежной..." Н. держится мужественно, ради меня, но переживает все это несравненно глубже меня.

В репрессивную политику Сталина мотивы личной мести всегда входили серьезной величиной. Каменев рассказывал мне, как они втроем - Сталин, Каменев, Дзержинский[147] - в Зубалове вечером 1923 (или 1924?) года провели день в "задушевной" беседе за вином (связала их открытая ими борьба против меня). После вина на балконе заговорили на сентиментальную тему: о личных вкусах и пристрастиях, что-то в этом роде. Сталин сказал: "Самое лучшее наслаждение - наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать".

Его чувство мести в отношении меня совершенно не удовлетворено: есть, так сказать, физические удары, но морально не до стигнуто ничего: нет ни отказа от работы, ни "покаяния", ни изоляции; наоборот, взят новый исторический разбег, которого уже нельзя приостановить. Здесь источник чрезвычайных опасений для Сталина: этот дикарь боится идей, зная их взрывчатую силу и зная свою слабость перед ними. Он достаточно умен в то же время, чтобы понимать, что я и сегодня не поменялся бы с ним местами: отсюда эта психология ужаленного. Но если месть в более высокой плоскости не удалась и уже явно не удастся, то остается вознаградить себя полицейским ударом по близким мне людям. Разумеется, Сталин не остановился бы ни на минуту перед организацией покушения против меня, но он боится политических последствий: обвинение падет неизбежно на него. Удары по близким людям в России не могут дать ему необходимого "удовлетворения" и в то же

время представляют серьезное политическое неудобство. Объявить, что Сережа работал "по указанию иностранных разведок"? Слишком нелепо, слишком непосредственно обнаруживается мотив личной мести, слишком сильна была бы личная компрометация Сталина.

* * *

[Вырезка из французской газеты, вклеенная в дневник:]

"СССР ОБЯЗАЛСЯ ПРЕКРАТИТЬ КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПРОПАГАНДУ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ДОМИНИОНАХ

Лондон, 3 апреля. Во время недавних переговоров с г. Иденом г Литвинов, советский комиссар иностранных дел, заявил, что он известил лорда хранителя печати о решении правительства Москвы прекратить коммунистическую пропаганду в Великобритании и доминионах.

Создается впечатление, что средства, предназначенные для этой пропаганды, в последние месяцы изымались во все возрастающем количестве"[148].

Это очень похоже на правду. Литвинов - надо отдать ему справедливость - давно уже считал Коминтерн нерентабельным и вредным учреждением. В глубине души Сталин был с ним согласен. Подробность насчет прогрессивного уменьшения субсидий из месяца в месяц очень выразительна: Кремль наметил для каждой партии определенный "ликвидационный" период. Разумеется, секции Коминтерна не исчезнут и после этого периода, но сильно свернутся и приведут свой образ жизни в соответствие с новым бюджетом. Надо, вместе с тем, ждть и личных перегруппировок, отходов, дезертирств и разоблачений. Значительное число "вождей", журналистов, пропагандистов Коминтерна представляет чистый тип fromagiste'a[149], бутербродного человека раз нет платы" то нет больше и верности.

Поворот вправо в области внешней и внутренней политики заставляет Сталина наносить удар изо всех сил влево: это страховка против оппозиции. Но страховка абсолютно ненадежная. Изменение всего социально-бытового режима в СССР неизбежно должно вызвать новую острую политическую конвульсию.

* * *

Трудно сейчас работать над книгой о Ленине. Мысли не хотят никак сосредоточиться на 1893 годе. Погода резко переменилась за последние дни. Хотя сады в цвету, но сегодня идет снег с самого утра, все покрыл белой пеленой, потом растаял, сейчас опять падает, но тут же тает. Небо серо, с гор ползут в долину туманы, в доме холодновато и сыро. Н. возится по хозяйству с тяжелым грузом на душе.

Жизнь не легкая штука... Нельзя прожить ее, не впадая в протрацию или цинизм, если не иметь над собою большой идеи, которая поднимает над личной мизерней, над слабостью, всякого рода вероломством и глупостью...

* * *

Прочитал вчера роман V[ictor] Margueritte "Le Compagnon". Совсем слабый писатель; в его банальной прозе вовсе не чувствуешь великой школы французского романа. Радикальная тенденция поверхностна и сентиментальна. Этот радикализм - на подкладке феминизма - может быть, выглядел недурно в эпоху Луи Филиппа[150]. Сейчас он кажется вконец прокисшим Эротика романа смахивает на полицейский протокол.

5 апреля [1935 г.]

Но все-таки роман Мар[еритта] бросает свет на личные и семейные отношения в известных, отнюдь не худших, буржуазных кругах Франции. "Герой" романа - социалист Автор упрекает своего героя в "буржуазном" отношении к женщине, вернее бы сказать - в рабовладельческом. Полемика в Populaire'a[151] насчет того, давать или не давать женщине избирательные права, действительно показывает, что и в рядах социалистов царит то же гнусное отношение к женщине, которое пронизывает законодательство и право страны. Но и освободительные тенденции Мар[еритта] не идут, в сущности, дальше самостоятельной чековой книжки для женщ[ины]. Если в нашей русской бескультурности много варварства, почти зоологии, то в старых буржуазных культурах страшные пласты окаменелой ограниченности, кристаллизованной жестокости, полированного цинизма... Какие еще понадобятся грандиозные потрясения, преобразования, усилия, чтобы средний человек, как личность, поднялся на более высокую ступень!

Погода та же: с неба падает холодная мрась. Сады в цвету. Урожай фруктов в этом году сильно пострадает.

Почты мы здесь не получаем. Большая почта доставляется с оказией из Парижа (раза два в месяц), совершенно спешные письма идут через посредствующий адрес и приходят с некоторым опозданием. Сейчас мы ждем вестей о Сереже, - ждет особенно Н., ее внутренняя жизнь проходит в этом ожидании. Но получить достоверное известие не просто. Переписка с Сережей и в более благополучные времена была лотереей. Я не писал ему вовсе, чтоб не дать властям никакого повода придраться к нему. Только Н., и притом только о личных делах. Так же отвечал и Сережа. Были долгие периоды, когда письма переставали доходить вовсе. Затем внезапно прорывалась открытка, и переписка восстанавливалась на некоторое время. После последних событий (убийство Кирова и пр.) цензура иностр[анной] корреспонденции должна была стать еще свирепее. Если Сережа в тюрьме, то ему, конечно, не дадут писать за границу. Если он уже в ссылке, то положение несколько более благоприятно, однако все зависит от конкретных условий. За несколько последних месяцев ссылки Раков-ские были совершенно изолированы от внешнего мира: ни одного письма, даже от близких родных, не доходило. Об аресте Сережи мог бы написать кто-нибудь из близких. Но кто? Не осталось, видимо, никого... А если кто и остался из дружественно настроенных, то не знает адреса.

* * *

Дождь прекратился. Мы гуляли с Н. от 16-17 ч. Тихая и сравнительно мягкая погода, небо обложено, по горам завеса тумана, запах навозного удобрения в воздухе. "Март выглядел апрелем, а теперь апрель стал мартом", - это слова Н., я прохожу как-то мимо

таких наблюдений, если Н. не повернет моего внимания. Ее голос ударил меня в сердце. У нее грудной голос, чуть сиплый. В страдании голос уходит еще глубже, как будто непосредственно говорит душа. Как я знаю этот голос нежности и страдания! Н. заговорила (после большого перерыва) снова о Сереже: "Чего они могут потребовать от него? Чтоб он покаялся? Но ему не в чем каяться. Чтоб он "отказался" от отца?.. В каком смысле? Но именно потому, что ему не в чем каяться, у него нет и перспективы. До каких пор его будут держать?"

Н. вспомнила, как после заседания Политбюро (это было в 1926 г.) у нас на квартире сидел кое-кто из тогдашних друзей в ожидании результата. Я вернулся с Пятаковым (как член ЦК Пятаков имел право присутствовать на заседаниях Политбюро). Пятаков, очень взволнованный, передавал ход "событий". Я сказал на заседании, что Сталин окончательно поставил свою кандидатуру на роль могильщика партии и революции. Сталин в виде протеста ушел с заседания. Мне, по предложению растерявшегося Рыкова[152] и Рудзутака, было вынесено "порицание". Рассказывая об этом, Пятаков повернулся в мою сторону и сказал с силой: "Он вам этого никогда не забудет, ни вам, ни детям, ни внукам вашим". Тогда слова о детях и внуках -вспоминала Н. - казались далекими, скорее просто формой выражения; но вот дошло до детей и даже до внуков: они оторваны от А. Л., что станет с ними? А старшему, Левушке, уже 15 лет...

Мы говорили о Сереже. На Принкипо обсуждался вопрос о его переезде за границу. Но куда и как? Лева связан с политикой кровью, и в этом оправдание его эмиграции. А Сережа связался с техникой, с институтом. На Принкипо он томился бы. К тому же трудно было загадывать о будущем: когда наступит поворот? в какую сторону? А если со мной что приключится за границей?.. Было страшно отрывать Сережу от его "корней". Зинушку вызвали за границу для лечения, - и то трагически кончилось.

Н[аташу] томит мысль о том, как тяжело чувствует себя Сережа в тюрьме (если он в тюрьме), - не кажется ли ему, что мы как бы забыли его, предоставили собственной участи. Если он в концентрационном лагере, на что надеяться ему? Он не может вести себя лучше, чем вел себя в качестве молодого профессора в своем институте...

"Может быть, они просто забыли о нем за последние годы, а теперь вдруг вспомнили, что у них есть такой клад, и решили соорудить на этом новое большое дело..." Это опять мысли Наташи. Она спросила меня, думаю ли я, что Сталин в курсе дела. Я ответил, что такие "дела" никогда не проходят мимо него, - в такого рода делах ведь, собственно, и состоит его специальность.

В последние два дня Н. больше думала об А. Л., чем о Сереже: может быть, с Сережей, в конце концов, ничего и нет, а А. Л., в 60 лет, отправлена куда-то на дальний Север.

* * *

Человеческая натура, ее глубина, ее сила, определяются ее нравственными резервами. Люди раскрываются до конца, когда они выбиты из привычных условий жизни, ибо именно тогда приходится прибегать к резервам. Мы с Н. связаны уже 33 года (треть столетия!), и я всегда в трагические часы поражаюсь резервам ее природы... Потому ли, что силы идут под уклон или по иной причине, но мне очень хотелось бы хоть отчасти запечатлеть образ Н. на бумаге.

* * *

Закончил роман Leon Frapie "La Maternelle"[153], народное издание по 2 франка. Я не знаю совсем этого автора. Во всяком случае он очень мужественно показывает черный двор, самый темный угол черного двора, французской цивилизации, Парижа. Жестокости и подлости жизни бьют тяжелее всего по детям, по совсем маленьким. Frapie и поставил себе задачей посмотреть на нынешнюю цивилизацию испуганными глазами голодных, забытых детей с наследственными пороками в крови. Повествование не выдержано в художественном смысле, есть срывы и провалы, рассуждения героини подчас наивны и даже манерны, - но необходимое впечатление автором достигнуто. Выхода он не знает и как будто не ищет. От книги веет безнадежностью. Но эта безнадежность неизмеримо выше самодовольной и дешевой рецептуры Виктор[а] Мареритта.

* * *

Вот заголовки "Юманите" от 4 апреля: [..]

"Правительство должно запретить мобилизацию Красных 7 апреля" (Ami du peuple, 1 апреля).

"На другой день министр-радикал Регниер подчинился".

"Наш протест был услышан". (Ami du peuple, 3 апреля).

"Вывод: правительство действует по приказу фашистов!"

Но это не их окончательный "вывод"; они сделали еще один: "давайте с энергией, большей, чем когда-либо, ускорять роспуск и разоружение фашистских организаций"[154] с помощью правительства, которое действует по приказу фашистов! Этих людей ничто не спасет!

7 апреля [1935 г.]

Буржуазная пресса делает рекламу Доржересу[155]. Путь, которым он идет, есть наиболее верный путь подготовки фашистской диктатуры. Доржересы подкопают бессильный парламентаризм господ Chautemps в провинции, а кто-нибудь, может быть, тот же De la Rocque[156], который ничем не хуже Vadinquet[157], нанесет затем последний удар парламентской республике.

Локализм отвечает разнообразию аграрных условий Франции. Провинциальные фашистские и предфашистские программы будут разнообразны и противоречивы, как противоречивы интересы разных категорий (виноделы, огородники, хлеборобы и пр.) и разных социальных слоев крестьянства. Но общим у всех этих программ будет их вражда к банку, фиску, тресту, законодателям.

Идиоты и трусы из Коминтерна противопоставляют этому глубокому движению программу "частичных требований", плохо списанных из старых школьных тетрадок.

9 апреля [1935 г.]

Выборы в Данциге дополнили урок саарского плебисцита. Наци собрали "только" 60%: здесь не было вопроса о присоединении к Германии. Террор наци в Данциге был больше, чем в Сааре: это показывает, что один террор не решает. Социал-дем[ократы] почти сохранили голоса 1933 г. (38000), как и католики (31000). Коммунисты упали с 14 566 до 8 990! В Сааре нельзя было различить голоса этих партий. Тем важнее данцигский урок! Коммунисты потеряли больше трети, с.-д. остались на старом уровне. Когда надвигается революция, больше всего выигрывает крайняя партия. После разгрома революции крайняя партия неизбежно теряет. В данных условиях данцигские выборы подтверждают прогрессивный паралич Коминтерна[158].

* * *

Консервативный великобританский тупица в... сумасшедшем доме Европы!

* * *

Прочитал несколько дней тому назад [номер] "Веритэ" "Куда идет Франция"[159]. Эта газета, как говорят французы, рекламирует Троцкого[160]. Много верного в их анализе, но много недоговоренного. Не знаю, кто у них пишет эту серию. Во всяком случае марксистски грамотный человек.

* * *

Лева переслал открытку А[лександры] Львовны уже с места ссылки. Тот же отчетливый, слегка детский почерк, и то же отсутствие жалоб...[161]

9 апреля [1935 г.]

Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья...[162]. Либералы склонялись, как будто, к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню.

В один из коротких наездов в Москву - думаю, что за несколько недель до казни Романовых, - я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянск[ая] политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и пр.); по радио (?) ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но... времени может не хватить... Прений никаких не вышло, так [как] я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и

в Политбюро нас, помнится, было трое-четверо: Ленин, я, Свердлов...[163]. Каменева, как будто, не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию... Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбургa. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом:

- Да, а где царь?

- Конечно, - ответил он, - расстрелян.

- А семья где?

- И семья с ним.

- Все? - спросил я, по-видимому, с оттенком удивления.

- Все! - ответил Свердлов, - а что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

- А кто решал? - спросил я.

- Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях.

Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентных кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах...

В "Последних новостях" я читал, уже будучи за границей, описание расстрела, сожжения тел и пр. Что во всем этом верно, что вымышленно, не имею ни малейшего представления, так как никогда не интересовался тем, как произведена была казнь и, признаться, не понимаю этого интереса.

* * *

Социал[истическая] и ком[мунистическая] партии Франции продолжают свою роковую работу: они доводят свою оппозицию до такого предела, который вполне достаточен для ожесточения буржуазии, для мобилизации сил реакции, для дополнительного вооружения фашистских отрядов, но совершенно недостаточен для революционного сплочения пролетариата. Они как бы нарочно провоцируют классового врага, не давая ничего собственному классу. Это верный и наиболее хороший путь к гибели.

10 апреля [1935 г.]

Сегодня во время прогулки в горы с Н[аташей] (день почти летний) я обдумывал разговор с Лениным по поводу суда над царем. Возможно, что у Ленина, помимо соображения о времени ("не успеет" довести большой процесс до конца, решающие события на фронте могут наступить раньше), было и другое соображение, касавшееся царской семьи. В

судебном порядке расправа над семьей была бы, конечно, невозможна. Царская семья была жертвой того принципа, который составляет ось монархии: династической наследственности.

* * *

О Сереже никаких вестей и, может быть, не скоро придут. Долгое ожидание притупило тревогу первых дней.

* * *

Когда я в первый раз собирался на фронт между падением Симбирска и Казани, Ленин был мрачно настроен. "Русский человек добер", "Русский человек рохля, тютя...", "У нас каша, а не диктатура..." Я говорил ему: "В основу частей положить крепкие революционные ядра, которые поддержат железную дисциплину изнутри; создать надежные заградительные отряды, которые будут действовать извне заодно с внутренним революционным ядром частей, не останавливаясь перед расстрелом бегущих; обеспечить компетентное командование, поставив над сцепом комиссара с револьвером; учредить военно-революц[ионные] трибуналы и орден за личное мужество в бою". Ленин отвечал примерно: "Все верно, абсолютно верно, но времени слишком мало; если повести дело круто (что абсолютно необходимо), собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают. Конечно, революция закаливает, но времени слишком мало..." Когда Ленин убедился из бесед, что я верю в успех, он всецело поддержал мою поездку, хлопотал, заботился, спрашивал десять раз на день по телефону, как идет подготовка, не взять ли в поезд самолет и пр.

Казань пала. Ленина ранила с.-р. Каплан[164]. Казань мы взяли обратно. Вернули также Симбирск. Я завернул в Москву. Ленин на положении выздоравливающего жил в Горках. Свердлов сказал мне: "Ильич просит Вас приехать к нему. Хотите вместе?" Мы поехали. По тому, как меня встретили Мария Ильинична [Ульянова] и Над[ежда] Конст[антиновна Крупская], я понял, как нетерпеливо и горячо ждали меня. Ленин был в прекрасном настроении, физически выглядел хорошо. Мне показалось, что он смотрит на меня какими-то другими глазами. Он умел влюбляться в людей, когда они поворачивались к нему известной стороной. В его возбужденном внимании был этот оттенок "влюбленности". Он с жадностью слушал рассказы про фронт и вздыхал с удовлетворением, почти блаженно. "Партия, игра выиграна, - говорил он, вдруг переходя на серьезный, твердый тон, - раз сумели навести порядок в армии, значит, и везде наведем. А революция с порядком будет непобедима".

Когда мы со Свердловым садились в автомобиль, Ленин с Н. К. стояли на балконе, как раз над подъездом, - и опять я почувствовал на себе тот же, слегка застенчивый, обволакивающий взгляд Ильича. Ему что-то, видимо, еще хотелось сказать, но он не находился. Вдруг кто-то из охраны стал носить горшки с цветами и ставить в автомобиль. Лицо Ленина омрачилось тревогой. - Вам неудобно будет? - спросил он. Я не обратил внимания на цветы и не понял причины тревоги. Только подъезжая к Москве, голодной, грязной Москве осенних месяцев 1918 г., я почувствовал острую неловкость: уместно ли

теперь ездить с цветами? И тут же понял тревогу Ленина: он именно эту неловкость предвидел. Он умел предвидеть.

При следующем свидании я сказал ему: "Вы давеча о цветах спрашивали, а я не сообразил в горячке свидания, какое именно неудобство вы имели в виду. Только при въезде в город спохватился..." - "Мешочнический вид?" - живо спросил Ильич и мягко засмеялся. Опять я уловил у него особенно дружественный взгляд, как бы отражающий его удовольствие по поводу того, что я понял его... Как хорошо, отчетливо, неизгладимо врезались в память все черты и черточки свидания в Горках!

У нас бывали с Лениным острые столкновения, ибо в тех случаях, когда я расходился с ним по серьезному вопросу, я вел борьбу до конца. Такие случаи, естественно, врезывались в память всех, и о них много говорили и писали впоследствии эпигоны. Но стократно более многочисленны те случаи, когда мы с Лениным понимали друг друга с полуслова, причем наша солидарность обеспечивала прохождение вопроса в Политбюро без трений. Эту солидарность Ленин очень ценил.

11 апреля [1935 г.]

Болдвину кажется, что Европа - сумасшедший дом; разум сохранила только Англия: у нее по-прежнему король, общины, лорды. Англия избегла революции, тирании преследований (см. его речь в Llandrindod)[165].

По сути дела Болдвин ровно ничего не понимает в том, что совершается перед его глазами. Между Болдвином и Лениным, как интеллектуальными типами, гораздо больше расстояния, чем между кельтским друидом и Болдвином... Англия представляет собой лишь последнее отделение европейского сумасшедшего дома, и весьма возможно, что это будет отделение без особенно буйных помешанных.

Перед последним лейбористским правительством, во время самых выборов, к нам на Принкипо приезжали Веббы, Сидней и Беатриса[166]. Эти "социалисты" очень охотно признавали для России сталинский социализм в одной стране. В Соед[иненных] Штатах они не без злорадства ждали жестокой гражданской войны. Но для Англии (и Скандинавии) они сохраняли привилегию мирного, эволюционного социализма. Чтоб дать место неприятным фактам (Окт[ябрьская] рев[олюция], взрывы классовой борьбы, фашизм), и в то же время сохранить свои фабианские предрассудки и пристрастия, Веббы создали для своего англосаксонского эмпиризма теорию "типов" социального развития, и для Англии выторговали у истории мирный тип. С. Вебб как раз готовился в те дни получить от своего короля титул лорда Пасфильда, чтоб в качестве министра его величества мирно перестраивать общество*. Конечно, Веббы ближе к Болдвину, чем к Ленину. Я слушал Веббов как выходцев с того света, хотя это очень образованные люди. Они, правда, хвалились тем, что не принадлежат к церкви.

* Вспоминаю как курьез С Вебб сообщил мне, с особым подчеркиванием, что имел возможность уехать из Англии на неск[олько] недель только потому, что его кандидатура не выставлена. Он явно ждал от меня вопроса: почему? чтоб сообщить о предстоящем его возведении в лорды. Я по глазам видел, что он ждет вопроса, но воздержался, чтоб не совершить какой-либо неловкости: история с лордом мне и в голову не приходила, я думал скорее, что Вебб, по старости, отказался от активной политической жизни и, естественно, не хотел углублять этой темы. Только позже, когда образовано было новое министерство, я

понял, в чем дело автор исследований о промышленной демократии с гордостью предвкушал звание лорда.

14 апреля [1935 г.]

В Stresa[167] три социалистических перебежчика: Муссолини, Лаваль[168] и Макдональд представляют "национальные" интересы своих стран. Наиболее ничтожным и бездарным является Макдональд. В нем есть нечто насквозь лакейское, даже в фигуре его, когда он разговаривает с Муссолини (см. газетные клише)[169]. Как характерно для этого человека, что в своем первом министерстве он поспешил дать место Mosley[170], аристократическому хлыщу, только накануне примкнувшему к Labour party[171], чтоб проложить себе более короткий путь к карьере. Теперь этот Mosley пытается превратить старую разумную Англию в простое отделение европейского сумасшедшего дома. И если не он, то кто-нибудь другой вполне преуспеет в этом, стоит только фашизму победить во Франции. Возможное пришествие лейбористов к власти даст на этот раз могущественный толчок развитию британского фашизма и вообще откроет в истории Англии бурную главу, наперекор историко-философским концепциям Болдвинов и Веббов.

В сентябре 1930 г., т. е. через два-три месяца после Веббов, меня посетила на Принкипо Цинтия Мосли[172], жена авантюриста, дочь небезызвестного лорда Керзона[173]. В этот период муж ее еще атаковал Макдональда "слева". После колебаний я согласился на свидание, которое, впрочем, имело крайне банальный характер. "Леди" явилась с компаньонкой, презрительно отзывалась о Макдональде, говорила о своих симпатиях к Советской России. Прилагаемое письмо ее[174] является, впрочем, достаточным образчиком ее тогдашних настроений. Года через три после того молодая женщина внезапно умерла. Не знаю, успела ли она перейти в лагерь фашизма.

Около того же времени или несколько позже я получил от Беатрисы Вебб письмо, в котором она - по собственной инициативе - пыталась оправдать или объяснить отказ лейбористского правительства в визе (надо бы разыскать это письмо, но я сейчас без секретаря...) Я не ответил ей: не к чему было.

27 апреля [1935 г.]

Опять большой перерыв: занимался делами IV Интернационала, в частности программными документами Южно-Африканской секции. Везде создались очаги революционной марксистской мысли. Наши группы изучают, критикуют, учатся, думают - в этом их огромное преимущество над социалистами и над коммунистами. Это преимущество скажется в больших событиях.

* * *

Вчера гуляли с Н. под мелким дождем. Обогнали такую группу: молодая женщина, на руках годовалый ребенок, перед ней девочка лет 2-3, сама женщина с большим животом, на сносках; в руках у женщины веревка, к которой привязана коза, с козой маленький козленок. Так они впятером, вернее, вшестером, медленно продвигались по дороге. Коза все время

норовила в сторону, полакомиться зеленью кустов; женщина тянула веревку; девочка тем временем отставала или забегала вперед, козленок путался в кустах... На обратном пути встретили ту же семейную группу, - она продолжала медленно подвигаться в деревне. На свежем еще лице женщины покорность и терпение. Скорее испанка или итальянка, может быть, и полька, - здесь немало иностранных рабочих семейств.

* * *

О судьбе Сережи все еще никаких вестей.

* * *

Le Temps в телеграмме из Москвы отмечает, что первомайские лозунги этого года говорят только о борьбе с троцкистами и зиновьевцами, но совершенно не упоминают правой оппозиции. На этот раз поворот вправо пойдет дальше, чем когда-либо, гораздо дальше, чем предвидит Сталин.

* * *

На последнем (43-м) номере издаваемого мною Бюллетеня русской оппозиции я не без удивления увидел пометку: 7-ой год издания. Это значит: 7-ой год третьей эмиграции. Первая длилась два с половиной года (1902-1905), вторая - десять (1907-1917), третья... сколько продлится третья?

Во время первой и второй эмиграции (до начала войны) я свободно разъезжал по Европе и беспрепятственно читал доклады о близости социальной революции. Только в Пруссии нужны были меры предосторожности: в остальной Германии царило полицейское благодушие. О других странах Европы, в том числе и Балканах, нечего и говорить. Я ездил с каким-то сомнительным болгарским паспортом, который у меня спросили, кажись, один - единственный раз: на прусской границе. То-то были блаженные времена! В Париже на открытых митингах разные фракции русской эмиграции сражались до полуночи и за полночь по вопросу о терроре и вооруженном восстании... Два ажана стояли на улице (Avenue Choisy, 110, кажется), в зал никогда не входили и входящих никогда не проверяли. Только хозяин safe после полуночи тушил иногда электричество, чтоб унять разошедшиеся страсти, - иного контроля разрушительная деятельность эмиграции не знала. Насколько сильнее и увереннее чувствовал себя в те годы капиталистический режим!

29 апреля [1935 г.]

Третьего дня Edouard Herriot говорил в Лионе: "Мы закончили нашу революцию; мы даже выждали больше столетия, чтобы пожать ее плоды. Сегодня мы имеем все необходимое для всех возможных реформ, для любых действий, для всяческого прогресса" [175].

Поэтому Эррио отказывается вступать в соглашение с теми, кто признает

"революционное действие": "Мы поэтому не можем согласиться ни с теми, кто указывает на революционные акции, ни с теми, кто отрицает необходимость организации национальной обороны в соответствии с ее нуждами"[175]. мулирует себя перед гибелью.

Устами Эррио говорит большая историческая эпоха - эпоха консервативной демократии, эпоха "процветания" среднего француза. Как всегда эта законченная эпоха наиболее отчетливо формулирует себя перед гибелью.

"Наша революция нами сделана", - говорит буржуазия (вчерашнего дня) устами Herriot. "Но наша еще не сделана", - отвечает пролетариат. Именно поэтому сегодняшняя буржуазия не хочет терпеть созданные революцией "кадры, необходимые для всех реформ"[175]. Herriot есть вчерашний день. Как раз последний номер Temps (28 апреля) приносит необыкновенно иезуитскую передовицу по поводу фашистских лиг. Молодежь "увлекается"? "Это должно нравиться, так как в ней наше будущее"[176]. Крупная буржуазия уже приняла решение.

* * *

По последним телеграммам конгресс Коминтерна как будто все же состоится в Москве в мае! Очевидно, Сталин не смог уже больше отменить или отложить конгресс: слишком было бы скандально. Возможно и то, что безрезультатность визита Eden'a и затруднения переговоров с Францией подсказали мысль: "припугнуть" контрагентов конгрессом. Увы, этот конгресс никого не испугает!..

* * *

В прошлом году мы с Н. были в Лурде[177]. Какая глупость, наглость, гадость! Лавка чудес, коммерческая контора благодати. Самый грот производит мизерное впечатление. Здесь, конечно, психологический расчет попов: не запугать маленьких людей грандиозностью коммерческого предприятия; маленькие люди боятся слишком великолепных витрин... В то же время это самые верные и выгодные покупатели. Но лучше всего этого папское благословение, переданное в Лурд по радио. Бедные евангельские чудеса рядом с беспроводным телефоном!.. И что может быть абсурднее и омерзительнее сочетания гордой техники с колдовством римского перводруида. Поистине мысль человечества увязла в собственных экскрементах[178].

2 мая [1935 г.]

Радикалы порвали избирательный картель почти во всей стране. Теперь социалистов, в том числе и местную муниципальную* клику Dr. Martin'a[179], их вчерашние союзники обвиняют в "разрушительности" и "антинациональных" тенденциях. Напрасно Martin будет клясться в своем патриотизме и любви к порядку. Ничего ему не поможет! Вместо того, чтоб порвать с радикалами и выступить в роли обвинителей радикализма, "социалисты" оказались изгнанными из картели и обвиняемыми в национальной измене. Радикалы нашли необходимое мужество в глубинах своей трусости: они действуют под кнутом крупного капитала (который выдаст их завтра с головой фашизму). Социалисты могли бы проявить подобие инициативы только под кнутом коммунистов. Но сталинцы сами нуждаются в

кнуте. Впрочем, кнут им уже не поможет. Тут нужна будет вскоре метла, чтоб вымести вон остатки того, что собиралось стать революционной партией.

4 мая [1935 г.]

Франко-советск[ое] соглашение подписано. Все комментарии французской прессы, несмотря на различие оттенков, сходятся в одном: значение договора в том, что он связывает СССР, не позволяет ему заигрывать с Германией; действительные же наши "друзья" по-прежнему Италия и Англия плюс Малая Антанта и Польша. СССР рассматривается скорее как заложник, чем как союзник. Temps дает увлекательную картину московского военного парада 1-го мая, но прибавляет многозначительно: о действительной силе армии судят не по парадом, а по промышленной мощи, коэффициентам транспорта, снабжения и прочее.

Потемкин[180] обменялся телеграммами с Herriot, "другом моей страны..." В начале гражд[анской] войны Потемкин попал на фронт, очевидно, по одной из бесчисленных мобилизаций. На Южн[ом] фронте сидел тогда Сталин, к[о]т[о]рый назначил Потемкина начальником политотдела одной из армий (дивизий?). Во время объезда я посетил этот политотдел. Потемкин, которого я видел впервые, встретил меня необыкновенно низкопоклонной и фальшивой речью. Рабочие-большевики, комиссары, были явно" смущены. Я почти оттолкнул Потемкина от стола и, не отвечая на приветствие, стал говорить о положении фронта... Через известное время Политбюро, с участием Сталина, перебирало состав работников Южного фронта. Дошла очередь до Потемкина. "Несносный тип, - сказал я, - совсем, видимо, чужой человек". Сталин вступился за него: он мол какую-то дивизию на Ю[жном] фронте "привел в православную веру" (т. е. дисциплинировал). Зиновьев, немного знавший Потемкина по Питеру, поддержал меня: "Потемкин похож на профессора Рейснера[181], - сказал он, - только еще хуже". Тут, кажется, я и узнал впервые, что Потемкин тоже бывший профессор. - "Да чем же он, собственно, плох?" - спросил Ленин. - "Царедворец!" - отвечал я. Ленин, видимо, понял так, что я намекаю на сервильное отношение Потемкина к Сталину. Но мне этот вопрос и в голову не приходил. Я имел просто в виду неприличную приветственную речь Потемкина по моему адресу. Не помню, разъяснил ли я недоразумение...

* * *

Первомайский праздник прошел во Франции под знаком унижения и слабости. Министр внутренних дел запретил манифестации даже в Винсентском лесу, - и действительно, несмотря на похвальбу и угрозы L'Humanite, никаких манифестаций не было. Первомайский праздник есть лишь продолжение и проявление всего хода борьбы. Если в марте и в апреле руководящие организации только сдерживают, тормозят, сбивают с толку, деморализуют, то никакими чудесами, конечно, нельзя вызвать в определенный день по календарю, 1 мая, взрыв наступательной решимости. Леон Блюм и Марсель Кашен по-прежнему систематически прокладывают дорогу фашизму.

* * *

Завтра муниципальные выборы, которые получают важное симптоматическое значение. Радикалы раскололись. Левое меньшинство за картель. Правое большинство - за национальный блок. Этот раскол есть многозначительный этап распада радикализма. Но этот этап может принять парадоксальную форму прироста голосов в городах: за радикалов будет голосовать вся буржуазия и мелкобурж[уазная] реакция. Однако от судьбы своей радикалам не уйти.

5 апреля [мая] [1935 г.]

Сегодня выборы. Мобилизация всех сил происходит под лозунгом "антиколлективизма". Между тем обе рабочие партии не посмели развернуть социалис[тическое] знамя, чтоб не запугивать "средние классы". Таким образом, от своей социалистической программы эти злосчастные партии несут одни убытки.

* * *

TSF передает "Мадам Баттерфляй"[182]. Воскресенье, мы одни в доме: хозяйка уехали либо в гости, либо выполнять свой гражданский долг, подавать голос... По улице проезжала группа велосипедистов, передний напевал "Интернационал": видимо, рабочий избирательный пикет. Две рабочие партии и две синдикальные организации, политически насквозь опустошенные, обладают в то же время еще огромной силой исторической инерции. Органический характер социальных, в том числе и политических, процессов, обнаруживается особенно непосредственно в критические эпохи, когда у старых "революционных" организаций оказываются свинцовые зады, не позволяющие им своевременно совершить необходимый поворот. Как нелепы теории М. Eastman'a[183] и пр. насчет революционеров-"инженеров", которые строят будто бы по своим чертежам новые материальные формы из наличных материалов. И этот американский механизм пытается выдать себя за шаг вперед по сравнению с диалектическим материализмом. Социальные процессы гораздо ближе к органическим (в широком смысле), чем к механическим. Революционер, опирающийся на научную теорию общественного развития, гораздо ближе по типу мысли и забот к врачу, в частности, к хирургу, чем к инженеру (хотя и о строительстве мостов у американца Eastman'a поистине детские представления!). Как врачу, революционеру-марксисту приходится опираться на автономный режим жизненных процессов... В нынешних условиях Франции марксист выглядит сектантом, историческая инерция, в том числе и инерция рабочих организаций, против него. Правота марксистского прогноза должна обнаружиться, но она может обнаружиться двояко: посредством своевременного поворота масс на путь марксистской политики или посредством разгрома пролетариата (такова альтернатива нынешней эпохи).

В 1926 г. - мы были с Н. в это время в Берлине - Веймарская демократия стояла еще в полном цвету. Политика германской компартии давно уже сошла с марксистских рельс ([если] она вообще когда-либо полностью на них стояла), но сама партия представляла еще внушительную силу. Инкогнито мы посетили первомайскую манифестацию на Alexanderplatz. Огромная масса народу, множество знамен, уверенные речи. Чувство было такое: трудно будет повернуть эту махину...

Тем более удручающее впечатление произвело на меня Политбюро в первый четверг по моем возвращении в Москву. Молотов руководил тогда Коминтерном. Это человек неглупый, с характером, но ограниченный, тупой, без воображения. Европы он не знает, на иностранных языках не читает. Чувствуя свою слабость, он тем упорнее отстаивает свою "независимость". Остальные просто поддерживали его. Помню, Рудзутак, оспаривая меня, пытался поправить мой перевод из L'Humanite как "тенденциозный": взяв у меня газету, он водил пальцем по строкам, сбивался, путал и прикрывался наглостью как щитом. Остальные снова "поддерживали". Круговая порука была установлена в качестве незыблемого закона (особым секретным постановлением 1924 г. члены Политбюро обязывались никогда не полемизировать открыто друг с другом и неизменно поддерживать друг друга в полемике со мною). Я стоял перед эти[ми] людьми, как перед глухой стеной. Но не это было, конечно, главное. За невежеством, ограниченностью, упрямством, враждебностью отдельных лиц можно было пальцами нащупать социальные черты привилегированной касты, весьма чуткой, весьма пронизательной, весьма инициативной во всем, что касалось ее собственных интересов. От этой касты германская компартия зависела целиком. В этом был исторический трагизм обстановки. Развязка пришла в 1933 году, когда огромная компартия Германии, внутренне подточенная ложью и фальшью, рассыпалась прахом при наступлении фашизма. Этого Молотовы с Рудзутаками не предвидели. Между тем это можно было предвидеть.

Что дело не в индивидуальной ограниченности, не в личной близорукости Молотова, показывает все дальнейшее развитие событий. Бюрократия осталась верна себе. Ее основные черты еще более углубились. Во Франции Коминтерн ведет политику не менее гибельную, чем в Германии. Между тем историческая инерция еще жива. Эти юноши на велосипедах, напевающие "Интернационал", почти наверняка стоят под знаменем Коминтерна, которое ничего не может им принести, кроме поражений и унижений. Без сознательного вмешательства "сектантов", т. е. оттерто-то ныне в сторону марксистского меньшинства, нельзя вообще выйти на большую дорогу. Но дело идет о вмешательстве в органический процесс. Надо знать его законы, как врач должен знать "целительную силу природы".

* * *

Хворал после двухнедельной напряженной работы и прочитал несколько романов. "Clarisse et sa fille" Marcel Prevost. Роман в своем роде добродетельный, но это добродетель старой кокетки. Прево в качестве "психоаналитика"! О себе самом он не раз говорит, как о психологе. В качестве авторитета в сердцеведении он называет и Поля Бурже[184]. Я вспоминаю, с каким заслуженным презрением, даже брезгливостью, отзывался о Бурже Октав Мирбо[185]. И впрямь: какая это поверхностная, фальшивая и гнилая литература!

Русский рассказ "Колхида" Паустовского[186]. Автор, видимо, моряк старой школы, участвовавший в гражданской войне. Даровитый человек, по технике стоящий выше так называемых "пролетарских писателей". Хорошо пишет природу. Виден острый глаз моряка. В изображении советской жизни (в Закавказье) похож местами на хорошего гимнаста со связанными локтями. Но есть волнующие картины работы, жертв, энтузиазма. Лучшее всего ему удался, как это ни странно, матрос-англичанин, застрявший на Кавказе и втянувшийся в общую работу.

Третий прочитанный роман - "Большой конвейер" Якова Ильина[187]. Это уже чистый образец того, что называется "пролетарской литературой", - и не худший образец. Автор дает "роман" тракторного завода - его постройки и пуска. Множество технических вопросов и деталей, еще больше дискуссий по поводу них. Написано сравнительно живо, хотя все же поученически. В этом "пролетарском" произведении пролетариат стоит где-то глубоко на втором плане, - первое место занимают организаторы, администраторы, техники, руководители и станки. Разрыв между верхним слоем и массой проходит через всю эпопею американского конвейера на Волге. Автор чрезвычайно благочестив в смысле генеральной линии, его отношение к вождям пропитано официальным преклонением. Определить степень искренности этих чувств трудно, так как они имеют общеобязательный и принудительный характер, равно как и чувство вражды к оппозиции. В романе известное, хотя все же второстепенное, место занимают троцкисты, которым автор старательно приписывает взгляды, заимствованные из обличительных передовиц "Правды". И все же, несмотря на этот строго благонамеренный характер, роман звучит местами как сатира на сталинский режим. Грандиозный завод пущен незаконченным: станки есть, но рабочим негде жить, работа не организована, не хватает воды, всюду анархия. Необходимо приостановить завод и подготовиться. Приостановить завод? А что скажет Сталин? Ведь обещали съезду и пр. Отвратительный византизм вместо деловых соображений. В результате - чудовищное расхищение человеческих сил - плохие тракторы. Автор передает речь Сталина на собрании хозяйственников "Снизить темпы? Невозможно. А Запад?" (В апреле 1927 г. Сталин доказывал, что вопрос о темпах не имеет никакого отношения к вопросу о построении социализма в капиталистическом окружении: темп есть наше "внутреннее дело"). Итак: снизить заказанные сверху темпы "нельзя". Но почему же дан коэффициент 25, а не 40 и не 75? Западный коэффициент все равно не достигается, а приближение к нему оплачивается низким качеством, износом рабочих жизней и оборудования. Все это видно у Ильина, несмотря на официальное благочестие автора...

Поражают некоторые детали. Орджоникидзе говорит (в романе) рабочему ты, а тот отвечает ему на вы. В таком духе ведется весь диалог, который самому автору кажется вполне в порядке вещей.

Но самая мрачная сторона в романе конвейера - это политическое бесправие и безличие рабочих, особенно пролетарской молодежи, которую учат только повиноваться. Молодому инженеру, который восстает против преувеличенных заданий, партийный комитет напоминает о его недавнем "троцкизме" и грозит исключением. Молодые партийцы спорят на тему: почему никто в молодом поколении не сделал ничего выдающегося ни в одной из областей? Собеседники утешают себя довольно сбивчивыми соображениями. "Не потому ли, что мы придушены?" - проскальзывает нота у одного из них. На него набрасываются: нам не надо свободы дискуссий, у нас есть руководство партией, "указания Сталина", которые, в свою очередь, лишь эмпирически подытоживают опыт бюрократии. Догмат бюрократической непогрешимости душит молодежь, пропитывая ее нравы прислужничеством, византийщиной, фальшивой "мудростью". Где-нибудь, притаившись, и работают, вероятно, большие люди. Но на тех, которые дают официальную окраску молодому поколению, неизгладимая печать недорослей.

8 мая 1935 г.

Из Москвы через Париж сообщают: "Вам, уж, конечно, писали по поводу их маленькой неприятности". Речь идет явно о Сереже (и его подруге). Но нам ничего не писали, вернее, письмо погибло в пути, как большинство писем, даже совершенно невинных. Что значит "маленькая" неприятность? По какому масштабу "маленькая"? От самого Сережи вестей нет.

* * *

Старость есть самая неожиданная из всех вещей, которые случаются с человеком.

* * *

Норвежское рабочее правительство как будто твердо обещало визу. Придется, видимо, ею воспользоваться. Дальнейшее пребывание во Франции будет связано со все большими трудностями, притом в обоих вариантах: в случае непрерывного продвижения реакции, как и в случае успешного развития революционного движения. Не имея возможности выслать меня в другую страну, пр[авительст]во, теоретически "выславшее" меня из Франции, не решается направить меня в одну из колоний, ибо это вызвало бы слишком большой шум и создало бы повод для постоянной агитации. Но с обострением внутренних отношений эти второстепенные соображения отойдут назад, и мы с Н. можем оказаться в одной из колоний. Конечно, не в сравнительно благоприятных условиях Сев[ерной] Африки, а где-нибудь очень далеко... Это означало бы политическую изоляцию, неизмеримо более полную, чем на Принкипо. В этих условиях разумнее покинуть Францию вовремя.

Муниципальные выборы свидетельствуют, правда, об известной "стабильности" политических отношений. Факт этот на все лады подчеркивается всей прессой, хоть и с разными комментариями. Однако же было бы величайшей глупостью верить в эту "стабильность". Большинство голосует, как "вчера", потому что надо же как-нибудь голосовать. Ни один из классов еще не принял окончательно новой организации. Но она навязывается всеми объективными условиями, и штабы для нее уже готовы, по крайней

мере, у буржуазии. "Разрыв постепенности" в этом процессе может наступить очень быстро и во всяком случае произойдет очень круто.

Норвегия, конечно, не Франция: неизвестный язык, маленькая страна, в стороне от большой дороги, запоздание с почтой и пр. Но все же гораздо лучше, чем Мадагаскар. С языком можно будет скоро справиться настолько, чтоб понимать газеты. Опыт норвежской Раб[очей] партии представляет большой интерес и сам по себе, и особенно накануне прихода к власти Labour Party в Великобритании.

Конечно, в случае победы фашизма во Франции скандинавская "траншея" демократии продержится недолго. Но ведь при нынешнем положении дело вообще может идти только о "передышка" .

* * *

В последнем письме, которое Н. от него получила, Сережа как бы вскользь писал: "Общая ситуация оказывается крайне тяжелой, значительно более тяжелой, чем можно себе представить..." Сперва могло казаться, что эти слова носят чисто личный характер. Но теперь совершенно ясно, что дело идет о политической ситуации, как она сложилась для Сережи после убийства Кирова, и связанной с этим новой волне травли (письмо написано 9 декабря 1934 г.). Нетрудно себе действительно представить, что приходится ему переживать - не только на собраниях и при чтении прессы, но и при личных встречах, беседах и (несомненно!) бесчисленных провокациях со стороны мелких карьеристов и прохвостов. Будь у Сережи активный политический интерес, дух фракции - все эти тяжелые переживания оправдывались бы. Но этой внутренней пружины у него нет совершенно. Тем тяжелее ему приходится...

Я снова занят дневником, потому что не могу заняться ничем другим: приливы и отливы работоспособности получили очень острый характер...

Прошлым летом, когда мы кочевали после барбизонского изгнания, нам с Н. пришлось разделить: она оставалась в Париже, я переезжал с двумя молодыми товарищами из отеля в отель. За нами по пятам следовал агент Surete generale. Остановились в Chamonix. Полиция заподозрила, очевидно, какие-то умыслы с моей стороны в отношении Швейцарии или Италии и выдала меня газетчикам: [Raymond] M[olinier][188], в парикмахерской, рано утром, прочитал в местной газете сенсационную заметку о нашем местопребывании: Н. только что приехала ко мне из Парижа. Прежде чем заметка успела произвести необходимый эффект, мы успели скрыться. У нас был маленький, довольно ветхий "Форд", - его описание и номер появились в печати. Пришлось избавиться от этого авто и купить другое, тоже "Форд", но другого, более старого типа. Только после этого Surete догадались передать, что мне не рекомендуется останавливаться в пограничных департаментах. Мы решили снять дачное помещение в непограничном месте. Но на поиски надо было положить две-три недели: не ближе 300 км от Парижа, не ближе 30 км от департаментского центра, не в промышленном районе и т. д. - таковы были условия полиции. На время поисков решили поселиться в пансионе. Но эта оказалось не так просто: по собственным документам мы прописаться не могли, по фальшивым документам не соглашалась полиция. С франц[узских] граждан, правда, не требуют документов, но в пансионе с общим табльдотом [table d'hote] нам трудно было бы сойти за французов. И вот для такого скромного дела, как поселение на две недели в скромном загородном пансионе, под надзором агента Surete, нам пришлось прибегнуть к

весьма сложной комбинации. Мы решили себя выдать за франц[узских] граждан иностранного происхождения. Для этой цели мы привлекли, в качестве племянника, молодого французского товарища с голландской фамилией[189]. Как избавиться от табльдота? Я предложил облечься в траур и на этом основании есть у себя в номере. "Племянник" должен был есть за общим столом и следить за движением в доме.

План этот встретил, прежде всего, сопротивление Н.: облечься в траур и притворяться - она воспринимала это как нечто оскорбительное по отношению к самой себе. Но выгоды плана были слишком очевидны: пришлось покориться. Наше вселение в дом произошло как нельзя лучше. Даже жившие в пансионе три южноамериканских студента, мало склонные к дисциплине, умолкали и почтительно кланялись людям в трауре. Я был лишь несколько удивлен висевшим в коридоре гравюрам: "Королевский кавалерист", "Прощание Марии Антуанетты с детьми" и другие в таком же роде. Дело скоро разъяснилось. После обеда "племянник" прибыл к нам очень встревоженным: мы попали в роялистский пансион! Action Francaise - единственная газета, которая признается в этом доме. Недавние кровавые события в городе (антифашистская манифестация) накалили политические страсти в пансионе. В центре роялистской "конспирации" стояла хозяйка, на+ гражденная медалью сестра милосердия империалистической войны: она поддерживала тесные личные связи с роялистскими и фашистскими кружками в городе. На следующий день в пансион вселился, как полагается, агент Surete G[arneux], защитник республики по должности. Как раз в эти недели Leon Daudet[190] вел в Action Francaise бешеную кампанию против Surete, как против шайки мошенников, изменников и убийц. Daudet обвинял, в частности, Surete, в том, что она убила его сына Филиппа, Агент Surete, лет 45, оказался в высшей степени светским человеком: он везде бывал, все знал, и мы с одинаковой легкостью [могли] вести беседу о марках автомобилей и вин, о сравнительном вооружении разных стран, о последних уголовных процессах, как и о новейших произведениях литературы. В вопросах политики он стремился держаться с тактической нейтральностью. Но хозяин пансиона (вернее, муж хозяйки), разъездной коммерческий представитель, неизменно искал в нем сочувствия своим роялистским взглядам. - Все-таки Action Francaise -лучшая французская газета! - G[arneux] отвечал примирительно: Шарль Моррас[191] действительно заслуживает уважения, это отрицать нельзя, но Daudet недопустимо груб. - Хозяин учтиво настаивал: конечно, Daudet бывает грубоват, но он имеет на это право: ведь эти негодяи убили его сына!

Надо сказать, что G. принимал ближайшее участие в "деле" юноши Филиппа Daudet, таким образом, обвинение направлялось против него лично. Но G. не терял достоинства и тут: "С этим я не согласен, - отвечал он ничего не подозревавшему хозяину, - каждый из нас останется при своем мнении". Наш "племянник" передавал нам после каждого repas[192] эти мольеровские сцены, - и полчаса веселого, хотя и придушенного смеха (ведь мы были в трауре), вознаграждали нас хоть отчасти за неудобства нашего существования... По воскресеньям мы уходили с Н. "на мессу" - на самом деле на прогулку: это укрепляло в доме наш авторитет.

Как раз во время нашего пребывания в пансионе еженедельник Jeillustration опубликовал большой фотографический снимок нас обоих с Н. Меня узнать было нелегко, благодаря сбритым усам и бороде и измененной прическе, но Н. выступала на снимке очень хорошо... Помнится, по поводу этой фотографии был даже какой-то разговор о нас за столом. Первым забил тревогу G. "Надо немедленно уезжать!" Ему, видимо, вообще надоело в скромном пансионе. Но мы выдержали характер и оставались под роялистской кровлей до снятия дачи.

Тут нам опять не повезло. Префект департамента разрешил (через ведущего с ним переговоры французского товарища [R.] M[olinier]) селиться где угодно, на расстоянии 30 км от города. Но когда М. сообщил ему адрес уже снятой дачи, префект воскликнул: "Вы выбрали самое неудачное место, это клерикальное гнездо, мэр - мой личный враг". Действительно, на нашей даче (скромный деревенский дом) во всех комнатах висели распятия и благочестивые гравюры. Префект настаивал, чтобы мы переменили квартиру. Но мы уже заключили с владелицей договор; разъезды и смены квартир и без того разорили нас. Мы отказались покинуть дачу. Недели через две после этого в местном шантанном еженедельнике появилось сообщение: Т[роцкий] с женой и секретарями поселился в таком-то месте. Адрес не был дан, но район в несколько квадратных километров был указан совершенно точно. Не могло быть сомнений в том, что это маневр префекта и что следующим его действием будет указание точного адреса. Пришлось спешно покинуть дачу...

* * *

Унизительное впечатление производят юбилейные празднования в Англии: кричащая выставка сервиллизма и глупости. Крупная буржуазия знает, по крайней мере, что делает: в предстоящих боях средневековая рухлядь очень пригодится ей в качестве первой баррикады против пролетариата.

9 мая [1935 г.]

Как раз на днях должен выйти номер немецкой газеты Unser Wort[193] со статьей, в которой я очень резко отзываюсь о норвежской рабочей партии и ее политике у власти (речь идет, в частности, о вотировании гражданского листа королю)¹94. Не будет ничего неожиданного, если эта статья побудит норвежское правительство отказать мне в самый последний момент в визе. Это будет очень досадно, но... в порядке вещей.

10 мая [1935 г.]

Бюро Второго Инт[ернационала] вынесло резолюцию по поводу военной опасности: ее источник - Гитлер; спасение в Лиге наций, надежнейшее средство - разоружение; "демократические" правительства, кооперирующиеся с СССР, торжественно приветствуются. Если чуть изменить идеологию,, то под этим документом мог бы подписаться и Президиум Третьего Интернационала. По существу, резолюция неизмеримо ниже манифеста базельского конгресса (1912 г.) накануне войны...[* Теперь надо ждать, что Гитлер предложит всеобщее разоружение и сделает это требование условием возвращения Германии в Лигу наций Подобного рода конкуренция Литвинову совершенно безопасна для германского империализма.]

Нет, наша эпоха не находит себе места в этих узких, консервативных, трусливых мозгах. Ничто не спасет нынешних пенкоснимателей рабочего движения. Они будут раздавлены. В крови войны и восстаний поднимется новое поколение, достойное эпохи и ее задач.

13 мая [1935 г.]

Умер Пилсудский... Лично я его никогда не встречал. Но уже во время первой ссылки в Сибири (1900-1902) слышал о нем горячие отзывы от ссыльных поляков. Тогда Пилсудский был одним из молодых вождей PPS (Польской социалистической партии), следовательно, в широком смысле, "товарищем". Товарищем был Муссолини, так же и Макдональд, и Лаваль... Какая галерея изменников!

Получил кой-какие конфиденциальные сведения о последней сессии Бюро Второго Интернационала[195] (см. 10 мая). Эти люди неподражаемы. Письмо заслуживает сохранения.

Особенно хороша комиссия на случай войны: какая героическая попытка подняться над собственной природой! Эти господа хотят на этот раз не быть застигнутыми войной врасплох. И они создают... тайную комиссию. Но где и как застраховать комиссию, чтоб члены ее не оказались по разные стороны траншеи - не только физически, но и политически? На этот вопрос у мудрецов нет ответа...

14 мая [1935 г.]

Пилсудский вызывался в качестве свидетеля по делу Александра Ульянова, старшего брата Ленина. Младший брат Пилсудского привлекался по тому же делу (покушение на Александра III 1 марта 1887 г.) в качестве обвиняемого...

За последние десятилетия история работала быстро. А между тем, какими бесконечными казались некоторые периоды реакции, особенно 1907-1912... В Праге на днях чествовали 80-летие со дня рождения Лазарева[196], старого народника... В Москве еще жива Вера Фигнер[197] и ряд других стариков. Люди, которые делали первые шаги массовой революционной работы в царской России, еще не все сошли со сцены... И в то же время мы стоим перед проблемами бюрократического перерождения рабочего государства... Нет, современная нам история работает на третьей скорости. Жаль только, что разрушающие организм микробы работают еще быстрее. Если они меня свалят раньше, чем мировая революция сделает новый большой шаг вперед, - а на то похоже - я все же перейду в небытие с несокрушимой уверенностью в победе того дела, которому служил всю свою жизнь.

15 мая [1935 г.]

Surete явно щеголяет своей осведомленностью относительно условий моей жизни. Один из друзей, являющийся постоянным посредником между мной и властями, прислал мне следующую выдержку из своего диалога с генеральным секретарем Surete[198].

16 [мая 1935 г.]

У нас невеселые дни. Н. нездорова - t. 38°, - видимо, простуда, но, может быть, с ней связана и малярия. Каждый раз, когда Н. нездорова, я по-новому чувствую, какое место она занимает в моей жизни. Она переносит всякие страдания, физические и нравственные,

молча, тихо, про себя. Сейчас она томится больше моим нездоровьем, чем своим собственным. "Только бы ты поправился,- сказала она мне сегодня, лежа в постели, - больше мне ничего не надо". Она редко говорит такие слова. И она сказала их так просто, ровно, тихо и в то же время из такой глубины, что у меня вся душа перевернулась....

Мое состояние неутешительно. Приступы болезни становятся чаще, симптомы острее, сопротивляемость организма явно понижается. Конечно, кривая может еще дать временный изгиб вверх. Но в общем у меня такое чувство, что близится ликвидация.

Вот уж недели две, как я почти не пишу: трудно. Читаю газеты, фран[цузские] романы, книжку Wittels'a о Freid'e[199] (плохая книжка завистливого ученика) и пр. Сегодня писал немного о взаимоотношении между физиологическим детерминизмом мозговых процессов и "автономностью" мысли, подчиняющейся законам логики. Мои философские интересы за последние годы возрастают, но, увы, познания слишком недостаточны и слишком мало остается времени для большой и серьезной работы...

Надо поить Н. чаем...

17 мая [1935 г.]

Вчера газеты опубликовали официальное сообщение по поводу переговоров Лавалья в Москве Вот наиболее существенное, единственно существенное место:

"Они полностью согласились в том, что в нынешней международной ситуации правительства, искренне преданные делу мира, обязаны продемонстрировать свое желание жить в мире участием в поисках взаимных гарантий для обеспечения этого мира. Это прежде всего обязывает их ни в коем случае не ослаблять их национальной обороны. В этой связи господин Сталин понимает и полностью одобряет политику национальной обороны, которую ведет Франция для того, чтобы ее вооруженные силы находились на должном уровне"[200].

Хотя я достаточно хорошо знаю политический цинизм Сталина, его презрение к принципам, его близорукий практицизм, но я все же не верил газетам, прочитав эти строки. Хитрый Лаваль сумел подойти к тщеславному и ограниченному бюрократу. Сталин, несомненно, чувствовал себя польщенным просьбой французского министра высказать свое суждение о вооружении Франции: он не постеснялся даже отделить в этом вопросе свое имя от имен Молотова и Литвинова. Нарком по иностранным делам был, конечно, в восторге от такого открытого и непоправимого пинка Коминтерну. Молотов, может быть, смущался слегка, но что значит Молотов? За его спиной стоит уже смена в лице Чубаря. А Бухарин с Ра-деком, официальные газетчики, все истолкуют как полагается, для "народа"...

Однако сообщение от 15 мая не пройдет безнаказанно. Слишком остер вопрос и слишком обнажена измена. Именно измена!.. После капитуляции герм[анской] компартии перед Гитлером я писал: это "4 авг[уста]" (1914 г.) Третьего Интернационала[201]. Некоторые друзья возражали: 4-ое августа было изменой, а здесь "только" капитуляция. В том-то и дело, что капитуляция без боя разоблачала внутреннюю гниль, из которой неизбежно вытекало дальнейшее падение. Коммюнике[202] 15 мая есть уже в полном смысле слова нотариальный акт измены.

Французская компартия получает смертельную рану. Жалкие "вожди" уклонялись от открытой платформы социал-патриотизма. они хотели подвести массы к капитуляции постепенно и незаметно. Теперь их вероломный маневр обнажен. Пролетариат от этого

только выигрывает. Дело нового Интернационала продвигается вперед.

* * *

Местный доктор был у Н. Грипп[202]. Что-то отметил в легком, но Н. сказала, что это старое. Между тем "старое" (в Вене) было, как будто, в левом легком, а на этот раз в правом. Но доктор маленький и поверхностный. Т° все время около 38, не снижается.

* * *

Для характеристики левого и левеющего реформизма в высшей степени характерно его отношение к Лиге наций. Правление SFIO (Блюм и К0) приняло (на словах) программу, в которой признается необходимым разгромить буржуазную армию власти и заменить ее рабоче-крестьянским государством. В то же время Блюм видит в Лиге наций начало "демократич[еской]" международной организации. Как он собирается "громить" национальную армию буржуазии и в то же время сохранять ее интернациональные органы - это было бы загадкой, если б Блюм действительно собирался что-то "громить". Но на самом деле он собирается покорно дожидаться, когда разгромают его собственную "армию" ... Эту мысль надо развивать.

23 мая [1935 г.]

Вот уже много дней, как мы с Н. хворали. Затяжной грипп. Лежим то по очереди, то одновременно. Май холодный, неприветливый... Из Парижа пять дней т[ому] назад получили тяжелую весть: такси наскочило на авто, в котором находилась Жанна203, и серьезно ранило ее, так что ее в бессознательном состоянии перенесли в больницу: глубокая рана в голове, сломано ребро... У Левы экзаменационная страда, а ему приходится готовить пищу для Севы. О Сереже по-прежнему никаких вестей.

25 мая [1935 г.]

Сегодня пришло письмо от Левы. Написано оно, как всегда, условным языком[204].

Это значит, что норвежское правительство дало визу и что нужно готовиться к отъезду. "Сгух" это я. "Праздник вечного новоселья", как говорил старик-рабочий в Алма-Ате.

26 мая [1935 г.]

Болезненное состояние осуждает меня на чтение романов. В первый раз я взял в руки книгу Edgar Wallace[205]. Насколько я знаю, это один из самых популярных в Англии и Америке авторов. Трудно представить себе более жалкое, грубое, бездарное. Ни тени наблюдательности, таланта, воображения. Приключения нагромождены без малейшего искусства, вроде наложенных друг на друга полицейских протоколов. Ни разу я не почувствовал увлечения, интереса, хотя бы прочного любопытства. При чтении книги

чувство такое, будто от нечего делать барабанишь в тоске пальцами по засиженному мухами стеклу...

По одной этой книге видишь, в какой мере просвещенная Англия (да и не она одна, конечно) остается страной культурных дикарей. Миллионы англичан и англичанок, жадно и взволнованно (до обмороков) глазевших на процессы и торжества по поводу юбилея королевской четы, это и есть запойные читатели продукции Wallace'a.

1 июня [1935 г.]

Дни тянутся тягостной чередой. Три дня тому назад получили письмо от сына: Сережа сидит в тюрьме, теперь это уже не догадка, почти достоверная, а прямое сообщение из Москвы... Он был арестован, очевидно, около того времени, когда прекратилась переписка, т. е. в конце декабря - начале января. С этого времени прошло уже почти полгода... Бедный мальчик... И бедная, бедная моя Наташа...[206]

6 июня [1935 г.]

Затяжной правительственный кризис. Как в свое время в Италии, позже в Германии, парламент оказывается в самую ответственную минуту в параличе.

Непосредственная причина паралича - радикалы. Именно поэтому социалисты и коммунисты из всех сил цепляются за радикалов... Наша фракция растет. Лозунг IV Интернационала становится почти модным. Но подлинного, глубокого переворота еще нет..

8 июня [1935 г.]

Заезжала к нам по пути из Лондона в Вену Л. С, урожденная Клячко, дочь старого русского эмигранта, умершего до войны[207]. Мать ее, старая наша приятельница, была недавно в Москве и, видимо, пыталась интересоваться судьбой Сережи, которого она знала в Вене маленьким мальчиком. В результате ей пришлось очень спешно покинуть Москву. Подробностей еще не знает...

* * *

Получил от группы студентов Эдинбургского университета, представителей "всех оттенков политической мысли", предложение выставить свою кандидатуру в ректоры. Должность чисто "почетная",- ректор избирается каждые три года, публикует какой-то адрес и совершает еще какие-то символические действия. В числе прочих ректоров названы: Гладстон[208], Smuts[209], Нансен[210], Маркони[211]... Только в Англии, пожалуй, сейчас уже только в Шотлан-дии, возможна такая экстравагантная идея, как выдвижение моей кандидатуры в качестве ректора университета. Я ответил, разумеется, дружественным отказом [:]

7 июня 1935 г.

Я вам очень признателен за ваше неожиданное и лестное для меня предложение: выставить мою кандидатуру в качестве ректора Эдинбургского университета. Сказавшаяся в этом предложении свобода от соображений национализма делает высокую честь духу эдинбургских студентов. Я тем выше ценю ваше доверие, что вас, по вашим собс[твенным] словам, не останавливает отказ британского правительства в выдаче мне визы. И все же я не считаю себя вправе принять ваше предложение. Выборы ректора происходят, как пишете вы, на неполитической базе, и под вашим письмом подписались представители всех оттенков политической мысли. Но я лично занимаю слишком определенную политическую позицию: вся моя деятельность с юных лет посвящена революционному освобождению пролетариата от ига капитала. Никаких других заслуг у меня нет для занятия ответственного поста. Я считал бы, поэтому, вероломным по отношению к рабочему классу и нелояльным по отношению к вам выступить на какое бы то ни было публичное поприще не под большевистским знаменем. Я не сомневаюсь, что вы найдете кандидатуру, гораздо более отвечающую традиции вашего университета.

От всей души желаю вам успеха в ваших работах и остаюсь благодарен.

* * *

Внешним образом у нас в доме все по-прежнему. Но на самом деле все изменилось. Я вспоминаю о Серееже каждый раз с острой болью. А Н. и не "вспоминает", она всегда носит глубокую скорбь в себе. "Он на нас надеялся... - говорила она мне на днях (голос ее и сейчас остается у меня в душе), - он думал, что раз мы его там оставили, значит, так нужно". А вышло, что принесли его в жертву. Именно так оно и есть...

Теперь еще присоединилось резкое ухудшение моего здоровья. Н. и это переживает очень тяжело. Одно с другим. В это же время ей приходится по дому очень много работать. Я изумляюсь каждый раз снова, откуда у ней столько сосредоточенной, страстной и в то же время сдерживаемой энергии?

С. Л. Клячко, наш старый венский Друг, очень высоко ценивший Н., сказал однажды, что такой голос, как у нее, он слышал только у Элеоноры Дузе[212]. (Дузе была для С. Л. высшим выражением женской личности.) Но Дузе была трагической актрисой. А у Н. нет ничего "сценического". Она не может "играть", "выполнять роль", "подражать". Она переживает все с предельной цельностью, предавая своим переживаниям художественные выражения. Тайна этой художественности: глубина, непосредственность, цельность.

По поводу ударов, которые выпали на нашу долю, я как-то на днях напоминал Наташе жизнеописание протопопы Аввакума[213]. Брели они вместе по Сибири, мятежный протопоп и его верная протопопица, увязали в снегу, падала бедная измаявшаяся женщина в сугробы. Аввакум рассказывает: "Я пришел, - на меня, бедная, пеняет, говоря: "Долго ли муки сия, протопоп, будет?" И я говорю: "Марковна, до самая смерти". Она же, вздохня, отвечала: "Добро, Петрович, еще побредем"."

Одно могу сказать: никогда Наташа не "пеняла" на меня, никогда, в самые трудные часы: не пеняет и теперь, в тягчайшие дни нашей жизни, когда все сговорилось против нас...

9 июня [1935 г.]

Вчера приехал Ван [John van Heijenoort], привез весть о том, что норвежское раб[очее] пр[авительство] дало визу. Отъезд отсюда назначен на завтра, но я не думаю, что за два дня удастся получить транзитную визу через Бельгию: пароход отходит из Антверпена. В ожидании визы мы все же укладываемся. Спешка невероятная. Все сошлось одно к одному: крестьянская девушка, которая приходила к Н. ежедневно на три часа помогать по хозяйству, как на грех уехала на два дня в гости. Наташа готовит обед и укладывает вещи, помогает мне собирать книги и рукописи, ухаживает за мной. По крайней мере это отвлекает ее несколько от мыслей о Сереже и о будущем. Надо еще прибавить ко всему прочему, что мы остались без денег: я слишком много времени отдавал партийным делам, а последние два месяца болел и вообще плохо работал. В Норвегию мы приедем совершенно без средств... Но это все же наименьшая из забот.

* * *

...Мелкий эпизод. Перед отъездом пришлось постричься. В моем положении это сложное предприятие: пришлось с Ваном съездить в Гренобль (месяца два-три как я не был в городе). Французские парикмахеры очень разговорчивы, фамильярны, находчивы - Фигаро! [214].

Я сильно оброс и просил постричь меня покороче. Мой Фигаро нашел, что это слишком коротко, так сказать, нарушает стиль, но подчинился. "Bon"[215], - сказал он с явным неудовольствием. Закончив стрижку, он сказал сентенциозно: "Вы очень изменились; раньше Вы были похожи на профессора Piccard[216] (бельгиец); теперь я бы этого не сказал..." Я попросил arranger (привести в порядок) усы. "Raser?"[217] -переспросил он удивленно: "Tout a fait?"[218]. В голосе его звучала явная подозрительность: он решил, что я стремлюсь сделаться неузнаваемым (что, впрочем, не так далеко от истины). Я успокоил его; "arranger, egaliser, non pas raser"[219]. К нему сразу вернулась готовность. - Но вы не хотите подрезать их слишком коротко, аLa Чарли Чаплин? Нет, конечно? Впрочем, о Чаплине, со времен его "Lumieres de la ville"[220], ничего не слышно... И пр. и пр. И наконец, когда я, в ответ на его запрос, ответил, что теперь все хорошо, он одобрил меня не без оттенка иронии: "Вы не слишком сложный клиент"[221]. И то хорошо...

17 июня [1935 г.]

Вот уже второй день, как мы в Норвегии, в деревенском отеле, в 70 километрах от Осло. Финляндия! Холмы, озера, сосны, ели... Только норвежцы крупнее финнов. В бытовой обстановке, пожалуй, много примитивного (по сравнению даже с Францией). Но надо записать по порядку.

20 июня [1935 г.]

8 июня приехал к нам Domene Ван: помогать укладывать вещи для переезда в Норвегию. Виза еще не получена, т. е. еще не проставлена на паспортах из-за Троицы, но есть телеграмма из Осло о том, что правительственное решение уже состоялось и что виза будет беспрепятственно выдана после праздников. Н. сомневалась: не обнаружатся ли в

последний момент новые затруднения и не придется ли нам из Парижа возвращаться вспять (власти разрешили нам остановиться на 24 часа в Париже). Запросили снова по телефону Париж. Лева ответил: виза получена, во вторник утром получим, выезжайте в понедельник. Укладка вещей шла лихорадочно, главная работа легла на Н. Ван помогал.

В понедельник с утра заявился к нам начальник гренобльской Surete. Крайне антипатичная фигура, без французской courtoisie[222], называл меня почему-то excellence[223], чего французы никогда не делали. Ему приказано сопровождать нас до Парижа. Мимоходом он объяснил мне, что провел два года в России, на юге, был в Одессе во время восстания на франц[узских] судах: "Вы знаете Андре МарТу!..[224] Я провел там тяжелые четверть часа"[225]. Мне оставалось только выразить ему сочувствие. В Париже нас поселили у д[окто]ра Р.[226], живущего вместе с двумя сыновьями-адвокатами: старший из них - член нашей организации[227]. Во вторник утром Н[enry] М[olinier] отправился в норв[ежское] консульство за визой; оказалось, что там ничего не знают. М. соединился по телефону с нашим товарищем в Осло; тот ответил убитым голосом: правительство в последний момент заколебалось; не будет ли Тр[оцкий] заниматься здесь революционной деятельностью; к тому же пр[авительство]во не может отвечать за его безопасность.. О въезде ближайшим пароходом (из Антверпена) не могло быть и речи. Хлопоты надо было начинать почти сначала, между тем срок пребывания в Париже истекал к вечеру. Н. М. отправился в Surete nationale. Бурные объяснения с шефом: Тр[оцкий] обманул нас, чтоб иметь возможность прибыть в Париж! Н. М. ведет переговоры с властями мастерски: если вы поднимите шум, то испугаете норвежцев; не мешайте нам, дайте нам дополнительный срок, мы получим визу. - "Троцкий должен уехать в среду вечером, пусть едет в Бельгию, у него есть транзитная виза"... - "А в Бельгии? - "Нам до этого нет дела. Вы хотите обмануть Вальдервельде, между тем вы обманули нас"... Н. М. предложил: в ожидании визы Троцкого помещают в клинику. - "В клинику?! Этот классический прием! Как мы его извлечем затем из клиники?" В заключение эти господа дали понять Н. М., что возвращение в Domene (Isere) невозможно: новый министр внутренних дел Paganon, депутат Isere'a, "левый" радикал, следовательно, более трусливый, чем его предшественники, не хочет дать политическим противникам повода обвинять его в том, что он "приютил" Троцкого у себя в департаменте...

Оставалось использовать отсрочку в 48 часов для нажима на Осло. Я соединился по телефону с Шефло[228] (редактор в Christiansund, горячо мне содействовавший в деле визы), послал телеграмму министру юстиции насчет "невмешательства" в политику и личной безопасности, вторую телеграмму - министру-президенту. Шефло на самолете отправился в Осло, чтобы поспеть к заседанию совета министров в среду вечером. Пришлось по телефону отказываться от мест на норвежском пароходе. Бельгийская транзитная виза тем временем истекла. Настроение у наших молодых друзей было очень удрученное...

Тем временем я имел многочисленные свидания с парижскими товарищами. Квартира почтенного доктора неожиданно превратилась в штаб фракции большевиков-ленинцев: во всех комнатах шли совещания, звонили телефоны, приходили новые и новые друзья. Газеты были полны отголосков социалистического конгресса в Mulhousee, причем "троцкисты" впервые стали в фокусе внимания большой прессы. "Путчисты!" - писал Temps заодно с Humanite. В этих условиях мое пребывание в Париже должно было вдвойне нервировать полицию.

В Париже мы увидели после трехлетней разлуки Севушку: он вырос, окреп и... совсем-совсем забыл русский. К рус[ской] книге о трех толстяках, которую он прекрасно, запоем

читал на Принкипо, он прикасается теперь с неприязнью (книга у него сохранилась), как к чему-то чужому и тревожному. Он посещает франц [узскую] школу, где мальчики называют его boche'ем.

В среду, около 9.30 ч. вечера, [Walter] Held[229] сообщил мне по телефону из Осло, что правительство решило, наконец, дать на 6 месяцев визу. "6 месяце Но мера предосторожности, чтоб иметь не слишком связанные руки перед лицом политических противников. Угнетенное состояние сменилось у молодежи бурным подъемом...

На другое утро встретилось, однако, новое затруднение: норвежский консул заявил, что раз виза дается на определенный срок, то Тр[оцко]му нужна обратная французская виза: впрочем он, консул, справится по телефону в Осло. Получить обратную французскую визу представлялось почти безнадежным; во всяком случае это означало значительную проволочку. Новые хлопоты, телефонные разговоры, волнения и... расходы. К полудню норвежская виза была получена, транзитная бельгийская - перенесена на новый срок. Последние свидания и прощания. Новый полицейский, который провожает нас до Брюсселя.

До Антверпена нас провожал, вместе с Ваном, французский товарищ [Jean] Rous, из Pegrignan, каталонец. Сопровождавший нас полицейский оказался его земляком. У них завязался в соседнем купе интересный разговор. Полицейский голосует обычно за социалистов. Но доверие к социалистам и радикалам в полиции ослабло: эти партии не хотят власти и не возьмут ее. Выросло влияние Croix de Feu[230]. Левые говорят фашистам: но ведь у вас нет никакой программы! - Ничего, - отвечают правые,- сперва надо все опрокинуть, а там видно будет.. Прекрасная формула для охранителей порядка! За последнее время в полиции пробуждаются симпатии к коммунистам: они признали нац[иональную] оборону, они отрезали себе какую бы то ни было возможность к революционной активности. Рабочая партия, которая говорит своей буржуазии: не беспокойся, я тебя поддержу в случае войны! -перестает, тем самым, существовать как революционная партия.

В Антверпене пришлось провести 1,5 суток. Я воспользовался этим, чтоб повидаться с бельгийскими товарищами. Руководящая группа в пять человек -все рабочие-прибыла из Charleroi. Собрались мы у антверпенского рабочего-бриллианщика (национальность и профессия Спинозы![231]) Polk'a, провели в беседе часа четыре. Наша группа в Бельгии, очень немногочисленная (несколько десятков рабочих), вступила в Раб[очую] партию.

На маленьком норвежском пароходе (три ночи, два дня) никто не обращал на нас внимания. С этой стороны все путешествие - в отличие от предшествующих наших передвижений - прошло идеально. Ни полиция, ни журналисты, ни публика не интересовались нами. Мы с Н. ехали по эмигрантским паспортам, выданным турецким правительством; так как с нами были Ван и Френкель[232], то офицер, заведовавший билетами и паспортами, определял нашу группу так: "француз, чехословак и два турка". Только на пристани в Осло несколько журналистов и фотографов рабочих, т. е. правительственной, печати раскрыли наше инкогнито. Но мы быстро уехали в автомобиле с Шеффо, который ожидал нас на пристани.

Правительство выразило желание, чтобы мы поселились вне Осло, часах в двух пути, в деревне. Газеты без труда раскрыли наше убежище. Сенсация получилась, в общем, изрядная. Но все как будто обещает обойтись благополучно. Консерваторы, конечно, "возмущены", но возмущение свое выражают сравнительно сдержанно. Бульварная печать держит себя нейтрально. Крестьянская партия, от которой - в парламентской плоскости -

зависит самое существование пр[авительств]а, не нашла возражений против выдачи визы. Рабочая печать довольно твердо взяла если не меня, то право убежища под защиту[233]. Консерваторы хотели внести в стротинг запрос, но, натолкнувшись на несочувствие других партий, воздержались. Только фашисты устроили митинг протеста под лозунгом: "Чего глава мировой революции хочет в Осло?" Одновременно сталинцы объявили меня в 1001-ый раз главой мировой контрреволюции.

* * *

Tranmael[234] дал в Arbeiterbladet очень сочувственную статью. Самое замечательное то, защищая меня от преследований Сталина, Транмель недвусмысленно выражает свою солидарность с общей политикой Сталина. Это распространение личных и политических симпатий вносит в дело необходимую ясность.

* * *

В СССР идут тревожные процессы. Исключение Енукидзе[235], тишайшего и бесхарактерного, есть удар по Калинину. Мотивировка: "не хвастай своей добротой!" - говорит о том же. Не будет ничего неожиданного, если Калинин на сей раз не устоит. Телеграммы сообщили третьего дня об убийстве Антипова[236], председателя Комиссии советского контроля (подтверждений нет). ЦК требует, чтоб пропагандисты и летом, несмотря на каникулы, не забывали о троцкизме, зиновьевцах и пр. О созыве VII конгресса Коминтерна никто и не заикается. Сталинская диктатура подходит к новому рубежу.

24 июня [1935 г.]

В стортинге был обо мне "вопрос" в парламенте, не запрос. Председатель стортинга произнес двусмысленную речь, которая сняла вопрос. Matin[237] печатает со ссылкой на немецкую прессу, будто я несколько недель тому назад пытался нелегально проникнуть в Норвегию, но был опознан на границе и не допущен в страну. Московский корреспондент консервативной газеты разогревает в телеграмме дело Кирова в связи с делом Енукидзе... Что это значит?

Хуже всего нездоровье. Десять дней пути и пребывания в отеле прошли хорошо, казалось, я возродился. А сейчас все вернулось сразу: слабость, температура, пот, внутренняя физическая опустошенность... Беда, да и только.

26 июня [1935 г.]

Продолжаю хворать. Поразительна у меня разница между здоровьем и больным состоянием: два человека, даже во внешнем облике, притом иногда на протяжении 24 часов. Отсюда естественное предположение, что дело в нервах. Но врачи давно уже - в 1923 - установили инфекцию. Возможно, что "нервы" придают внешним выражениям болезни такой резкий размах.

Этой ночью, вернее уж утром, снился мне разговор с Лениным. Если судить по обстановке, - на пароходе, на палубе 3-го класса. Ленин лежал на нарах, я не то стоял, не то сидел возле "его. Он озабоченно расспрашивал о болезни. "У вас, видимо, нервная усталость накопленная, надо отдохнуть..." Я ответил, что от усталости я всегда быстро поправлялся, благодаря свойственному мне Schwungkraft[238], но что на этот раз дело идет о более глубоких процессах... "Тогда надо серьезно (он подчеркнул) посоветоваться с врачами (несколько фамилий)...". Я ответил, что уже много советовался, и начал рассказывать о поездке в Берлин, но, глядя на Ленина, вспомнил, что он уже умер, и тут же стал отгонять эту мысль, чтоб довести беседу до конца. Когда закончил рассказ о лечебной поездке в Берлин, в 1926 г., я хотел прибавить: это было уже после вашей смерти, но остановил себя и сказал: после вашего заболевания...

Н. устраивает наше жилье. В который раз! Шкафов здесь нет, многого не хватает. Она сама вбивает гвозди, натягивает веревочки, вешает, меняет, веревочки срываются, она вздыхает про себя и начинает сначала... Две заботы руководят ею при этом: о чистоте и о приглядности. Помню, с каким сердечным участием, почти умилением, она рассказывала мне в 1905 г. об одной уголовной арестантке, которая "понимала" чистоту и помогала Н[аташ]е наводить чистоту в камере. Сколько "обстановок" мы переменили за 33 года совместной жизни: и женевская мансарда, и рабочие квартиры в Вене и Париже, и Кремль, и Архангельское[239], и крестьянская изба под Алма-[А]той, и вилла на Принкипо, и гораздо более скромные виллы во Франции... Н. никогда не была безразлична к обстановке, но всегда независима от нее. Я легко "опускаюсь" в трудных условиях, т. е. мирюсь с грязью и беспорядком вокруг, - Н. никогда. Она всякую обстановку поднимет на известный уровень чистоты и упорядоченности и не позволит ей с этого уровня спускаться. Но сколько это требует энергии, изобретательности, жизненных сил!..

Я лежу сейчас целыми дня[ми]. Сегодня устанавливали с Н. за амбаром chaise longue. "Ты как хочешь?" - спросила она с оттенком сожаления. - "А что?" - "С той стороны вид лучше". Действительно, вид был несравненно лучше с противоположной стороны. Разумеется, всякий или почти всякий может различить лучший вид от худшего. Но Н. не может не почувствовать разницы во всем существе. Она не может сесть лицом к забору и томиться сожалением, если другой кто сядет таким образом...

Прожили мы с Н. долгую и трудную жизнь, но она не утратила способности и сейчас поражать меня свежестью, цельностью и художественностью своей натуры.

Лежа на шезлонге, я вспоминал, как мы подвергались с Н. санитарному досмотру на пароходе по прибытию в Н[ью]-Йорк в январе 1917 г. Американские чиновники и врачи были очень бесцеремонны, особенно с пассажирами не 1-го класса (мы ехали во втором). На Наташе была вуаль. Врач, интересующийся трахомой, заподозрил неладное за вуалью, быстро приподнял ее и сделал движение пальцами, чтоб приподнять веки... Н. не протестовала, ничего не сказала, не отступила, она только удивилась, вопросительно взглянула на врача, лицо ее занялось легким румянцем. Но грубоватый янки сразу опустил руки и виновато сделал шаг назад,- такое неотвратимое достоинство женственности было в ее лице, в ее взгляде, во всей ее фигуре... Помню, какое у меня было чувство гордости за Наташу, когда мы с парохода переходили по сходням на пристань Нью-Йорка.

29 июня [1935 г.]

В Aftenposten[240] большое письмо какого-то юриста: Троцкий вовсе не отказался от политической деятельности (цитируя, в частности, мое письмо к эдинбургским студентам); к тому же у него два секретаря. Что они собираются делать, если он болен? Тот же автор ссылается на слова Шефло о том, что Троцкий "не сломлен", "остался таким, каким был" и пр. Прийти в забвение, очевидно, не удастся и здесь.

Я пробую болезнь взять "измором": лежу в тени, почти не читаю, почти не думаю.

1 июля [1935 г.]

Лежа под открытым небом, просмотрел сборник старых статей анархистки Emma Goldman[241] с ее короткой биографией, а сейчас читаю автобиографию "Mother Jones"[242]. Обе они вышли из рядов американских работниц, но какая разница! Гольдман - индивидуалистка, с маленькой "героической" философией, состряпанной из идей Кропоткина[243], Ницше[244] и Ибсена. Джонс - героическая американская пролетарка, без сомнений и фраз, но и без философии. Goldman - ставит перед собой революционные цели, но идет к ним совершенно неревлюционными путями. Mother Jones ставит себе каждый раз самые умеренные цели: more pay and less hours[245] и идет к ним смелыми революционными путями. Обе отражают Америку, каждая по-своему: Goldman своим примитивным рационализмом, Jones - своим не менее примитивным эмпиризмом. Но Jones представляет великолепную веху в истории своего класса, тогда как Goldman знаменует уход от класса в индивидуалистическое небытие. Статей Гольдман я одолеть не мог: безжизненное резонерство, которое, при всей искренности, отдает фразерством. Автобиографию Jones читаю с наслаждением.

В своих статьях и лишенных всякой литературной претензии описаниях стачечных боев Jones раскрывает мимоходом ужасающую картину исподней стороны американского капитализма и его демократии. Нельзя без содрогания и проклятий читать ее рассказ об эксплуатации и калечении на фабриках малолетних детей!

Knudsen[246] сообщил, что фашисты собирают в Drammen (60 километров отсюда) митинг протеста против моего пребывания в Норвегии. По словам К., они соберут, будто бы, не больше 100 человек.

Кто-то из советских чиновников снял дачу поблизости от лесной дачки нашего хозяина. Это волнует Н., - по-моему, совершенно без основания.

4 июля [1935 г.]

Закончил чтение автобиографии Mother Jones. Давно я не читал ничего с таким интересом и волнением. Эпическая книга! Какая несокрушимая преданность трудящимся, какое органическое презрение к изменникам и карьеристам из среды рабочих "вождей". Имея за спиной 91 год, эта женщина указывала панамериканскому рабочему конгрессу Советскую Россию как пример. 93-х лет отроду она примкнула к Рабоче-фермерской партии. Но главное содержание ее жизни - участие в рабочих стачках, которые в Америке чаще, чем где-либо, превращались в гражданскую войну.. Переведена ли эта книжка на иностранные языки?

13 июля [1935 г.]

Все они на открытом воздухе, читал, диктовал Яну [Френкелю] письма. Газеты и письма стали приходить непосредственно сюда и во все возрастающем количестве.

На днях у нашего хозяина были гости, тоже партийные редакторы: приезжали познакомиться. "Фашизма в Норвегии не может быть". "Мы старая демократия". "У нас все грамотны". "Кроме того, мы многому научились: мы ограничили наш капитализм"...- "А если фашизм победит во Франции, в Англии?" - "Будем держаться"- "Почему же вы не удержали вашей валюты, когда она пала в Англии?"

Ничему не научились. По сути дела эти люди не подозревают, что на свете жили Маркс, Энгельс, Ленин... Война, Октябрьская революция, потрясения фашизма прошли для них бесследно... Будущее готовит им холодный и горячий душ.

Прочитал биографию Евгения Дебса[247]. Биография плохая, лирически сентиментальная, но она отражает по-своему лирическую и сентиментальную фигуру Дебса, - в своем роде замечательную и во всяком случае очень привлекательную.

Читаю Edgar Poe[248] в оригинале и хоть не без трудностей, но продвигаюсь вперед. За последние годы я приучился диктовать статьи по-французски и по-немецки, диктовать сотрудникам, которые способны тут же исправлять мои синтаксические ошибки (а они не редки). Овладеть каким-либо иностранным языком полностью мне не дано.

В английском языке (который знаю совсем плохо) я продвигаюсь теперь вперед при помощи усиленного английского чтения. Иногда ловишь себя на мысли: не поздно ли? Стоит ли расходовать энергию не на познание, а на язык, оружие познания?

В Турции мы жили "явно" для всех, но под большой охраной (три товарища, два полицейских). Во Франции мы жили инкогнито, сперва под охраной товарищей (Barbizon), затем одни (Iserge). Сейчас мы живем открыто и без охраны. Даже ворота двора днем и ночью раскрыты настежь. Вчера два пьяных норвежца приходили знакомиться. Побеседовали мы с ними честь честью и разошлись.

30 июля [1935 г.]

За эти две недели было много маленьких событий. Приезжали знакомиться шеф партии Транмель и министр юстиции Ли[249]. Вышло так, что вместе снимались (по настоянию наивных третьих). Я с тревогой думал об общем снимке. Но и министру снимок - к счастью - тоже совсем не к лицу. Дня через два-три нам сообщили, что снимки "не удались". Мы с Н. были очень довольны находчивостью высоких гостей. Разговор вышел односторонним: редактор ц[ентрального] органа партии "интервьюировал" меня в присутствии Транмеля (гл. редактор) и Ли. Время провели по-хорошему. Ли уверял, что советское пр[авительство]во не предприняло никаких мер давления, чтоб помешать моему поселению в Норвегии. Они, видимо, ничего не знали до дня нашего приезда в Осло. Возможно также, что Норвегию они сочли "меньшим злом" по сравнению с Францией. В Arbeiderbladet статью поместили очень дружественную.

На днях во двор пробрался фашистский журналист (из еженедельника ABC), подкрался, прилипая к стене, и снял нас с Н. на шезлонгах. Когда Н. повернулась к нему, он бросился наутек. Хорошо, что в руках у него был только фотоаппарат. Ян нагнал его в деревне, откуда

он заказывал автомобиль по телефону. Бедный фашист дрожал от страха, клялся, что не снимал и пр. Но фотография появилась в АВС с грозной статьей: наблюдает ли полиция за разрушительной деятельностью Тр[оцкого]? Снимок не оправдывал этого тона: мы мирно лежали на складных стульях...

Третьего дня приезжали из Осло двое рабочих, братья, вернее, мелкие предприниматели, строители. Жили в Америке, говорят по-английски, немолодые, сочувствуют Коминтерну, участвуют в обществе "Друзей СССР". Спор вышел длинный и не очень складный (из-за языка). Но тип норвежского "сталинца" вырисовывался мне полностью.

...Только что получена телеграмма: наша молодежь исключена из социалистической партии. Это уплата за предстоящее слияние-социал-демократов со сталинцами. Начинается новая глава.

8 сентября [1935 г.]

Давно ничего не записывал. Приезжал доктор из Р[ейченберга, Чехословакии], очень дружелюбный, "свой", - лечить. Заставил много гулять, чтоб проверить ход болезни. Положение сразу ухудшилось. Анализы, по обыкновению, ничего не дали. Так прошло две недели. После отъезда доктора я перешел на лежачий образ жизни и скоро поправился. Начал работать, все больше и больше. Нашли русскую машинистку, - это для меня спасенье, в буквальном смысле слова. Стал диктовать - очень много, легко, почти без утомления. В таком состоянии нахожусь и сейчас. Вот почему о дневнике и думать забыл.

Вспомнил о нем потому, что вчера получили от Левы копии писем Ал[ександры] Льв[овны Соколовской] и Платона! От Сережи и о Сереже нет ничего: весьма вероятно, что сидит в тюрьме...

Письма Александры Львовны[250] и Платона[251] говорят сами за себя.

29 сентября [1935 г.]

Вот уже десять дней, как я в госпитале в Осло... Почти двадцать лет тому назад, улегшись на кровать в мадридской тюрьме, я спрашивал себя с изумлением: почему я оказался здесь? и неудержимо смеялся... пока не заснул. И сейчас я спрашиваю себя с изумлением: каким образом я оказался в больнице в Осло? Так уж вышло...

Л. Т[роцкий]

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ 1937 ГОДА[1]

2 января 1937 г.

Сегодня четвертый день пути. Греет южное солнце. Моряки переоделись в белое. Мы по-прежнему отдыхаем от политических новостей. Еще 23 декабря, на 4-ый день пути, пароходная радиостанция приняла для меня телеграмму из Лондона от американского агентства с просьбой об интервью. Сопровождающий нас полицейский офицер, передавая телеграмму, выразил сожаление по поводу того, что полученная им в Осло инструкция лишает меня возможности пользоваться пароходным радио для ответа. Я не смогу снестись с друзьями в Мексике даже по чисто практическим вопросам, связанным с условиями путешествия. Норвежская социалистическая власть хочет сохранить все свои прерогативы до самых берегов Мексики. Примем к сведению и перейдем к порядку дня.

* * *

Вся трудность в том, чтоб заставить поверить. Удалось ли Сталину разрешить эту задачу? Утверждать это нелегко и самым ревностным из господ профессиональных "друзей". Недаром вопрос о гестапо они обходят, воровато опуская глаза. Но мы не позволим им уклониться от ответа. Процесс Зиновьева и других, к несчастью, закончен. Процесс Сталина только начинается.

Эти строки пишутся на борту парохода. У меня нет под руками ни справочников, ни старых газет, ни даже собственных архивов. Я пользуюсь только источниками собственной памяти. Этим объясняется почти полное отсутствие цитат, ссылок на документы и пр. Но цитаты, документы, свидетельские показания существуют...

Виктор Серж[2], прошедший через все этапы репрессий в СССР и лишь чудом попавший в 1936 г. за границу, наглядно изображает последний этап воздействия на Зиновьева и Каменева: "С глазу на глаз, в камере, расположенной несколькими этажами выше погреба для расстрелов, к ним обращались с такой примерно речью:

- Вы остаетесь, чтобы вы ни говорили и ни делали, нашими непримиримыми противниками. Но вы преданы партии, мы знаем это. Партия требует от вас новой жертвы, более полной, чем все предшествующие: политического самоубийства, жертвы вашей совестью. Вы скрепите эту жертву, идя сами навстречу смертной казни. Только в этом случае можно будет поверить, что вы действительно разоружаетесь перед Вождем. Мы требуем от вас этой жертвы, потому что Республика в опасности. Тень войны падает на нас, фашизм поднимается вокруг нас. Нам необходимо любой ценой добраться до Троцкого в его изгнании, дискредитировать его рождающийся Четвертый Интернационал, сплотиться в священном единении вокруг Вождя, которого вы ненавидите, но которого вы признаете, потому что он сильнее. Если вы согласитесь, у вас останется надежда на жизнь. Если вы

откажетесь, вы так или иначе исчезнете."

Виктор Серж имел возможность ближе и дольше нас всех наблюдать капитулянтов, их среду, их настроения. Он отводит большое место в поведении главных подсудимых, [таких] как Зиновьев, Каменев, Смирнов, их преданности партии и преклонению перед ее единством. Эти люди духовно родились в большевистской партии, она сформировала их, они боролись за нее, она подняла их на гигантскую высоту. Но организация масс, выросшая из идеи, выродилась в автоматический аппарат правящих. Верность аппарату стала изменой идее и массам. В этом противоречии безвыходно запуталась мысль капитулянтов. У них не хватало духовной свободы и революционного мужества, чтобы во имя большевистской партии порвать с тем, что носило это имя. Капитулировав, они предали партию во имя единства аппарата. ГПУ превратило фетиш партии в удавную петлю и постепенно, не спеша, затягивала ее на шею капитулянтов. В часы просветления они не могли не видеть, куда это ведет. Но чем яснее становилась перспектива моральной гибели, тем меньше оставалось шансов вырваться из петли. Если в первый период фетиш единой партии служил психологическим источником капитуляций, то в последней стадии формула "единства" служила лишь для прикрывания конвульсивных попыток самосохранения.

5 января [1937 г.]

Тем временем мы продвигаемся вперед. Температура воды 22°, в воздухе на солнце - 30°. Показались дельфины, акулы и как будто небольшой кит (разногласия среди моряков). Сегодня с утра проходили мимо берегов Флориды. Наша "Руфь" обогнала американское судно такого же примерно сложения. Капитан был доволен, и мы вместе с ним. Голые по пояс матросы висят на реях, придавая им белоснежный вид. Палубы, мачты окрашены заново. Приближаясь к Новому Свету, "Руфь" наводит свой туалет... В свободные часы я, кроме монографий о Мексике, читаю биографию сэра Базиля Захарова[3], которого Англия сделала баронетом, а Франция - кавалером самого большого креста Почетного легиона.

Пусть благомыслящая пресса обличает низкий моральный уровень революционеров... Но не будем уклоняться в область общей политики: мы еще не вышли из-под власти норвежского "социалистического" правительства, а сэра Базиля, несмотря на то, что сам он уже умер, можно без основания отнести к "актуальным", т. е. запретным, вопросам.

* * *

В начале 1935 г., когда разворачивалось первое дело об убийстве Кирова, мы жили с женой во французской деревушке, под Греноблем, (Isere), "инкогнито", т. е. под чужим именем (с ведома полиции, разумеется). В телеграммах ТАССа проскользнуло мое имя в связи с предложением "консула" передать Троцкому письмо от Николаева[4], будущего убийцы Кирова. (Обвинительный акт ни словом не упоминал о реакции Николаева на это предложение, из чего с несомненностью следует, что Николаев ответил изумленно предприимчивому консулу: "А зачем я стану писать Троцкому?") Я немедленно же послал в печать короткое заявление о том, что дело идет о явной провокации агента ГПУ, вероятнее всего, консула одного из маленьких соседних государств, ибо ГПУ не решилось бы проделать такую операцию с консулом великой державы. В те дни "консул" оставался еще

анонимным. Только через неделю советское правительство оказалось вынуждено открыто назвать его по настоянию дипломатического корпуса, подтвердив мое предположение: дело шло о консуле Латвии.

7 января [1937 г.]

Остается два-три дня пути. Не знаю, скоро ли удастся в Мексике создать условия спокойной работы, как здесь на пароходе. Между тем, остается еще много недосказанного... Температура воды 22°C. При открытых двери и иллюминаторе в каюте ночью было душно. Сегодня появились, наконец, летающие рыбы. Вследствие постоянного изменения времени офицеры пропускают нередко норвежские эмиссии, так что новостей нет. Капитан вчера проявил большое удовольствие по поводу того, что в Америке не знают еще ничего о перемене курса нашего корабля: он явно боится покушений ГПУ, вероятно, со слов полиции. Никто не называет, по крайней мере при мне, ГПУ по имени. Об опасности говорят намеками, неопределенно, вроде того, как если бы дело шло о подводных рифах. Так намеками во время войны говорили на испанском пароходе, везшем нас из Барселоны в Нью-Йорк, о немецких подводных лодках...

* * *

Что бы ни говорили святоши чистого идеализма, мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики. Большевизм мог быть жесток и свиреп по отношению к врагам, но он всегда называл вещи своими именами. Все знали, чего большевики хотят. Нам нечего было утаивать от масс. Именно в этом центральном пункте мораль правящей ныне в СССР касты радикально отличается от морали большевизма. Сталин и его сотрудники не только не смеют говорить вслух, что думают; они не смеют даже додумывать до конца, что делают. Свою власть и свое благополучие бюрократия вынуждена выдавать за власть и благополучие народа. Все мышление правящей касты насквозь проникнуто лицемерием. Чтоб залепить открывающиеся на каждом шагу противоречия между словом и делом, между программой и действительностью, между настоящим и прошлым, бюрократия создала гигантскую фабрику фальсификаций. Чувствуя шаткость своих моральных позиций, питая острый страх перед массами, она со звериной ненавистью относится ко всякому, кто пытается прожектор критики направить на устои ее привилегий. Травлю и клевету против инакомыслящих сталинская олигархия сделала важнейшим орудием самосохранения. При помощи систематической клеветы, охватывающей все: политические идеи, служебные обязанности, семейные отношения и личные связи, люди доводятся до самоубийства, до безумия, до протрации, до предательства. В области клеветы и травли аппараты ВКП, ГПУ и Коминтерна работают рука об руку. Центром этой системы является рабочий кабинет Сталина. Отсюда методически подготовлялся московский процесс.

Старый норвежский социалист Ш., долгие годы входивший в ряды Коминтерна, рассказывал мне, как во время его пребывания в Москве (или, может быть, в Крыму) пресса Коминтерна открыла против него кампанию личной клеветы, о политических мотивах которой он мог лишь строить догадки. "Первая моя реакция,- говорил Ш.,- имела чисто

физиологический характер: со мной приключился припадок рвоты, который длился не менее получаса... После этого я порвал с Коминтерном". Норвежец уехал в Норвегию. Но опальному советскому гражданину уехать некуда. В таком же положении находятся многочисленные эмигранты из фашистских стран. ГПУ рассматривает их просто как сырой материал для своих комбинаций.

На Западе не имеют и приблизительного представления о том количестве литературы, которое издано в СССР за последние 13 лет против левой оппозиции вообще, автора этих строк в частности и в особенности. Десятки тысяч газетных статей в десятках миллионов экземпляров, стенографические отчеты бесчисленных обвинительных речей, популярные брошюры в миллионных тиражах, толстые книги разносили и разносят изо дня в день самую отвратительную ложь, какую способны изготовить тысячи наемных литераторов, без совести, без идей и без воображения. Во время нашего интернирования мы наталкивались несколько раз у радиоприемника на речи из Москвы (после некоторых колебаний и проволочек социалистическое правительство великодушно разрешило нам иметь радиоприемник в нашей тюремной квартире) на тему о том, что Троцкий хочет опрокинуть правительство народного фронта Испании и Франции и истребить советских вождей, чтоб таким образом обеспечить победу Гитлера в будущей войне против СССР и его союзников. Монотонный, безразличный и вместе [с тем] наглый голос "оратора" отравлял в течение нескольких минут атмосферу нашей комнаты. Я взглянул "а жену: на лице ее было непреодолимое отвращение; не "ненависть", нет, а именно отвращение. Я повернул штифт и закрыл оратору глотку. В Sundby можно было позволить себе такую роскошь. А в СССР? Иностранная печать Коминтерна настраивается по камертону московской "Правды" и, если силы позволяют, пытается превзойти ее. После первого кировского процесса (январь 1935 г.), где в обвинительном акте упоминалось мимоходом, без выводов, что некий консул просил у Николаева письма к Троцкому, L'Humanite, главный орган Сталина на Западе, заявила: "Руки Троцкого в крови Кирова". Автором статьи был Duclos[5], нынешний вице-президент палаты депутатов и давний литературный агент ГПУ. "Правда" в те дни оставалась значительно осторожнее: тема о латышском консуле жгла пальцы... После набега норвежских наци на мою квартиру та же L'Humanite сообщала, под видом телеграммы из Осло, что норвежское правительство открыло против меня расследование, так как установлена моя связь с фашистами, которые нанесли мне ночью визит. Я беру первые попавшиеся примеры и, наверное, не самые яркие. Грязный поток лжи извергался свыше 12 лет, прежде чем принял форму московского судебного процесса, самого вероломного, самого подлого из всех процессов, какие бесчестили нашу планету.

Французская Лига прав человека решила высказать авторитетное слово по поводу московского процесса. Она создала комиссию почти исключительно из буржуазных "друзей СССР". Комиссия поручила представить доклад адвокату Розенмарку[7]. Какие у него данные для этого, не знаю. Мне написали, что это крупный адвокат по гражданским делам. Его доклад представляет второе издание доклада D. N. Pritt'a[8]. Лига поспешила доклад Розенмарка (высокий образчик юридического кретинизма и политической недобросовестности!) напечатать в своем официальном издании. О, конечно, лишь в качестве личного мнения докладчика, но с какими комплиментами по его адресу! Расследование еще только предстоит. Как оно ведется, в каких рамках и какими темпами, неизвестно. А пока что в порядке "дружбы" с СССР пущен в оборот постыдный документ. Розенмарк прямо пишет, что во всякой другой стране Троцкий был бы приговорен к смерти

par contumace[9], московский же суд постановил "только" арестовать Троцкого в случае его появления на советской территории... Этот буржуазный делец считает, таким образом, доказанной мою "террористическую" деятельность в союзе с гестапо. Нужно ли удивляться? Если порыться во французских изданиях 1917 и следующего годов, то нетрудно убедиться, что все эти Розенмарки считали тогда Ленина и Троцкого агентами немецкого генерального штаба. Французские демократические патриоты остаются, таким образом, в традиции; только в 1917 г. они были против нас в союзе с царскими дипломатами, с Милюковым и Керенским, а теперь они выступают в качестве официальных "друзей" Сталина, Ягоды и Вышинского[10]...

"Лига прав человека" примыкается, конечно (справа), к народному фронту и его правительству. С этой стороны бесполезно напомнить, что когда правительство Даладье[11] представило мне в 1933 году право убежища, вся печать Коминтерна, являющаяся в то же время печатью ГПУ, трубила, что я прибыл во Францию с целью помогать Даладье и Блюму осуществить, наконец, военную интервенцию против СССР. Что Леон Блюм является одним из активных организаторов военного похода против советского государства, считалось в то время вполне доказанным: Леон Блюм был тогда не союзником, не другом, не "дорогим товарищем" (L'Humanite), а просто-напросто социал-фашистом. Но времена меняются, и подлоги ГПУ меняются вместе с ними.

* * *

Неряшливо монтируя процесс, ГПУ явно переоценило свои силы и во всяком случае упустило из виду, что я и мой сын можем успеть нанести сокрушительный удар, по крайней мере, той части московской амальгамы, которая касается нашей жизни и деятельности за границей. Уже во время самого процесса мне удалось через норвежское телеграфное бюро опровергнуть показания двух важнейших свидетелей: Гольцмана[12] и Ольберга[13]. После того работа не прекращалась ни на один день. Перед самым отъездом из Норвегии я получил из Парижа сообщение, что в результате долгих усилий удалось разыскать в министерских архивах телеграмму моей жены тогдашнему министерству Эррио и телеграфное распоряжение Эррио французскому консулу в Берлине о выдаче нашему сыну визы на въезд во Францию для свидания с нами во время нашего возвращения из Дании в декабре 1932 г. Эти две телеграммы в сочетании с визами на паспорте сына - даже независимо от показаний нескольких десятков свидетелей - полностью, окончательно и бесследно опровергают показания Гольцмана о том, как мой сын встречал его в копенгагенском отеле Бристоль (несуществующем с 1917 г.) и отводил на свидание со мною.

Пример Гольцмана особенно ярко, отчетливо, неопровержимо показывает, как подсудимые в угоду ГПУ лгали сами на себя - только затем, чтоб втянуть в дело меня. Если так обстоит дело с показаниями Гольцмана, почему оно должно обстоять лучше с показаниями других обвиняемых?

И оно действительно обстоит не лучше. Признания Ольберга, взрывающиеся собственными противоречиями, опровергаются сверх того аутентичными документами и безупречными показаниями. Десятки свидетелей, неотступно охранявших меня в течение моего недельного пребывания в Копенгагене, уже дали показания под присягой о том, что среди моих посетителей (список их точно установлен) не было ни Бермаи, ни Фрица Давида[14]. Элементарный анализ показаний этих двух агентов Коминтерна обнаруживает,

как несчастливо, несмотря на осторожность, они лгут. Десятки побочных обстоятельств, точно установленных и документированных, присоединяются к тому, чтоб от всей "копенгагенской" главы, имеющей решающее значение для процесса, не оставить камня на камне. Показания Мрачковского[15] и Дрейцера[16] (история с химическим письмом) не выдерживают прикосновения "технической" критики и находятся, к тому же, в прямом противоречии с показаниями других подсудимых. "Признания" Смирнова, несмотря на то, что они нагло сокращены и лживо "резюмированы" в официальном отчете, дают достаточно яркую картину трагической борьбы этого честного и искреннего старого революционера с самим собою и со всеми инквизиторами. Менее уязвимы, на первый взгляд, признания Зиновьева и Каменева: фактического содержания в них нет совершенно; это агитационные речи и дипломатические ноты, а не живые человеческие документы. Но именно этим они выдают себя. И не только этим. Нужно сопоставить признания Зиновьева и Каменева в августе 1936 г. с их же признаниями и покаяниями, начиная с декабря 1927 года, чтоб установить на протяжении девяти лет своеобразную геометрическую прогрессию капитуляций, унижения, протрации. Если вооружиться математическим коэффициентом этой трагической прогрессии, то признания на процессе 16-ти предстанут перед нами как математически необходимое заключительное звено длинного ряда...

Вся эта работа анализа и критики фактической стороны судебного отчета уже произведена, отчасти опубликована (брошюры Л. Седова, В. Сержа, ряд статей и пр.). Всего этого материала более чем достаточно для того, чтоб требовать организации контрпроцесса. Авторитетная и беспристрастная следственная комиссия, действующая в обстановке полной независимости, способна будет, несмотря на противодействие ГПУ и Коминтерна, взвесить и оценить по достоинству все составные части московского процесса, т. е. все ингредиенты сталинской амальгамы. Создания такой международной комиссии мы добьемся. Уже сейчас над этой задачей работают в разных странах многие тысячи людей, в том числе видные деятели с безупречными именами. Пред лицом этой будущей комиссии мы предстанем не с пустыми руками. Мы вовсе не хотим недооценивать силы ГПУ. Дело идет для московских "вождей" о слишком большой ставке, и они не остановятся перед самыми сильнодействующими средствами (грабеж архивов в Париже - только скромное начало!)[17], чтоб помешать нам раскрыть правду. Тому или другому из нас могут физически помешать довести работу до конца. На этот счет техника ГПУ вполне стоит на высоте его злой воли. Но и физическая ликвидация еще оставшихся в живых "обвиняемых" не поможет московским Борджиа[18]. Вопрос поставлен открыто перед мировым форумом. Одно-два дополнительных убийства из-за угла лишь еще глубже всколыхнули бы общественное мнение рабочих организаций и совесть всех честных людей. Выпав из одних рук, расследование было бы подхвачено другими руками. Процесс Сталина и КО будет доведен до конца!

Этими страницами дорожного дневника я не пытаюсь заменить расследование, а хочу лишь дать к нему политическое и психологическое введение. Все, что я пишу на этих беглых, может быть, слишком беглых, страницах, настолько связано со всей моей жизнью, с мыслями и чувствами каждого дня, что мне самому очень нелегко судить, насколько убедительно то или другое соображение для читателя. Во всяком случае я стараюсь дать ему хотя бы важнейшие нити для самостоятел[ьного анализа].

15 сентября, т. е. через две с лишним недели после интернирования, я отправил своему адвокату г. Пюнтервольду[19] обширное письмо, которое привожу ниже с некоторыми сокращениями:

"1. Советское правительство не считает возможным требовать моей выдачи. Почему? Дело ведь идет об убийстве и покушениях на убийство. Заговор с моим участием ведь "доказан". Доказательства могли иметь неоспоримый и непреодолимый характер, иначе нельзя было бы расстрелять 16 человек. Почему же не предъявить эти доказательства норвежской юстиции? Этим была бы достигнута двойная выгода: 1) недоверие всего цивилизованного человечества к московскому процессу было бы устранено одним ударом; 2) я был бы выдан. Этого, однако, они не сделали. Почему? Потому что они не имеют никаких доказательств, ни даже тени их. Потому что все это дело есть хладнокровно подстроенный подлог, не способный выдержать и легкого прикосновения свободной критики Образ действий советской дипломатии (требование высылки, а не прямой выдачи) есть прикрытое, но безошибочное доказательство преступления ГПУ. Общественное мнение всего мира должно отдать себе в этом отчет.

2. Рядом со мною объявлен "виновным" и мой сын, хотя и он не был ни судим, ни даже вызван в суд. Мой сын, оказывается, подбирал этих удивительных террористов из гестапо для посылки их в Москву. Сын мой проживает во Франции. Советское правительство обратилось со своей недружелюбной йотой только к норвежскому правительству, но не к французскому. Почему? Не потому ли, что Франция больше? Но разве юстиция измеряется квадратными километрами? Или потому, что Москва находится в союзе с Парижем? Или, наоборот, потому что со стороны французского правительства она опасалась более энергичного отпора? В разбор этих вопросов я не вхожу. Я констатирую лишь в высшей степени важный факт: Москва попыталась оказать открытое давление только на норвежское правительство.

Что касается двух нот норвежского правительства, то они интересуют меня здесь, разумеется, не с политической, а с юридической точки зрения. Москва говорит по существу: Троцкий организовал террористические акты, мы требуем его высылки из Норвегии. На это норвежское правительство отвечает: "Но ведь мы его уже интернировали!" Фальсификаторы, в которых недостатка нет, могут истолковать этот ответ так, как если [бы норвежское правительство интернировало меня из-за террористических актов... В действительности же паспортная контора и норвежское правительство обвиняют меня не в том, что я, в союзе с гестапо, хочу опрокинуть русские Советы посредством террористических актов, а в том, что я, посредством своих статей и писем, хочу помочь рабочим массам Франции учредить французские Советы. Иначе сказать, норвежское правительство интернировало меня по обвинению в том, что я веду литературную работу в духе и смысле Четвертого Интернационала. Установление этого обстоятельства имеет важнейшее значение для противодействия ложным и клеветническим истолкованиям причин нашего (моего и моей жены) интернирования.

Последняя нота советского правительства гласит, что норвежское правительство несет отныне "полную ответственность за дальнейшее пребывание Троцкого в Норвегии". Эти слова можно было бы расценивать как пустую дипломатическую фразу для прикрытия отступления. По моему мнению, такая оценка была бы ложна. Московский процесс, если взять его в зеркале мирового общественного мнения, есть страшное фиаско. Но ведь 16 человек все же убиты! Правящая клика не может перенести это фиаско.

Как после крушения первого кировского процесса (январь 1935 г.) она вынуждена была подготовить второй, так и теперь, для поддержания своих обвинений против меня, она не может не открывать новые "покушения", "заговоры" и пр. Более того она должна позаботиться и о том, чтоб перенести операционную базу моего "терроризма" из Копенгагена в Осло (или даже Sundby).

В этой связи необходимо спросить себя: почему ГПУ столь неудачно уцепилось за Копенгаген, где мы провели всего только 8-9 дней? Ведь гораздо осторожнее было бы перенести мои "террористические" свидания в Турцию, где мы прожили четыре с половиной года. Объяснение напрашивается само собою: Копенгаген нужен был как параллель к Осло, как средство давления на норвежское правительство. С этой "параллелью" они, как вы знаете, скандально провалились. Не остается, значит, ничего другого, как исправить этот провал при помощи новой амальгамы. Возвещаются новые процессы. Новые провокаторы творят свою работу.

Как может, однако, ГПУ создать какую-либо "норвежскую" амальгаму? Этого я не знаю. Само ГПУ этого, может быть, еще не знает. Дело во всяком случае не легкое. Но оно должно быть выполнено, так как ставка "вождя" слишком велика. Я ограничусь поэтому здесь чисто гипотетическими соображениями:

а) среди 16-ти казненных не было ни одного "троцкиста": все они, если оставить в стороне агентов-провокаторов, капитулировали уже в 1928-29 гг. и с того времени открыто и резко боролись против меня. Этих людей ГПУ могло месить, как тесто. В Советском Союзе имеются, однако, действительные "троцкисты": тысячи их находятся в тюрьмах и ссылке. Эти люди не подходили для амальгам ГПУ. Их оставили поэтому в стороне. Теперь, однако, после процессов и казней, все они попадут под дуло ультиматума: либо раскаянье и "признание", либо смерть. Возможно, что часть дрогнет под этим адским давлением и будет применена для новой судебной инсценировки.

б) Расстрел 16-ти, самоубийство, аресты новых тысяч, пытка голодом десятков тысяч, травля - все это может вызвать у известной части молодежи действительные террористические тенденции. Так всегда бывало в старой России. Так может случиться и на этот раз. Как в деле Кирова, ГПУ будет изо всех сил раздувать каждый террористический огонек. На этом пути можно избавиться мимоходом от какого-нибудь неудобного сановника и построить на этом новый, совсем свеженький процесс против троцкистов. Искусство ГПУ сведется в данном случае к тому, чтобы найти Ольбергов, Берманов-Юриных и пр., которые получили свои директивы прямехонько из Осло... Кто знает? Агент ГПУ может заявиться к вам, г. адвокат, чтобы самым дружественным образом справиться о моем здоровье, а затем этот негодяй заявит на новом процессе, что через посредство адвоката Пюнтервольда он получил химически написанные террористические инструкции, которые он затем, разумеется, "из предосторожности", сжег. Чтоб украсить свои показания, он может украсть с вашего стола парочку даже и таких "вещественных доказательств"!

б. Кто-нибудь скажет: после опыта 16-ти, которые все поплатились жизнью, никто не пойдет больше на такого рода сделку. Иллюзия! Процесс 16-ти не первый в своем роде и не последний. ГПУ не оставляет своим жертвам большого выбора. Упорствующим господа инквизиторы говорят: "Тех мы расстреляли, так как они были действительно террористами, но вы ведь не виновны, и вам нечего бояться..." И все идет дальше своим чередом.

Потому я и говорю: если сталинская клика совершила на дипломатическом пути некоторое тактическое отступление (ничего другого ей в данный момент и не оставалось),

то только для того, чтоб тем лучше подготовить стратегическое наступление. В этом и состоит дерзкое предупреждение насчет "ответственности" норвежского правительства".

Я просил адвоката копию этого письма переслать правительству, другую копию вручить печати. Таким образом, я хотел хоть отчасти затруднить инсценировку новых амальгам. Но находчивое "социалистическое" (просят не забывать!) правительство конфисковало письмо по дороге к адвокату и не позволило ему даже снять копию для моего архива. К счастью, у меня сохранился черновой набросок... Иногда я спрашиваю себя: кто играл за последние полгода в моей судьбе более отталкивающую роль: "вождь народов" Сталин или социалистический премьер Нигорсвольд? Не будем себе, однако, ломать голову над этим вопросом...

* * *

Инструкция мексиканскому консулу в Осло гласила: сообщить в дискретной форме Троцкому или его адвокату, что Троцкий может получить визу, если пожелает. Я заявил: немедленно и с благодарностью обращусь за визой, как только согласую с друзьями вопрос об условиях переезда. Правительство отказало в свидании с друзьями и получило визу само. Как? Об этом я узнаю только в Мексике. Но виза не действительна без моей подписи. Я дам ее, когда будут обеспечены мне и моей жене элементарные интересы при высадке. Мы не можем и не хотим очутиться на незнакомой нам пристани без друзей, без языка и вдобавок без денег (норвежское правительство не выдало нам наши деньги на руки, а обещало их переслать в Мексику). "Капитан сообщил обо всем этом нашему консулу в Тампико, - ответил офицер, - но в таком случае мы и вопрос о револьверах отложим до завтра". Он взял со стола револьверы и разорвал уже выданную мною расписку [в их получении]. Маленькая буря в стакане воды, вернее, последний всплеск бурь в Осло и в Sundby.. Капитан (формулировал с моей помощью телеграмму в Тампико. Посмотрим, что принесет завтрашний ответ.

8 января [1937 г.]

Из-за нездоровья пришлось прервать работу. Едем на Тампико. Положение с высадкой остается неопределенным. Об ответе норвежского консула нам ничего не говорят. В то же время танкер со вчерашнего вечера убавил ход, чтоб прибыть в Тампико не сегодня вечером, а завтра утром. Путь займет, следовательно, почти 21 сутки. При замедленном ходе танкер дрожит, точно от сдерживаемого нетерпения. Писать (трудно. Закончить работу придется уже на суше.

Только что приходил полицейский офицер. Правительство из Осло сообщает ему на основании американских газет, что из Соединенных Штатов прибывает в Мексику "один из друзей Троцкого, Новак[21], для принятия мер личной безопасности". От консула в Тампико получено пока лишь предложение прибыть не вечером, а утром. Полицейский выражает надежду, что все будет all right[22]... Воспользовавшись замедленным ходом судна, моряки спустили в воду большой крюк с мясной наживой для акулы.

Показания Троцкого об отбытии из Норвегии[23]

Мы с женой выехали из Норвегии, после 4-месячного интернирования, на танкере "Руфь". Организация поездки принадлежала норвежским властям. Подготовка была произведена в совершенной тайне. Норвежское правительство, насколько я понимаю, опасалось, как бы танкер не стал жертвой моих политических противников. Путешествие продолжалось почти 20 дней. Танкер шел без всякого груза, если не считать 2 000 тонн морской воды. Погода нам чрезвычайно благоприятствовала. Со стороны капитана танкера и всего вообще экипажа мы не встречали ничего, кроме внимания и доброжелательности. Им всем моя жена и я выражаем здесь искреннюю благодарность. Во время пути я получил от американских агентств и газет радиogramмы с просьбой ответить на ряд вопросов. Я не мог, к сожалению, выполнить этой просьбы, так как норвежское правительство, считая себя призванным охранять Соединенные Штаты и другие страны от моих идей, отказало мне в праве пользоваться радио танкера. Я не мог даже снестись с американскими друзьями по чисто практическим вопросам самой поездки. Для контроля нас сопровождал старший полицейский офицер. Из Норвегии мы увезли чувства искренней симпатии и уважения к норвежскому народу. Что касается так называемого социалистического норвежского правительства, то единственным объяснением его поведения является дипломатическое и коммерческое давление извне. Является ли этот факт оправданным, я здесь говорить не буду. Я надеюсь высказаться по этому вопросу вскоре с необходимой подробностью. Официальным мотивом моего интернирования явилась моя открытая литературная деятельность за пределами Норвегии, в частности и в особенности моя статья о французских делах в нью-йоркском еженедельнике Nation. Как это ни невероятно, но это так! Что касается моей жены, то она была интернирована даже без попытки объяснения.

Во время нашего заключения я особым исключительным законом лишен был права привлекать клеветников к судебной ответственности и вообще предпринимать какие бы то ни было шаги для опровержения чудовищных обвинений. К счастью, сын мой, Leon Sedoff, проживающий в Париже, успел выпустить за это время "Livre rouge sur proces de Moscou". На стр. 125 этой книжки собраны совершенно неопровержимые материалы для раскрытия московских фальсификаций.

Готовность мексиканского правительства предоставить нам право убежища мы встретили с тем большей благодарностью, что беспримерный образ действий норвежского правительства чрезвычайно затруднял получение визы в какой-либо другой стране. Мексиканское правительство может не сомневаться, что я ни в чем решительно не нарушу тех условий, которые мне поставлены и которые вполне совпадают с моими собственными намерениями: полное и абсолютное невмешательство в мексиканскую политику и столь же полное воздержание от каких бы то ни было актов, способных нарушить дружественные отношения Мексики с другими странами. Что касается моей литературной деятельности в мировой печати, всегда за моей подписью и ответственностью, то она нигде до сих пор не вызывала каких бы то ни было легальных -преследований. Не будет вызывать, надеюсь, и впредь.

За двадцать дней путешествия я привел в порядок те показания, какие я давал в течение четырех часов перед норвежским судом в качестве свидетеля по делу о ночном нападении группы норвежских фашистов на мои архивы (5 авг[уста] 1936 г.). Мои показания касались не только самого нападения, не только моей политической деятельности и причин и условий моего интернирования, но и московского процесса 16-ти (Зиновьев и др.) и выдвинутого против меня лично чудовищного обвинения в организации террористических

актов в союзе с гестапо. Я присоединил к этим показаниям, данным мною под судебной присягой, обширный комментарий, характеризующий подготовку последних московских процессов, личность главных подсудимых, методы извлечения добровольных признаний и т. д. Эта книжка, которая выйдет вскоре на разных языках[24], облегчит, как я надеюсь, широким кругам читателей понимание того, где именно следует искать преступников: на скамьях обвиняемых или на скамьях обвинителей. Я всемерно подчеркиваю выдвинутое выдающимися и безупречными деятелями политики, науки и искусства разных стран требование о создании международной следственной комиссии для рассмотрения всех материалов и данных относительно последних советских процессов. В распоряжение такой комиссии я охотно предоставлю свои обширные архивные материалы.

Что касается моих дальнейших планов, то пока я могу сказать о них немного. Я хочу ближе познакомиться с Мексикой, вообще с Латинской Америкой, так как в этой области мои познания особенно недостаточны. Я намерен возобновить свои занятия испанским языком, прерванные свыше 20 лет тому назад. Из литературных задач на первом месте стоит окончание биографии Ленина: "болезнь, затем интернирование прервали эту работу на полтора года. В нынешнем году я надеюсь закончить ее[25].

Я покинул Европу, раздираемую ужасающими противоречиями и потрясаемую предчувствием новой войны. Этой всеобщей тревожностью объясняется возникновение бесчисленных панических и ложных слухов, распространяющихся по разным поводам, в том числе и по поводу меня. Мои враги искусно пользуются против меня этой атмосферой общей тревоги. Они продолжают, несомненно, свои усилия и в Новом Свете. На этот счет я не делаю себе никаких иллюзий. Моей защитой остается моя постоянная готовность представить общественному мнению открытый отчет о моих взглядах, планах и действиях. Я твердо надеюсь на беспристрастие и: объективность лучшей части печати Нового Света.

По поводу смерти Льва Седова[26]

Рана еще слишком свежа, и мне трудно еще говорить, как о мертвом, о Льве Седове, который был мне не только сыном, но и лучшим другом. Но есть один вопрос, на который я обязан откликнуться немедленно: это вопрос о причинах его смерти. Должен сказать с самого начала, что в моем распоряжении нет никаких прямых данных, которые позволяли бы утверждать, что смерть Л. Седова есть дело рук ГПУ. В телеграммах, полученных моей женой и мною из Парижа от друзей, нет ничего больше того, что заключается в сообщениях телеграфных агентств. Но я хочу дать некоторые косвенные сведения, которые могут, однако, иметь серьезное значение для судебного следствия в Париже.

Неверно, будто сын страдал хронической болезнью кишечника. Сообщение об этой болезни явилось для матери и для меня полной неожиданностью. Неверно, будто он тяжело болел в течение нескольких последних недель. В моих руках - последнее полученное мною от него письмо, от 4 февраля. В письме, очень оптимистическом по тону, ни слова не говорится о болезни. Из письма видно, наоборот, что Л. Седов развивал в те дни очень большую активность, особенно в связи с предстоящим процессом убийц Рейсса[27] в Швейцарии, к собирався продолжать ее.

Смерть Л. Седова последовала, видимо, в ночь с 15 на 16. Между письмом и смертью протекло, таким образом, всего 11 дней. Другими словами, заболевание имело полностью характер внезапности.

Нет, разумеется, основания сомневаться в беспристрастности судебно-медицинской экспертизы, каковы бы ни были ее заключения. Не будучи специалистом, я позволю себе, однако, указать на одно важное обстоятельство: если допустить отравление, то нужно помнить, что дело идет не об обыкновенных отравителях. В распоряжении ГПУ имеются столь исключительные научные и технические средства, что задача судебно-медицинской экспертизы может оказаться более чем трудной. Каким образом ГПУ могло найти доступ к сыну? И здесь я могу ответить только гипотетически. За последний период было несколько случаев разрыва агентов ГПУ с Москвой. Все порывавшие, естественно, искали связи с сыном, и он - с тем мужеством, которое отличало его во всех его действиях, - всегда шел таким свиданиям навстречу. Не было ли, в связи с этими разрывами, какой-либо западни? Я могу только выдвинуть это предположение. Проверить его должны другие.

б) Французская коммунистическая печать уделяла Льву Седову много внимания, разумеется, враждебного. Однако о смерти его ни одна из коммунистических газет не поместила ни строки (см. телеграммы из Парижа). Совершенно так же было и после убийства Игнатия Рейсса в Лозанне. Такого рода "осторожность" становится особенно многозначительной, если принять во внимание, что в острых для Москвы вопросах французская печать Коминтерна получает непосредственные инструкции от ГПУ через старого агента ГПУ Жака Дюкло и других.

Я ничего не утверждаю. Я только сообщаю факты и ставлю вопросы.

18 февраля, час пополудни, 1938 г.

Койоакан Л. Троцкий

Телеграмма для прессы[28]

Всем многочисленным друзьям, которые в течение этой черной недели поддержали нас своим сочувствием, мы выражаем самую глубокую и искреннюю благодарность.

23 февраля 1938 г. Наталья Седова

Койоакан Лев Троцкий

Процесс Бухарина

Мы живем с женой эти дни так же, как жили всегда, только под гнетом самой большой утраты, какую нам пришлось пережить. Рабочий день начинается с чтения телеграмм о московском процессе. Несмотря на все, мы не разучились ни изумляться, ни возмущаться. Я сажусь за писание очередных статей и заявлений. Жена и мои молодые сотрудники разыскивают материалы и документы. Почта приносит нам каждое утро многочисленные письма сочувствия со всех концов света. Не уменьшая нашего горя, письма дают нравственное удовлетворение. Звонки телефонов. Мои сотрудники записывают со слов журналистов последние новости о процессе. Мы переглядываемся с усталым изумлением по поводу показаний несчастных подсудимых. Мои статьи и заявления переводятся тем временем на иностранные языки. Каждая дата и цитата тщательно проверяются. Из Нью-Йорка прибывает по воздушной почте "Нью-Йорк Таймс". Мы читаем телеграммы из Москвы, уточняем детали в статьях. Наступает вечер. Статьи отправлены на телеграф. Отдых состоит в воспоминаниях о сыне, жизнь которого так неразрывно была связана с нашей

жизнью за последние три десятилетия. Ночь и снова день. Нас поддерживает мысль, что мы продолжаем служить делу, которому служили всю жизнь.

8 марта 1938 г.

Этапы сталинской историографии[29]

- 1) 25 окт. 1918 г. - статья Сталина. Смысл ее: не думайте, что один Троцкий, и другие принимали участие.
- 2) Троцкий дрался хорошо, но дрались и другие.
- 3) Никакой особой роли Троцкий не играл.
- 4) Троцкий был противником восстания (это последняя статья). Достоверность утверждений Сталина обратно пропорциональна квадрату времени.

Дополнительное заявление

Г-н судебный следователь![30]

В дополнение к моему заявлению от 19 июля[31] я имею честь присовокупить нижеследующие соображения:

Я советовался с компетентными врачами. Ни один из них не может, разумеется, рискнуть противопоставить заочную экспертизу экспертизе высококвалифицированных французских специалистов, оперировавших над трупом. Однако врачи, с которыми я совещался, единодушно находят, что ход болезни и причины смерти не выяснены следствием с той необходимой полнотой, которой требуют исключительные обстоятельства данного дела.

Ярче всего неполнота следствия подтверждается поведением хирурга, г-на Тальгеймера. Он отказался давать объяснения, сославшись "а "профессиональную тайну". Закон дает такое право врачу. Но закон не обязывает врача пользоваться этим правом.

Чтоб укрыться за профессиональную тайну, у врача должен быть, в данном случае, налицо исключительный интерес. Каков же интерес г-на Тальгеймера? Не может быть и речи в данном случае об охране тайны самого врача. В чем же может состоять эта тайна? У меня нет никакого основания подозревать г-на Тальгеймера в преступных действиях. Но совершенно очевидно, что если бы смерть Седова естественно и неизбежно вытекала из характера его болезни, то у хирурга не могло бы быть ни малейшего интереса или психологического побуждения отказываться от дачи необходимых разъяснений. Укрываясь за профессиональную тайну, г-н Тальгеймер говорит этим самым: в ходе болезни и в причинах смерти есть особые обстоятельства, выяснению которых я не желаю содействовать. Никакого другого толкования поведению г-на Тальгеймера дать нельзя. Рассуждая чисто логически, нельзя прийти к выводу, что к ссылке на профессиональную тайну врач мог, в данных обстоятельствах, прибегнуть в одном из следующих трех случаев:

- а) если б он был заинтересован в сокрытии собственного преступления;
- б) если б он был заинтересован в сокрытии собственной небрежности;
- в) если б он был заинтересован в сокрытии преступления или небрежности своих коллег, сотрудинок и прочее.

Демонстративное молчание г-на Тальгеймера само по себе уже указывает программу следствия: надо во что бы то ни стало раскрыть те обстоятельства, которые побудили

хирурга укрыться за профессиональную тайну.

Неясными, недостаточными и отчасти противоречивыми являются показания владельца клиники д-ра Симкова. Знал или не знал он, кто таков его пациент? Этот вопрос не раскрыт совершенно. Седов был принят в клинику под именем "Мартэн, французский инженер". Между тем д-р Симков разговаривал с Седовым в клинике по-русски. Именно благодаря этому сиделка Эйсмон узнала, по ее словам, что Мартэн - русский или владеющий русским языком. Запись Седова под чужим именем была сделана, как отмечают сами документы следствия, в целях безопасности. Знал ли об этих целях д-р Симков? И если знал, то почему обращался к больному по-русски в присутствии сиделки Эйсмон? Если он делал это по неосторожности, то не проявил ли он ту же неосторожность и в других случаях?

Д-р Жирмунский, директор клиники, считался, по сведениям полиции, "сочувствующим большевиком". Это в наши дни очень определенная характеристика. Она означает: друг кремлевской бюрократии и ее агентуры. Жирмунский заявил, что о действительной личности больного он узнал только накануне его смерти от г-жи Молинье. Если принять эти слова на веру, то придется заключить, что г-н Симков, который предупредил по телефону Жирмунского о прибытии больного заранее, скрывал от своего ближайшего сотрудника действительную личность "французского инженера Мартэна". Вероятно ли это? При сестре Эйсмон Симков, как уже сказано, разговаривал с больным по-русски. Жирмунский знает русский язык. Или же у Симкова были специальные причины остерегаться Жирмунского? Какие именно?

"Сочувствующий большевиком" - это очень определенная характеристика. Следствие явно останавливается здесь на полдороге. В условиях русской эмиграции такое "сочувствие" не остается, в наши дни, платоническим. "Сочувствующий" становится обычно во враждебное отношение к белой эмиграции. Из каких рядов почерпал г-н Жирмунский своих клиентов? Общается ли он с кругами советского посольства, торгпредства и проч. ? Если да, то в круг его клиентов входят, несомненно, наиболее ответственные агенты ГПУ.

О политических симпатиях владельца клиники, г-на Симкова, в документах не сказано почему-то ничего. Это серьезный пробел. Тесное сотрудничество Симкова с Жирмунским заставляет пред полагать, что и г-н Симков не враждебен советским кругам, и, возможно, имеет в этой среде связи. Какие именно?

Д-р Симков является сотрудником медицинского издания "Эвр Ширужикаль Франко-Рюсс". Какой характер носит это издание: является ли оно делом блока французских врачей и советского правительства, или же, наоборот, от имени русской медицины выступают белые эмигранты? Этот вопрос остался без всякого освещения. Между тем не только полиция, но и младенцы знают, что под прикрытием всякого рода медицинских, юридических, литературных, пацифистских и иных организаций и изданий ГПУ создает свои укрепленные пункты, которые служат ему, особенно во Франции, для безнаказанного совершения преступлений.

Нельзя не упомянуть здесь об одном в высшей степени важном обстоятельстве, на которое я позволяю себе обратить ваше особое внимание, г-н судья. Г-н Симков имел, как известно, несчастье потерять в этом году двух сыновей, ставших жертвой обвала. В тот период, когда действительная судьба мальчиков оставалась еще загадочной, г-н Симков в одном из интервью, данных им французской печати, заявил, что если его сыновья похищены, то это могло быть сделано только "троцкистами" как месть за смерть Седова.

Эта гипотеза поразила меня в свое время своей чудовищностью. Я должен прямо сказать,

что такое предположение могло прийти в голову либо человеку, совесть которого не была вполне спокойна; либо человеку, который враждует в смертельно враждебных мне и Седову политических кругах, где агенты ГПУ могли прямо натолкнуть мысль несчастного отца на фантастическое и возмутительное предположение. Но если у г-на Симкова существуют дружественные отношения с теми кругами, которые систематически занимаются физическим истреблением "троцкистов", то нетрудно допустить и то, что эти дружественные отношения могли быть, и даже без ведома г-на Симкова, использованы для преступления против Седова.

В отношении персонала клиники, начиная с г-на Жирмунского, полицейское расследование неизменно повторяет формулу о "непричастности" этих лиц к активной политической деятельности, считая, видимо, что это обстоятельство освобождает от необходимости дальнейшего расследования. Такой взгляд является заведомо фальшивым. Дело идет вовсе не об открытой политической деятельности, а о выполнении наиболее секретных и преступных заданий ГПУ. Агенты такого рода, подобно военным шпионам, разумеется, не могут компроментировать себя участием в агитации и пр.; наоборот, в интересах конспирации они ведут в высшей степени мирный образ жизни. Однообразные ссылки на "неучастие" всех допрошенных в активной политической борьбе свидетельствовали бы о чрезвычайной наивности полиции, если бы за ними не скрывалось стремление уклониться от серьезного расследования.

10. Между тем, г-н судья, без очень серьезного, напряженного и смелого расследования преступлений ГПУ раскрыть нельзя.

Для того, чтобы дать приблизительное представление о методах и нравах этого учреждения, я вынужден привести здесь цитату из официального советского журнала "Октябрь" от 3-го марта этого года. Статья посвящена театральному процессу, по которому был расстрелян бывший начальник ГПУ Ягода. "Когда он оставался в своем кабинете, - говорит советский журнал об Ягоде, - один или с холопом Булановым, он сбрасывал свою личину. Он проходил в самый темный угол этой комнаты и открывал свой заветный шкаф. Яды. И он смотрел на них. Этот зверь в образе человека любовался склянками на свет, распределял их между своими будущими жертвами"³². Ягода есть то лицо, которое организовало мою, моей жены и нашего сына высылку за границу; упомянутый выше в цитате Буланов сопровождал нас из Центральной Азии до Турции как представитель власти. Я не вхожу в обсуждение того, действительно ли Ягода и Буланов были повинны в тех преступлениях, в которых их сочли нужным официально обвинить. Я привел цитату лишь для того, чтоб охарактеризовать словами официального издания обстановку, атмосферу и методы деятельности секретной агентуры Сталина. Нынешний начальник ГПУ Ежов³³, прокурор Вышинский и их заграничные сотрудники несколько, разумеется, не лучше Ягоды и Буланова.

Ягода довел до преждевременной смерти одну из моих дочерей, до самоубийства - другую. Он арестовал двух моих зятей, которые потом бесследно исчезли. ГПУ арестовало моего младшего сына, Сергея, по невероятному обвинению в отравлении рабочих, после чего арестованный исчез. ГПУ довело своими преследованиями до самоубийства двух моих секретарей: Глазмана и Бутова, которые предпочли смерть позорящим показаниям под диктовку Ягоды. Два других моих русских секретаря, Познанский и Сермукс, бесследно исчезли в Сибири. В Испании агентура ГПУ арестовала моего бывшего секретаря, чехословацкого гражданина Эрвина Вольфа^[34], который исчез бесследно. Совсем недавно

ГПУ похитило во Франции другого моего бывшего секретаря Рудольфа Клемента. Найдет ли его французская полиция? Захочет ли она его искать? Я позволяю себе в этом сомневаться. Приведенный выше перечень жертв охватывает лишь наиболее мне близких людей. Я не говорю о тысячах и десятках тысяч тех, которые погибают в СССР от рук ГПУ в качестве "троцкистов".

В ряду врагов ГПУ и намеченных им жертв Лев Седов занимал первое место, рядом со мною. ГПУ не спускало с него глаз. В течение по крайней мере двух лет бандиты ГПУ охотились за Седовым во Франции как за дичью. Факты эти незыблемо установлены в связи с делом об убийстве И. Рейсса. Можно ли допустить хоть на минуту, что ГПУ потеряло Седова из виду во время его помещения в клинику и упустило исключительно благоприятный момент? Допускать это органы следствия не имеют права.

Нельзя без возмущения читать, г-н судья, доклад судебной полиции за подписями Hauget и Voilet. По поводу подготовки серии покушений на жизнь Седова доклад говорит: "По-видимому, его политическая деятельность действительно составляла предмет достаточно тесного наблюдения со стороны его противников". Одна эта фраза выдает судебную полицию с головой?! Там, где дело идет о подготовке во Франции убийства Седова, французская полиция говорит о "достаточно тесном наблюдении со стороны анонимных противников" и прибавляет словечко "по-видимому". Г-н судья, полиция не хочет раскрытия истины, как она ее не раскрыла в деле похищения моих архивов, как она ничего не раскрыла в деле похищения Рудольфа Клемента. ГПУ имеет во французской полиции и над ней могущественных сообщников. Миллионы червонцев расходятся ежегодно на то, чтоб обеспечить безнаказанность сталинской мафии во Франции. К этому надо еще прибавить соображения "патриотического" и "дипломатического" порядка, которыми с удобством пользуются убийцы, состоящие на службе Сталина и орудующие в Париже как у себя дома. Вот почему следствие по делу о смерти Седова носило и носит фиктивный характер.

24 августа 1938 г.

Койоакан Л. Троцкий

ПИСЬМО МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ ФРАНЦИИ

7 февраля 1939 г.

Милостивый государь г. министр!

Если я позволю себе утруждать Ваше внимание по личному делу, то не потому, конечно, что оно имеет исключительное значение для меня - этого было бы совершенно недостаточно, - а потому, что оно входит в область Вашего ведения. Дело идет о моем тринадцатилетнем внуке Всеволоде Волкове, который проживает в настоящее время в Париже и которого я хочу перевезти к себе в Мексику, где в настоящее время проживаю сам. История этого ребенка в кратких словах такова: в 1931 г. он прибыл из Москвы со своей матерью, моей родной дочерью Зинаидой, по мужу Волковой, которая, с разрешения советского правительства проделывала за границей курс лечения от туберкулеза. Именно в этот период советские власти лишили меня, а заодно и мою дочь, прав советского гражданства. Паспорт был у дочери отнят, когда она явилась в советское консульство в Берлине. Оторванная от остальных членов семьи, Зинаида Волкова кончила самоубийством такого-то числа. Всеволод оставался в семье моего сына Льва Седова, который проживал в то время в Берлине вместе со своей подругой, французской гражданкой Жанной Молинье. После прихода Гитлера к власти сын оказался вынужденным переселиться в Париж вместе с Жанной Молинье и с мальчиком. Как Вы, может быть, осведомлены, г. министр, сын мой умер 16 февраля 1938 г. при обстоятельствах, которые продолжают оставаться для меня загадочными. С того времени мальчик оставался в руках госпожи Жанны Молинье.

Юридическое положение Всеволода Волкова таково:

Мать его, как уже сказано, умерла. Отец его, проживавший в СССР, уже около пяти лет как исчез бесследно. Так как он участвовал в свое время активно в оппозиции, то не может быть ни малейших сомнений, что он погиб во время одной из "чисток". Советские власти считают, несомненно, Всеволода Волкова лишенным прав гражданства. Ждать каких бы то ни было справок или документов с их стороны было бы совершенно иллюзорно.

Единственным кровным родственником Всеволода, моего законного внука, остаюсь я, нижеподписавшийся. Если факт этот нелегко при нынешних условиях доказать официальными документами, то его можно без труда установить (если вообще необходима проверка) десятками свидетельских показаний со стороны французских граждан, прекрасно осведомленных о моем семейном положении. В приложении к этому письму я даю перечень известного числа таких граждан.

Никаких других кровных или сводных родственников во Франции или в какой-либо другой стране мира у Всеволода Волкова нет. Г-жа Жанна Молинье не находится с ним в родстве, ни в свойстве. Я предлагал Жанне Молинье, на руках которой находится сейчас Всеволод, прибыть с ним в Мексику. По причинам личного характера она от этого отказалась. Так как я сам не имею возможности прибыть во Францию, то я вынужден организовать переселение моего внука через посредство третьих лиц. Представителем моих интересов в этом вопросе является метр Жерар Розенталь.

Очень простое и совершенно бесспорное в своей фактической основе дело может, однако, ввиду указанного выше переплета обстоятельств, представиться в высшей степени

сложным юридически, так как у Всеволода Волкова нет никаких бумаг, которые доказывали бы все изложенные выше факты. При чисто бюрократическом подходе дело такого рода может затянуться на неопределенно долгий срок. Ваше авторитетное вмешательство, г. министр, способно разрубить запутанный узел в 24 часа.

Именно это и заставляет меня утруждать Ваше внимание.

Прошу Вас, г. министр, принять уверения в моих искренних чувствах.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ "НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС"35

Милостливый государь господин редактор!

25 ноября в Вашей газете напечатано письмо г. Гамильтона, которое начинается со слов "Л. Троцкого письмо в Нью-Йорк Таймс" полно недоказанными инсинуациями". Это очень серьезное обвинение и т. д. Вы позволите мне, надеюсь, доказать, что оно ложно, не попутно обнаружить какими недостойными методами Москва и ее агенты вводят в заблуждение значительную часть общественного мнения всего мира. Данный повод особенно благоприятен, так как теоретический и политический вопрос, затронутый в моем письме, сам по себе представляет огромный интерес для всякого мыслящего человека, независимо от идеологического направления, и так г. Гамильтон - по неведению или по неосторожности - нажал на клапан, особенно неприятный богатыми сюрпризами как для него самого, так и для его подзащитного Сталина. В моем письме заключалось утверждение, что Ленин и вся большевистская партия без единого исключения считали невозможным построение социалистического общества в отдельной стране, тем более столь отсталой, как Россия; и что Сталин только в конце 1924 г. совершил в этом вопросе поворот в 180°, объявив свой собственный вчерашний взгляд "контрреволюционным троцкизмом". Политическая причина поворота Сталина состояла в том, что советская бюрократия успела к этому времени построить свой собственный "социализм", т. е. прочно обеспечить свою власть и благополучие... в отдельной стране. Вопрос этот давно уже вышел за пределы внутренних споров в марксизме. Нельзя понимать ни эволюцию правящей партии СССР, ни характера нынешней советской власти и ее международной политики, если не отдать себе ясный отчет в том, как и почему Сталин порвал с традицией большевизма в вопросе о международном характере социалистической революции. Чтобы доказать, что никакого разрыва не было, г. Гамильтон приводит следующую цитату из статьи Ленина, написанной в 1-915 г. [:].

"Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств".

Эти строки выражают ту элементарную мысль, что социалистическая революция не может возникнуть в одно и то же время во всех странах мира, а должна неизбежно начаться "сперва" (first или in the beginning) в немногих или даже в одной стране. Под "победой социализма" Ленин понимает здесь, как видно из всей цитаты, завоевание власти пролетариатом и национализацию средств производства, а отнюдь не построение изолированного социалистического общества. Наоборот, Ленин прямо говорит, что завоевание власти должно дать в руки пролетариата средства для развития революции в

международном масштабе. Весь аргумент Гамильтона, как и его московских учителей, опирается на отождествление победы социалистической революции с построением социалистического общества. Это грубый софизм! Октябрьскую революцию мы не раз называли "победой социализма". Но мы видели в ней лишь начало исторической эпохи, которая должна преобразовать человеческое общество в международном масштабе.

Разве не поразительно, в самом деле, что по вопросу о построении социализма в отдельной стране Гамильтон не находит ничего, кроме ложно истолкованной цитаты 1915 года. Власть была завоевана большевиками в 1917 году. За пять лет, в течение которых Ленин стоял во главе советской страны, он несчетное число раз в статьях и речах высказывался об условиях осуществления социалистического общества. В своей "Истории русской революции" я привожу десятки высказываний Ленина (за годы 1917-1923). Позвольте привести здесь немногие из них: "Русский пролетариат не может одними своими силами победоносно завершить социалистическую революцию. Но он может.. облегчить обстановку для вступления в решительные битвы своего главного, самого надежного сотрудника, европейского и американского социалистического пролетариата". 23 апреля 1918 года Ленин говорил на заседании московского Совета: "Наша отсталость двинула нас вперед, и мы погибнем, если не сумеем удержаться до тех пор, пока мы не встретим мощную поддержку со стороны восставших рабочих других стран". В 1921 году он говорит на съезде партии (стр. 448)[36]: "В России мы имеем меньшинство рабочих в промышленности и громадное большинство мелких земледельцев. Социальная революция в такой стране может иметь окончательный успех лишь при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах..." В третью годовщину Октябрьского переворота Ленин говорит (стр. 450): "... Наша ставка была ставкой на международную революцию, и эта ставка безусловно была верна... Мы всегда подчеркивали, что в одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция, нельзя" ... В феврале 1921 года Ленин заявил на съезде рабочих швейной промышленности: "Мы всегда и неоднократно указывали рабочим, что коренная, главная задача и основное условие нашей победы есть распространение революции, по крайней мере, на несколько наиболее передовых стран". Я ограничиваюсь этими немногими цитатами не потому, что они самые яркие, - далеко нет! - а потому, что самые короткие. Г. Гамильтон ссылается на то, что цитата Ленина 1915 года мне известна и что я, следовательно, сознательно скрываю ее от читателей New York Times. Но делов том, что мне известна не только эта цитата, но все вообще произведения Ленина и весь ход его мыслей. Ложно истолкованная цитата 1915 г. составляет единственный капитал Кремля и его агентов. Дело дошло до того, что прокурор Вышинский включил в обвинительный акт против меня и других эту цитату. Она составляла поэтому предмет особого разбирательства со стороны комиссии доктора Джона Дьюи[37].

Можно не соглашаться с Д. Дьюи и его сотрудниками в области философии и политики: таково именно мое положение. Но вряд ли есть на свете здравомыслящий человек, который посмел бы отрицать исключительную интеллектуальную честность Дьюи, не говоря уже об его способности анализа текстов. Его сотрудники Эдвард, Антворт Росс, Джон Чемберлен, Сюзар, Лафолет³⁸ и другие являются сплошь людьми высокой умственной и моральной квалификации. Более авторитетного исследования, особенно для американского общественного мнения, нельзя себе представить. Послушаем заключение комиссии: "Статья Ленина (1915) .. Может быть понята в том смысле, что социализм может быть окончательно установлен в отдельной стране только в том случае, если выпустить ближайшие выражения

"первоначально" и вырвать цитату из контекста ... во-вторых, Троцкий и Ленин были солидарны в основном, что социалистическая революция может начаться на национальной основе, но закончиться интернационально". И далее: "Тщательное изучение относящегося исторического материала убедило комиссию, что действительный взгляд Ленина на этот вопрос был таков, что социалистическая революция может восторжествовать первоначально в отдельной стране, но не может быть в дальнейшем успешной без помощи победоносных социалистических революций в других странах..."

Г. Гамильтон только повторил давно разоблаченную фальсификацию прокурора Вышинского. Инициатива фальсификации принадлежала, однако, не Вышинскому, а Сталину. В апреле 1924 г. в брошюре "Основы ленинизма" Сталин писал: "... свернуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране - писал он в своих "Вопросах ленинизма" - еще не значит обеспечить полную свободу социализма. Главная задача социализма - организация социалистического производства - остается еще впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны - об этом говорит нам история нашей революции. Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны как Россия уже не достаточно - для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран" ... Изложение этих мыслей Сталин заканчивает словами: "Таковы в общем характерные черты ленинской теории пролетарской революции". В конце того же года он изменил это место следующим образом: "Упрочив свою власть и поведя за собою крестьянство, - писал Сталин в новом издании той же работы, - пролетариат победившей страны может и должен построить социалистическое общество". "Может и должен!" После этого следуют те же заключительные строки. Таким образом, в течение одного полугодия Сталин приписал Ленину два прямо противоположных взгляда по основному вопросу революции. Доказать правильность его нового взгляда возложено на Ягоду, начальника ГПУ.

Гамильтон попытался обвинить меня в сокрытии одной цитаты Ленина. Я обвиняю Коминтерн не в сокрытии цитаты, а в систематической фальсификации идей, фактов, цитат в интересах правящей клики Кремля. Кодифицированный сборник такого рода фальсификацией, "История ВКП", переведен на все языки цивилизованного человечества и издан в СССР и за границей в десятках миллионов экземпляров. Я берусь доказать перед любой беспристрастной комиссией, что в библиотеке человечества нет книги более бесчестной, чем эта "История", которая служит ныне основой не только политической пропаганды, но и директивой для советской живописи, скульптуры, театра, фильма и пр. К сожалению, не приходится сомневаться, что противники не примут моего вызова.

4 декабря 1939 г. Л. Троцкий

ПИСЬМО СОВЕТСКИМ РАБОЧИМ[39]

Вас обманывают!

ПИСЬМО В СССР

Привет рабочим, колхозникам, красноармейцам и краснофлотцам СССР из далекой Мексики, куда я попал после того, как сталинская клика выслала меня в Турцию, а буржуазия гнала меня затем из страны в страну!

Дорогие товарищи! Лживая сталинская печать давно и злостно обманывает вас насчет всех вопросов, в том числе и насчет меня и моих политических единомышленников. У вас нет рабочей печати. У вас есть печать бюрократии, которая систематически лжет вам, чтобы удерживать вас в темноте и обеспечивать господство привилегированной паразитической касты.

Всякого, кто поднимает голос против ненавистной бюрократии, называют "троцкистом", агентом иностранного государства, шпионом, вчера - шпионом Германии, сегодня - шпионом Англии и Франции и подвергают расстрелу. Десятки тысяч революционных борцов погибли от маузеров ГПУ в СССР, как и в других странах мира, особенно в Испании. Всех их изображали агентами фашизма. Не верьте подлой клевете! Их преступление состояло в том, что они защищали рабочих и крестьян от насилий и грабежа бюрократии. Сталин истребил всю старую гвардию большевизма, всех сотрудников и помощников Ленина, всех борцов Октябрьской революции, всех героев гражданской войны. В историю он войдет навсегда под презренным именем Каина!

Октябрьская революция была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и, в значительной мере, отсталости русских рабочих, особенно же крестьян, над советской республикой поднялась новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождем которой является Сталин. Бывшая большевистская партия стала аппаратом этой касты. Та мировая организация, которая была некогда Коммунистическим Интернационалом, сегодня является послушным орудием в руках московской олигархии. Рабочие и крестьянские Советы давно погибли. Их заменили развращенные комиссары, секретари и чекисты.

Но от Октябрьской революции еще сохранились, к счастью, национализованная промышленность и коллективизированное сельское хозяйство. На этом фундаменте рабочие Советы могли бы строить новое более счастливое общество. Этого фундамента мировой буржуазии сдавать мы не должны ни в каком случае. Революционеры обязаны защищать зубами и когтями всякую позицию рабочего класса, идет ли дело о демократических правах, о заработной плате или о таком гигантском завоевании всего человечества как национализация средств производства и плановое хозяйство. Кто не умеет защищать старые завоевания, тот не способен бороться за новые. От империалистического врага мы будем охранять СССР всеми силами. Однако завоевания Октябрьской революции только в том случае будут служить народу, если народ сумеет расправиться со сталинской бюрократией, как он расправился в свое время с царской бюрократией и с буржуазией.

Если б советское хозяйство велось в интересах народа; если б бюрократия не расхищала

и не губила зря большую часть дохода страны; если б она не попирала жизненные интересы населения, СССР был бы великим магнитом для трудящихся всего мира, и неприкосновенность СССР была бы обеспечена. Но бесчестный насильнический режим Сталина лишил СССР притягательной силы. Во время войны с Финляндией не только финские крестьяне, но и рабочие оказались в большинстве на стороне своей буржуазии. Не мудрено: они знают о неслыханных насилиях сталинской бюрократии над рабочими в соседнем Ленинграде и во всем СССР. Так сталинская бюрократия, кровожадная и беспощадная внутри страны и трусливая перед империалистическими врагами, стала главным источником военных опасностей для СССР.

Старая большевистская партия и Третий Интернационал разложились и сгнили. Честные передовые революционеры организовали за границей Четвертый Интернационал, который уже имеет свои секции в большинстве стран мира. Я являюсь членом этого нового Интернационала. Участвуя в этой работе, я остаюсь под тем же знаменем, под которым стоял вместе с вами или вашими отцами и старшими братьями в 1917 г. и в годы гражданской войны; под тем же знаменем, под которым мы вместе с Лениным строили советское государство и Красную армию.

Цель Четвертого Интернационала - распространить Октябрьскую революцию на весь мир и в то же время возродить СССР, очистив его от паразитической бюрократии. Достигнуть этого можно только путем восстания рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов. Для подготовки такого восстания нужна новая партия, смелая и честная революционная организация передовых рабочих. Четвертый Интернационал ставит себе задачей создать такую партию в СССР.

Передовые рабочие, становитесь первыми под знамя Маркса к Ленину, которое стало отныне знаменем Четвертого Интернационала. Учитесь создавать в сталинском подполье тесно спаянные к надежные революционные кружки. Устанавливайте связи между этими кружками. Учитесь через верных и надежных людей, в частности, через моряков, устанавливать связи с вашими революционными единомышленниками в буржуазных странах. Это трудно, но это возможно.

Нынешняя война будет все больше расширяться, все больше нагромождать развалин, все больше порождать горя, отчаяния, протеста и приведет весь мир к новым революционным взрывам. Мировая революция снова пробудит мужество и твердость рабочих масс СССР и подкопает бюрократические твердыни сталинской касты. К этому моменту надо готовиться путем упорной, систематической революционной работы. Дело идет о судьбе страны, о будущем народа, наших детей и внуков.

Долой Каина Сталина и его камарилью!

Долой хищную бюрократию!

Да здравствует СССР, крепость трудящихся!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

С братским приветом,

Л. Троцкий

Предупреждение. Печать Сталина заявит, конечно, что это письмо переправлено в СССР "агентами империализма". Знайте заранее, что и это ложь. Письмо это будут доставлять в СССР надежные революционеры, готовые рисковать собою за дело социализма. Переписывайте это письмо и распространяйте его как можно шире.

[25 апреля 1940 г.] Л. Т.

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ МЕКСИКИ

Г. Президент![40]

В конце 1936 г., в минуту крайней опасности не только для моей жизни, но и для моей политической чести, я обратился к Вам из далекой Норвегии, и Вы оказали мне великодушие, гостеприимство. Сейчас в критическую минуту, когда полицейские власти Мексики совершают явную ошибку и явную несправедливость по отношению к моим сотрудникам и ко мне, я вынужден снова апеллировать непосредственно к Вам. Мой дом подвергся атаке банды ГПУ[41]. Генерал Нуñez[42] объявил мне от Вашего имени, что полиция сделает все для раскрытия преступления. Ничего другого я, разумеется, и не мог ожидать от руководимых Вами властей. Однако я должен с огорчением констатировать, что отношение полиции к делу резко изменилось за последние три дня. То обстоятельство, что нападавшим, несмотря на приведенную ими в движение огромную машину убийств, не удалось убить меня, косвенно как бы ставится мне в вину. Банда из 20-ти человек напала ночью на мой дом, связала полицейских, сломала двери моего кабинета, бросила в доме и во дворе зажигательные снаряды, ранила моего внука и увела, видимо, одного из членов моей охраны. Раскрыты ли преступники? Я не знаю. Однако два моих близких сотрудника, бывшие вместе со мною жертвами атаки, подверглись аресту по... - и я говорю заранее - заведомо ложным подозрениям. Отто Шюсслер[43] сопровождает меня в моих скитаниях на протяжении 11 лет. Чарли Коронель живет в моем доме около года. Если бы полиция спросила меня об этих двух моих сотрудниках прежде чем арестовать их, я несомненно, рассеял бы ложные подозрения, так как я знаю обоих как безукоризненно честных людей, безусловно лояльных по отношению к Мексике, преданных мне лично и верных своим принципам. Однако я ни разу и никем не был спрошен об обстоятельствах, которые послужили поводом к их аресту и которые я, конечно, должен знать лучше, чем кто-либо другой.

Объективно за эти дни ничего не изменилось: мой дом еще полон следов произведенного разгрома, мой внук ежедневно ездит на перевязку. Не изменилось, разумеется, и мое стремление оказать властям полное содействие в раскрытии преступления. Но резко изменилось отношение следственных властей к населению моего дома: жертвы нападения все больше превращаются в обвиняемых.

Г. Президент, этот образ действий не нов. Когда банда норвежских фашистов совершила в 1936 году нападение на мой дом, чтобы похитить мои архивы и, если возможно, меня самого, норвежские власти начали с ареста преступников, но затем пошли по линии наименьшего сопротивления: объявили атаку фашистов "шуткой" и арестовали меня и мою жену. Несколько месяцев назад авторы "шутки" помогли Гитлеру овладеть Норвегией.

Следствие вступило на ложный путь. Я не боюсь сделать это заявление, ибо каждый новый день будет опровергать постыдную гипотезу самопокушения и компрометировать ее прямых и косвенных защитников.

Г. Президент! Я не могу лучше выразить свое глубокое уважение к Вашей личности, как сказав Вам открыто правду. Я готов по первому Вашему требованию дать все необходимые разъяснения.

[после 24 мая 1940 г.]

Л. Троцкий. Покушение 24 мая

Ночь покушения

Нападение произошло на рассвете, около 4-х часов. Я спал крепко, так как после напряженной работы принял снотворное. Проснувшись от грохота выстрелов с тяжелой головой, я вообразил сперва, что за оградой происходит народный праздник с ракетами. Но взрывы раздавались слишком близко, тут же, в комнате, возле меня и надо мною. Запах пороха становился все резче и ощутительнее. Ясно: случилось то, чего мы всегда ждали: на нас напали. Где полиция? Где стража? Связаны, захвачены или перебиты? Моя жена уже успела вскочить с постели. Выстрелы продолжались непрерывно. Позже жена сказала мне, что она подтолкнула меня на пол, в пространство между кроватью и стеной: это было совершенно правильно. Сама она еще несколько секунд простояла надо мной у стены, как бы защищая меня своим телом, но я шепотом и движениями убедил ее спуститься на пол. Выстрелы шли со всех сторон, на откуда именно, трудно было отдать себе отчет. В известный момент жена, как она сказала мне позже, ясно различала огоньки взрывов: следовательно, стреляли тут же, в комнате, но мы никого не видели. Впечатление было такое, что выстрелов было в общем около двухсот, из них около сотни тут же, возле нас. Осколки оконных рам и стен падали в разных направлениях. Несколько позже я почувствовал, что правая нога была легко контужена в двух местах.

Когда выстрелы притихли, раздался голос внука, который спал в соседней комнате: дедушка! Этот детский голос во тьме под выстрелами остался как самое трагическое воспоминание этой ночи. Мальчик после первого выстрела, пересекшего по диагонали его постель, как свидетельствуют следы в двери и в стене, бросился под кровать. Один из нападавших, очевидно, в состоянии паники, выстрелил в кровать: пуля пробила матрац, ранила внука в палец ноги и прошла сквозь пол. Бросив тут же два зажигательных снаряда, нападавшие покинули комнату внука. С криком: "дедушка!" он выскочил, вслед за ними, во двор, оставляя кровавый след, и под выстрелами перебежал в помещение одного из членов охраны, Гарольда Робинса.

Моя жена бросилась на крик внука в его комнату, которая оказалась уже пуста. В комнате горели пол, дверь и небольшой шкаф. "Они захватили Севу", - сказал я жене. Это была наиболее жуткая минута. Выстрелы еще продолжались, но уже дальше от нашей спальни, где-то во дворе или непосредственно за оградой: видимо, террористы прикрывали отступление. Жена поспешила потушить разгоревшийся пожар, набросив на огонь ковер. В течение недели ей пришлось потом лечиться от ожогов.

Появились два члена охраны, Отто Шюсслер и Чарльз Коронель, которые в минуту нападения были отрезаны от нас пулеметным огнем. Они подтвердили, что нападавшие, видимо, уже скрылись, так как во дворе никого не видно. Исчез также сам ночной дежурный, Роберт Шельдон. Исчезли оба автомобиля. Почему молчали полицейские внешней охраны? Они оказались связаны нападавшими, которые при этом кричали: "Да здравствует Альмазан!"[44] Таков был рассказ связанных.

Мы с женой были в первый день совершенно уверены, что нападавшие стреляли только через окна и двери и что в спальню никто не входил. Однако изучение траекторий выстрелов

с несомненностью свидетельствует, что те восемь выстрелов, которые оставили следы в стене у изголовья кроватей, продырявили в четырех местах оба матраца и оставили следы в полу под кроватями, могли быть выпущены только внутри самой спальни. Об этом же свидетельствовали и найденные на полу гильзы, а также два следа в одеяле, с обожженной каймой.

Когда террорист вошел в спальню? В первый ли момент операции, когда мы еще не успели проснуться? Или, наоборот, в последний момент, когда мы лежали на полу? Я склоняюсь ко второму допущению. Всадив через двери и окна несколько десятков пуль в направлении кровати и не слыша ни криков, ни стонов, нападавшие имели все основания думать, что они с успехом выполнили свою работу. Один из них мог в последний момент вскочить в комнату для проверки. Возможно, что одеяла и подушки сохранили еще форму человеческих тел. В четыре часа утра в комнате царил полумрак. Мы с женой оставались на полу неподвижны и безмолвны. Перед тем как покинуть нашу спальню, террорист, пришедший для проверки, мог дать "для очистки совести" несколько выстрелов по нашим кроватям, считая, что дело закончено уже и без того.

Было бы слишком утомительно разбирать здесь различные легенды, созданные недоразумением или злой волей и легшие прямо или косвенно в основу теории "самопокушения". В прессе говорили о том, будто мы с женой находились в ночь покушения вне нашей спальни. "Эль Популяр" писал о моих "противоречиях": по одной версии, я будто бы забрался в угол спальни, по другой - опустился на пол и пр. Во всем этом нет ни слова правды. Все комнаты нашего дома заняты ночью определенными лицами, кроме библиотеки, столовой и моего кабинета. Но как раз через эти три комнаты проходили нападавшие, и там они нас не нашли. Мы спали там же, где всегда: в нашей спальне. Я, как уже сказано, спустился на пол в углу комнаты; немножко позже ко мне присоединилась моя жена.

Каким образом мы уцелели? Очевидно, благодаря счастливому случаю. Кровати были взяты под перекрестный огонь. Возможно, что нападавшие боялись перестрелять друг друга и инстинктивно стреляли либо выше, либо ниже, чем нужно было. Но это только психологическая догадка. Возможно также, что мы с женой помогли счастливому случаю тем, что не потеряли головы, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было бы безнадежно, не стреляли, когда это было бы безрассудно, а молча лежали на полу, притворяясь мертвыми.

"Ошибка" Сталина

Непосвященным может показаться непонятным, почему клика Сталина выслала меня сперва за границу, а затем пытается за границей убить меня. Не проще ли было бы подвергнуть меня расстрелу в Москве, как многих других?

Объяснение таково. В 1928 г., когда я был исключен из партии и выслан в Центральную Азию, не только о расстреле, но и об аресте невозможно было еще говорить: поколение, с которым я прошел Через Октябрьскую революцию и гражданскую войну, было еще живо. Политбюро чувствовало себя под осадой со всех сторон. Из Центральной Азии я имел возможность поддерживать непрерывную связь с оппозицией. В этих условиях Сталин, после колебаний в течение года, решил применить высылку за границу как меньшее зло. Его доводы были: изолированный от СССР, лишенный аппарата и материальных средств

Троцкий будет бессилён что-либо предпринять. Сталин рассчитывал, сверх того, что, когда ему удастся окончательно очернить меня в глазах страны, он сможет без труда добиться от дружественного турецкого правительства моего возвращения в Москву для расправы. События показали, однако, что можно участвовать в политической жизни, не имея ни аппарата, ни материальных средств. При помощи молодых друзей я заложил основы Четвёртого Интернационала, который медленно, но упорно развивался. Московские процессы 1936-1937 гг. были инсценированы для того, чтобы добиться моей высылки из Норвегии, т. е. фактической передачи в руки ГПУ. Но и это не удалось: я очутился в Мексике. Как мне сообщали, Сталин несколько раз признавал, что моя высылка за границу была "величайшей ошибкой". Чтобы поправить ошибку, не оставалось ничего другого, кроме террористического акта.

Предварительные действия ГПУ

За последние годы ГПУ истребило в СССР многие сотни моих друзей, включая членов моей семьи. Оно убило в Испании моего бывшего секретаря Эрвина Вольфа и ряд моих политических единомышленников, в Париже - моего сына Льва Седова, за которым профессиональные убийцы Сталина охотились в течение двух лет. В Лозанне ГПУ убило Игнатия Рейса, перешедшего из рядов ГПУ на сторону Четвёртого Интернационала. В Париже агенты Сталина убили другого моего бывшего секретаря Рудольфа Клемента, труп которого с отрезанными головой, руками и ногами был найден в Сене. Этот перечень можно продолжать без конца.

В Мексике была сделана явная попытка покушения лицом, которое явилось в мой дом с фальшивыми рекомендациями от одного политического деятеля. Именно после этого эпизода, встревожившего моих друзей, были приняты более серьёзные меры охраны: дневное и ночное дежурство, система сигнализации и пр.

Со времени активного и поистине разбойничьего участия ГПУ в испанских событиях я получал немало писем от своих друзей, главным образом из Нью-Йорка и Парижа, о тех агентах ГПУ, которые направлялись в Мексику из Франции и Соединённых Штатов. Имена и фотографии некоторых из этих господ были мною своевременно переданы мексиканской полиции. Наступление войны ещё более обострило положение ввиду моей непримиримой борьбы против внутренней и внешней политики Кремля. Мои заявления и статьи в мировой печати - по поводу расчленения Польши, нападения на Финляндию, слабости обезглавленной Сталиным Красной Армии и пр. - воспроизводились во всех странах мира в десятках миллионов экземпляров. Недовольство внутри СССР растёт. В качестве бывшего революционера Сталин помнит, что Третий Интернационал в начале прошлой войны был несравненно слабее, чем Четвёртый Интернационал ныне. Ход войны может дать могущественный толчок развитию Четвёртого Интернационала, в том числе и в СССР. Вот почему Сталин не мог не дать своим агентам приказ: покончить со мной как можно скорее.

Дополнительные доказательства

Всем известные факты и общие политические соображения говорят, таким образом, с несомненностью, что организация покушения 24-го мая могла исходить только от ГПУ. Нет,

однако, недостатка и в дополнительных доказательствах.

За последние недели перед покушением мексиканская пресса была полна слухов о сосредоточении агентов ГПУ в Мексике. Многие в этих сообщениях было ложно. Но ядро слухов было правильно. Обращает на себя внимание исключительно высокая техника покушения. Убийство не удалось вследствие одной из тех случайностей, которые входят неизбежным элементом во всякую войну. Но подготовка и выполнение покушения поражают своей широтой, обдуманностью и тщательностью. Террористы знают расположение дома и его внутреннюю жизнь, они достают полицейское обмундирование, оружие, электрическую пилу, морские лестницы и пр. Они с полным успехом связывают внешнюю полицейскую охрану, парализуют внутреннюю стражу правильной стратегией огня, проникают в помещение жертвы, стреляют безнаказанно в течение трех-пяти минут, бросают зажигательные бомбы и покидают арену нападения без следов. Такое предприятие не под силу частной группе. Здесь видна традиция, школа, большие средства, широкий выбор исполнителей. Это работа ГПУ.

В строгом соответствии со всей системой ГПУ забота о том, чтобы направить следствие на ложный след, включена была уже в самый план покушения. Связывая полицейских, покушавшиеся кричали: "Да здравствует Альмазан!" Искусственный и фальшивый, крик ночью, перед пятью полицейскими, из которых три спали, преследовал одновременно две цели: отвлечь хоть на несколько дней или часов внимание будущего следствия от ГПУ и его агентуры в Мексике и скомпрометировать сторонников одного из кандидатов в президенты. Убить одного противника и набросить тень подозрения на другого есть классический прием ГПУ, точнее, его вдохновителя Сталина.

Нападавшие имели с собой несколько зажигательных снарядов, два из которых они бросили в комнате внука. Участники покушения преследовали, таким образом, не только убийство, но и поджог. Единственной целью их могло быть при этом уничтожение моих архивов. В этом заинтересован только Сталин, так как архивы имеют для меня исключительную ценность в борьбе против московской олигархии. При помощи своих архивов я разоблачил, в частности, московские судебные подлоги. Уже 7 ноября 1936 г. ГПУ, с огромным риском для себя, похитило в Париже часть моих архивов. Оно не забыло о них и в ночь 24 мая. Зажигательные снаряды представляют собою, таким образом, нечто вроде визитной карточки Сталина.

Для преступлений ГПУ крайне характерно разделение труда между тайными убийцами и легальными "друзьями": уже во время подготовки покушения, наряду с подпольной работой конспирации, ведется открытая клеветническая кампания с целью скомпрометировать намеченную жертву. То же разделение труда продолжается и после совершения преступления: террористы скрываются; на открытой арене остаются их адвокаты, которые стараются направлять внимание полиции на ложный след. Нельзя, наконец, не обращать внимания на отклики мировой печати: газеты всех направлений открыто или молчаливо исходят из того, что покушение есть дело рук ГПУ; только газеты, субсидируемые Кремлем и выполняющие его заказ, защищают противоположную версию. Это неопровержимая политическая улика!

27 мая - поворот следствия

24-го утром руководящие представители полиции просили моего содействия в раскрытии

преступления. Полковник Салазар и десятки агентов обращались ко мне за разными справками в самом дружественном тоне. Я, моя семья и мои сотрудники делали все, что могли.

25-го или 26 мая два агента секретной полиции заявили мне, что следствие находится на верном пути и что сейчас уже, во всяком случае, "доказано, что дело идет о покушении". Я был поражен. Разве это еще надо доказывать? Против кого именно полиции приходится доказывать, что покушение есть покушение? - спрашивал я себя. Во всяком случае, до вечера 27-го следствие, поскольку я мог следить за ним, направлялось против неизвестных покушавшихся, а не против жертв покушения. 28-го я передал полковнику Салазару сведения, которые, как показал третий этап следствия, признаны были очень важными. Но в порядке дня стоял тогда второй этап, о котором я ничего не подозревал, а именно: следствие против, меня и моих сотрудников.

В течение 28 мая был окончательно подготовлен и совершен полный и резкий поворот в ориентации следствия и в отношении полиции к моему дому. Нас сразу окружила атмосфера враждебности. В чем дело? Мы недоумевали. Этот поворот не мог совершиться сам произвольно. Он должен был иметь конкретные и императивные причины. Никакого подобия фактов или данных, которые могли бы оправдывать подобный поворот, следствие не обнаружила и обнаружить не могло. Я не нахожу никакого другого объяснения повороту, кроме чудовищного давления аппарата ГПУ, опирающегося на всех своих "друзей". За кулисами следствия совершился подлинный coup d'etat. Кто руководил им?

Факт, который может показаться мелким, но который заслуживает самого серьезного внимания: в "Популяр" и "Насиональ" появилась утром 27 мая тождественная заметка: "Г. Троцкий себе противоречит", приписывавшая мне противоречия по вопросу о том, где я находился в ночь 24 мая и в самый момент покушения. Заметка, совершенно не замеченная мною в те горячие часы, представляла грубый вымысел с начала до конца. Кто дал "левым" газетам эту заметку? Вопрос капитальной важности! Заметка ссылалась, в качестве источника, на анонимных "наблюдателей". Кто такие эти "наблюдатели"? Где и что они наблюдали? Совершенно очевидно, что заметка имела целью подготовить и оправдать в глазах правительственных кругов, где читаются преимущественно "Насиональ" и "Популяр", враждебный поворот следствия против меня и моих сотрудников. Расследование этого загадочного эпизода могло бы, несомненно, осветить многое.

Две прислуги дома были вызваны на первый допрос 28 мая, т. е. в день, когда мы уже задыхались в атмосфере враждебности и когда мысли полиции были уже направлены в сторону автопокушения. На следующий день, 29-го, обе женщины снова были вызваны в 4 часа дня и доставлены в Вия Мадеро (Гуадалупе), где их до 11 часов ночи допрашивали в помещении, а с 11-ти до 2-х - в темном дворе, в автомобиле. Никакого протокола не велось. Домой их доставили около 3-х часов ночи. 30 мая явился на кухню агент с готовым протоколом, и обе женщины подписали его не читая. Агент покинул кухню через минуту после того как вошел. Когда обе женщины узнали из газет, что мои секретари, Чарльз Коронель и Отто Шюсслер, арестованы на основании их показаний, обе заявили, что они не сказали решительно ничего, что могло бы оправдывать арест.

Почему были арестованы именно эти два члена охраны, а не другие? Потому что Шюсслер и Коронель выполняли роль агентов связи с властями и нашими немногими друзьями в городе. Подготавливая удар против меня, следствие решило первым делом изолировать полностью наш дом. В тот же день арестованы были мексиканец Сендехас и

чех Базан, наши молодые друзья, посетившие нас для выражения своего сочувствия. Цель ареста была, очевидно, та же: пресечь наши связи с внешним миром. От арестованных членов охраны требовали признать "в течение пятнадцати минут", что именно я приказал им произвести "автопокушение". Я отнюдь не склонен преувеличивать важность этих эпизодов и придавать им трагическое значение. Они меня интересуют исключительно с точки зрения возможности раскрытия тех закулисных сил, которым в течение суток удалось произвести почти магический поворот в направлении следствия. Силы эти продолжают и сегодня оказывать влияние на ход следствия.

В четверг 30-го, когда Базана допрашивали в Вия Мадеро, все агенты исходили из теории автопокушения, издевались надо мною, над моей женой и моими сотрудниками. Сендехас в течение своего четырехдневного ареста имел возможность слышать немало разговоров полицейских агентов между собою. Его вывод таков: "рука Ломбардо[45], Бассольса[46] и других глубоко проникает в полицейскую деятельность и с достаточным успехом. Идея самонападения ... была искусственно внушена из этого источника".

Теория "самопокушения"

Давление заинтересованных кругов должно было иметь поистине непреодолимый характер, чтоб заставить представителей следствия серьезно отнестись к абсурдной идее самопокушения.

Какую цель я мог преследовать, пускаясь в такое чудовищное, отвратительное и опасное предприятие? Никто не объявил этого до сих пор. Намекают, что я хотел очернить Сталина и его ГПУ. Но разве одно лишнее покушение может что-нибудь прибавить к репутации человека, который истребил все старое поколение большевистской партии? Говорят, что я хочу доказать существование "пятой колонны". Зачем? Для чего? К тому же для совершения покушения совершенно достаточно агентов ГПУ; в таинственной пятой колонне надобности нет. Говорят, что я хотел создать затруднения мексиканскому правительству. Какие у меня могут быть побуждения создавать затруднения единственному правительству, которое оказало мне гостеприимство? Говорят, что я хотел вызвать войну между Соединенными Штатами и Мексикой. Но это объяснение уже полностью относится к области бреда. Для провокации такой войны было бы, во всяком случае, целесообразнее организовать покушение на американского посла или на нефтяных магнатов, а не на революционера-большевика, чуждого и ненавистного империалистическим кругам.

Когда Сталин организует покушение на меня, то смысл его действий ясен: он хочет уничтожить своего врага No 1. Сталин при этом лично не рискует: он действует издалека. Наоборот, организуя "автопокушение", я должен нести ответственность за подобное предприятие сам, рискуя своей судьбой, судьбой своей семьи, своей политической репутацией и репутацией того движения, которому я служу. Зачем мне это нужно?

Но если даже допустить невозможное, именно, что, отрекшись от дела всей своей жизни и поправ здравый смысл и свои собственные жизненные интересы, я решил организовать "автопокушение" во имя неизвестной цели, то остается еще вопрос: где и как я достал 20 исполнителей? Какими путями обмундировал их в полицейскую форму? Вооружил их? Снабдил всем необходимым? и пр. и пр. Иначе сказать, каким образом человек, живущий почти совсем изолированно от внешнего мира, умудрился выполнить предприятие, которое под силу только могущественному аппарату? Признаюсь, я и сейчас чувствую неловкость,

подвергая критике идею, которая не заслуживает критики.

ГПУ мобилизовало с большим искусством своих агентов, чтобы убить меня. Попытка случайно не удалась. Друзья ГПУ оказались скомпрометированы. Они вынуждены теперь сделать все, чтобы возложить на меня ответственность за неудавшееся покушение их собственного шефа. У них нет при этом большого выбора средств. Они вынуждены действовать самыми грубыми приемами, руководствуясь афоризмом Гитлера: чем грубее ложь, тем скорей ей поверят.

Отклики прессы

Чрезвычайно ценные выводы относительно закулисной работы ГПУ можно получить из изучения поведения определенной части мексиканской прессы в дни после покушения. Оставим в стороне *la voz de Mexico*, официальное коммунистическое издание, с его грубыми противоречиями, бессмысленными обвинениями, циничной клеветой. Оставим в стороне также органы правого лагеря, которые, с одной стороны, руководствуются погоней за сенсацией, а с другой, пытаются использовать покушение в своих целях, т. е. против "левых" вообще. Политически я несравненно более далек от газет типа "Универсаль" или "Эксельсиор", чем Ломбардо Толедано и ему подобные. Я пользуюсь названными газетами в целях самообороны, как я пользуюсь омнибусом для передвижения.

Маневры правых газет являются к тому же лишь преломлением внутренней политики страны и по существу имеют отдаленное отношение к вопросу о покушении и о ГПУ. Для нашей цели гораздо важнее проследить линию поведения "Популяр" и, отчасти, "Насиональ". Активную политику ведет в этом случае "Популяр". Что касается "Насиональ", то он лишь приспособляется к заинтересованному коллеге.

"Популяр" и покушение 24 мая

Несмотря на то, что по газетным сведениям г. Толедано выехал за два или три дня до нападения из столицы, "Популяр" располагал в критический момент совершенно ясными и точными директивами. Покушение отнюдь не застигло газету врасплох. Редакция не сделала на этот раз попытки обратить нападение в шутку, сославшись на мою "манию преследования" и пр. Наоборот, газета взяла сразу серьезный и встревоженный тон. В № от 25 мая через все колонки первой страницы дается лозунг: "Покушение против Троцкого - покушение против Мексики". Передовая статья под тем же заглавием требует строжайшего расследования и примерного наказания преступников независимо от их политического направления и от той иностранной державы, с которой они связаны. Своей фразеологией статья стремится произвести впечатление высшего беспристрастия и патриотического негодования. Ближайшая цель статьи: вырыть подобие пропасти между редакцией "Популяр" и террористами, которые не сегодня-завтра могут оказаться в руках полиции. Эта мера предосторожности тем более необходима, чем более усердно "Популяр" вел в предшествующий период кампанию клеветы против меня.

Однако под литературной скорлупой беспристрастия скрываются осторожные инсинуации, которым предстоит в ближайшие дни получить дальнейшее развитие. Мимоходом в одной фразе отмечается, что покушение имеет "таинственные и

подозрительные аспекты". В этот день эти слова прошли незамеченными. Но теперь совершенно ясно, что автор статьи заранее резервировал для себя возможность, в случае неудачи судебного следствия, выдвинуть теорию "самопокушения". Вторая инсинуация не менее знаменательна: статья предсказывает, что "враги Мексики" будут приписывать покушение Сталину и Москве. Враги Мексики отождествляются здесь с врагами Сталина. Торжественный призыв искать преступников независимо от той державы, с которой они связаны, получает очень ограничительное истолкование.

При всех своих зигзагах и двусмысленностях статья тщательно обдумана. Противоречия статьи вытекают из противоречивости и неопределенности самого положения. Что даст следствие - еще неизвестно. На случай его удачи надо остаться как можно дальше от огня. На случай его неудачи надо сохранить свободу действий в направлении старой клеветы и травли. Надо в то же время отвлечь по мере сил внимание от ГПУ, не связывая себе, однако, окончательно рук. Перечитывая статью сегодня, ясно видишь, как из нее торчат в разные стороны белые нитки.

В номере от 26 мая продолжается в общем та же линия. "Популяр" требует от властей энергичной кары виновных. Опасность того, что участники покушения немедленно попадут в руки полиции, еще очень велика: отсюда суровый голос беспристрастия.

В номере от 27-го уже появляется циничная заметка "Сеньор Троцкий себе противоречит": это первая попытка развить намек насчет "подозрительных аспектов" покушения. Заметка утверждает, будто я давал разные показания по поводу того, где именно я находился во время атаки. Несообразность этой инсинуации бьет в глаза. Если человек, живущий в эмигрантском одиночестве, оказался способен мобилизовать двадцать заговорщиков и достать для них полицейское обмундирование и пулеметы, то он должен быть способен подготовить ответ на вопрос о том, где он находился во время покушения. Но не будем придиричивы к технике фальсификации. Ясно одно. "Популяр" подготавливает почву для теории "самопокушения".

Следствие наталкивается тем временем на большие затруднения ГПУ умеет многое предвидеть заранее и хорошо замечает следы. Со времени покушения прошло три дня. Опасность ареста главных участников покушения могла считаться устраненной, так как за этот срок они могли с полным успехом перебраться через границу по заранее заготовленным паспортам. В соответствии с этим "Популяр" 27 мая берет более смелый тон. Дело не ограничивается цитированной заметкой в хронике. Передовая статья в этот день прямо говорит, что "покушение каждый день возбуждает больше сомнений и кажется более подозрительным и менее логичным"; дальше упоминается слово "камуфляж". Статья приписывает покушение американским империалистам, стремящимся к интервенции в Мексике и опирающимся, видимо, на мое содействие. Почему империалисты выбрали объектом покушения меня, неизвестно. И каким образом покушение на русского большевика в Мексике может оправдать интервенцию С. Штатов, еще менее понятно. Вместо анализа и доказательств - набор крикливых фраз.

Остается еще напомнить, что до заключения блока Гитлер-Сталин "Популяр" изображал меня не иначе как со свастикой. В агента С. Штатов я был внезапно превращен лишь после вторжения Красной армии в Финляндию. "Популяр" пытается распорядиться мною так же свободно, как Сталин распоряжается своими агентами. В своей устной агитации и закулисных маневрах Толедано и его союзники шли, несомненно, гораздо дальше, чем в своей печати. Особенно напряженную работу, как показали события ближайших дней, они

вели в среде полиции.

28 мая следственные власти уже целиком наведены на идею "самопокушения". Подвергнуты аресту два моих секретаря, Шюсслер и Коронель, и два лица, связанных с моим домом, Базан и Сендехас. Одержав эту победу, "Популяр" осторожно отходит & тень: в номере от 28 мая он снова занимает "объективную", т. е. выжидательную позицию. Ясно, почему руководители газеты остерегались ангажироваться до конца. Они знали больше, чем говорили; они гораздо меньше доверяли версии самопокушения, чем наведенная ими на ложный след полиция. Они боялись, что эта версия каждую минуту может быть взорвана на воздух. Вот почему, переложив ответственность на полицию, "Популяр" 28 мая снова принимает позу встревоженного патриотического наблюдателя.

В номере от 29 мая "Популяр" печатает без комментариев декларацию коммунистической партии, которая требует не наказания террористов, а высылки Троцкого из Мексики. В этот день мой дом и все его обитатели отрезаны от внешнего мира кольцом фантастических подозрений. Достоин внимания, что наиболее откровенные лозунги Кремля Толедано предоставляет и теперь высказывать вождям компартии, которым нечего терять. Сам он пытается сохранить за собою мост отступления.

1 июня напечатано в газетах мое письмо Прокурору республики, открыто называющее Ломбардо Толедано моральным соучастником в подготовке покушения. После этого Толедано наполовину выходит из тени. "С. Т. М. обвиняет Троцкого в том, что он служит инструментом войны нервов", - возвестил "Популяр" 6 июня. Что это значит? Пустая риторика, без мыслей и без фактов! От имени С. Т. М. Толедано подает властям документ, в котором покушение вплетено в широкую, но крайне неопределенную международную интригу. Помимо меня в интриге заподозрены многие факторы, учреждения и лица. Многие, но не ГПУ. Подозревать ГПУ могут, как мы уже знаем, только "враги Мексики". Так во всех своих маневрах Толедано остается другом No 1 ГПУ.

"Насиональ"

В отличие от всех других газет столицы "Насиональ" даже не упомянул о покушении в первой части своего издания от 25 мая. Во второй части он поместил сообщение под заглавием "Троцкий подвергся театральному (!) покушению в своем доме". На чем газета основывала свою оценку, оставалось неизвестным. Я должен, к сожалению, констатировать, что и в некоторых предшествовавших случаях газета пыталась приписывать мне предосудительные действия, не имея на это и тени основания.

Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что в тот самый день, когда "Насиональ" назвал покушение на Троцкого "театральным", "Популяр" писал: "Покушение на Троцкого - покушение на Мексику". На первый взгляд может показаться, что "Насиональ" проявлял более враждебное отношение к жертве покушения, чем "Популяр". На самом деле это не так. Своим поведением "Насиональ" лишь обнаружил, что он стоит гораздо дальше от очагов сталинизма и, следовательно, от очага покушения, чем "Популяр". В "Насиональ" имеются редактора, которые изо всех сил хотят быть приятны сталинцам. Они знают, что самый простой путь для этого - высказать какое-либо подозрение по моему адресу. Когда редакция получила сведения о покушении на мой дом, один из редакторов пустил в оборот первую попавшуюся ироническую формулу. Именно этот факт показывает, что редакторы "Насиональ", в отличие от редакторов "Популяр", не знали, о чем пишут.

В следующие дни наблюдается, однако, сближение линии этих" двух изданий. "Националь", поняв из поведения "Популяр", что он слишком неосторожно выступил со своей гипотезой "театрального" покушения, отступил назад, заняв более выжидательную позицию. Со своей стороны, "Популяр", убедившись, что никто из участников покушения не арестован, стал переходить на позицию "театрального" покушения. 27 мая заметка "Г. Троцкий противоречит себе" появилась также и в "Националь".

* * *

Так на основании анализа статей "Популяр" и их сравнения со статьями "Националь" можно с уверенностью сказать, что Толедано знал заранее о готовящемся покушении, хотя бы в самых общих чертах. ГПУ одновременно готовило - по разным каналам - и конспиративный заговор, и политическую защиту, и дезинформацию следствия. В критические дни "Популяр" получал инструкции несомненно от самого Толедано. Весьма вероятно, что именно он является автором статьи 25 мая. Иначе сказать: Ломбарде Толедано принимал моральное участие в подготовке покушения и сокрытии его следов.

Моя охрана

Для лучшего выяснения обстановки покушения, как и некоторых обстоятельств следствия, нужно сказать здесь, что представляет собою моя охрана. В газетах были сообщения в том смысле, будто я "нанимаю" для охраны почти что случайных людей, которые работают из-за жалованья и пр. Все это ложно. Моя охрана существует с момента моей высылки в Турцию, т. е. почти 12 лет. Она все время менялась в составе, в зависимости от страны, где я жил, хотя некоторые из моих сотрудников сопровождали меня из страны в страну. Охрана всегда состояла из молодых товарищей, связанных со мной единством политических взглядов и отбравшихся моими старыми, более опытными друзьями из числа добровольцев, в которых не было недостатка.

Движение, к которому я принадлежу, есть движение молодое, возникшее под небывалыми преследованиями со стороны московской олигархии и ее агентуры во всех странах мира. Вряд ли в истории вообще можно найти другое движение, которое в такое короткое время понесло бы такие многочисленные жертвы, как движение Четвертого Интернационала. Я лично глубоко верю, что в нашу эпоху войн, захватов, грабежей, разрушений и всяких других зверств Четвертому Интернационалу суждено выполнить большую историческую роль. Но это будущее. В прошлом же он знал только удары и преследования. Никто не мог надеяться за последние 12 лет при помощи Четвертого Интернационала сделать карьеру. Поэтому к движению примыкали люди бескорыстные, убежденные, готовые отказываться не только от материальных благ, но, в случае необходимости, и жертвовать жизнью. Не желая впасть в идеализацию, я все же позволяю себе сказать, что вряд ли можно сейчас в какой-либо другой организации найти такой отбор людей, преданных своему знамени и чуждых личных притязаний, как в Четвертом Интернационале. Именно из этой молодежи вербовалась все это время моя охрана.

Первое время в Мексике охрану несли молодые мексиканские-друзья. Однако через некоторое время я убедился в неудобстве такого положения. Мои враги систематически

стремились вовлечь меня в мексиканскую политику, чтобы сделать тем самым невозможным мое пребывание в стране. А так как молодые мексиканские друзья, живя в моем доме, действительно могли до известной степени явиться агентами моего политического влияния, то я вынужден был отказаться от их участия в охране, заменив их иностранцами, преимущественно гражданами Соединенных Штатов. Все они посылались сюда по особому отбору моих испытанных старых друзей.

Прибавлю для полной ясности, что охрана содержится не мною (у меня таких средств нет), а на средства особого комитета, который собирает необходимые денежные суммы среди друзей и сочувствующих. Мы живем - моя семья и охрана - маленькой замкнутой коммуной, отделенные четырьмя высокими стенами от внешнего мира. Все эти обстоятельства объясняют, почему я считаю себя вправе доверять своей охране и считать ее неспособной на измену или преступление.

Конечно, несмотря на все предосторожности, нельзя считать совершенно исключенной возможность того, чтобы в число членов охраны пробрался отдельный агент ГПУ. Следствие с самого начала заподозрило, что Роберт Шелдон, исчезнувший член моей охраны, был соучастником покушения. Я отвечал на это: если бы Шелдон был агентом ГПУ, он имел бы возможность убить меня ночью без всякого шума и скрыться, не приводя в движение 20 человек, которые все подвергались большому риску. Кроме того, в дни, непосредственно предшествовавшие покушению, Шелдон занимался такими невинными вещами, как покупкой клетки, ее окраской и пр... Никаких убедительных доводов в пользу того, что Шелдон - был агентом ГПУ, я не слышал. Поэтому я с самого начала заявил себе самому и своим друзьям, что я буду последним, который поверит в участие Шелдона в покушении. Если б, однако, вопреки всем моим предположениям, это участие подтвердилось, то оно ничего существенного не изменяло бы в общем характере нападения. При помощи одного из членов моей охраны или без такой помощи ГПУ организовало заговор с целью убить меня и сжечь мои архивы. К этому сводится суть дела.

Исключенные из Компартии

В своих официальных заявлениях компартия повторяет, что "индивидуальный террор не входит в ее систему действий и пр..

Никто и не думает, что покушение организовано компартией. ГПУ пользуется компартией, но вовсе не сливается с нею.

Среди возможных участников покушения лица, хорошо знакомые с внутренней жизнью коммунистической партии, назвали мне одно лицо, которое было в свое время исключено из партии, а затем за какие-то заслуги восстановлено в ней. Вопрос о категории "исключенных" представляет вообще большой интерес с точки зрения расследования преступных методов ГПУ. В первый период борьбы с оппозицией в СССР клика Сталина намеренно исключала из партии наименее стойких оппозиционеров, ставила их в крайне тяжелые материальные условия и давала этим ГПУ возможность вербовать среди них агентов для работы среди оппозиции. В дальнейшем этот метод был усовершенствован и распространен на все партии Третьего Интернационала.

Исключаемых можно делить на две категории: одни покидают партию в результате принципиальных разногласий, поворачиваются к Кремлю спиной и ищут новых путей. Другие исключаются за неосторожное обращение с деньгами или прочие, действительные

или мнимые, преступления морального порядка. Большинство исключенных этой второй категории неразрывно срослись с аппаратом партии, не способны ни к какому другому труду и слишком привыкли к привилегированному положению. Исключенные такого типа представляют драгоценный материал для ГПУ, которое превращает их в покорные орудия для самых опасных и преступных поручений.

Многолетний вождь мексиканской компартии Лаборде оказался недавно исключенным по самым чудовищным обвинениям: как человек, доступный подкупу, торговавший стачками рабочих и даже получавший денежные подачки от... "троцкистов". Самое поразительное, однако, то, что несмотря на крайне порочащий характер обвинений, Лаборде даже не оправдывался. Он показал этим, что исключение нужно для каких-то таинственных целей, которым он, Лаборде, не смеет противиться. Более того, он воспользовался первым случаем, чтобы заявить в печати о своей несокрушимой верности партии и после исключения. Одновременно с ним исключен был ряд лиц, которые придерживаются той же тактики. Эти люди способны на все. Они выполняют любое поручение, совершают любое преступление, только бы не потерять милость партии. Возможно даже, что некоторые из них были исключены, чтобы заранее снять с партии ответственность за их участие в подготовлявшемся покушении. Указание, кого и каким образом исключать, исходит в таких случаях от наиболее доверенных представителей ГПУ, скрывающихся за кулисами.

Революция и право убежища

В оправдание своей травли против меня, прикрывающей покушения ГПУ, агенты Кремля говорят о моем "контрреволюционном" направлении. Все зависит от того, что понимать под революцией и контрреволюцией. Самая могущественная сила контрреволюции нашей эпохи - это империализм, как в своей фашистской форме, так и под квазидемократическим прикрытием. Ни одна из империалистических стран не хочет допустить меня в свои пределы. Что касается угнетенных и полунезависимых стран, то они отказываются принимать меня под давлением империалистических правительств или московской бюрократии, которая играет сейчас во всем мире крайне реакционную роль. Мексика оказала мне гостеприимство потому, что Мексика не империалистическая страна, и потому, что ее правительство оказалось в виде редкого исключения достаточно независимым от внешних давлений, чтобы руководствоваться собственными принципами. Я могу поэтому сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения. В реакционную эпоху, как наша, революционер вынужден плыть против течения. Я делаю это по мере сил. Давление мировой реакции, пожалуй, беспощаднее всего сказалось на моей личной судьбе и судьбе близких мне людей. Я отнюдь не вижу в этом своей заслуги: таков результат сцепления исторических обстоятельств. Но когда люди типа Толедано, Лаборде и пр. объявляют меня "контрреволюционером", то я могу спокойно пройти мимо них, предоставив окончательный вердикт истории.

8 июня 1940 г. Койоакан

Завещание

Высокое (и все повышающееся) давление крови обманывает окружающих насчет моего

действительного состояния. Я активен и работоспособен, но развязка, видимо, близка. Эти строки будут опубликованы после моей смерти.

Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна. Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений. Новые революционные поколения восстановят их политическую честь и воздадут палачам Кремля по заслугам.

Я горячо благодарю друзей, которые оставались верны мне в самые трудные часы моей жизни. Я не называю никого в отдельности, потому что не могу называть всех.

Я считаю себя, однако, вправе сделать исключение для своей подруги, Натальи Ивановны Седовой. Рядом со счастьем быть борцом за дело социализма судьба дала мне счастье быть ее мужем. В течение почти сорока лет нашей совместной жизни она оставалась неистощимым источником любви, великодушия и нежности.

Она прошла через большие страдания, особенно в последний период нашей жизни. Но я нахожу утешение в том, что она знала также и дни счастья.

Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два я боролся под знаменем марксизма. Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или других ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности.

Наташа подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу яркозеленую полосу травы под стеной, чистое голубое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне.

27 февраля 1940 г. Койоакан. Л. Троцкий.

Все имущество, какое останется после моей смерти, все мои литературные права (доходы от моих книг, статей и пр.) должны поступить в распоряжение моей жены Натальи Ивановны Седовой.

27 февр. 1940 г. Л. Троцкий.

В случае смерти нас обоих ...[47] 3 марта 1940 г.

Характер моей болезни (высокое и повышающееся давление крови) таков, что - насколько я понимаю - конец должен наступить сразу, вернее всего -опять-таки по моей личной гипотезе - путем кровоизлияния в мозг. Это самый лучший конец, какого я могу желать. Возможно, однако, что я ошибаюсь (читать на эту тему специальные книги у меня нет желания, а врачи, естественно, не скажут правды). Если склероз примет затяжной характер и мне будет грозить длительная инвалидность (сейчас, наоборот, благодаря высокому давлению крови я чувствую скорее прилив духовных сил, но долго это не продлится), - то я сохраняю за собою право самому определить срок своей смерти. "Самоубийство" (если здесь это выражение уместно) не будет ни в коем случае выражением отчаяния или безнадежности. Мы не раз говорили с Наташей, что может наступить такое физическое состояние, когда лучше самому сократить свою жизнь, вернее свое слишком

медленное умирание...

Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее. Эта вера в человека и его будущее дает мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия.

Л. Тр.

ИЗ ПРЕССЫ ТЕХ ЛЕТ

В ссылку!

Троцкого - в Верный, Каменева - в Пензу, Зиновьева - в Тамбов
Берлин, 16 января (Гавас).

Пауль Шеффер телеграфирует (телеграмма датирована 14 января) :

В четверг вечером выяснилось окончательно, что приказ о ссылке Троцкого, Каменева, Зиновьева и других будет приведен в исполнение в понедельник, если не случится чего-либо непредвиденного.

Троцкий ссылается в г. Верный (Средняя Азия). Раковский - в Астрахань. Радек должен был выехать в воскресенье на Урал, где ему будет указан дальнейший пункт следования, Каменев ссылается в Пензу, Зиновьев - в Тамбов.

В начале прошлой недели выехали в ссылку около 50 членов оппозиции.

Много троцкистов арестованы и высланы и из провинции.

Приказ ГПУ ссылается на статью 58 уголовного кодекса (контрреволюция).

Приказ о ссылке был приведен в исполнение в понедельник, так как оппозиции удалось выиграть время. Всеми сосланными были поданы в Совнарком заявления с требованием сообщить о мотивах репрессии и об ожидающей их судьбе.

"Последние новости", 17 июля 1928 г.

Изгнание Троцкого из Советской России

Агентство "Юнайтед Пресс" воспроизводит следующий слух: "Согласно полученным достоверным частным сведениям... Троцкий получил от советских властей разрешение на выезд за границу и уже выехал со своей женой и своим сыном в Константинополь. Передают, что Троцкий оттуда намерен поехать в Берлин".

Берлин, 30 января.

Коммунистические газеты, издающиеся в Берлине, сообщают, что в скором времени Троцкий вместе со своей семьей будет изгнан из Советской России.

Комментируя это известие, официальный большевистский орган "Ротэ Фанэ" пишет: "Троцкий предатель, и поэтому он заслуживает того, чтобы его возвратили буржуазному миру, к которому он принадлежит".

Со своей стороны, "Фоссише Цейтунг" пишет, что единственной причиной высылки Троцкого нужно считать непрерывное усиление в недрах коммунистической партии так называемой оппозиции, возглавляемой Троцким.

Несмотря на свое изгнание в Среднюю Азию, пишет та же газета, Троцкий сносился с высланными в разные места своими единомышленниками, а также с оставшимися в Москве оппозиционерами.

Эта же газета подтверждает, что Троцкий намерен поселиться или в Турции, или в Германии. Вопрос, конечно, в том, пустят ли его туда.

"Возрождение", 31 января 1929 г.

Троцкий еще в Константинополе

В "Чикаго Трибюн" помещена беседа с Керенским, который выражает надежду, что иностранные правительства окажут Троцкому гостеприимство, дадут ему визу и тем самым докажут, что они с большим уважением относятся к свободе, чем это делают большевики в СССР.

"Возрождение", 2 марта 1929 г.

Как Троцкий ехал в Норвегию

Нам пишут из Осло:

Зачинщиком приезда сюда Троцкого "для чтения доклада (?) в Норвежском студенческом союзе" был председатель его Эванг, отъявленный коммунистический болтун, два года тому назад окончивший университет.

Троцкому было дано разрешение на въезд, но при условии наличия у него обратной визы, и притом всего на восемь дней житья в Норвегии. При этом было поставлено условие, чтобы он "в своем докладе" не касался норвежской политики.

Разрешение на въезд остается в силе до 15 марта, но многие страны отказали Троцкому в проездных визах, и ему вряд ли удастся "докладывать" что-нибудь в Норвегии.

Норвежцы возмущены манипуляциями Эванга. Уже известно, что норвежский Союз судоводителей резко протестовал против того, чтобы Троцкий "проехался" в Норвегию на норвежском судне. В Осло Союз норвежских моряков постановил отказаться от перевозки Троцкого в страну и вместе с тем выразил сожаление по поводу данного Троцкому разрешения на въезд. Из разных городов Норвегии все время поступали протесты.

Страна возмущена, и показателем общего возмущения может быть до крайности резкий тон норвежской печати. Так, влиятельнейшая "Афтенпостен" пишет в своей передовой:

"Власть имущие оказывают содействие для въезда к нам зачинщику гражданской войны и террора, убийце Троцкому".

Или:

"В Норвегию импортируют кровожадную собаку - Троцкого".

"Неужели будет дано разрешение на въезд обер-палачу большевистской революции? Нет, оставьте Троцкого там, где он есть".

Как видно, Троцкому в Норвегии не бывать.

"Возрождение", 4 февраля 1931 г.

Путешествие четы Троцких

Копенгаген, 17 ноября (Юнайтед Пресс)

Студенческий социалистический союз, пригласивший Троцкого в Копенгаген, взял на себя все расходы по поездке. Лекция Троцкого состоится в самой большой городской зале. Чистый доход от лекции будет разделен пополам между Троцким и студенческим союзом.

Ходатайствуя о визе, б. наркомвоен обязался воздержаться на время пребывания в Дании от всякой политической агитации.

Афины, 17 ноября.

Как выясняется, Троцкого сопровождают три секретных агента полиции, занимающие соседнюю каюту. Троцкий боится покушения со стороны сталинцев.

Лондон, 17 ноября.

Афинский корреспондент "Дейли Экспресс", неоднократно встречавшийся с Троцким, был единственным журналистом (из 50), которому удалось если не увидеть на пароходе Троцкого, то по крайней мере снестись с ним через третье лицо. Корреспондент поставил ему ряд вопросов, на которые Троцкий ответил следующее:

"Состояние моего здоровья улучшилось. На такие вопросы, как-то: продолжаю ли я верить в большевизм и считаю ли большевистский опыт удавшимся или нет - я затрудняюсь ответить мимоходом. Для этого мне нужно было бы углубиться в вопрос".

Московский корреспондент той же газеты обратился к представителю советского правительства с просьбой высказаться по поводу поездки Троцкого. Ему ответили, что в Москве не придают ни малейшего значения, что говорит или делает Троцкий, а потому его поездка не заслуживает обсуждения.

"Последние новости", 18 ноября 1932 г.

Троцкий в Марселе

Марсель, 21 ноября

Вчера вечером и сегодня утром телефонная линия между Парижем и Марселем не знала отдыха. Длинные шифрованные телеграммы отправлялись из Марселя в Париж и из Парижа в Марсель. Приезд Троцкого причинил французским властям немало беспокойства.

В ожидании

К 11 час. утра близ набережной, куда должна была пристать "Прага", на борту которой, как известно, выехали из Стамбула Троцкий, его жена и их три спутника, собралась огромная толпа: любопытные, коммунисты, троцкисты и целая армия журналистов, фотографов и кинооператоров.

К 12 час. дня набережную окружили значительные полицейские силы. Прибыли: начальник Сюртэ женераль и начальник полиции. Агенты Сюртэ и сотни полицейских заняли 5-ю секцию дока, куда должна была причалить "Прага".

Но все это была только инсценировка. По предписанию из Парижа в порт были брошены значительные полицейские силы, чтобы ввести в заблуждение приехавших со всех концов Европы журналистов.

Маневр Сюртэ женераль

А тем временем "Прага" бросила якорь у острова Мэр - первого по пути острова в Марсельском заливе. На пароход поднялся инспектор Сюртэ. Внизу ждала уже быстроходная моторная лодка на которой находилось несколько прибывших из Парижа агентов Сюртэ женераль.

Инспектор Сюртэ, поднявшийся на борт "Праги", переговорил сперва с капитаном, а затем отправился в каюту Троцкого и сообщил ему, что правительство разрешает проезд его и его спутников через французскую территорию только при соблюдении некоторых условий.

Троцкий охотно согласился выполнить все, что от него требовалось, и первый спустился в моторную лодку. За ним сошла его жена, а затем три секретаря. Лодка отъехала и направилась к Эстаке, пустынной части марсельского побережья.

Беседа с корреспондентом аг[ентства] Гавас

Здесь, разумеется, никто не ждал бывшего наркомвоена, кроме специального корреспондента агентства Гавас. Этому последнему Троцкий сообщил следующее:

"Мое путешествие лишено всякой таинственности и не представляет, как мне кажется, никакого общественного интереса. Вот почему я отказался делать какие-либо заявления представителям греческой и итальянской печати. Но так как это обстоятельство породило нежелательные толки, то я считаю долгом сообщить вам нижеследующее:

Я провел четыре года в Турции. Читал, писал, в свободные часы занимался рыбной ловлей и охотой. Был занят почти исключительно историей русской революции. Работа эта закончена и последняя ее часть печатается.

Копенгагенские студенты по собственной инициативе пригласили меня прочесть лекцию на тему: "Что такое Октябрьская революция?" Я не знаю датского языка и буду говорить по-немецки. Лекция преследует научные, а не пропагандистские цели. Это, разумеется, не значит, что я намерен скрывать свою точку зрения, которая в настоящий момент остается такой же, как и во время октябрьского переворота 1917 года.

Меня сопровождает жена, г-жа Седова, 30 лет разделяющая со мной все превратности жизни, и три моих секретаря, приехавших по собственной инициативе из трех различных стран на о. Принкипо, чтобы помогать мне в моих научных и политических работах: чехословак Ян Френкель, немец Отто Шлуссер и француз Пьер Франк.

После нашего короткого путешествия мы все возвратимся на Принкипо, где сохранили за собой квартиру и оставили небольшую библиотеку, восстановленную после пожара 1931 года. Вот и все".

На автомобиле Сюртэ женераль Троцкий и его спутники выехали в Арль. До Лиона они доедут в автомобиле, а оттуда по железной дороге выедут в Копенгаген через Париж.

"Последние новости", 21 ноября 1932 г.

У Троцкого на Принкипо

Специальный корреспондент "Пари-Суар" Жорж Сименон побывал на Принкипо у Троцкого. Опальный сов. сановник согласился принять журналиста, но потребовал, чтобы вопросы были ему предварительно представлены на просмотр в письменной форме.

Извозчик подвез Сименона к вилле, за решеткой которой дежурил турецкий

полицейский в форме. Затем появился второй полицейский - в штатском. Оба уже были предупреждены о предстоящем визите. Сезам открылся.

В небольшом саду какой-то растрепанный юноша, развалившийся в кресле, был занят чтением английской брошюры. Это - один из учеников Троцкого, приехавший "на поклон".

Прежде чем проникнуть в кабинет "мэтра", Жорж Сименон разговорился с секретарем. От него он узнал, что Троцкий ездит в Стамбул только в тех случаях, если ему нужны услуги врача или дантиста.

Интервью свое Троцкий приготовил заранее и переписал в двух экземплярах. Один дал журналисту, другой оставил у себя, причем Сименон на нем расписался: Троцкий очень боится, как бы его слова не были искажены...

Вручив интервью, он любезно показал журналисту каик, на котором ежедневно ездит на рыбную ловлю. Вообще он отлично себя чувствует на Принкипо.

Жаль только, что газеты приходят сюда со значительным опозданием...

"Последние новости", 15 июня 1933 г.

Троцкий и Литвинов в Руайя

Специальный корреспондент "Энтрансижан" из Руайя уверяет, что приезд Троцкого в Руайя преследовал одну цель - встречу с Литвиновым. Из этого ничего не вышло, но не по вине Троцкого.

Когда Троцкий обратился в Париж с просьбой разрешить ему приехать на Корсику, Кэ д-Орсэ, поддерживающее теперь с Москвой хорошие отношения, запросило Довгалевского, не возражает ли советское правительство против приезда Троцкого. Довгалевский не возражал. Троцкий узнал об этом и решил, что Сталин желает с ним помириться.

Высадившись на французском берегу, опальный наркомвоен тотчас же умчался в Руайя. Зная, что Литвинов остановился в отеле "Регина", Троцкий поселился в пансионе по соседству и немедленно же явился в "Регину", где попросил передать его визитную карточку г-ну Линде (под этой фамилией Литвинов проживает в Руайя).

Наркоминдел ответил:

- У меня нет никаких оснований принимать этого господина. Скажите ему, что я его не приму.

Троцкий пытался повидать полпреда в Турции Сурица. Но и Суриц отказался беседовать с Троцким. Так попытка примирения со Сталиным кончилась неудачей.

"Последние новости", 8 августа 1933 г.

Покончила с собой дочь Троцкого

Причины: тяжелая болезнь и отказ в продлении визы. Берлин, 11 января.

Покончила с собой проживавшая в Берлине дочь Троцкого, Зинаида, по мужу Волкова. Она жила при отце в Турции, но затем получила, по болезни, разрешение на временное проживание в Германии. Срок визы недавно истек, и Волковой было предложено покинуть страну.

По словам той же газеты, в Берлине проживает сейчас сын Троцкого, студент политехникума.

Берлин, 11 января.

Зинаида Волкова - дочь Троцкого от первой жены, революционной деятельницы А. Л. Вонской, с которой бывший наркомвоен разошелся перед войной. Младшая дочь Троцкого, Нина, скончалась от туберкулеза.

Муж Зинаиды, Волков, сослан в Сибирь. Дочь Троцкого получила в 1930 году разрешение выехать к отцу в Турцию. В 1931 г. она приехала в Берлин лечиться.

* * *

Берлинский корреспондент "Пари Суар" посетил квартиру в Керльфорте, близ Берлина, где проживала дочь Троцкого.

1 января Волкова заявила квартирной хозяйке, что должна уехать, так как власти отказали ей в продлении визы.

Оставшись одна в квартире, дочь Троцкого заперлась в своей комнате и открыла газ. В комнате нашли записку следующего содержания: "Позаботьтесь о моем мальчике. Умираю из-за болезни и отчаяния".

Волкова была в России учительницей.

Сын Троцкого, Лев, сообщил корреспонденту, что и ему грозит высылка из Германии.

"Последние новости", 12 января 1933 г.

Троцкий в Барбизоне

"Служба связи"

"Случай с Троцким обнаружил, как блестяще поставлена служба связи между нашими административными учреждениями", - пишет "Эвр" и рассказывает, как было обнаружено местопребывание бывшего наркомвоена.

В декабре 1933 года Троцкому было официально разрешено поселиться в Барбизоне. Черные очки обитателя виллы, мотоциклист, злые собаки, усовершенствованные замки, запертые ворота заинтриговали городских обывателей. Посыпались жалобы мэру, тот дал немедленно знать прокурору.

Над таинственной виллой было установлено наблюдение. Беспокорство среди жителей Барбизона все росло.

Комедия эта продолжалась три месяца... За это время никто из должностных лиц в Барбизоне не был предупрежден, что бывшему наркомвоену разрешено проживание в Барбизоне.

Наконец после целого дня лихорадочных приготовлений мобилизовали жандармерию, целую бригаду инспекторов, из них одного-полиглота, окружили виллу и потребовали у человека в черных очках предъявления документов. Тот ответил:

- Я Троцкий, а вот документ, разрешающий мне проживание в департаменте Сены и Марны.

Жандармам, инспекторам, представителям судебных властей, любопытным и полиглоту ничего не оставалось, как удалиться и на досуге поразмыслить, с какой быстротой осуществляется служба связи между административными учреждениями.

Где Троцкий?

По словам "Журналы", слухи о том, что Троцкий с женой покинули виллу "Кер Моник" и уехали в неизвестном направлении, неверны. Бывший наркомвоен по-прежнему проживает на вилле. Таинственный мотоциклист все так же привозит из Парижа обширную корреспонденцию.

"Берегитесь собак!"

На воротах виллы "Кер Моник" красуется надпись:

"Берегись собак!"

Бывшего наркомвоена охраняют два свирепых пса, настоящих зверя: Султан и Нева. Собаки превосходно дрессированы, повинуются малейшему приказанию. Легкий свист из виллы, неслышимый для постороннего приказ, и собаки мчатся к хозяевам.

Как жили на вилле "Кер Моник"?

Троцкий со своей свитой жили в Барбизоне, как в осажденной крепости. Никого постороннего за ворота не пропускали. Троцкий вставал обычно рано и утром же принимал посетителей, по большей части своих политических единомышленников. О всяком свидании надо было сговариваться с одним из его секретарей. При свидании непременно присутствовал секретарь, исполняющий в то же время обязанности телохранителя.

Наиболее частыми посетителями виллы были одна женщина и поляк, по прозвищу "Стась". Лица эти пользовались наибольшим доверием бывшего наркомвоена и бывали у него очень часто. Сам Троцкий ни разу не покидал Барбизона и лишь изредка гулял по лесу Фонтенбло. В Париж ездила его жена.

Обитатели "Кер Моник" постоянно опасались покушения со стороны белых. В феврале из Парижа были получены тревожные вести. Вилла была переведена на военное положение. Собаки день и ночь бегали по парку, заряженные револьверы лежали наготове. Одно время даже предполагалось, что Троцкий с женой уедут в Руайя. Тревога продолжалась две недели. Затем все вошло в норму.

Требования высылки Троцкого

Ряд газет, в их числе "Матэн", "Ле Жур", "Журналь", "Эко де Пари", "Фигаро" и др., настойчиво требуют высылки Троцкого из Франции.

"Мы просим нынешнего министра внутренних дел, - пишет Леон Бельби в "Жур", - без фраз и без промедления выдворить Троцкого. В случае надобности мы ему поможем".

"Во Франции нет места опасному агитатору и человеку Брест-Литовска", - восклицает "Матэн".

За предоставление убежища высказывается "Эр Нувель":

"Франция всегда была гостеприимна по отношению к политическим эмигрантам. Это - одна из самых наших благородных традиций. Как Альфонс XIII и белые русские, Троцкий имеет право на гостеприимство Франции".

"Юманите" по-прежнему утверждает, что Троцкий делает себе рекламу, и обвиняет его в том, что он получает деньги от... Сюртэ женераль.

"Последние новости", 18 апреля 1934 г.

Троцкий в Барбизоне

Вчера разнесся слух, что Троцкий уже покинул "Кер Моник". Проверить этот слух не удалось, хотя журналисты и фотографы продолжают неотлучно дежурить у виллы.

Со вчерашнего дня вилла охраняется жандармами.

Рано утром мотоциклист, из-за которого пребывание Троцкого в Барбизоне было обнаружено, приехал, как обычно, с почтой. Ему пришлось подождать, пока открыли ворота, а тем временем его обступили журналисты:

- Когда вы уезжаете?
- Это зависит не от нас.
- А от кого?
- От вашего правительства.
- Ваши ящики запакованы?
- Не совсем...

"Продаются собаки"

На воротах виллы третьего дня появилось объявление: "Продаются собаки. Обращаться в агентство Х." Покидая Францию, Троцкий должен расстаться со свирепыми псами, сторожившими его покой. Секретаря, подошедшего к воротам, журналисты спросили:

- Зачем продаются собаки? Быть может, Троцкий нуждается в деньгах?

Секретарь ответил:

Может быть, Троцкий и нуждается в деньгах, но собаки ему, во всяком случае, больше не нужны...

Уехал ли Троцкий?

Могу вас уверить, что он еще здесь.

Два раза в течение дня открывались ворота и в парк виллы пропускали автомобиль. Оба раза на него грузили папки с документами, перевязанные бечевками. Русский шофер оказался неразговорчив. Автомобиль уехал по направлению к Парижу.

Судебный пристав у Троцкого

В 10 час. утра у ворот виллы позвонил "юиссье" из Мелэна. Его впустили, и через 10 минут он снова вышел.

"Юиссье", конечно, отказался что-либо сообщить журналистам. Но вечерние газеты уверяют, что "юиссье" явился за получением денег для одного бюро газетных вырезок и пригрозил через 3 дня наложить арест на имущество, если деньги не будут уплачены.

Протесты против высылки

Резолюцию протеста против высылки Троцкого приняла Лига прав человека и гражданина.

Избирательное собрание рабочих 9-го аррондисмана, созванное социалистической партией, на котором присутствовало 1000 человек, также приняло резолюцию протеста

против высылки Троцкого.

Троцкому не будет разрешено вернуться в СССР

Берлин, 21 апреля.

Московский корреспондент "Б. Ц. ам Миттаг" телеграфирует, что высылка Троцкого из Франции ни в чем не изменит отношения к нему советского правительства. Москве совершенно безразлично, высылают ли Троцкого из Франции или нет, а также дадут ли ему разрешение поселиться в другой европейской стране.

Во всяком случае, у Троцкого есть разрешение на проживание в Турции, и он может всегда туда вернуться.

* * *

Некоторые точные сведения о высылке Троцкого сообщает Жео Лондон в "Журналь": Троцкий выразил пожелание уехать в Испанию или в Турцию. Похоже на то, что только Турция готова оказать ему гостеприимство.

В ожидании визы бывшему наркомвоену разрешено остаться во Франции, но он предупрежден, что отъезд должен состояться в самом ближайшем будущем.

"Последние новости", 22 апреля 1934 г.

Неудача агентов ГПУ

Вместо архива Троцкого чекисты унесли вырезки старых газет

Сотрудник "Журналь" Жан Бланси, произведший самостоятельное расследование всех обстоятельств похищения архивов Троцкого из помещения Международного института социальной истории на рю Мишле, сообщает некоторые интересные подробности.

Свой архив Троцкий продал или передал институту через посредство близких лиц и, в частности, сына Седова, проживающего в Париже и обучающегося в одном из французских институтов.

Доставка архива заведующему парижским отделением института Б. И. Николаевскому должна была быть произведена в два приема. Первая часть его, содержащая 15 пакетов, уже прибыла и именно ее похитили, вторая ожидалась лишь на этой неделе.

Именно вторая еще недоставленная часть архива содержит важные и интересные документы. 15 унесенных пакетов не представляют большой ценности. В 12-ти из них - старые газеты и газетные вырезки на русском и немецком языках; в трех - рукописи напечатанных статей.

Похитителей, конечно, больше всего интересовала личная переписка Троцкого, которой они не нашли, так как эта часть архива еще не доставлена. Можно себе представить, какую ценность этот материал представил бы для Москвы в связи с предстоящим вторым процессом троцкистов. Располагая таким материалом, ГПУ могло бы состряпать обвинительный акт, который производил бы впечатление достоверности...

Сотрудник "Журналь" не сомневается, что похищение архивов на рю Мишле - дело ГПУ. В этом же, по его словам, убеждена и полиция. Вся операция, как уже знают читатели, была

проведена с большой ловкостью. Полицейские инспектора заявили, что "техника всей операции, некоторых подробностей которой пока еще, по понятным причинам, нельзя сообщать, до этого дня была абсолютно не известна во Франции". Только иностранные "профессионалы", снабженные специальными аппаратами, могли произвести такую работу...

"Последние новости", 10 ноября, 1936 г.

Н. Крыленко Враг народа - Троцкий

В истории есть имена, покрытые позором и ненавистью, переходящие из поколения в поколение как синоним человеческой подлости и мерзкий символ попрания всяких законов и принципов человеческой морали.

Их произносят с гадливостью и отвращением. Таково имя Хама - одного из трех сыновей праотца Ноя, имя сына, надругавшегося над наготой своего отца. Пусть исторически Хам в буквальном смысле не существовал, но Хам как нарицательное имя вошел в историю, и хамством именуется с тех пор всякое проявление человеческой низости и в то же время самоуверенной грубости и цинизма.

Таково имя Иуды, продавшего своего учителя - Христа за 30 сребренников и предавшего его "Иудиным лобзанием". И с тех пор имя Иуды сделалось нарицательным именем для предателей всех времен и всех народов.

Таково имя Малюты Скуратова - кровавого палача царя Ивана Грозного, имя, которым матери пугали маленьких детей, хладнокровного изверга, корыстного и алчного зверя.

История знает еще много имен аналогичных носителей мерзостных преступлений, гнусных злодеяний, грязных предательств большого или меньшего калибра - Неронов и Калигул, Борджиа и Лойолы, сошествие которых в могилу и историческое небытие провожали проклятия народа.

Таково имя Троцкого - Иуды-предателя наших дней, совместившего в своем лице совокупность всех черт своих предшественников на арене лжи, предательства, измены и чудовищных злодеяний, самовлюбленного Нарцисса и холодного эгоиста, для которого человеческая жизнь, человеческие страдания, трупы невинных людей - рабочих и крестьян, женщин и детей и даже трупы его собственных приспешников и клеветников - только средство для достижения своих целей.

Таково имя Троцкого, перещеголявшего всех своих предшественников-предателей и злодеев, каких только знала история, предававшего многомиллионный народ, необъятную великую страну, предававшего и продававшего цинично, не гнушаясь ничем, организуя и осуществляя убийства, взрывы, поджоги и подготавливая мировую бойню на радость своим друзьям - черным силам кровавого фашизма.

Пресмыкавшийся много лет назад перед ликвидаторами, Троцкий пресмыкается теперь перед фашистами.

Суровый приговор Верховного суда социалистической страны запятнал его прозвищем "врага народа" и этот исторический эпитет с этого момента неразрывно слился с именем Троцкого. С этим прозвищем он будет жить остаток дней, с этим прозвищем он сой

дет в могилу, с этим прозвищем он войдет в историю как чудовищное соединение в одном лице всей суммы преступлений, какие только знают уголовные законы, какие только могло создать человеческое представление о "преступном", ибо действительно все

преступления, которые знает история человеческих общественных отношений, из наиболее подлых и тяжелых он сконцентрировал в своих делах, в своей "политической", с позволения сказать, "работе".

Измена делу социализма, которому он по-своему, но все же когда-то служил.

Откровенный беззастенчивый сговор с руководителями самой черной фашистской реакции, с палачами рабочего класса и трудящихся масс, с насильниками и реставраторами средневекового варварства и наймитами империалистического капитала, сговор, направленный на удушение и разграбление единственной в мире социалистической страны, на реставрацию капитализма в СССР и восстановление в стране социализма капиталистической эксплуатации и рабства.

Измена своей стране, если можно говорить о том, что у этого изверга человеческого рода была когда-либо "своя" страна, для блага или во имя блага которой он направлял свою работу, измена своей стране после того, когда эта страна сделалась рычагом освобождения народов и когда на деле она доказала возможность победы и осуществления идей социализма в одной стране в окружении еще не рухнувшего капиталистического строя.

Торговля потом и кровью, страданиями и трудом миллионов трудящихся Украины и Дальнего Востока с целью заполучить для себя частицу власти с ясным сознанием одновременно того, что эта власть будет призрачной властью, зависимой от иностранных империалистов и капиталистических акул.

В этих целях сознательное, хладнокровное вступление на путь вредительства, всякого рода диверсионных актов, взрывов и поджогов, разрушение железнодорожного транспорта и организация крушений воинских эшелонов, шпионаж и "использование" для этого услуг германской и японской разведки, что фактически означало передачу в распоряжение этой разведки своих доверенных людей и превращение их в типичных чужеземных лазутчиков и шпионов.

Наконец, вступление для этого на путь организации убийств и террористических актов с применением одновременно той же тактики убийств по отношению к тем своим соратникам, которые проявляли колебания, посылка их на смерть под угрозой смерти от других своих агентов - таковы методы "работы" Троцкого и его агентуры.

Все это сопровождалось неслыханным вероломством, стремлением под лицемерной личиной двурушника проникнуть на важные участки в нашей стране при помощи Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова, Дробниса, Богуславского и других.

Всю жизнь Троцкий боролся против В. И. Ленина. Не раз В. И. Ленин клеймил Троцкого именем "Иудушки", "дипломата самой мелкой пробы", говорил о его "иезуитстве", "утонченном вероломстве" и т. д. Троцкий для достижения своих целей шел на политический блок и союз равно с Зиновьевым и Каменевым, с Гессом и Гитлером, с японским генеральным штабом и его шпионами. Владимир Ильич писал: "С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов... его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы". В другом месте Ленин писал: "Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого".

Враг народа - это значит враг миллионов людей нашей страны, враг миллионов тружеников СССР, за 20 лет упорной и напряженной борьбы построивших социалистическое общество, где не может быть ни эксплуатации, ни гнета.

Враг народа -это значит враг и тех сотен миллионов людей, которые еще стонут под игом капитала и рвутся к освобождению из-под этого ига каждый день и каждый час, принося в кровавой борьбе бесчисленные жертвы.

Враг народа--это значит и враг тех миллионов людей, которые уже восстали в революционной борьбе на завоевание себе иных, свободных условий существования, но не успели еще закрепить и завершить свою победу, и на которых обрушились сейчас на полях Испании интервенционистские банды итальянского и германского фашизма. Подлый прислужник фашистских интервентов, готовивший Советской стране участь нынешней Германии и Италии, враг советского народа Троцкий является врагом также и рвущихся к освобождению миллионов трудящихся всего мира.

Враг народа, вступающий в сговор с японскими империалистами, он тем самым враг сотен миллионов китайских рабочих и крестьян, маньчжурских трудящихся, японских рабочих и крестьян, стонущих под сапогом японской военщины.

Суровый приговор Верховного суда указывает в своей констатирующей части: "На основании указаний врага народа Л. Троцкого параллельный антинародный троцкистский центр основной своей задачей ставил свержение Советской власти в СССР и восстановление капитализма и власти буржуазии путем вредительской, диверсионной, шпионской и террористической деятельности, направленной на подрыв экономической и военной мощи Советского Союза, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам и на поражение СССР".

Каждый рабочий в нашей стране, каждый колхозник, каждый красноармеец, каждый трудящийся не может не сознавать, что непосредственно и прямо против него направлены эти действия врага народа.

Мы сделали свою страну из страны нищей и голодной, неграмотной и отсталой страной, которая может соперничать с самыми передовыми странами капитала по своей экономической мощи и культурному и политическому уровню.

Восстановить капитализм - это значит на наших социалистических фабриках поставить прежнего капиталиста, во имя накопления прибыли которого должны будут работать десятки и сотни тысяч наших рабочих на машинах и орудиях труда, созданных нами, усовершенствованных нами, на заводах и фабриках, построенных нами, на наших предприятиях, работающих сейчас, как говорит великая Сталинская Конституция, на основе государственного народнохозяйственного плана "в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности" (ст. 11).

Вернуть капитализм - это значит вместо провозглашенного сейчас у нас в СССР социалистического принципа "от каждого по его способностям, каждому по его труду" и принципа "кто не работает, тот не ест" вернуться к капиталистическому принципу "тот, кто работает, тот не ест", возродить класс тунеядцев и эксплуататоров и вместе с тем превратить снова труд из дела чести, доблести, геройства в каторжную повинность, принудительно осуществляемую под угрозой голода и палки капитала.

Каждый колхозник, каждый честный труженик деревни должен понимать, что против него направляет враг народа Троцкий свою "работу", ибо восстановление капиталистических отношений в деревне означает возвращение помещичьего класса со всеми его навыками, традициями, привычками, возвращение в деревню кулака и превращение нашей новой деревни "с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее

клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями" в старую деревню "с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане" (Сталин).

Каждый красноармеец должен понимать, что против него направлял враг народа Троцкий свое дело, ибо вернуть капитализм значит вернуть старую армию с ее золотопогонной сволочью - генералами, полковниками из капиталистического класса, с палочной дисциплиной и превращением армии в орудие закабаления народа. Каждый красноармеец должен знать, что до наступления этого момента враг народа Троцкий ставил своей задачей "путем развития пораженческой агитации, вредительской, диверсионной и шпионской деятельности" уничтожить его во время военного нападения на Советский Союз систематическими изменами в тылу, предательством и диверсиями.

Каждый трудящийся нашего Союза, каждый гражданин нашей великой и единой советской семьи должен знать, что враг народа Троцкий ставил своей задачей отобрать у него, гражданина СССР, великие права, которые дала ему Сталинская Конституция: право на труд, на отдых, на образование, всеобщее и равное для всех право на участие в государственном управлении, равенство национальностей, равенство полов и возможность идти все дальше и вперед развернутой дорогой к коммунизму.

Верховный суд приговорил к расстрелу главных пособников, клеветов и агентов врага народа Троцкого. Пятаков и Серебряков, Муралов, Дробнис и др. - расстреляны. Шпионы и предатели, диверсанты и изменники, контрреволюционеры и агенты японского и германского фашизма понесли должную кару, но враг народа Троцкий еще жив и живы еще и продолжают свою подлую работу в нашей стране еще не раскрытые его агенты, которых нельзя различить от прямых и ничем не прикрытых разведчиков, диверсантов и шпионов.

Весь 170-миллионный советский народ и вслед за ним и вместе с ним все миллионы рабочих и трудящихся всех стран и всех народов клеймят презрением и ненавистью Троцкого - врага народа. Троцкий - враг народа, - с этим названием после приговора Верховного суда вошел он сейчас в сознание миллионов. Проклятием они покрывают его имя. В предвидении великих новых битв с тем большей ненавистью говорят они о нем, укrywшемся под охраной еще не павших капиталистических твердынь.

Нет имени сейчас более ненавистного трудящимся всего мира, более презренного и покрытого грязью и "позором злодейских преступлений".

Народы всего мира в великих битвах завтрашнего дня сметут с лица земли, как былинку, врага народа Троцкого и его шайку, где бы она ни притаилась, какие бы новые козни ни злоумышляла, какими бы новыми предательствами, изменами и подлыми делами она им ни грозила.

И рядом с именами Иуды и Малюты, Борджиа и Лойолы отойдет тогда в небытие и имя Троцкого - врага народа.

"Известия", 5 февраля 1937 г.

Смерть Троцкого

Лондон, 22 августа (ТАСС). Лондонское радио сегодня сообщило:

В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения.

"Правда", 24 августа 1940 г. Смерть международного шпиона

Телеграф принес известие о смерти Троцкого. По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся - Жак Морган Вандендрайш[48] - один из ближайших людей и последователей Троцкого.

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда - большевистской партии. Господствующие классы капиталистических стран потеряли верного своего слугу. Иностранцы разведки лишились долголетнего матерого агента, организатора убийц, не брезгавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей.

Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия. Недаром Ленин еще в 1911 году окрестил Троцкого кличкой "Иудушка". И эта заслуженная кличка навсегда осталась за Троцким.

Троцкий начал свою политическую деятельность как меньшевик-антиреволюционер. Уже в 1903 году, на втором съезде РСДРП, он яростно выступает против Ленина, отстаивая и поддерживая взгляды Мартова и других антиреволюционных меньшевистских лидеров. Вскоре, к началу русско-японской войны, Троцкий еще откровеннее показывает свое лицо отступника и антиреволюционера. Он скатывается на позиции махрового оборончества, то есть защиты "отечества", царя, помещиков и капиталистов.

Революцию 1905 года Троцкий встретил пресловутой теорией "перманентной" революции. Это была теория разоружения пролетариата, демобилизации его сил. После поражения революции 1905 года Троцкий поддерживает меньшевиков-ликвидаторов. Владимир Ильич Ленин так писал тогда о Троцком: "Троцкий повел себя, как подлецкий карьерист и фракционер... Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров".

Троцкий явился, как известно, организатором августовского антиреволюционного меньшевистского блока всех групп и течений, выступавших против Ленина.

Начавшуюся в августе 1914 года империалистическую войну Троцкий встретил, как и следовало ожидать, на той стороне баррикад - в стане защитников империалистической бойни. Он прикрывал свою измену пролетариату "левыми" фразами о борьбе с войной, фразами, рассчитанными на обман рабочего класса. По всем важнейшим вопросам войны и социализма Троцкий выступал против Ленина, против большевистской партии.

Все возрастающую силу влияния большевиков на рабочий класс, на солдатские массы после февральской буржуазно-демократической революции, огромную популярность лозунгов Ленина в народных массах меньшевик Троцкий расценивал по-своему. Он вступил в нашу партию в июле 1917 года вместе с группой своих единомышленников, заявив, что он "разоружился" до конца.

Последующие события показали, однако, что меньшевик Троцкий не разоружился, ни на минуту не прекратил борьбы против Ленина и вошел в нашу партию для того, чтобы взорвать ее изнутри.

Уже через несколько месяцев после Великой Октябрьской революции, весной 1918 года, Троцкий вместе с группой так называемых "левых" коммунистов и левых эсеров организует злодейский заговор против Ленина, стремясь арестовать и физически уничтожить вождей пролетариата Ленина, Сталина и Свердлова. Как и всегда, сам Троцкий - провокатор, организатор убийц, интриган и авантюрист - остается в тени. Его руководящая роль в

подготовке этого злодеяния, к счастью неудавшегося, полностью вскрывается лишь через два десятилетия на процессе антисоветского "право-троцкистского блока" в марте 1938 г. Только через двадцать лет грязный клубок преступлений Троцкого и его приспешников был окончательно распутан.

В годы гражданской войны, когда страна Советов отражала натиск многочисленных полчищ белогвардейцев и интервентов, Троцкий своими предательскими действиями и вредительскими приказами всячески ослаблял силу сопротивления Красной Армии, ввиду чего ему было воспрещено Лениным посещать Восточный и Южный фронты. Общеизвестен факт, когда Троцкий, в силу своего враждебного отношения к старым большевистским кадрам, пытался расстрелять целый ряд не угодных ему ответственных коммунистов-фронтовиков, действуя этим на руку врагу.

На том же процессе антисоветского "право-троцкистского блока" был перед всем миром вскрыт весь предательский, изменче-ский путь Троцкого: подсудимые на этом процессе, ближайшие сподвижники Троцкого, признались, что и они, и вместе с ними и их шеф Троцкий уже с 1921 года были агентами иностранных разведок, были международными шпионами. Они во главе с Троцким ревностно служили разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии.

Когда в 1929 году советское правительство выслало из пределов нашей родины контрреволюционера, изменника Троцкого, капиталистические круги Европы и Америки приняли его в свои объятия. Это было не случайно. Это было закономерно. Ибо Троцкий уже давным-давно перешел на службу эксплуататорам рабочего класса. Троцкий запутался в своих собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники. С ним покончили те самые террористы, которых он учил убийству из-за угла, предательству и злодеяниям против рабочего класса, против страны Советов. Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний.

Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, сойдя в могилу с печатью международного шпиона и убийцы на челе.

"Правда", 28 августа 1940 г.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ТРОЦКОМ

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн, 1879-1940). Виднейший русский и международный революционер, один из идеологов первой русской революции, в 1905-1907 годах - председатель петербургского Совета. После поражения революции - в эмиграции. После возвращения в Россию в 1917 году - один из руководителей русской революции, фактический организатор октябрьского переворота в Петрограде, сторонник и теоретик мировой революции, один из наиболее радикальных элементов в советском правительстве: противник создания многопартийного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков, сторонник террора против непролетарских слоев населения, прежде всего крестьянства. Со смертью Ленина постепенно оттесняется от власти Сталиным, Зиновьевым, Каменевым и Бухариным. В 1926 году формирует так называемую левую оппозицию, однако проигрывает схватку и оттесняется правыми (Сталиным и Бухариным). В январе 1928 года ссылается в Алма-Ату, через год высылается из СССР в Турцию. В эмиграции продолжает заниматься политической деятельностью, издает журнал "Бюллетень оппозиции", формирует так называемый Четвертый Интернационал, резко выступает против Сталина, защищая в то же время советский строй как таковой. В августе 1940 года убит агентом НКВД Р. Меркадером, мексиканским коммунистом, получившим за убийство звание Героя Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЧАСТИ ПЕРВОЙ

1. Английский перевод документа был в сокращенном виде опубликован в октябре 1941 г. в Fourth International, полностью - в книге: Leon Trotsky. The Challenge of the Left Opposition (1926-27), New York, 1980; p. 165-172.

2. В. И. Ленин (1870-1924). Лидер большевизма, экстремистского крыла русского социал-демократического движения. Неудавшийся юрист, слабый экономист, банальный философ. Блестящий тактик партийной борьбы, искусный организатор раскола. Долгое время находился в эмиграции. В апреле 1917 г. при посредстве германского правительства возвращается в Петроград. В июле из-за проезда через Германию и раскрывшихся связей с немцами, в частности, и из-за проникшей в печать информации о получении большевиками от германского правительства денег, обвиняется Временным правительством в измене.

Скрывается от ареста. Безупречный авторитет Ленина в партии - одна из не соответствующих истине легенд советской историографии. Ленин неоднократно был близок к тому, что потеряет власть над партией: в ноябре 1917 г., когда вопреки воле большинства ЦК настаивал на создании однопартийного правительства; весной 1918 г., когда настаивал на подписании Брестского мира; в последние перед смертью месяцы, когда физически не был уже в состоянии вести борьбу против Сталина.

П. Н. Милюков (1859-1943), лидер кадетов, министр Временного правительства в марте - мае 1917 г. Эмигрировал в Париж, где был редактором "Последних новостей".

Н. В. Устрялов (1890-1938), с 1917 г. - кадет. В годы гражданской войны воевал в Белой армии. С 1920-го - в эмиграции в Харбине. Один из идеологов сменовеховства. Экономист. Создал теорию о неизбежном возрождении капитализма в СССР, чем не на шутку напугал Троцкого, который теорией Устрялова доказывал опасность правой оппозиции. В 1935 г. вернулся в СССР, где через три года был расстрелян.

Г. Н. Каминский, большевик с 1913 г., член ЦК. Активно выступал за коллективную собственность в сельском хозяйстве. Но для Троцкого был слишком "правым". В частности, Троцкий обвинял Каминского в том, что тот забрал контроль над кооперативами у "сельской бедноты" и передал его крестьянам, которых Троцкий неустанно именовал "кулаками". В 1937 г. был министром здравоохранения РСФСР. Арестован и исчез в Москве в 1937 г.

А. И. Микоян (1895-1978), в 1926 г. - нарком торговли. Троцкий имеет в виду следующую цитату из речи Сталина на апрельском пленуме 1926 г.: "Речь идет... о том, чтобы поставить Днепрострой на свои собственные средства. А средства требуются здесь большие, несколько сот миллионов. Как бы нам не пропасть, вместо того, чтобы починить плуг или обновить хозяйство, купил граммофон и... прогорел..." (Цит. по кн.: Л. Троцкий. Портреты революционеров. М., 1991, с. 170).

А. Г. Белобородов (1891-1938), член партии большевиков с 1907 г. В 1918 г. - председатель Исполкома Уральского областного Совета, один из исполнителей приказа Ленина и Свердлова о расстреле Николая Второго и его семьи. В 1919-м - член ЦК. В 1920 - кандидат в члены ЦК. В 1923-1927 гг. - нарком внутренних дел РСФСР. С 1927 г. - троцкист, оппозиционер. Исключен из партии в декабре 1927 г. решением XV съезда ВКП(б). Сослан в Усть-Вымь, расстрелян.

9. Дата не указана. Отправлена в дни высылки Троцкого в Алма-Ату. Документ хранится в Международном институте социальной истории (Амстердам), фонд SIBL, папка 2369 (1).

В. Р. Менжинский (1874-1934), социал-демократ с 1902 г. Во время октябрьского переворота - комиссар ВРК. С 1917 г. - нарком финансов РСФСР. С 1919 г. - член президиума ВЧК. С 1923 г. - заместитель председателя, а с 1926-го - председатель ОГПУ. Член ЦК с 1927 г.

Фраза курсивом вычеркнута.

М. Н. Калинин (1875-1946), в партии с 1898 года. С 30 марта 1919 г. - председатель ВЦИК. С 1922 - председатель ЦИК СССР. С 1938 - председатель Президиума Верховного Совета СССР. Член ЦК с 1919 и член Политбюро с 1926 г.

Г. К. Орджоникидзе (Серго, 1886-1937), большевик с 1903 г., в гражданскую войну один из политических руководителей Красной Армии. С 1920 г. - председатель Кавказского бюро ЦК, 1-й секретарь Закавказского крайкома. В 1924-1927 гг. - член РВС. С 1926 г. - председатель ЦКК и нарком РКИ, заместитель председателя СНК и СТО. С 1930 г. - председатель ВСНХ, член Политбюро. С 1932 г. - нарком тяжелой промышленности. Покончил самоубийством (а возможно, был убит).

И. Н. Смирнов (1881-1936), большевик, член ЦК с 1920 г., нарком почт и телеграфов, левый оппозиционер. Исключен из партии за оппозиционную деятельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда. Сослан, в Сухуми. В 1929-м раскаялся. Выставлен обвиняемым на процессе Зиновьева и Каменева. Расстрелян. Письмо Смирнову, видимо, первое письмо Троцкого, написанное из ссылки.

Х. Г. Раковский (1873-1941), один из руководителей балканских революционеров до и во время Первой мировой войны. Во время войны сотрудничал с немцами, получал от них деньги на пораженческую пропаганду. В 1918 г. - дипломатический представитель РСФСР на Украине (вместе с Мануильским). Позже (1919-1923) - глава второго советского правительства на Украине. В последующие годы - на дипломатической работе: с 1923 по 1925 г. - полпред в Англии, в 1925-1927 гг. советский посол во Франции. Первоначально один из лидеров левой оппозиции. Как оппозиционер исключен в декабре 1927 г. из партии постановлением XV съезда, сослан, раскаялся в 1934 г., был возвращен из ссылки, получил должность в Наркомате здравоохранения РСФСР. В начале 1936 г. был третьим заместителем председателя в ученом медицинском совете РСФСР. После образования 20 июля 1936 г. Наркомздрава СССР стал во главе этого учреждения. На московском (бухаринском) процессе 1938 г. выставлен обвиняемым, приговорен к двадцати годам. Умер в заключении. Подробную его биографию в 1919-1923 гг. см. в статье В. Мельниченко "Звездный час" ("Правда Украины", 15 января 1989 г., с. 2).

В. Каспарова - в оппозиции с 1926 г. В январе 1928 г. сослана в Куртан, видимо, за то, что подписала обращение оппозиционеров к Президиуму Исполкома Коминтерна.

Л. С. Сосновский (1886-1937), большевистский журналист, старый сот рудник "Правды" и "Вопросов страхования". Из мещан. В первые месяцы советской власти один из главных ораторов во ВЦИК, в том числе и во время исключения из ВЦИК меньшевиков и эсеров в июне 1918 г. До исключения в конце 1927 г. XV съездом из ВКП (б) являлся постоянным сотрудником "Правды". Как оппозиционер был в 1928 г. сослан в Барнаул. В середине тридцатых годов был восстановлен в партии, возвращен из ссылки и направлен на работу в "Известия". Арестован по делу параллельного антисоветского троцкистского центра (процесс проходил с 23 по 30 января 1937 г.). Расстрелян.

Н. И. Муралов (1877-1937), большевик с 1903 г. В 1918 г. - командующий войсками Московского военного округа. В 1920-е - оппозиционер, троцкист. В декабре 1927 г. исключен из партии постановлением XV съезда и сослан в Тару. В 1937 г. расстрелян по делу "антисоветского троцкистского центра (параллельного)".

Л. П. Серебряков (1890-1937), в партии с 1905 года. В 1918-1919 -член Президиума Моссовета. В 1919-1921 -член ЦК и член Оргбюро ЦК. В 1920-1921 -секретарь ЦК партии, член РВС Южного фронта. В 1922 - заместитель Наркома путей сообщения, с 1924 -на хозяйственной работе. Оппозиционер, член "объединенной оппозиции". В октябре 1927 г. исключен из партии постановлением XV съезда. Раскаялся в 1929-м. Расстрелян.

К. Б. Радек (Собельсон, 1885-1939), клички "Крадек", "Парабеллум", польско-немецко-русский революционер. До революции подозревался Дзержинским и Розой Люксембург в мошенничестве (присвоении общественных денег) и провокаторстве (сотрудничестве с германским и австро-венгерским правительством). По настоянию Дзержинского исключен сначала из польской, а затем и из германской социал-демократической партии. Взят под защиту Лениным. В годы первой мировой войны сотрудничал с Парвусом и Георгом Скларцем, а через них с германским правительством: В 1919-1924 гг. - член ЦК, член президиума Исполкома Коминтерна. С марта 1920 г. секретарь Коминтерна, ответственный за подрывную деятельность, прежде всего в Германии и Китае. В 1923 г. стал на путь оппозиции, в частности, по вопросу германской революции, которую, как считала оппозиция, Сталин "провалил". Примерно с этого времен" Радек начинает терять власть, его снимают со всех постов, а в декабре 1927 г. постановлением XV съезда партии исключают из ВКП (б) в числе других 75 оппозиционеров и высылают в Ишим. Летом 1929 г. Радек в письме на имя ЦК раскаивается в своей оппозиционной деятельности. По крайней мере один видный большевик, французский коммунист Х. Раппопорт, откликнулся на покаянное письмо Радека: Париж, 5 июня 1929 г.

Дорогой Радек,

Только что прочел в "Правде" от '30 мая твое письмо, которое меня (крайне обрадовало. Я всегда с большим огорчением думал о том, что мы лишились твоего талантливого пера, твоих, без лести скажу, блестящих работ. Я всегда считал тебя не менее блестящим, но более основательным публицистом, чем Л. Д. [Троцкий]. И твое молчание мне казалось несчастьем для нашей печати. Никогда я не разделял твоих иллюзий, о которых ты сам говоришь в письме, насчет оппозиции Троцкого. Л. Д. лишен при всех своих талантах всякого политического здравого смысла. Я его изучаю с начала века и всегда видел в нем одинокого метеорита, влюбленного в свою собственную природу и не способного вести за собою кого бы то ни было. Его счастье было одно время в том, что он понял необходимость подчиниться Ильичу и быть его военным кулаком к руководителем армии. Но когда он думал встать на собственные ноги, то он снова впал в бесплоднейший троцкизм, который мог импонировать до революции 1917 г. только одному Семковскому (который, кстати, тоже его оставил) Я об этом не говорил в печати, так как я поставил себе как правило не вмешиваться в споры "славян между собою"; не неся тяжелой ответственности гигантского русского боя, я не считал себя вправе играть издали роль пророка и ментора. В начале революции я пробовал это сделать и, конечно, обжегся. Это послужило мне уроком. Но я, конечно, не переставал жить и волноваться "русским" вопросом, находящимся в центре мирового вопроса. Лично я все сделал, чтобы отвлечь моего друга Хр. Г. [Раковского] от его троцкистской пассии. Может быть, и он последует твоему примеру.

А теперь перехожу к другому вопросу. Я издаю с разрешения партии и да частные средства марксистский орган "Ревю Марксист", первые четыре номера которого я тебе сегодня послал заказным в Томск. Очень хотел бы заручиться твоим сотрудничеством, против которого, надеюсь, ВКП ничего не будет иметь. Мне говорили, что ты сотрудничаешь в провинциальных газетах партии. Можешь писать о чем угодно и на каком угодно известном тебе языке. Гонорар у нас небольшой: 15 франков за страницу, но для тебя назначу один доллар за страницу, т. е. 25 франков. Если хочешь изложить то, что тебя отделяет от оппозиции, то тем лучше; если хочешь теоретическую статью, тоже хорошо. Ты, кажется, читаешь по-французски и меня обяжешь, если напишешь свое мнение о нашем журнале. Имей в виду, что у нас во Франции пишущих марксистов, кроме меня, нет или почти нет. Ты поэтому окажешь французскому марксизму величайшую услугу. Во всяком случае, обрадуй меня ответом чем скорей. Надеюсь, что ты скоро займешь прежнее положение в ВКП, как и в Интернационале

О себе и моем положении во французской компартии напишу тебе в другой раз, если это тебя интересует. Если тебе нужны книги или какие-нибудь другие услуги, представляю себя в твое полное распоряжение.

Крепко жму тебе руку и от всей души желаю тебе успеха и бодрости.

Крепко обнимаю "чистого" борца за мировую.

Твой Х. Раппопорт.

(Международный институт социальной истории в Амстердаме, архив Х. (Ш.) Раппопорта, папка 2. Машинопись. 2 л.)

После "капитуляции" Радека восстанавливают в партии и направляют на работу в "Известия". В 1935 г. Радек входит в состав конституционной комиссии ЦИК СССР. В 1936 - арестован и выставлен обвиняемым на процессе 1937 г. (вместе с Пятаковым, Сокольниковым, Серебряковым и др.). Приговорен, как и Серебряков, к десяти годам. Убит в заключении. Реабилитирован в июне 1988 г.

Нат. Ив. - Наталья Ивановна Седова (1882-1962), вторая жена Троцкого.

Л. Л. Седов (1906-1938), старший сын Троцкого. Единомышленник отца. Вместе с ним отправился в ссылку, с ним же уехал из СССР, когда Троцкого выслали. В эмиграции был фактическим редактором "Бюллетеня оппозиции". Умер в 1938 г. в одной из парижских частных клиник при весьма странных обстоятельствах, давших основания считать, что он был убит (отравлен) органами советской госбезопасности. В частности, под подозрением был друг Седова, работавший на НКВД, Зборовский. Сам Троцкий, по словам Сары Якоб-Вебер, секретарши Троцкого, был убежден в том, что именно Зборовский "все подстроил" - выбрав эту больницу и, видно, его [Л. Седова] через врача - отравил". (Архив Международного института социальной истории, коллекция Эстрина. Копии писем 1947-1975. Оригиналы писем из архива Гуверовского института. Папка Сапир-Эстрин. Письмо С. Э. Эстрина Б. М. Сапиру, 9 сентября 1975 г.)

О Льве Седове интересное свидетельство оставил историк Б. И. Николаевский. В письме А. М. Бургиной он писал следующее: "Между прочим, переговорите с И. Г. [Церетели], не захочет ли он поговорить с [Пьером] Реноделем [1871-1935, один из руководителей французской социалистической партии], может быть, последний согласится похлопотать о визе для сына Троцкого. Его действительно жалко. Ему лет 28-29, и он уже третий раз вынужден обрывать свое учение в высшем техническом училище. Конечно, он принадлежит к "папиной партии", но сам совсем желторотый юнец и неплохой парень. Его высылают. Он

готов дать формально обязательство не вмешиваться в политическую жизнь, хотя, когда его узнаешь, такое обязательство будет вызывать смех. [Архив Гуверовского института, коллекция Николаевского, ящик 478, папка 9.

Открытка Б. Николаевского А. М. Бургиной (жене Церетели) от 16 февраля 1933 г. Париж. Датировано по почтовому штампу.] [...] Небольшой он человек, и только из-за своего происхождения вынужден страдать (там же, письмо" Б. Николаевского А. М. Бургиной от 24 февраля 1933 г. 1 лист).

"Двумя мушкетерами" Троцкий называл Зиновьева и Каменева. 27 декабря 1927 г. "Правда" опубликовала подписанное ими письмо. Зиновьев и Каменев отрекались от Троцкого и указывали, что разошлись с ним прежде всего по вопросу о создании второй партии.

А. Маслов (1891-1941). После 1924 г. один из руководителей германской компартии, член Исполкома Коминтерна. За поддержку в 1926 г. "объединенной оппозиции" в СССР исключен из компартии. Основал собственную организацию Ленинский союз (Ленинбунд) и предлагал оппозиционерам в СССР сделать то же самое. До 1930 г. сотрудничал с левой оппозицией Троцкого, вместе с Рут Фишер выпускал на немецком языке левый коммунистический орган "Фольксвилле". Умер при загадочных обстоятельствах на Кубе.

Рут Фишер (1895-1961) во всем, кроме продолжительности жизни, разделила судьбу Маслова: была главой германской компартии, в 1927 г. исключена за оппозиционную деятельность. Вместе с Масловым и Урбансом основывала Ленинбунд.

Имеются в виду Зиновьев и Каменев.

Северо-Американские Соединенные Штаты (США).

Троцкий имеет в виду следующий эпизод, описанный им в 1937 г. в книге "Преступления Сталина": "Еще в начале 1926 г., когда Зиновьев и Каменев открыто порвали со Сталиным и в рядах левой оппозиции обсуждался вопрос, с кем из противников мы могли бы заключить блок, Мрачковский, один из героев гражданской войны, сказал: "Ни с кем: Зиновьев убежит, а Сталин обманет". Эта фраза стала крылатой. Зиновьев заключил с нами вскоре блок, а затем действительно "убежал". Вслед за ним, в числе многих других, "убежал" впрочем, и Мрачковский". (Цит. по рукописи, хранящейся в архиве Троцкого, Т-4164, с. 102).

Гоминьдан - "национальная партия" - политическая партия в Китае, созданная в 1912 г. С 1927 по 1949-правящая партия Китайской республики. После 1949 г.-правящая партия Тайваня.

Карл Маркс (1818-1883), организатор Первого Интернационала, основоположник новой для своего времени классовой теории общества, легшей в основу коммунизма. Система взглядов Маркса, получившая впоследствии название "марксизм", была идеологическим стержнем всего общемирового социал-демократического движения.

Фридрих Энгельс (1820-1895), друг и соратник Карла Маркса.

Фогт (Фохт) Карл (1817-1895), немецкий философ и естествоиспытатель.

Вл. Сибиряков (Виленский) - большевик, оппозиционер. До исключения из партии в декабре 1927 г. и высылки в Пермь - редактор журнала "Каторга и ссылка". Датировано по содержанию. Опубл. в кн.: Leon Trotsky. The Challenge of the Left Opposition (1928-29), New York, 1981. (Далее: "Левая оппозиция, 1928-1929"), с. 50-53.

35. Е. А. Преображенский (1886-1937), в партии в 1903-27, 1929-36. Делегат Первого съезда Советов, один из руководителей Уральского обкома партии. В 1918 г.- левый коммунист. В 1920-21 - секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. - на хозяйственной работе Один из

ведущих советских экономистов, автор теории первоначального социалистического накопления, согласно которой для получения денег для индустриализации в СССР требовалась "дань" с крестьянства. Советская индустриализация фактически и проводилась по планам Преображенского, но сам Преображенский, вставший на путь левой оппозиции, в декабре 1927 г. постановлением XV съезда был исключен из партии за оппозиционную деятельность и сослан в Уральск. Раскаялся в 1929 г., был восстановлен в партии, но в период чисток расстрелян.

36. С. Л. Седов (1908-1937), младший сын Троцкого, был далек от политики. После ссылки Троцкого в Алма-Ату оставался в Москве (в отличие от старшего брата, последовавшего за отцом в ссылку), хотя несколько раз навещал родителей. В эмиграцию вслед за отцом не поехал, что было, вероятно, трагической ошибкой, так как уже в 1935 г. Сергей Седов был арестован, а в 1937 г., очевидно, расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Начиная с момента ареста С. Седова его семья находилась в неведении относительно его судьбы. Об этом свидетельствуют следующие выдержки из писем Н. Седовой-Троцкой Саре Якобс Вебер:

4 июня 1935 г.

[...] о Сереже - вы все знаете. Последнее письмо от него было получено от 12 декабря [1934 г.] В письме была одна фраза, которая обратила внимание особенно потому, что за все эти годы нашей разлуки он в первый раз так писал: "Мое общее положение очень тяжелое, тяжелее, чем можно было бы себе представить". Сказано в письме это было мимоходом. В письме для печати я не привела этих слов, чтоб не давать повода к новым осложнениям. Сережа никогда не писал ни о каких своих трудностях, а их было немало у него за это время. На этот раз он [понял] всю серьезность происходящего. Тем не менее письмо закончил оптимистически. В "этих делах" (положение его в Советской России) он, Сара, полагался на нас. Вы понимаете... Нашу жизнь нельзя назвать спокойной, но когда мы представляем себе ее до ареста Сережи, она нам кажется безмятежной.

Милая моя Сара, Вы спрашиваете, что Вы можете сделать? Не рискованно ли? Нам думается, что Вы могли бы использовать Ваши связи для выяснения положения Сережи. Нам известно только то, что было в письме, которое Вы читали. Он сидит в Москве (он так писал). Но о самом его деле ничего не известно. Не надо делать, конечно, попыток встреч с его близкими, спрашивать о нем, разыскивать их. Ни в коем случае. Это только повредит Сереже.

Надо идти другими путями, которые трудно отсюда указать. Зависит многое от лица, которое будет это делать, от его положения, от его связей, личной инициативы и пр. и пр. Но помнить надо всегда, во всех случаях: ничего не спрашивать о родных и не разыскивать их. Да все они, как и мы, ничего не знают.

31 июля 1951 г.

Получили переданное мне Борисом Николаевским письмо одной Ди-Пи с запиской, которая меня очень беспокоила. Она пишет мне об Ане ([первой] жене Левика, оставшейся в Москве с сыном). Жутко мне было от сознания, что мы жили в полном неведении об ее

судьбе. Через несколько дней, успокоившись, я вернулась к письму, чтобы прочесть его более внимательно и открыла в нем с полной очевидностью неправду. Во всяком случае, в той его части, где оно излагает, точнее, "сочиняет" первый арест Ани непосредственно после нашей высылки. Ей, очевидно, было неизвестно, что мы переписывались с Аней, главным образом, Левик, переписка их оборвалась по личным причинам. Но Аня с сыном и Сережей жили вместе, и мы были осведомлены о положении Ани через Сережу, с которым переписывались до его ареста в конце 1935 г.

Нам было также известно, что она вышла замуж, но не в ссылке, как Н. Р. (Ди-Пи) пишет, а в Москве. Она (Н. Р.) также пишет, что познакомилась "с Анечкой и "Седовыми" в Алма-Ате". Это чистейшая ерунда. Общая обстановка нашего пребывания в Алма-Ате исключала какую бы то ни было возможность каких бы то ни было знакомств. Зачем ей понадобилась Алма-Ата? Мне абсолютно непонятно.

Дальше она пишет о "втором" аресте Ани в 1932 г. с (ее мужем. Мальчик остался на попечении няни... Вы понимаете, Сара, что это означает. Автор письма встретился с Аней в тюрьме. Аня изменилась до неузнаваемости, первым вопросом ее был: "Где мой сын?" Она больна болезнью св. Витта, замучена допросами. (Архив Международного института социальной истории, коллекция, Сары Якобс-Вебер. Письма Н. И. Седовой.)

В верхнем углу письма рукописная приписка: "Видимо, Сосновскому"

Колечка Балаболкин - Н. И. Бухарин.

М. Е. Салтыков-Щедрин (1826-1889), русский писатель.

Д. Б. Рязанов (Гольдендах 1870-1938). В социал-демократическом движении с 16-17 лет. Подвергался арестам, провел какое-то время в тюрьме, ссылке, эмигрировал. В эмиграции изучал историю социалистического движения (деньги на эту работу обеспечил ему (Карл Каутский, тепло относившийся к Рязанову). В партию большевиков вступил в 1917 г., но полностью никогда не разделял ее программу и тактику. Примыкал к всевозможным оппозициям. После революции-признанный большевистский философ-марксист. В 1921 г. основал Институт Маркса и Энгельса для изучения международного социалистического движения до первой мировой войны; директор Института. В 1924 г. публично заявил, что, будучи марксистом, не собирается приклеивать себе ярлык "большевика-ленинца". Был за это подвергнут резкой критике со стороны Зиновьева. Свой Институт пытался защитить от прямого подчинения интересам текущей политики коммунистической (партии. Привлекал на работу в институт социалистов-небольшевиков (за что некоторые коммунисты прозвали Институт "меньшевистским гнездом"). Летом 1921 г. назвал на съезде профсоюзов Сталина "держимордой" и "безграмотным ишаком" (после чего находился с ним в конфликте). Симпатизируя Троцкому, давал ему возможность заняться переводами Маркса, чтобы тем самым поддержать Троцкого в ссылке материально.

Советское правительство, кажется, тоже не слишком возражало против того, чтобы Троцкий занимался переводами, а не оппозиционной деятельностью. В двадцатые годы Рязанов неоднократно выезжал за границу для покупки тех или иных архивов для Института. Во время процесса меньшевиков в январе 1931 г. ряд обвинений был выдвинут и против Рязанова. Хотя все обвинения Рязановым были отвергнуты, партийный суд исключил его из партии. Рязанов был сослан, Институт разгромлен. Из 250 сотрудников свои должности сохранили только 10-12 человек. После XVII съезда ВКП(б) по решению ЦК дело Рязанова пересматривают. С Рязановым ведут переговоры: в обмен на признание им своих ошибок ему обещают восстановление в партии и возвращение ордена Трудового 'Красного Знамени

(которого он был лишен в 1931 г.). Рязанов на сделку идти отказывается, требует открытого разбирательства, обвинения объявляет клеветническими. Тем не менее Рязанов был взят на поруки Кировым (все это время защищавшим Рязанова) и из ссылки возвращен. Поселился в Ленинграде. После убийства Кирова в декабре 1934 г. Рязанова снова ссылают. Арестован при Ежове. Расстрелян 21 января 1938 г.

41. Г. Е. Зиновьев (Радомысльский, 1883-1936), в период 1905-1917 гг.-правая рука Ленина, большевик, в 1917 г. Временным правительством обвинялся в шпионаже в пользу Германии. После октябрьского переворота - на высоких правительственных должностях. С 1919 г.-первый глава Коммунистического интернационала. С 1923 г. - в блоке со Сталиным и Каменевым против Троцкого с целью не дать Троцкому захватить власть. Позже - в блоке с Каменевым и Троцким против Сталина. Обвинен в оппозиционной деятельности, В 1927 г. исключен из партии. В 1928 г. раскаялся и был восстановлен. В 1935 г. арестован по делу об убийстве Кирова, приговорен к тюремному заключению.. В 1936 г. выставлен в качестве одного из главных подсудимых на первом московском процессе. За сотрудничество со следствием (т. е. признание вины в несовершенных преступлениях) ему была обещана жизнь. Но Сталин слова своего не сдержал. Зиновьев был расстрелян.

Г. Л. Пятаков (1890-1937), во время революции и гражданской войны занимал ряд высоких партийных и государственных должностей. Был первым председателем советского правительства на Украине. В декабре 1927 г. исключен из партии за оппозиционные взгляды постановлением XV съезда. Раскаялся и вскоре был восстановлен. На XVI и XVII съездах избирался членом ЦК (и числился таковым вплоть до ареста). В последние годы жизни работал заместителем Орджоникидзе в наркомате тяжелой промышленности. Выставлен обвиняемым на втором московском показательном процессе (1937 года) и расстрелян.

Я. А. Слащев (1885-1929), с 1920 г. - генерал-лейтенант, командир корпуса в деникинской армии, затем в армии Врангеля. С Врангелем эвакуировался в Турцию. В 1921 г. вернулся в Союз. Был публично амнистирован, как раскаявшийся. Оставлен на службе в армии. Убит.

А. Р. Год (1882-1940, по другим сведениям - ноябрь 1937), эсер, с 1906 г. - член эсеровской "боевой организации", с 1907 по 1917 г. -на каторге и в ссылке. С июня 1917 - заместитель председателя ВЦИК первого созыва. В 1922 г. арестован, осужден, сослан. Затем снова арестован (уже в 1930-е гг.). Погиб в заключении.

Н. А. Угланов (1886-1940). В партии с 1907 г. В 1921 г. - член ЦК. Секретарь московской партийной организации. В 1928 г. поддержал Бухарина против Сталина, в результате чего в 1930-м был снят с поста за оппозиционную деятельность. Погиб в заключении.

Е. М. Ярославский (Губельман М. И., 1878-1943), социал-демократ с 1898 г. В Москве в 1917 г.- член ВРК. В 1921 г.-секретарь ЦК партии большевиков. В 1923-1934 гг. - член Президиума и секретарь ЦКК. Член ЦК в 1921-22 и 1939 гг. Член КПК -1934-39 гг. Член редакции газеты "Правда" и журнала "Большевик". Редактор и автор ряда работ по истории, один из главных фальсификаторов партийной истории, идеолог и теоретик партийных и прочих чисток.

25 сентября 1928 г. Н. А. Угланов сделал доклад на совещании секретарей партийных ячеек Московской организации. "Средактированное" им и Е. М. Ярославским место звучит так: "Троцкий-то здоров. Третьего дня он только вернулся с двухнедельной охоты. Кампания же, поднятая оппозицией, -это только предлог..."

В. М. Молотов (Скрябин, 1890-1986), в партии с 1906 г. Во время большевистского переворота - член Петроградского ВРК. С 1919 г.-председатель Нижегородского

губисполкома, секретарь Донецкого губкома РКП (б), В 1920 г.- секретарь ЦК КП(б) Украины В 1921-30 гг. - секретарь ЦК ВКП(б). В 1930-1941 гг. - председатель СНК СССР. В 1941-57 гг.- 1-й заместитель председателя СНК (позднее - Совета Министров). В 1939-49 и 1953-56 гг. - нарком (министр) иностранных дел. С 1957 г - посол в Монголии. В 1960-1962 гг. - постоянный представитель СССР при международном агентстве по атомной энергии. С 1962 г. - в отставке.

Л. М. Каганович (1893-1991), большевик с 1911 г., в 1917 г. член Саратовского комитета партии большевиков. В 1918 г -комиссар всероссийской коллегии по организации Красной армии В 1919 - председатель Воронежского губревкома, а затем губисполкома. С 1920 г. - член Туркестанского бюро ЦК РКП(б). С 1922 г. - заведующий организаторско-инструкторским отделом ЦК. В 1924-1925 гг. - секретарь ЦК, затем в 1925-28 гг.- первый секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1928 по 1939 гг. - секретарь ЦК, а в 1930-1935 гг.- первый секретарь МК. После XVII съезда партии - председатель комиссии партийного контроля при ЦК. С 1930 по 1952 гг. - член Политбюро.

50 А. Г. Раковская-жена Х. Г. Раковского.

51. Г. Г. Ягода (1891-1938), большевик с дореволюционным стажем. Был близок к семье Я. М. Свердлова и впоследствии женат на его племяннице. Один из руководящих работников, позже глава НКВД (его заместителем был Н. И. Ежов). Впал в немилость во время подготовки процесса Зиновьева и Каменева за "мягкость". В 1938 г. сам был выставлен обвиняемым на процессе Бухарина. Расстрелян.

52 М. А. Трилиссер (1883-1940), в партии с 1901 г. Участник революции 1905-07 гг. в Финляндии. С 1926 - заместитель председателя ОГПУ. В 1930-34 - заместитель наркома РКИ РСФСР. Репрессирован (реабилитирован посмертно в период перестройки). Имеется в виду июльский (1928 г.) разговор Бухарина с Каменевым (см. Ю. Фельштинский. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина. - Вопросы истории, 1991, No 2-3, с. 182-203).

Г. Валентинов, бывший редактор газеты "Труд", оппозиционер, в 1928 г. сослан в Усть-Кулом. Погиб в период чисток.

"Тройка" - Бухарин, Рыков и Томский [М. П. Томский (Ефремов, 1880-1936), в партии с 1904 г. В 1918-1921 и 1922 и 1929-председатель ВЦСПС. В 1919-34 -член ЦК, в 1922-30 - член Политбюро. В 1929-30 -заместитель председателя ВЦСПС. Затем понижен до заведующего Государственным издательством. Выступил против резкого сворачивания нэпа, объявлен правым уклонистом. Солидаризировался с Бухариным и Рыковым. В 1936 г., узнав, что на процессе Зиновьева и Каменева против него даны показания, застрелился, не дожидаясь ареста.]

"Мастер" -И. В. Сталин (1879-1953), в партии с 1898 г. В 1912-13 -член Русского бюро ЦК. В 1917-22 - нарком по делам национальностей, одновременно в 1919-22 - нарком государственного контроля, РКИ. Член РВСР. С 1922 г. - генеральный секретарь партии. После смерти Ленина остается у власти, вопреки оставленному Лениным "Завещанию". В формируемых затем против Троцкого блоках находится всегда в тени, подставляя Зиновьева, Каменева и Бухарина. Устранив Троцкого, оттесняет затем помогавших ему Зиновьева и Каменева (обвинив их в левой оппозиции); затем отстраняет Бухарина, обвинив его в правом оппортунизме (с позиции центра, которую провозглашает Сталин). В действительности проводит в это время экстремально левую политику индустриализации и коллективизации. Выйдя к 1929 г. победителем из внутрипартийной борьбы, Сталин после убийства Кирова со

ссылками на поднявших в СССР голову террористов проводит партийные чистки 1935-1939 гг. Освободившись от старого партийного актива, могущего помешать осуществлению нового политического курса, заключает соглашение с Гитлером о разделе Европы и, благодаря попустительству демократических стран, присоединяет к СССР территории ряда европейских государств (полностью: прибалтийских, частично: Финляндии, Румынии и Польши).

После второй мировой войны Сталин получает под свой контроль территории, называемые Восточной Европой. После Берлинского кризиса 1948 г. Сталин добивается признания западными правительствами разделения Германии. Тогда же в пику Англии поддерживает образование Израиля, предаёт анафеме неза-висимо-о коммуниста Тито и ведёт умеренно-изоляционистскую политику Обсиейтельства смерти Сталина нельзя считать выясненными. Не исключено, что он был убит заговорщиками, среди которых были лица из высшего советского-руководства.

57. Имеется в виду письмо Х. Раковского Г. Валентинову (см. Л. Троцкий-Портреты революционеров. Сост. Ю. Фельштинский. Изд. Чалидзе, США 1988" с. 345-366).

58. Юзеф Пилсудский (1867-1935), одноделец Александра Ульянова, " 1887 г. осужден в связи с покушением на Александра III. В 1888-92 гг -в ссылке. С 1892 г. - в рядах ППС. В 1904 г., после начала русско-японской войны, посетил Токио с целью установления контактов с японской разведкой. В1905-07 гг. создавал террористические "боевые группы". Делал ставку на восстановление независимой Польши в результате военной победы Австро-Венгрии. и Германии над Россией. Установил связь с австро-венгерским генштабом, при поддержке которого организовал разведывательную деятельность и создал в Галиции диверсионно-террористическую организацию "Стрелец". Во- время Первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии. В 1917 г. - начальник военного департамента в правительстве "независимого" польского государства, созданного оккупационными властями Германии и Австро-Венгрии. После февральской революции в России порвал с оккупационными властями и в июле был посажен немцами в тюрьму. После ноябрьского мятежа 1918 г. в Германии был освобожден, прибыл в Варшаву, был провозглашен "начальником" польского государства и оставался им до 1922 г. В 1926 г. был генерал-инспектором вооружений, в 1926-28 и 1930 гг.-премьер-министром.

Н. Сермукс в годы гражданской войны был начальником военного поезда Троцкого, затем - сотрудником секретариата Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким. Тайно отправился к Троцкому в Алма-Ату, был арестован там, возвращен в Москву, позже сослан на север. Судя по всему, погиб в* период чисток.

И. Познанский-секретарь Троцкого. Исключен из партии вместе с Троцким После высылки Троцкого в Алма-Ату в 1928 г. тайно отправился за ним. Был арестован, возвращен в Москву, затем сослан. Очевидно, расстрелян в" период чисток.

61 Георгий Бутов, начальник секретариата Троцкого, арестован после исключения Троцкого из партии. Подписать выдвинутые против него и Троцкого обвинения отказался, объявил голодовку и умер в 1928 г. в тюрьме. Написано после 46 декабря 1928 г. Фраза, набранная здесь курсивом, в рукописи вычеркнута. Хранится в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция SIBL, папка 2368. Первая часть документа, до слов "угрожающей подготовке термидора" включительно, написана химическими чернилами на страницах книги "Дневник Ал Блока. 1917-1921" (Издательство писателей в Ленинграде, 1928), стр. 121, 123, 125, 127, 129, 13U 133, 135, 137, 139. Хранится

в архиве Гуверовского института, коллекция Николаевского, ящик 627, папка 21. В апреле 1929 г. заявление Троцкого было опубликовано на французском языке в Militant.

П. П. Буланов (1895-1938), секретарь Ягоды. На третьем московском процессе обвинен в соучастии в убийстве Горького и его сына и приговорен; к расстрелу

64 Г. Мюллер (1876-1931), один из руководителей социал-демократической партии Германии. С 1906 г.-член правления партии. В 1918-19 - член Совета народных уполномоченных. В 1919-20- министр иностранных дел. Подписал Версальский договор. В 1920 г. и в 1928-30 - рейхсканцлер.

М. Кемаль (Ататюрк, 1881-1938). В 1923-38- первый президент Турецкой республики, вел просоветскую политику. Пункты 3, 4 и 5, взятые в скобки, вычеркнуты и в окончательный текст не включены. Публикуется по оригиналу, хранящемуся в Международном институте социальной истории (Амстердам), фонд SIBL, папка 2369 (2). Фраза курсивом не вошла в окончательный текст телеграммы (см., например, машинописную копию телеграммы от 15 марта 1929 г. в архиве Троцкого в Гарвардском университете). Против этой фразы на оригинале документа сделана приписка рукой Троцкого: "не вошло".

68 В тот же день Троцкий из консульства был выселен

69. Жена Н. Н. Крестинского (1883-1938), члена социал-демократической партии с 1903 г., участника революции 1905-1907 гг. На VI съезде РСДРП (б) Н. Н. Крестинский избран членом ЦК. В момент октябрьского переворота - председатель Екатеринбургского ВРК. Член ЦК в 1917-1921 гг. Во время заключения Брестского мира - левый коммунист. В 1918-1921 гг. - нарком финансов РСФСР, одновременно, в 1919-1921 гг. - секретарь ЦК и член Политбюро. С 1921 г. - полпред в Германии. В 1927 г. оппозиционер. Раскаялся в 1928-м. С 1930 г. - заместитель наркома иностранных дел СССР. Был выставлен на третьем московском процессе (бухаринском) в качестве обвиняемого и расстрелян.

Рукопись телеграммы Троцкого, посланной вскоре после его высылки в Турцию. - Публикуется по оригиналу, хранящемуся в Международном институте социальной истории (Амстердам), фонд SIBL, папка 2378.

Неотосланное письмо Троцкого в газету. Троцкий не случайно не отослал письмо в редакцию. Он как бы предвидел, что создаст Четвертый интернационал, которому, однако, не придется функционировать долго. Тем не менее, начиная со дня своей высылки из СССР, Троцкий развернул за границей деятельность по созданию сплоченной оппозиционной коммунистической фракции.

Он публиковал книги и статьи на многих языках, выпускал оппозиционный коммунистический орган "Бюллетень оппозиции", вел обширную переписку со своими единомышленниками, рассылая им циркулярные письма. (См. след. документ)

72. Опубл. в кн. Writings of Leon Trotsky (1930), New York, 1975, p. 230-232. Письмо было написано Троцким единомышленникам в СССР. Об этом -говорит обращение "дорогие друзья" вместо "уважаемый товарищ" или "дорогой товарищ". Этот принцип - обращаться в СССР к "друзьям", а за границу к "товарищам" - Троцкий заимствовал у Ленина. В черновиках его книги "Сталин" мы находим следующий отрывок: "Письма Ленина к редакции "Правды" из-за границы начинаются обыкновенно словами: "Дорогой друг"... Все письма Ленина к товарищам по партии за границей начинаются словами "дорогой товарищ"; все его письма, направленные в Россию, начинаются словами "дорогой друг" К тому же приему прибегали и другие эмигранты-революционеры". (Цит по архиву Троцкого, Т -

"Сталин"). К такому приему прибегал после эмиграции и Троцкий.

73 М. Н. Покровский (1868-1932). В партии с 1905 г. В 1907 - кандидат в члены ЦК. С 1918. г.-заместитель наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, Института Красной профессуры. С 1929 г. -академик. С 1930 - член ЦКК. Историк. Уже после смерти был подвергнут критике.

Амадео Бордига (1889-1970), в 1929 г. был исключен из Коминтерна по обвинению в троцкизме. После исключения возглавил одну из оппозиционных группировок итальянской компартии.

Таска Анжело (1892-1960), основатель итальянской компартии, глава ее поавого крыла, сочувствовавшего правой оппозиции в СССР.

Генрих Брандлер (1881-1967), основатель германской компартии, руководитель немецких коммунистов в год неудавшегося коммунистического мятежа (1923). В 1924 г. снят с руководства по указанию Коминтерна. Образовал оппозиционную фракцию, симпатизировавшую правой оппозиции Бухарина, Исключен из партии в 1929 г. До второй мировой войны оппозиция Брандлера продолжала существовать в виде самостоятельной партии (КРО).

А. В. Туркул, генерал царской армии, последний командир знаменитой Дроздовской дивизии белогвардейских войск в годы гражданской войны. 31 октября 1931 г. немецкая коммунистическая газета Die Rote Fahne опубликовала сообщение о планах белогвардейской террористической группы, возглавляемой А. В. Туркулом, убить Троцкого и свалить ответственность за это убийство на Сталина. Троцкий считал, что информация об этом покушении могла быть сообщена германской коммунистической газете только советскими органами. В СССР, разумеется, о заговоре против Троцкого газеты не сообщили ни слова. С другой стороны, когда представители левой оппозиции обратились в советские полпредства в Берлине и Париже с предложением о совместных действиях в деле охраны Троцкого, они получили отказ. Письмом в Политбюро и Президиум ЦКК Троцкий еще раз пытался "навести мосты" и о чем-либо договориться с советским правительством. Не получив ответа на свое письмо, Троцкий пришел к выводу, что публикация в германской коммунистической газете была сделана по приказу Москвы для обеспечения Сталину алиби. Впрочем, Сталин ответил на письмо Троцкого: через полтора месяца Троцкий был официально лишен советского гражданства.

Максим Горький (А. М. Пешков, 1868-1936), советский писатель. До революции сочувствовал большевикам, после октябрьского переворота подверг их либеральной критике. Эмигрировал. Вернулся. Был первым секретарем специально созданного Союза советских писателей. Умер в результате неправильного лечения, организованного Сталиным. '

М. М. Литвинов (Макс Баллах, 1876-1951), в партии с 1898 г. С 1918 г. - член" коллегии наркоминдела, с 1921-полпред в Эстонии. В 1930-1939 - нарком иностранных дел. В 1941-1943-заместитель наркома иностранных дел Молотова и полпред в США.

Л. Б. Каменев (Розенфельд, 1883-1936), с 1914 г. большевик. Член ЦК, один из организаторов октябрьского переворота. До 1925 г. в блоке со Сталиным борется в Политбюро против Троцкого, с 1926 г. - вместе с Зиновьевым и Троцким составляет блок против Сталина. В январе 1927 г. назначен на дипломатическую работу в Рим (т. е. отправлен в почетную ссылку). В декабре 1927 г. исключен из партии. Раскаялся в своей деятельности и был восстановлен в партии в 1928-м. Арестован по делу об убийстве Кирова и приговорен, как и Зиновьев, к тюремному заключению. Позже выставлен обвиняемым на

первом московском процессе. За сотрудничество со следствием и признание вины ему была обещана жизнь. После процесса, однако, Каменева расстреляли. В сентябре 1927 г. правительство обвинило левую оппозицию Троцкого в подготовке заговора против советской власти, организации нелегальных типографий и привлечении к этой деятельности "белогвардейцев", в частности - бывшего "врангелевского офицера". Обвинения были провокационными. Вот что писал об этом Г. И. Варга, который в 1938-39 гг. являлся офицером для особых, политических, поручений при начальнике польского генштаба генерала" Рыдл Смиглы:

"Я кое-как помню, например, дело "типографии" (там у нас был совершенно случайно агент, и у нас накопилось порядочное досье). Это был кошмар. По грубости и наивности, а какую это подняло бучу. Но так как у всех рыльце было в пуху, то даже никто не спросил, причем тут "типография", когда шапирографы продавались до 1928 года на рынке (я сам покупал не то что в Москве, а в Киеве для нужд консульства), а бумагу вы могли покупать через частных вагонами. [..] Заранее известно было, что оппозиция не может признаться во всем и сказать всего. (Архив Гуверовского ин-та, коллекция Б. И. Николаевского, ящик 508, папка 48. Письмо Г. И. (Р.) Варга Б. И. Николаевскому от 21 июня 1961 г 4 листа).

"Врангелевским офицером" - провокатором был бывший офицер сотрудник ГПУ Опперпут. После окончания "дела" он был переведен на другую работу, видимо, в контрразведку. Варга считал, что "роль Опперпута, во всяком случае, громадна [...] что его таланты заморозили ГПУ, которое, вопреки всем, правилам, стало применять его ко всем важным операциям" (там же). См. также Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923-1927, т. 4. М., "Терра", 1990, с. 189-201.

Начиная со слов "'Поставленные вами вопросы...", опубл. по-английски в книге Writings of Leon Trotsky. Supplement (1929-1933), New York, 1975, 1979, p. 180-181. Публикуется по копии, хранящейся в архиве Троцкого в Бостоне Оригинал письма хранится в архиве Гуверовского института (коллекция Николаевского, ящик 13, папка 8). В оригинале тринадцатая строка документа читается как "Не стоило бы макать перо в чернильницу..."

С. А. Цион - родился в 1874 г. в Петрограде. Один из организаторов Свеаборгского восстания в Финляндии в 1905 г. В самом начале мятежа бежал за границу, опасаясь ареста. Вернулся в Россию после Февральской революции. С июня 1917 по февраль 1918 г. работал в Гельсингфорсской организации партии эсеров (центральных), редактором органа Гельсингфорсского (впоследствии Общефинляндского) комитета партии эсеров "Народная нива", являлся также членом комитета и председателем Общефинляндского комитета. С правом решающего голоса был делегирован на Седьмой Совет партии от Общефинляндского комитета (август 1917 г.). От Гельсингфорсского отдела партии эсеров был выдвинут кандидатом в Учредительное собрание (вместе с министром земледелия С. Л. Масловым) в Балтийско-флотском избирательном округе). Штабскапитан (в октябре 1917). В апреле 1918 г. получил Временное удостоверение личности No 1393 для выезда за границу и покинул навсегда Россию. Публиковал в европейской и американской прессе сводки о положении в России (подписываясь "полковником Ционом", что не соответствовало действительности, так как выше капитана он не поднялся). В декабре 1918 г. вместе с женой Плеханова Р. М. Плехановой пытался (с помощью П. Б. Аксельрода) получить визу в Швейцарию. Не получил и поселился в Швеции. От политической деятельности отошел, но в эмиграции был очень активен (сохранилась его обширная переписка с Буниным и другими известными русскими эмигрантами).

И. Э. Бабель (1894-1941), советский писатель. После большевистского переворота какое-то время служил в ЧК, затем работал военным корреспондентом в 1-й конной армии. В СССР неоднократно подвергался критике за свои произведения, хотя и оставался признанным писателем. Часто выезжал за границу, особенно во Францию, где жили его первая жена и ребенок. Арестован весной 1939 г. По официальным сведениям, погиб в лагере 17 марта 1941 г. Письмо рассматривалось Троцким как секретное до 10 мая 1933 г. 10 мая Троцкий написал к письму "пояснение", распространенное за подписью редакции "Бюллетеня оппозиции" 13 мая он указал на письмо в заявлении одному из журналистов (см Writings of Leon Trotsky (1932-1933), New York, 1978, p. 235).

А. Ф. Керенский (1881-1970), по профессии адвокат, лидер фракции трудовиков в Четвертой Государственной думе. С марта 1917 г. - эсер. Во Временном правительстве занимал различные министерские посты: юстиции (март-май), военного и морского министра (май-сентябрь), министра-председателя (с 8 июля) и верховного главнокомандующего (с 30 августа). За время своего руководства окончательно подорвал доверие к демократическому правительству, авторитетом в армии не пользовался никогда, а петому большевиками был сметен с легкостью. Из Зимнего в последнюю минуту бежал, пробовал при помощи Краснова вернуть себе власть. Потерпел неудачу и эмигрировал за границу. Открыто обвинял большевиков в государственной измене (намекая на сотрудничество с Германией). В последний период эмиграции - профессор Стэнфордского университета в Калифорнии.

Мигуэль Примо-де-Ривера (1870-1930)-глава правительства Испании при короле Альфонсе XIII с 1923 по 1930 г.

Первая жена Льва Седова.

Ф. В. Белобородова, жена А. Г. Белобородова.

Т. Д. Дерibas (1883-1939). В партии с 1903 г. Участник первой русской революции. В 1917 - один из большевистских руководителей в Оренбургской губернии. С 1920 г.- в ВЧК (ОГПУ), с 1931-член коллегии ОГПУ. С 1934 - кандидат в члены ЦК. Расстрелян. Реабилитирован в период перестройки.

92. Речь идет о возвращении Троцкого из Канады в Россию после февральской революции 1917 г., когда он был снят с корабля британскими властями и на некоторое время интернирован. Эпизод этот подробно описан им в автобиографии "Моя жизнь".

А. Я. Беленький (Хацкелевич, 1882-1942), в партии с 1902 г. С декабря 1917 - комиссар ВЧК. В 1919-24 - начальник охраны Ленина. Арестован в период чисток. Погиб в заключении.

А. А. Иоффе (1883-1927) -в революционном движении с конца XIX в. В партию большевиков вступил в 1917 г., в Петрограде был членом ВРК. Председатель, затем член советской делегации в Брест-Литовске. Левый коммунист, противник Брестского мира. Первый советский полпред в Германии (с апреля 19*18 г.). В 1922-24 гг. - полпред в Китае, в 1924-25 - полпред в Австрии. С 1925 - оппозиционер. Покончил самоубийством. Предсмертное письмо Иоффе см. в кн. Л. Троцкий. Портреты революционеров. М., 1991, с. 334-343 Г. Я. Беленький.

Н. И. Бухарин (1888-1938). В партии, с перерывами, с 1906 по 1937. Член ЦК в 1917-1934, член Политбюро в 1924-1929. Многолетний редактор "Правды". До 1928 г. в блоке со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева. В 1928 г. решил порвать со Сталиным. Блокировался с Томским и Рыковым (так называемая "правая оппозиция"), потерпел

поражение. В 1929 г. постановлением апрельского пленума, был исключен из партии, снят с поста редактора "Правды" и секретаря Исполкома Коминтерна. Раскаялся. Был восстановлен в партии. С 1930 по 1934 гг. работал у Орджоникидзе в наркомате тяжелой промышленности. В 1934 г. назначен редактором "Известий" и формально считался им до 16 января 1937 года, хотя фактически с конца 1936 г. "Известия" выходили под редакцией Б. Таля. Арестован 27 февраля 1937 г. Один из обвиняемых на процессе 1938 г. Расстрелян.

98. Наполеон III (1808-1873), император Франции с 1848-го по 1870 г.

99. Преображенский был сослан в Уральск.

См. "Свидетельство" Кишкину.

Видимо, это и есть два потерянных чемодана Троцкого.

Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве Гуверовского ин-та, кол. Б. И. Николаевского, ящик 303, папка 3.

Письма хранятся в архиве Сары Якобс-Вебер в Международном институте социальной истории (Амстердам).

Сара Вебер (Якобс, 1900-1976), в 1933-1934 гг. - секретарь Троцкого в Турции и Франции. В 1938 г. прибыла в Мексику, чтобы снова работать у Троцкого секретарем.

Речь идет о втором томе трехтомной биографии Троцкого, написанной американским историком-троцкистом И. Дойчером (/I. Deutscher. The Prophet Unarmed. Trotsky: 1921-1929. London. 1959).

К ЧАСТИ ВТОРОЙ

Альберт Эйнштейн (1879-1955), физик-теоретик, один из основателей современной физики, создатель теории относительности. Лауреат Нобелевской премии 1921 г.

Чарлз Линдберг (1902-1974) - американский летчик. В 1927 г. совершил первый беспосадочный перелет через Атлантический океан (из США во Францию).

Чарлз Спенсер Чаплин (1879-1977), американский актер, кинорежиссер, сценарист. Опубл. в кн.: Writings of Leon Trotsky. Supplement (1929-1933)" p. 268-272.

Джеймс Рамсей Макдональд (1866-1937), один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929-31 гг. - премьер министр Великобритании. В 1924 г. установил дипломатические отношения с СССР. В 1931-1935 гг. возглавлял (выйдя из лейбористской партии) коалиционное национальное правительство.

А. П. Извольский (1856-1919), в 1906-1910 гг. был министром иност. дел России. С 1910 по 1917 - русский посол в Париже. В мае вышел в отставку и до самой смерти оставался в Париже.

Жорж Клемансо (1841-1929), премьер-министр Франции в 1906-1909 и 1917-1920 гг. Неоднократно занимал министерские посты, лидер радикалов. В годы первой мировой войны выступал за войну до победного конца, участвовал в выработке Версальского договора.

Эдуард Эррио (1872-1957), лидер французской партии радикалов. С 1916 г. неоднократно занимал министерские посты. В 1924-25, 1926 и 1932 гг. - премьер-министр. Установил дипломатические отношения с СССР (1924), заключил с СССР договор о ненападении (1932). Всегда выступал за сотрудничество с СССР. В 1947-54 гг. - председатель Национального собрания Франции. До 1955 г. - мэр Лиона.

9. Французская служба безопасности.

Вупперталь - земля Северной Рейн-Вестфалии, родина Ф. Энгельса.

Я- 3. Суриц (1882-1952), меньшевик, затем большевик, с 1918 г. на дипломатической службе. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла, В 1918-19 гг. - заместитель советского полпреда в Дании, в 1919-1921 гг.-полпред в Афганистане, в 1921-22 гг.- член Турккомиссии ВЦИК и уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922-1923 гг. -советский полпред в Норвегии, в 1923-1924 гг. - в Турции, в 1934-1937 гг. -во Франции, в 1937-1939 гг. - член советской делегации на сессиях Лиги наций.

12. "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)" издавался под редакцией Л. Троцкого с июля 1929 г. Всего было издано 87 номеров журнала (часть номеров была сдвоенной). Последние четыре выпуска вышли уже после смерти Троцкого. Первоначально журнал издавался в Берлине, после прихода к власти фашистов - в Париже, после начала второй мировой войны и смерти % Троцкого (в 1941 г., перед самым закрытием) - в Нью-Йорке. Старший сын Троцкого, Лев Седов, вплоть до своей смерти был редактором журнала в Европе.

13. Печатается с незначительным сокращением, обозначенным знаком [...], по рукописи, хранящейся в архиве Гуверовского института, кол. Б. И. Николаевского, ящик 30в, папка 4.

К ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ

1. Впервые опубл. по-английски в 1958 г. в издательстве Harward University Press под названием "Trotsky's Diary in Exile. 1935". Дневник представляет собой три общие тетради, исписанные рукой Троцкого. В дневник включена также запись от 29 сентября 1935 г., сделанная на отдельном листке в госпитале, где у Троцкого не было под рукой дневниковой тетради.

2. Адольф Гитлер (Шикльгрубер, 1889-1945), с 1921 г. - вождь националсоциалистической рабочей партии Германии. В 1933 г. стал рейхсканцлером Германии. В 1934 - объединил этот пост с постом президента республики. До начала второй мировой войны проводил популярную внешнюю политику, основной целью которой являлось уничтожение последствий Версальского мира, навязанного Германии после войны 1914-18 гг. В сентябре 1939 г. развязывает большую европейскую войну, целью которой является разгром Франции и Англии. Будучи не в состоянии высадить на Британский материк войска и принудить Англию к капитуляции, решается на войну с Советским Союзом. В 1945 г., перед самым поражением Германии, покончил самоубийством,

Фердинанд Лассаль (1825-1864), друг и последователь Маркса и Энгельса, социалист, основатель Всеобщего германского рабочего союза (1863-1875), первой крупной немецкой социалистической организации.

Леон Блюм (1872-1950), после первой мировой войны вступил во французскую социалистическую партию, в 1936 г стал премьер-министром правительства Народного фронта. Речь идет о статье в газете "Le Populaire", называемой иногда сокращенно "Рори", ежедневном органе французской социалистической партии, издающемся в Париже.

6 февраля 1934 г. при поддержке французских коммунистов коалиция французских правых политических партий - националистов и организаций ветеранов - устроили демонстрацию у здания Палаты депутатов в надежде вынудить правительство Даладье подать в отставку. Митинг привел к столкновениям с полицией, но отстранить правительство Даладье не удалось. Поражение демонстрации 6 февраля привело к

изменению политики советского государства и Коминтерна во Франции. Начиная с этого времени, французские коммунисты поддерживают тактику "единого фронта". Первые попытки образования "единого фронта" относятся, видимо, к 1932-33 гг. и связаны с именем Тейнца Неймана. Немецкий коммунист, сотрудник Коминтерна и представитель "советского правительства в Германии, Нейман по указанию из Москвы изначально выступал в Германии за блок нацистов и коммунистов в деле борьбы за дестабилизацию и без того шаткого демократического германского правительства. Именно под его влиянием ЦК германской компартии принял решение голосовать вместе с нацистами во время плебисцита против правительства Северинга-Брауна в Пруссии в 1932 г. Вскоре Нейман понял ошибочность этой тактики и попытался было изменить курс германской компартии. В этом ему помешали Сталин, с одной стороны, и руководство германской компартии, с другой. До февраля 1934 г, борьба с "единым фронтом" была официальной политикой Коминтерна и считалась обязательной для всех компартий.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Пьер Этьенн Фланден (1889-1958), французский политический деятель, по профессии адвокат. Член Национального собрания в 1914-40 гг. В 1930-х годах возглавлял парламентскую группу Демократического альянса. В 1924-34 гг. входил в качестве министра в пять правительств, был министром внутренних дел и даже (полгода) премьер-министром. В 1934-35 гг. председатель Совета министров. В 1936 - министр иностранных дел. Выступал против политики Народного фронта.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

10. Марсель Кашен (1859-1958), с 1905 по 1920 гг. - один из руководителей французской социалистической партии. В годы первой мировой войны - лидер крайне правого крыла французских социалистов. В 1920 г. переметнулся к коммунистам и стал одним из основателей французской компартии, членом ЦК и Политбюро ФКП. В 1924-43 г. - член Президиума ИККИ. Депутат от компартии во французском парламенте. Сталинист.

"Юманите", иногда сокращенно называемая "Нума", первоначально наиболее влиятельная ежедневная газета французской социалистической партии. С 1918 г. директором "Юманите" был Кашен. Когда в 1920 г. Сувариным и Кашеном была основана французская компартия, "Юманите" стала ее официальным органом. Кашен оставался директором газеты до 1958 г.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

13. Обман (англ.).

14. Виктор Адлер (1852-1918), с 1889 г. и до самой смерти - вождь социал-демократической партии Австрии, игравшей важную роль в деятельности довоенного социалистического интернационала.

15. "Le Temps" - одна из самых популярных и влиятельных газет Франции.

16. Матьяш Ракоши (1892-1971), один из лидеров Венгерской советской республики 1919 г., вождь венгерской коммунистической партии. Активный ан-титроцкист. Ракоши был приговорен к пожизненной каторге за нелегальную подрывную коммунистическую деятельность, которую он вел в Венгрии. В 1945-1948 гг. - генеральный секретарь ЦК компартии Венгрии. С 1948 по 1956 г. возглавлял ЦК так называемой Венгерской партии

трудящихся (собственно, все той же коммунистической). Одновременно в 1952-1953 гг. - председатель Совета министров Венгрии. 18 июля 1956 г., по настоянию А. И. Микояна, прибывшего из Москвы в Будапешт, снят со всех партийных постов* В августе 1962 г. исключен из партии.

Миклош Хорти (1868-1957), в 1918 г. контр-адмирал, участник подавления коммунистического мятежа в Венгрии в 1919 г. С 1919 по 1944 г. -- военный диктатор Венгрии. В октябре 1944 г. передал власть Ф. Салашу и эмигрировал.

Луис Оскар Фроссар вместе с Кашеном возглавлял после первой мировой войны французскую социалистическую партию. В 1920-м, вместе с Кашеном, примкнул к коммунистическому интернационалу, но после кратковременного пребывания в компартии вернулся во французскую социалистическую партию и стал сотрудничать с Блюмом.*

Эрнест Рем (1887-1934), один из первых соратников Гитлера. В национал-социалистическую рабочую партию вступил в начале 1920-х годов. Занимался военным обучением штурмовиков. Участник "пивного путча" 1923 г. С 1931 г. - начальник штурмовых отрядов. После прихода фашистов к власти - имперский министр. Примерно с этого момента у Рема и Гитлера обострились противоречия. Рем хотел создавать армию на основе штурмовых отрядов. Гитлер, заинтересованный в поддержке немецких военных, выступил против этого. 30 июня 1934 г., в "ночь длинных ножей". Рем и ряд других руководителей штурмовых отрядов были арестованы по обвинению в измене и аморальном (в частности, гомосексуальном) поведении и расстреляны.

Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум, 1873-1923), в 1895 г. член Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С 1890 г. - член редакции "Искры". С 1903 г. - лидер меньшевиков, с 1917 г. - руководитель левого крыла меньшевизма. В 1918 г. - член ВЦИК. В 1920 г. эмигрировал, был одним из руководителей "2/2 интернационала".

Дается в переводе с немецкого. Выписка из мемуаров Рема в дневнике Троцкого сделана по-немецки.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Кондотьеры (франц.).

Поль Вайян Кутюрье (Велан-Котурье), редактор "Юманите", бывший глава левого крыла ассоциации ветеранов, в 1935 г. один из лидеров французской компартии.

Безотлагательно (франц.).

Вильгельм Тренер (1867-1939), один из высших офицеров германской армии во время первой мировой войны. В знак протеста против подписания Версальского мирного договора ушел в отставку. Позднее занимал пост министра внутренних дел в правительстве Веймарской республики.

Дается в переводе с немецкого. Выписка из мемуаров Рема в дневнике Троцкого сделана по-немецки. "Прудонистско-анархический конгресс" открылся в Брюсселе 7 сентября 1874 г. как Седьмой конгресс Первого интернационала. Его участниками были, в основном, последователи Прудона (1809-1865) и противники "авторитарного социализма" Маркса и Энгельса. Большинство участников конгресса выступали за мирное переустройство общества путем реформ.

Фридрих Зорге (1828-1906), немецкий марксист, ученик и соратник Маркса и Энгельса, В мае - июле 1849 г. участвовал в Баденско-Пфальцском восстании. С 1852 г. жил в США, где организовал секции Первого интернационала. Один из основателей (1876-77 гг.)

социалистической рабочей партии Северной Америки. В 1872-74 гг. - секретарь Первого интернационала.

Дается в переводе с немецкого. Выписка из письма Энгельса в дневнике Троцкого дана по-немецки.

Под "лонденско-амстердамским блоком" Троцкий подразумевает ряд социалистических партий, не принадлежащих ни к какому интернационалу (ни ко Второму, ни к Третьему).

Полувоенная организация, состоящая в основном из крайне правых студентов. Члены этой организации принимали активное участие в столкновениях 6 февраля 1934 г.

Троцкий издевается на Фланденом, который только что участвовал в религиозной церемонии в Соборе Парижской Богоматери.

В. Я. Чубарь (1891-1939), член партии с 1907 г. В 1917 г. член Петродградского совета фабрично-заводских комитетов. В 1918-1923 гг. - член Президиума ВСНХ УССР, одновременно с 1920 г. - член Политбюро ЦК КП(б) Украины. С 1934 г. - заместитель Председателя СНК СССР Молотова. Предположение Троцкого, что Чубарь сменил Молотова, оказалось ошибочным. В 1937 г. Чубаря понизили до наркома финансов, а в 1939-м расстреляли.

Я. Э. Рудзук (1887-1988), член партии с 1905 г., участник большевистского переворота в Москве. С 1920 г. - председатель ЦК союза железнодорожников, одновременно генеральный секретарь ВЦСПС, председатель Турккомиссии ВЦИК, Туркбюро ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК РКП(б). С 1923 г. секретарь ЦК партии. В 1924-1930 гг. - нарком путей сообщения. С 1926 г. - заместитель председателя СНК и СТО, одновременно с 1931 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ. Член ЦК с 1920 г., член Политбюро в 1926-1932 гг. Расстрелян.

В. И. Межлаук (1893-1938), в партии с 1917 г., с 1924 г. - начальник Главметалла. С 1931 г. - 1-й заместитель председателя Госплана СССР. С 1934 г. - председатель Госплана, заместитель председателя СНК и СТО СССР, член ЦК. В 1937 г. - нарком тяжелой промышленности. Расстрелян.

Раздражение Троцкого было вызвано его "экономическими" конфликтами с владельцем снимаемой им виллы.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Марсель Регниер был министром внутренних дел в кабинете Фландена.

На вилле Троцкого на Принкипо (турецком острове в Мраморном море) случился пожар, возможно, подстроенный НКВД, во время которого сгорело довольно много бумаг Троцкого, в том числе и заготовки для планируемой им книги о Марксе и Энгельсе, так никогда и не написанной.

Над книгой о Ленине Троцкий работал во второй половине 1930-х годов, но закончить ее не успел. Он написал лишь первые 200 страниц, изданные по-английски под названием "Молодой Ленин" (Young Lenin. New York, 1972). На русском языке эта книга так и не была опубликована. Она хранится в архиве Троцкого.

Поль Фор был в то время генеральным секретарем французской социалистической партии. В английском издании дневника Троцкого (стр. 12) имя Поля Фора было случайно опущено.

Морис Торез (1900-1964), по профессии шахтер, член французской компартии с 1920 г., член ЦК с 1924 г., член Политбюро с 1925 г. С 1935 г. по 1943 г. (год роспуска Коминтерна)

член Президиума ИККИ. С 1932 г. -бессменный депутат парламента. С 1930 г. и до своей смерти - генеральный секретарь французской компартии.

Флоренс Вишневецкая, американская социалистка, переводчица Энгельса, ведшая и Энгельсом в течение многих лет переписку.

Ллойд Джордж Д. (1863-1945). Премьер-министр Великобритании " 1916-22 гг., один из лидеров либеральной партии.

Стенли Болдуин (1867-1947), премьер-министр Великобритании в 1923-1924, в 1924-1929 и в 1935-1937 гг. Консерватор. В 1926 г. правительство Болдуина успешно справилось со всеобщей забастовкой в своей стране, а в 1927 г. в ответ на подрывную деятельность советского правительства в Англии разорвало с СССР дипломатические отношения.

Франклин Делано Рузвельт (1882-1945), с 1933 г. президент США от демократической партии. Избирался на этот пост 4 раза. В 1933 г. установил дипломатические отношения с СССР.

Джон Мейнард Кейнс (1883-1946), английский экономист и публицист, основатель кейнсианства.

По инициативе Троцкого французская троцкистская организация вступила в социалистическую партию и в социалистический союз молодежи Франции с целью подрывать социалистическую партию изнутри, толкая ее влево, с одной стороны, и в сторону от просталинской французской компартии - с другой. Если в самой социалистической партии Троцкому не удалось достигнуть желаемого эффекта, то в молодежном секторе он добился немалых результатов. Это, разумеется, напугало как социалистов, так и коммунистов, искавших сближения и не желавших попадаться на трюки Троцкого. Компартия постоянно обзывала троцкистов "социал-фашистами" и призывала французских социалистов исключить троцкистов из партии как врагов единения. В результате троцкисты были исключены и образовали свою самостоятельную партию,.

И. Г. Церетели (1888-(1959), один из лидеров меньшевизма, депутат Второй Государственной думы. В 1917 г. - министр Временного правительства, в 1918-м - меньшевистского правительства независимой тогда Грузии. В 1921 г. эмигрировал за границу.

51. Троцкий, возможно, имеет в виду критику, которой подвергли большевики социалистические партии в 1917 г. в ответ на первую (июльскую) попытку большевистского переворота, закончившуюся неудачей (и, кстати, чуть было не приведшую к крушению большевистской партии). Июльское поражение большевиков ощущалось тем сильнее, что в этом месяце против ряда большевистских лидеров (Ленина, Зиновьева, Коллонтай, Ганецко и др.) были официально выдвинуты обвинения в государственной измене (под чем подразумевалось сотрудничество с германским правительством). Однако судебное разбирательство так никогда и не состоялось, а июльская попытка государственного переворота прошла для большевиков безнаказанно.

Социалистическая партия Франции.

Всеобщая конфедерация труда (французские профсоюзы).

Эрнст Тельман (1886-1944), в 1903-1917 гг. - член социал-демократической партии Германии. В 1917-1920 гг.- член НСДПГ, с 1920 г. -член компартии. Во время Ноябрьской революции 1918 г. - член Гамбургского рабоче-солдатского совета. Активно участвовал в гамбургском мятеже 1923г. С 1923 г. член ЦК КПГ, с 1925 -председатель КПГ и председатель военизированной организации Союза красных фронтовиков. В 1924-33 гг. -депутат

Рейхстага. Сталинист. После прихода к власти фашистов, 3 марта 1933 г. арестован и посажен в берлинскую тюрьму Моабит. 18 августа 1944 г. казнен в концлагере Бухенвальд.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Альберт Устрик, французский банкир, чьи спекуляции окончились в 1930 г. крушением нескольких банков и разорением вкладчиков, потерявших от одного до полутора миллиардов франков. В скандал оказались вовлечены несколько официальных лиц, что ускорило падение кабинета Тардье.

Сергей Ставиский был финансистом, скончавшимся в январе 1934 г. при весьма странных обстоятельствах. Говорили, что в "деле Ставиского" замешана полиция и правительственные лица. Этот новый скандал был, в частности, использован организаторами столкновений 6 февраля 1934 г.

Влиятельная металлургическая и каменноугольная корпорация.

Особые интересы (фр.).

Семья де Венделев была одной из самых старых, богатых и влиятельных семей, занятых в металлургической промышленности Франции.

Л. Б. Красин (1870-1926), член партии с 1890 г., инженер, для экспроприации мечтал создать "бомбу величиной с грецкий орех" (запись Троцкого в черновиках к книге "Ленин", конца 1930-х годов). Агент "Искры", в 1903-1907 гг. - член ЦК РСДРП. В годы первой русской революции - руководитель боевой технической группы (террористическая деятельность) при ЦК. В 1918 г. - член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности. В 1919 г. - нарком путей сообщения. С 1920 г. - нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Англии, с 1924 г. - во Франции. Член ЦК партии с 1924 г.

С. М. Киров (Костриков, 1886-1934), социал-демократ с 1904 г. С 1921 г. секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. С 1926 г. - 1-й секретарь Ленинградского губкома (обкома) и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Одновременно, с 1934 г. - секретарь ЦК. Член ЦК с 1923 г. Член Политбюро с 1930 г. Убит Николаевым 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. Убийство, подстроенное Сталиным, ознаменовало собой начало массового террора против партийных и советских работников.

63. А. Рафалович являлся секретным сотрудником русского министерства финансов в Париже перед первой мировой войной. Он был обвинен в подкупе французских журналистов и издателей с целью содействия русскому правительству в деле получения во Франции займов. Дипломатическая переписка Рафаловича, свидетельствующая о его полном успехе в деле подкупа прессы, была опубликована после большевистского переворота.

64. Когда 1 декабря 1934 г. в Ленинграде был убит Киров, советская пресса указала, что убийца Кирова, Николаев, незадолго перед убийством встречался с латвийским генеральным консулом, чтобы попросить его передать Троцкому письмо. Латвийским генеральным консулом в СССР был в это время Джордж Биссинекс, высланный из СССР вскоре после убийства Кирова. Правительство Латвии заявило в связи с этим официальный протест и указало, что генеральный консул Латвии никакого отношения к покушению на Кирова не имел. К теме "консула" Троцкий неоднократно возвращался и позже, в дневнике и в статьях. Так, 17 марта 1938 г. он написал небольшую статью "Убийство Кирова и латышский консул Биссенекс". Троцкий писал:

"Письмом в "Нью-Йорк Тайме" от 12 марта латышский министр в Вашингтоне г.

Альфред Билманис "категорически" опровергает мое сообщение о том, что, согласно официальным советским документам, латышский консул Биссенекс дал Николаеву, фактическому убийце Кирова, 5.000 руб. и требовал от него какого-либо письма "для Троцкого". (В "Нью-Йорк Тайме" 8 марта 1938 г.: было сказано "от Троцкого", но это явная ошибка телеграфной передачи, не имеющая, впрочем, значения под интересующим нас углом зрения). Г. латышский министр заявляет, что: 1) в период процесса Николаева он сам был латышским министром в Москве и, следовательно, информирован из первых рук; 2) что "ничего подобного относительно м-ра Биссинекса никогда не появлялось в советской печати"; 3) что этот факт (непоявления в печати) был подтвержден "вчера" (9 марта) из советского посольства в Вашингтоне; 4) наконец, что "бывший латышский консул в Ленинграде является самым почтенным лицом и никогда не имел ничего общего с делом Николаева".

Категорический характер этого опровержения может позволить думать, что я выдумал весь эпизод. Между тем я ничего не выдумывал. Г. латышский министр проявил в своем опровержении величайшую неосторожность в обращении с фактами.

В "Правде" от 27 декабря 1934 г. был напечатан обвинительный акт по делу Николаева. В этом официальном документе сообщается, что Николаев "неоднократно посещал... консула в Ленинграде... с которым вел переговоры о возможных формах помощи этой (террористической) группе". В официальном тексте точками заменены национальность и фамилия консула. Дальше Николаев показывает, что при "третьей или четвертой встрече в здании консульства" вышеозначенный консул "вручил мне пять тысяч рублей. При этом он сказал; что установить связь с Троцким он может, если я вручу ему какое-либо (!) письмо от группы к Троцкому". Передовая статья того же номера "Правды". (27 декабря 1934 г.) разъясняет политическую роль консула: он связывал террористов с "международной буржуазией". О том, дал ли неизвестный мне Николаев неизвестному мне консулу "какое-либо письмо для Троцкого", обвинительный акт не говорит ни слова!

Мы уже отметили, что при публикации обвинительного акта национальность и имя консула были, по соображениям дипломатической этики, заменены точками. Но дело на этом не остановилось. Дальше я пользуюсь материалам "Красной книги" Льва Седова, которые могут быть легко проверены в любой редакции. Вот что говорится на 35-36 стр. книги Седова: [цитата не приведена - прим. ред.].

Нельзя здесь же не отметить, что во всех дальнейших процессах консул не назвался и не упоминался ни разу. Кирова убивали последовательно разные "центры", но г. Биссенекс бесследно исчез из всех последовательных версий.

* * *

Всю мировую печать обошло сообщение комиссариата иностранных дел о том, что консул, давший 5.000 рублей на совершение террористического акта и требовавший какого-либо "письма для Троцкого", был латышский консул в Ленинграде, Биссенекс. Имея в виду обычную полноту и точность информации "Нью-Йорк Тайме", я не сомневаюсь, что весь этот эпизод, как и имя консула, нашли себе место на страницах настоящей газеты. Проверить это в Нью-Йорке легче, чем в Койоакане. Иностранные журналисты в Москве сделали тогда же попытку вступить в связь с г. Биссинексом, чтобы выяснить его действительную роль. Но г. Биссенекс оказался недосягаемым. ТАСС сообщил, что консул

отозван. Сам г. Биссинекс, насколько я знаю, нигде и никогда не опровергал официальное советское сообщение о нем как о персонаже из обвинительного акта.

Если г. Альфред Бильманис входил в тот период в состав дипломатического корпуса в Москве, он не мог не участвовать в попытке дипломатов выяснять личность консула, обвинявшегося в тяжелом преступлении. Он не мог не знать сообщения комиссариата иностранных дел о личности консула, как и телеграммы ТАСС. Если память ныне изменила ему, то я могу лишь пожалеть об этом.

Нынешнее заявление г. Бильманиса, что Консул Биссинекс весьма почтенное лицо и не имел отношения к делу Николаева, является, по меньшей мере, запоздалым и ничего не меняет в существе всех приведенных фактов.

Было ли имя Биссинекса названо в советской печати? По-видимому, нет. Но этот факт объясняется тем, что опубликование имени латышского консула скомпрометировало бы версию связи террористов с иностранным империализмом. Читатели советской печати полагали, что дело идет о германском, японском или британском консуле; и руководители советской печати не - видели, очевидно, оснований разрушать это впечатление. Но это обстоятельство ничего не меняет. Народный комиссариат по иностранным делам и ТАСС - не менее официальные органы, чем "Известия" или "Правда".

За время двух последних больших процессов в Москве я дал прессе десятки фактических сообщений и опровержений. Я дал сотни таких сообщений международной комиссии под председательством д-ра Дьюи. Ни одно из моих сообщений не было опровергнуто, хотя бы частично. Первой попыткой фактического опровержения является письмо латышского министра в Вашингтоне. Насколько эта попытка убедительна, пусть судит общественное мнение.

Г. Евдокимов, большевик. Поддерживал оппозицию Зиновьева против Сталина. Троцкистом никогда не был. Шел по процессу Зиновьева-Каменева и был расстрелян в 1936 г.

Жорж Буланже (1837-1891), французский генерал, в 1886-87 гг.-военный министр, в 1887-1889 гг. возглавлял националистическое движение, получившее название "буланжизм", выступал за реваншистскую войну против Германии и пересмотр французской конституции, требовал создания "народной диктатуры", роспуска парламента. Когда правительство предприняло попытку арестовать его, выехал за границу.

Цитата из письма Энгельса Зорге дается в переводе с немецкого. В дневнике Троцкого запись сделана по-немецки.

"Народным фронтом" назывался блок радикалов, социалистов и коммунистов, оформленный во Франции в 1935 г. с целью более эффективного противостояния на выборах правым, в частности фашистским, организациям

Известный сумасшедший дом под Парижем.

"Разум становится бессмыслицей, благоденствие - бедствием" (нем.) - Гете, "Фауст".

Жан Зеромский - активист левого крыла социалистической партии Франции, в частности парижского района. Симпатизировал коммунистам и во время второй мировой войны, наконец, перешел в компартию.

Выделенное курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Н. А. Римский-Корсаков (1844-1908), русский композитор.

Вероятно, "недействительно".

Троцкий, возможно, имеет в виду две свои статьи в первом номере "Бюллетеня": "В чем непосредственно цель высылки т. Троцкого", подписанную "X", и "Письмо рабочим СССР", подписанную "Троцкий".

Михаил Глазман, стенографист и секретарь Троцкого во время гражданской войны, позднее - член секретариата Троцкого и ВРК. Левый оппозиционер. Исключен из партии в 1924 г. В том же году покончил с собой.

Я. Г. Блюмкин (1898/9?/ - 1929). Левый эсер, участник убийства Мирбаха, сотрудник ЧК, с 1920 г. - большевик, сотрудник ГПУ, сотрудник секретариата Троцкого. В ГПУ занимал ряд высоких постов, был резидентом ГПУ на Ближнем Востоке. Летом 1929 г. Блюмкин тайно встречался с Троцким в Турции. По крайней мере однажды взял письмо для передачи кому-то из оппозиционеров в СССР. Принято считать, что Блюмкин вез и передал письмо Радеку. Очевидно, это не так. Оригинал написанного от руки письма Троцкого, которое увез Блюмкин (впрочем, это могло быть не первое и не единственное письмо) сохранился в бумагах Льва Седова, в архиве Гуверовского института (кол. Б. И. Николаевского, ящик 307, папка 10), Вот его текст:

(Через Блюмкина)

1. По поводу ренегатства Радека и КО написана Т[роцкий] статья "Жалкий документ", которая выходит на трех языках. 2. Ближайшая осень будет по всем данным кризисной. Подготовка к ней предполагает беспощадное разоблачение и отсечение капитулянтов. 3. Важной частной задачей является создание правильных и устойчивых связей с нами. 4. Необходимо направить одного-двух человек для организационной работы в Берлине и Париже. Самое лучшее - кого-нибудь из ссыльных. 5. Парижский Харин сыграл роль провокатора: взял для печатания документ и выдал посольству. Копии у нас имелись.

Работа в области иностранной оппозиции продвигается пока медленно. 1 сентября выходит в Париже еженедельник "Веритэ" под редакцией Розмера, с участием активной молодежи, вполне нашего направления. 1 октября начнет в Париже выходить международный орган "Оппозиция" (ежемесячник), пока только на французском языке. Только с выходом этих изданий работа получит систематический характер, притом политич[еский], а не только пропагандистский. Многочисленные группки ехали прямо помехой движению (в том числе безжизненные группы Трэна и Паза). Издания ставили без них, все живое из их групп примкнет. Пусть Вас, поэтому, не удивляют и не пугают возможные верхушечные передвижки и дезертирства. Радеки и полуррадеки есть и здесь. Самое важное сейчас - иметь еженедельное издание, которое будет давать наше освещение всем мировым событиям.

Урбанс не наш человек. Это путаник и нелояльный человек, т. е. испорченный зиновьевской школой. Он колеблется между Брандлером и Коршем, а в практической работе гоняется за дешевой сенсацией. В Ленинбунде - борьба течений. Нам необходим серьезный еженедельник на немецком языке. Мы его доставим вслед за французским изданием. И в Германии не надо пугаться неизбежных верхушечных перетасовок.

Живые и активные группы - в Бельгии и Америке.

Почти все иностранные группы заняли неправильную позицию по поводу русско-кит[айского] конфликта. Критиковать их будем открыто и решительно.

В Австрии три группы, две из них сближаются, группа Фрея остается в стороне. В Чехословакии наша группа приступает к изданию документов. Завязываются связи с Ю[жной] Америкой.

П.С. Документов через Урбанса не посылайте, он нелоялен и в отношении воспроизведения в печати. Посылайте нам непосредственно, по другим адресам, Что нужно, мы перешлем и Урбансу,

Понятно, что такое письмо не могло быть адресовано Радеку. Сам Троцкий считал, что Блюмкин, доверявший Радеку, сообщил ему о факте встречи с Троцким и что именно об этом Радек донес в ОГПУ. Блюмкина арестовали. Дело его переслали на рассмотрение Коллегии ОГПУ. Мнения разделились. Ягода настаивал на смертной казни, Трилиссер был против, Менжинский воздержался, Сталин настоял на смертном приговоре. После этого постановлением Коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г. Блюмкин был расстрелян. Рассказывают, что перед смертью он крикнул: "Да здравствует Троцкий!".

Четвертый интернационал был учрежден Троцким в сентябре 1938 г. на том основании, что, как считал Троцкий, Второй интернационал (1889), социалистический, как и Третий интернационал (1919), большевистский, перестали служить целям революционного социализма.

Жан Зеромский (Zyromsky). Троцкий пишет его фамилию по-разному.

Отто Бауэр (1882-1938), один из лидеров австрийской социал-демократии и Второго интернационала, после первой мировой войны - ведущий теоретик австрийских социал-демократов. Идеолог австро-марксизма. В 1918-1919 гг. - министр иностранных дел. Выступал за присоединение Австрии к Германии. Один из организаторов и лидеров 2'/2 Интернационала (1921-23 гг.) и Социалистического рабочего интернационала (1923-1940). С 1929 по 1934 г. - член Австрийского национального совета. С февраля 1934 г. в эмиграции, сначала в Чехословакии, затем во Франции. Национальный совет (франц.).

В декабре 1920 г. съезд французской социалистической партии, собравшийся в Туре, принял решение переименовать партию во Французскую секцию Коммунистического интернационала. Так была образована французская компартия. Меньшинство социалистической партии, возглавляемое Полем Фором, Леоном Блюмом и др., осталось в "старой" социалистической партии, сохранив ее название.

Жан Жорес (1859-1914), лидер французских социалистов, основатель газеты "Юманите".

М. И. Ульянова (1878-1937), в социал-демократической партии с 1898 г. Младшая сестра Ленина. В 1917-1929 гг. - член редколлегии и ответственный секретарь "Правды". В 1925-1934 гг. - член ЦКК партии

Н. К. Крупская (1869-1939), жена Ленина. С 1927 г. - член ЦК, с 1929 г. - заместитель наркома просвещения. С 1938 г. - член Президиума Верховного Совета СССР.

86. Л. Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Из-во "Гранит", Берлин, 1930 г. К концу жизни Троцкий смотрел на этот эпизод по-другому. Он не исключал, что Ленин вообще не просил Сталина достать яд и что Сталин попробовал было сделать это по своей инициативе с целью отравить Ленина. Он не исключал даже, что Сталин Ленина отравил. Записи об этом остались в черновиках рукописи Троцкого "Сталин".

Поль Лафарг (1842-1911), муж дочери Карла Маркса. Вместе со своей женой покончил самоубийством.

"Присоединиться к большинству" (англ.).

А. Н. Толстой (1882/83-1945), советский писатель, с 1937 г. депутат Верховного Совета СССР.

Франсуа Мориак (1885-1970), французский писатель, лауреат Нобе левской премии (1952).

Л. Н. Толстой (1828-1910), русский писатель, граф.

Ф. М. Достоевский (1821-1881), русский писатель.

Пропуск в цитате.

Леон Жуо (1879-1954), в 1909-(1940 и 1945-1947 гг. лидер французской всеобщей федерации труда. В 1919-1940 гг. один из руководителей Амстердамского интернационала профсоюзов. Основатель "Форм увриер". В 1951 г. награжден Нобелевской премией мира. Антикоммунист, неоднократно вступавший в конфликты с левыми прокоммунистическими союзами.

Троцкий жил в Барбизоне с ноября 1933 по апрель 1934 с.

Лат. - одно вместо другого, путаница, неразбериха.

Господин прокурор Республики из Мелуна (франц.).

Секретарь суда (франц.).

Немецкая овчарка, охранявшая дом Троцкого.

"Сторожевой пес" (франц.).

Немецкая овчарка, охранявшая дом Троцкого.

Рудольф Клемент ("Адольф", 1910-1938), секретарь Троцкого в Турции и Франции, троцкист. В 1938 г., незадолго до открытия троцкистской конференции, учредившей Четвертый (троцкистский) интернационал, был похищен советскими органами безопасности в Париже. Несколько позже его труп нашли в Сене. Был также известен под кличками "Камиль", "Фредерике" и "W. St."

"Валькирия" - опера Р. Вагнера (1813-1883), немецкого композитора.

Жюль Ромен (Луи-Генри-Жан Фариголь, 1885-1972), французский писатель и поэт. Основное произведение: многотомная эпопея "Люди доброй воли" (1932-1946), о жизни Франции ,1908-1933 гг.

Эмиль Золя (1840-1902), французский писатель.

"Держащийся на расстоянии" (франц.).

Дистанция (франц.).

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

110. Наручники (франц.),

Грязный бош (франц.) - презрительная кличка немцев.

Нет, стоять! (франц.).

Генрик Ибсен (1828-1906), норвежский драматург.

К. А. Федин (1892-1977), советский писатель, первый секретарь правления СП СССР (1959-1971), затем председатель правления Союза писателей.

Марсель Пруст (1871-1922), французский писатель.

116. "Героическая симфония" Л. ван Бетховена (1770-1827), немецкого композитора.

И. С. Тургенев (1818-1883), русский писатель.

Г. М. Кржижановский (1872-1959), в партии с 1893 г. Агент "Искры", в 1903-1904 - член ЦК РСДРП. В 1920 г. - председатель комиссии ГОЭЛРО. В 1921-1923 и 1925-,1930 - председатель Госплана. Член ЦК компартии с 1924 по 1939. Академик (1929).

Камиль Шотан (1885-1963), французский политический деятель. В 1920-30-е годы - один из руководителей партии радикалов. В 1928-30 гг.-вице-премьер. Премьер-министр Франции в 1930, 1933-34 и 1937-38 гг. После нападения нацистской Германии на Францию был сторонником капитуляции Франции перед германскими войсками.

Крестьянский фронт. Был сформирован в 1934 г. несколькими правыми крестьянскими организациями Франции.

Генрих Доржерес - в тридцатые годы один из руководителей консервативного крестьянского движения, имевшего успех, особенно на западе Франции. Инициатор создания Крестьянского фронта. С подъемом движения Народного фронта влияние Доржереса упало.

Иоганн Филипп Беккер (1809-1866), коммунист, друг Маркса и Энгельса, один из организаторов немецкой секции Первого интернационала в Швейцарии.

Цитата из Энгельса дается в переводе с немецкого. В дневнике Троцкого запись сделана по-немецки.

Троцкий имеет в виду, видимо, две свои статьи: "Тезис о Клемансо и режим в партии" (написана 24 сентября 1927 г., хранится в архиве Троцкого, Т-3092) и "Клемансо" (2 августа 1927 г.). Последняя представляет собой маленькую заметку:

"Из моей статьи "Куда это ведет?" по поводу грязной шпартгалки московского Агитпропа о военной опасности Молотов узнал много вещей, которые он изложил затем в Центральном Комитете как грозную улику моих повстанческих намерений. Так Молотов узнал, что во время войны во Франции был политик, по имени Клемансо; что этот политик вел борьбу против тогдашнего французского правительства в целях более последовательной и беспощадной империалистической политики, которая в конце концов и обеспечила победу Франции. Сталин разъяснил Молотову, а Молотов изложил нам смысл этого примера: оппозиция собирается-де, по примеру группы Клемансо, бороться за другую политику социалистической обороны, - а это и означает левоэсеровское повстанчество. Но позвольте, причем тут Клемансо? Почему вы дали политическое сочетание французского с нижегородским? Хоть Молотов и был нижегородским губернатором, но это причина недостаточная".

125. Поль Анри Спаак (1899-1972), министр иностранных дел Бельгии в 1936-1937, 1938, 1939-1947, 1949, 1954-1957 и 1961-1966 гг. В 1938-1939, 1946 и 1947-1949 гг. - премьер-министр Бельгии. С 1944 г. - один из лидеров бельгийской социалистической партии. В 1957-1961 гг. - генеральный секретарь НАТО,

Эмиль Вандервельде (1866-1938), бельгийский социалист, реформист. С середины 1890-х годов руководитель бельгийской рабочей партии. С 1900 г. - председатель Международного социалистического бюро Второго интернационала. Член парламента с 1894 г. В 1914 г. вошел в правительство и до 1937 г. неоднократно был министром, в том числе юстиции и иностранных дел. Автор ряда работ по экономике, политике и социальным вопросам.

Анзееле - член бельгийского парламента с 1894 г. После первой мировой войны неоднократно был министром в бельгийском правительстве.

128. "L' Action revolutionnaire" - газета левого крыла бельгийской социалистической партии.

Слова Энгельса даны в переводе с немецкого. Запись в дневнике сделана по-немецки.

"Gotterdammerung" (нем.) - "Гибель богов", опера Р. Вагнера.

Генрих де Ман, один из лидеров бельгийской лейбористской партии. Министр финансов в кабинете премьер-министра Ван Зиланда. Автор ряда книг по социальной теории, этике, политике. Сторонник "модернизации" радикальных взглядов Маркса. В 1930-е годы занимал консервативные позиции.

Энциклика папы Пия XI была опубликована 15 мая 1931 г. Касалась, в частности,

вопросов об условиях труда рабочих, так же как и энциклика папы Льва XIII "Resum Novarum".

В то время премьер-министр Бельгии. ,134. Альберт I (1875-1934), бельгийский король с 1909 г.

Леопольд III (1901-1983). Сын Альберта. Бельгийский король с 1934 по 1951 гг. В ,1951 отрёкся от престола в пользу своего сына Бодуэна I.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Бенито Муссолини (1883-1945), социалист, исключен из партии в 1914 г. В 1919 г. основал фашистскую партию Италии. С 1922 по 1943 гг. -фашистский диктатор Италии. В 1945 г. захвачен итальянскими партизанами антифашистами и по приговору трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии казнен.

Антони Идеи (1897-1977), в 1935-38, 1940-45 и 1951-55 гг. - министр иностранных дел Великобритании. В 1939-40 гг. - министр по делам колоний. В 1955-57 гг. - премьер-министр. Консерватор.

Луи Барту (1862-1934), с 1894 г. неоднократно был министром во французском правительстве. В 1913 г. премьер-министр Франции. В 1934 г. -министр иностранных дел, сторонник советско-французского сотрудничества. В октябре 1934 г. в Марселе вместе с королем Югославии Александром I был убит македонским революционером-террористом.

140. Все цитаты из "Правды", вклеенные Троцким в дневник, заимствованы им из русской эмигрантской газеты "Последние новости", издававшейся в Париже.

141 Это слово особенно часто упоминал Троцкий во время процессов 1936-х годов. Он понимал под ним всякую политическую подтасовку, прежде всего обвинение людей с различными политическими взглядами в одних и тех же преступлениях и организацию над этими людьми общих показательных процессов.

Переворот (франц.).

В. И. Невский (Феодосии Кривобоков, 1876-1937), большевик, член Петроградского ВРК. С 1918 г. - нарком путей сообщения, в 1919-20 гг. заместитель председателя ВЦИК. С 1921 г. на научной и преподавательской работе. С 1924 г. - директор библиотеки им. Ленина в Москве. Большевистский историк. Расстрелян.

144. Генрих Молинье, единомышленник Троцкого. Француз по национальности, бизнесмен, офицер в отставке, он был крайне удобен для выполнения всякого рода "официальных" дел: получения виз и пр. Молинье погиб во время второй мировой войны.

145 Зинаида Волкова (1903-1933), дочь Троцкого Получила разрешение выехать из СССР для лечения на Западе. Уехала, оставив мужа и одного из двоих детей - Льва Волкова. В 1932 г. вместе с Троцким была лишена советского гражданства. Страдала психическим расстройством. Покончила с собой в Берлине в 1933 г. См. о ней в разделе "Из прессы тех лет".

Леля Гребнер - первая жена младшего сына Троцкого Сергея Седова.

Ф. Э. Дзержинский (1877-,1926), польско-русский революционер, социал-демократ с 1895 г. Член ЦК РСДРП с 1907 г. С 1917 г. -председатель ВЧК. Во время дискуссий о Брестском мире - левый коммунист. В 1919-1923 гг. - нарком внутренних дел. С 1922 г. - председатель ГПУ (затем -ОГПУ). Одновременно с 1921 г. - нарком путей сообщения. С 1924 г. -председатель ВСНХ СССР.

Цитата из французской газеты дается в переводе с французского.

От французского слова "fromage" (сыр). Так называли людей или группировки, поддерживавшие субсидирующие их политические организации.

Луи Филипп (1773-1850), король Франции с 1830 по 1848 гг.

Французская социалистическая газета.

А. И. Рыков (1881-1938), сменил Ленина на посту председателя СНК с 1923 по 1928 гг. - в блоке со Сталиным против Троцкого. В 1928-29 гг. - один из лидеров правой оппозиции. Капитулировал в 1929-м, принял сторону Сталина Но в 1930-м все равно был снят с поста председателя СНК, а в 1938-м - выставлен одним из обвиняемых на третьем московском процессе (бухаринском). Расстрелян.

Leon Fraple. La Maternelle - "Детский сад" (франц.).

Курсивом дан перевод с французского. Записи в дневнике сделаны по-французски.

Опущен ряд статей из французской прессы, вкленных Троцким в дневник.

Граф, офицер французской армии, в 1926-1928 гг. в генеральном штабе маршала Фоша. Один из руководителей военизированной, правой и антипарламентской организации "Огненный крест", состоявшей преимущественно из награжденных ветеранов и просуществовавшей с 1927 по 1936 гг., когда она была запрещена правительством Народного фронта. Один из организаторов антипарламентского движения 6 февраля 1934 г.

157. Так называли иногда "в народе" Наполеона III.

Опущен ряд вырезок из французской газеты "Юманите", вклеенных Троцким в дневник.

Выделенное курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски. "Веритэ" - газета французских троцкистов.

"Куда идет Франция?" - статья Троцкого (40 страниц), написанная им в октябре 1934 г. специально для "Веритэ". Опубликована от имени редакции "Машинописная (архивная) копия Троцкого на русском языке (Т-3664) помечена надписью "перевод с французского В.", чтобы замести следы авторства Троцкого. Несколько позже Троцкий расписался на русской машинописной копии в знак того, что статью написал он.

Выделенное курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Текст открытки здесь не публикуется. Открытка была вклеена Троцким в его дневник.

Император, императрица и все их дети были убиты 16 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Большевики всегда отрицали причастность центра к убийству, подчеркивая, что решение о расправе было принято местной уральской большевистской властью. Троцкий, уже высланный за границу, остался верен этой версии. Несколько позже, с помощью мемуаров перебежавшего на Запад советского функционера Беседовского, Троцкий попробовал свалить вину за царевубийство на Свердлова и... Сталина. В черновиках незаконченных глав биографии Сталина, над которой Троцкий работал в конце 1930-х годов, имеется следующая запись:

"По словам того же Беседовского, "царевубийство было делом рук Сталина. Ленин и Троцкий стояли за то, чтобы держать царскую семью в Петербурге, а Сталин опасался, что пока жив Николай II, он будет притягивать белогвардейцев". 12 июля 1918 г., - продолжает Троцкий, - Сталин сговорился со Свердловым, обычным председателем [Пятого] съезда Советов, 14 июля он посвятил в свой план Голощекина, который 15 июля шифрованной телеграммой известил комиссара Белобородова, который вел наблюдение за царской семьей, о намерениях Сталина и Свердлова. 16 июля Белобородов телеграфировал в Москву, что через три дня Екатеринбург должен пасть. Голощекин повидел Свердлова, Свердлов

Сталина. Положив в карман донесение Белобородова, Сталин сказал: "Царь никоим образом не может быть выдан белогвардейцам". "Эти слова были равносильны смертному приговору", - пишет Беседовский.

Дневниковые записи Троцкого за 1935 год, касающиеся убийства царской семьи, конечно же, являются более достоверным свидетельством, так как не предназначались для печати. Они настолько не соответствуют всему жанру дневника, почти не уходящего в историю революции, что нельзя не заметить: Троцкий описывает гибель царской семьи под влиянием воспоминаний о собственных детях, которых, как и детей императора Николая Второго, убивали лишь за то, что они были детьми обреченного на гибель отца.

163. Я. М. Свердлов (1885-1919), в партии с 1901 г. В 1912 г. кооптирован в ЦК РСДРП, член Русского бюро ЦК. После Седьмой (апрельской 1917 г.) партийной конференции - секретарь ЦК. Руководитель Оргбюро по созыву VI съезда РСДРП, активный участник подготовки и проведения октябрьского переворота в Петрограде, член ВРК. Председатель большевистской фракции Второго Всероссийского съезда Советов и, после снятия Каменева, председатель ВЦИКа. Был председателем комиссии по выработке первой советской конституции С весны 1918 г. фактически руководил всей партийной работой. Организовывал созыв VII партийного съезда, выступал там с отчетным докладом ЦК. Один из инициаторов принятия решения об убийстве царской семьи в июле 1918 г. В начале 1919 г. стал терять власть. На время работы VIII съезда послан в провинцию и на обратном пути, по версии официальной историографии, "заболел", а вскоре и умер. Не исключено, что обстоятельства смерти Свердлова совсем иные и что Свердлов был убит,

Фаина (Фейга) Хаймовна Каплан (1887-1918), анархистка..В декабре 1906 г. арестована в Киеве при взрыве бомбы и приговорена к каторжным работам. Освобождена февральской революцией. Практически слепая, в политической деятельности почти не принимала участия. 30 августа 1918 г. арестована и обвинена в том, что стреляла в Ленина. Расследования, однако, произведено по существу не было. Пистолета, из которого, дескать, стреляла Каплан, не нашли. Арестована она была, по показаниям задерживавших Каплан, когда бежала от места покушения. Но после этой погони в руках у нее были зонтик и сумочка, а на голове - фетровая шляпка. Хотя бы потому, что у Каплан оказались занятыми руки, можно предположить, что она не могла быть человеком, стрелявшим в Ленина. Из тюрьмы ВЧК Каплан 2 сентября по личному приказу Свердлова доставили в тюрьму в Кремле и на следующий день по приказанию того же Свердлова расстреляли. Ее собственноручно убил подчинившийся Свердлову комендант Кремля П. Д. Мальков. Быстрота следствия и расправы наводит на мысль о том, что, возможно, не Каплан стреляла в Ленина, и что на эту бывшую анархистку оказалось удобным свалить вину за покушение, организованное, вероятно, совсем другими людьми и с другими политическими целями. Если бы Каплан действительно имела отношение к покушению, ее дело велось бы ЧК и расстреляна она была бы расстрельной командой в подвале чрезвычайки, а не за кремлевскими стенами.

Курорт в Уэльсе. 8 апреля 1935 г. Болдвин (Болдуин) выступал там перед Национальным советом Евангелических свободных церквей с целью добиться поддержки церкви в деле усиления обороноспособности Великобритании, в частности, военно-воздушных сил.

Сидней Вебб (1859-1947) и Беатриса Вебб (1858-1943), супруги в 1892 г., английские экономисты, историки рабочего движения, идеологи тредюнионизма и "фабианского" социализма. Симпатизировали советскому режиму. Сидней Вебб был одним из

организаторов и руководителей фабианского общества. В 1924 и 1929-1931 гг. входил в лейбористское правительство Англии.

Stressa - итальянский город, в котором с 11 по 14 апреля 1935 г. проходила конференция представителей Великобритании, Франции и Италии. Конференция осудила нарушение Германией военных статей Версальского договора, но мер для предотвращения таких нарушений в будущем не приняла.

Пьер Лаваль (1883-1945), премьер Франции в 1931-1932 и 1935-1936 г. В 1934-1935 гг. - министр иностранных дел. В 1942-1944 гг. - глава коллаборационистского правительства в Виши. После освобождения Франции от фашистской оккупации казнен как изменник.

Здесь не публикуется. Вклеены Троцким в дневник.

170. Освальд Эрнальд Мосли, род. в 1896 г. До 1922 г. консерватор. В 1924-1931 гг. - лейборист. В 1929-1930 гг. - член правительства. В 1932 г. основал британский союз фашистов и оставался его лидером до 1949 г., к"гда был "интернирован". Под арестом находился до 1943 г. После второй мировой войны продолжал оставаться руководителем британского союза фашистов.

Лейбористская партия (Великобритании).

Жена Освальда Мосли.

Джон Натаниел Керзон (1859-1925), в 1899-1905 гг. генерал-губернатор Индии, в 1919-1924 гг. - министр иностранных дел Великобритании. Консерватор. В 1920 г. потребовал от Красной армии остановить наступление на Польшу на линии, получившей название "Линия Керзона". В 1923 г. вручил советскому правительству ноту, получившую название "Ультиматум Керзона".

Здесь не публикуется. Английский текст письма, отпечатанный на машинке, вклеен в дневник Троцкого.

Фразы курсивом даются в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Город на юге Франции, у подножия Пиренеев. Бальнеологический курорт (минеральные источники). По этой причине, вероятно, поехал туда Троцкий. Но Лурд, кроме того, был местом паломничества католиков.

Опущена вклеенная в дневник вырезка из французской газеты о визите в Лурд Папы Римского.

Местный политический деятель Гренобля.

В. П. Потемкин (1878-1946), большевик с 1919 г. С 1922 г. на дипломатической работе. В 1922-1923 гг. - член советской репарационной комиссии во Франции, председатель репарационной комиссии в Турции. В 1924-1926 гг. - генеральный консул в Стамбуле. В 1927-1929 гг. - советник полпредства СССР в Турции. В 1929-1932 гг. - полпред СССР в Греции. В 1932-1934 гг. - полпред СССР в Италии, в 1934-1937 гг. - во Франциж. С 1937 по 1940 г. - первый заместитель наркома иностранных дел. С 1940 г. - нарком просвещения РСФСР. Академик.

М. А. Рейснер (1868-1928), социолог, историк и правовед. Член партии с 1905 г. Професор Томского университета. В 1918 г. - заведующий от делом законодательных предложений в наркомате юстиции. Автор текста декрета об отделении церкви от государства. Участвовал в разработке первой конституции РСФСР. В 1918 г. по его и

Покровского инициативе была создана Социалистическая академия общественных наук. В 1919-1920 гг.-завполитотделами флотов и флотилий на фронтах гражданской войны (как тесть военмора Ф. Ф. Раскольников занимался там агитацией). Позже - на научной работе.

"Мадам Баттерфляй" - "Чио-чио-сан", опера Д. Пуччини (1858-1924), итальянского композитора.

Макс Истман [Истмен] (1883-1969), до первой мировой войны редактор газеты "The Masses", затем - газеты "The Liberator". С 1923 г. - сторонник левой оппозиции Троцкого. Переводчик Троцкого, его литературный агент в США. В конце 1920-х отказался от диалектического материализма, в 1930-е - от социализма вообще. Затем стал антикоммунистом, редактором "Reader's Digest". Как свою последнюю дань Троцкому перевел на английский!

язык главы незаконченной Троцким книги "Жизнь Ленина", опубликованные по-английски под названием "Молодой Ленин".

Поль Шарль Жозеф Бурже (1852-1935), французский писатель.

Октав Мирбо (1848 (1850?)-1917), французский писатель.

186. К. Г. Паустовский (1892-1968), советский писатель.

Я. Н. Ильин (1905-1932), советский писатель. Роман "Большой конвейер" был главной его книгой. Коммунист с 1924 г.

Раймонд Молинье, брат Генриха Молинье, род. в 1904 г. Один из основателей французского троцкистского движения. Троцкий сотрудничал с Молинье до 1935 г., когда группа Молинье была исключена из троцкистской организации за нарушение партийной дисциплины, в частности, за публикацию собственной газеты "La Commune".

189 Речь идет о Жане ван Эйженорте [Heijenoort] (1912-1986), с 1932 по 1939 г. был секретарем и телохранителем Троцкого в Турции, Франции, Норвегии и Мексике. Француз по происхождению. В 1939 г. покинул Троцкого и уехал в Нью-Йорк. С троцкизмом порвал в 1948 г. В 1950-е преподавал математику в Нью-Йоркском университете, а с 1965 по 1977 гг. - историю и философию логики в Брандайском университете (Бостон). В течение 30 лет был консультантом архива Троцкого Гарвардского университета. Автор книги With Trotsky in Exile: From Prinkipo to Coahuacan (1978) и ряда работ по математической логике Убит в Мексике

Леон Доде, сын французского писателя Альфонса Доде, консервативный журналист и критик.

Шарль Моррас (1868-1952), руководитель правой французской организации "Action française", издававшей газету под тем же названием.

Еда - завтрак, обед или ужин (франц.).

Газета немецких троцкистов. Название газеты было заимствовано у издававшейся Троцким в Париже во время первой мировой войны газеты "Наше слово".

Троцкий имеет в виду статью "Центристская алхимия или марксизм?", написанную им 24 апреля 1935 г.

Здесь не публикуется. Текст на французском языке вклеен в дневник Троцкого.

Е. Е. Лазарев, народник, судился по процессу 193-х, оправдан.

В 1890 г. эмигрировал в Америку, затем в Англию. Один из организаторов партии эсеров, в 1917 г. руководитель ее правого крыла. После кратковременного пребывания в России вновь эмигрировал. Умер в эмиграции.

Вера Фигнер (1852-1942), член "Земли и воли", затем "Народной воли".

198. Здесь не публикуется. Выдержка изложена на двух рукописных страницах на французском языке и сделана, вероятно, Молинье.

199 Fritz Wittels Sigmund Freud. Цитата из французской газеты приводится в переводе с французского.

Вырезка из французской газеты вклеена Троцким в дневник. Ряд других статей из французской прессы, также вклеенных в дневник, опущены и здесь не публикуется 4 августа 1914 г. германская социал-демократическая партия проголосовала в Рейхстаге за предоставление правительству военных кредитов. За германской социал-демократией последовали тогда и все другие социал-демократические партии Европы.

Слово курсивом дано в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Жанна Молинье, жена Генриха Молинье, ушедшая от мужа к Льву Седову и ставшая его женой.

Здесь не публикуется. Письмо Льва Седова, написанное по-французски, от руки, вклеено в дневник Троцкого.

Эдгар Воллас (1875-1932), английский писатель и журналист.

Далее в дневнике Троцкого идет так называемое "Письмо Н. И. Троцкой о сыне". Это письмо, написанное рукой Троцкого, первоначально было названо им "Письмо товарищам о сыне". Письмо не публикуется в настоящем издании, так как было опубликовано за подписью Н. И. Троцкой в 44-м номере "Бюллетеня оппозиции" (июнь 1935 г.), с. 11-12. Указание редакторов английского издания дневников Троцкого за 1935 год (с. 1129) на то, что вклеенное в дневник Троцкого "Письмо Н. И. Троцкой о сыне" написано рукой Н. И. Троцкой, а Троцким сделаны лишь поправки, следует считать недоразумением.

Семен Львович Клячко, эмигрант-революционер, живший в Вене и умерший там в 1914 г. Во время второй эмиграции Троцкого был его другом.

Уильям Гладстон (1809-1898), неоднократно был премьер-министром Великобритании, лидер либеральной партии в 1868 г.

Ян Христиан Смитс (1870-1950), премьер-министр Южно-Африканского Союза в 1919-1924 гг. С 1941 г. - британский фельдмаршал.

Фрнтюф Нансен (1861-1930), норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской академии наук (1898). В 1920-(1921 г. - верховный комиссар Лиги Наций по делам военнопленных, один из организаторов помощи голодающим Поволжья (1921), лауреат Нобелевской премии мира (1922).

Гульельмо Маркони (1874-1937), итальянский радиотехник и предприниматель. Изобретатель радио (1897), лауреат Нобелевской премии (1909).

Элеонора Дузе (1858-1924), итальянская актриса, выступала с огромным успехом во многих странах, в том числе и в России.

Аввакум Петрович (1620/21-1682), глава старообрядчества и идеолог раскола в православной церкви, протопоп. Выступил против реформ Никона. Начиная с 1653 г. неоднократно ссылался. В 1667 г. осужден на церковном соборе и сослан в Пустозерск, где 15 лет провел в земляной тюрьме, и был затем по царскому указу сожжен. Написал "Житие" и другие сочинения.

214 Фигаро - парикмахер.

215. "Хорошо" (франц.).

Огюст Пиккар (1884-1962), швейцарский физик, летал на стратостатах собственной

конструкции, а на батискафах собственной конструкции опускался на рекордные глубины.

"Сбрить?" (франц.).

"Полностью?" (франц.).

"Приведите в порядок, подравняйте, не сбривайте" (франц.).

"Огни большого города" ("Огни города", франц.).

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Учтивость (франц.).

Превосходительство (франц.).

А. Марти руководил восстанием моряков на французских судах, протестуя против их вмешательства в гражданскую войну в России на стороне антисоветских сил. Позже занимал высокий пост в Коминтерне и французской компартии, в течение некоторого времени был членом Палаты депутатов. Исключен из компартии после второй мировой войны.

Фраза курсивом дается в переводе с французского. Запись в дневнике сделана по-французски.

Доктор Розенталь, врач.

Жерар Розенталь, французский троцкист, в течение многих лет был адвокатом Троцкого. Автор книги: "Avocat de Trotsky" ("Адвокат Троцкого"), вышедшей в 1975 г.

Олаф Шефло, один из руководителей норвежской Рабочей (лейбористской) партии.

Немецкий троцкист, эмигрировавший в Норвегию после прихода к власти нацистов.

230. Croix de Feu (фр.) - Огненный крест.

Бенедикт Спиноза (1632-1677), нидерландский философ.

Ян Френкель, чехословацкий троцкист, был секретарем Троцкого в Турции, Норвегии и Мексике.

Машинописная выписка из газеты с соответствующей статьей здесь не публикуется. Вклеена в дневник Троцкого.

Мартин Транмель - вождь норвежских лейбористов и редактор центральной газеты лейбористской партии Норвегии. В течение некоторого времени был коммунистом (норвежские лейбористы в этот период входили в Коминтерн), затем перешел на социалистические позиции, способствовал разрыву с Коминтерном и вступлению рабочей партии в Социалистический интернационал.

А. С. Енукидзе (1877-1937), член партии с 1898 г. В 1917 г. - член Петроградского ВРК. С 1918 г. - секретарь президиума ВЦИК. В 1922-1935 гг. - секретарь президиума ЦИК, член ЦКК с 1924 г. Член ЦК с 1934 г. В 1935 г. исключен из партии по обвинению в том, что оказывал помощь некоторым арестованным и сосланным большевикам-оппозиционерам. В 1937 г. расстрелян.

236. Н. К. Антипов (1894-1941), член партии с 1912 г. После революции занимал ряд партийных постов в провинции. С 1928 г. - нарком почт и телеграфов. С 1931 г. - заместитель наркома РКИ СССР. С 1935 г. - председатель комиссии советского контроля, одновременно заместитель председателя СНК и СТО СССР. Член ЦК с 1924 г. Репрессирован. Информация об убийстве Антипова переданная Троцкому, была неверна.

237. "Le Matin" - влиятельная консервативная ежедневная газета, издающаяся в Париже.

238. Энергия (нем.).

239. В Архангельском, примерно в 70 км от Москвы, были правительственные дачи. Троцкий с женой часто ездили туда отдыхать. По существу Архангельское стало их

постоянной загородной резиденцией.

240. Консервативная ежедневная газета, издающаяся в Осло.

Эмма Гольдман (1869-1940). Анархистка, родилась в России. В возрасте 17 лет эмигрировала в США. В 1919 г. депортирована за подрывную деятельность. Прибыла в советскую Россию. Была крайне разочарована тем, что практика советского режима не соответствовала восторженным надеждам, и идеалам левой интеллигенции. Уехала в Англию, затем поселилась в Канаде.

"Мать" Джонс, воинственная коммунистическая агитаторша и рабочий лидер в США. Ее подрывная деятельность находила некоторую поддержку среди шахтеров Пенсильвании и западной Виргинии, а также на хромовых рудниках Запада и Юго-Запада США. Книга, о которой пишет Троцкий: *The Auto biography of Mother Jones, Chicago, Charles H. Kerr Co., 1925.*

П. А. Кропоткин (1842-1921), князь, революционер, теоретик анархизма.

Фридрих Ницше (1844-1900), немецкий философ

Увеличение зарплаты и уменьшение рабочих часов (англ.).

Конрад Надсен, член парламента, член норвежской лейбористской партии. В его доме в Вексале, деревне, расположенной недалеко от Осло, во время своего пребывания в Норвегии жил Троцкий.

247. Евгений Дебс (1855-1926), один из организаторов (1900-1901) социалистической партии США и организации "Индустриальные рабочие мира" (IWW). В годы первой мировой войны интернационалист.

Эдгар По (1809-1849), американский писатель.

Трюгве Ли (1896-1968), один из лидеров норвежской рабочей партии, неоднократный министр правительства Норвегии. В 1946-1953 - генеральный секретарь ООН.

250.

18 августа 1935 г.

Дорогой Лева, меня уже сильно беспокоило отсутствие писем от Вас. Наконец-то пришла весточка о Севушке. Как хорошо, что вы уже с Вами, этот маленький мальчик. Отец его в Омске и спрашивает о сынишке. Писать ему пока "до востребования". Мне кажется, что Вы моего последнего письма не получили. Я Вам писала, что дети Нины живут с сестрой в Кирово (Украина).

Сестра моя очень больной человек, и я не знаю, как ей удалось с детьми, без всякой помощи, перебраться туда. Адрес ее: Кирово, Одесская область, ул. Карла Маркса, д. 4, кв. 13. Детишки все надеялись на скорое свидание с отцом (Ман), но придется им подождать еще два года. Я очень тронута, как всегда, Вашим внимательным отношением ко мне. Сюда посылать денег не имеет смысла - их здесь и реализовать негде. Все мои нужды удовлетворяются посредством посылок от сестры. Здесь почти ничего нельзя достать, даже овощей. Здоровье мое сносно, надеюсь еще повидать ребятешек, т. е. не умереть до этого. О самочувствии, конечно, говорить не приходится. Но я очень вынослива и надеюсь, что и теперь не изменю себе.

Платон очень просит фотографию Севушки. Я уже собиралась послать ему ее, хотя мне и очень жаль расстаться с ней. Теперь надеюсь, что Вы ему пошлете непосредственно. Не забыл ли Севушка русский язык? А нас помнит ли? Крепко, крепко его целую. Где у Вас Сергей?

Обнимаю и целую. Ваша Алекс.

На полях письма, напротив указанного в Кирово адреса, Троцкий сделал приписку: "Новый адрес Саре [Якобс - Вебер] сообщен". \

251.

1 августа 1935 г.

Дорогие мои! Так я ничего и не получил от вас до сего времени, кроме единственной весточки с чеком мартовским на Торгсин. Но он еще так и гуляет, весьма вероятно, что в конце концов окажется просроченным, и я, вероятно, верну его вам. От сынишки я так письма не получил. На ряд своих писем со старого места я имел извещения о доставке, не знаю, как будет здесь, быть может, все же я когда-либо дождусь от вас весточки о моем мальчонке. Такой большой чек вы мне зря послали, лучше бы его минимум рассрочить приемов на 10-15, с меня хватило бы и того, и лучше было бы. Здесь есть Торгсин. Если я все же после всяких странствий старый чек реализую, то поделюсь с бабушкой, которая сейчас, оказывается, не здесь, как я думал, а в районе Увате. Здоровье мое понемногу поправляется, а вообще-то я здесь - совершенно неожиданно - на 5 лет. Начинаю новую полосу после того, как был на путях стариков Лафаргов и чуть не оказался вместе с нашей Зинушкой. Привет горячий от меня и самые лучшие пожелания. Надеюсь, что Вы порадуете меня весточкой о Севике, его здоровье, учебе, шалостях. О фотографиях его так пока ничего и не знаю, очень тяжело. Обнимаю, целую мальчонку и всех вас.

Ваш П.

К ЧАСТИ ЧЕТВЕРТОЙ

1. В отличие от дневника 1935 г., дневниковые записи 1937 г. безусловно предназначались для печати. Как следует из содержания дневника, они были сделаны на борту парохода, по пути из Норвегии, откуда Троцкий был выслан, в Мексику. Записи 1937 г. представляют собой отдельные страницы более полной рукописи и в этом смысле ни в какой степени не являются полными и цельными. На основании "полного" дневника 1937 г. Троцким впоследствии была написана книга "Преступления Сталина". Очевидно, что отрывки из дневника 1937 г. как раз и составляют не вошедшие в книгу "Преступления Сталина" страницы

В дни написания дневника Троцкий находился под влиянием только что окончившегося процесса над Зиновьевым, Каменевым и др., процессом, на котором Троцкий впервые и официально был обвинен в организации террористических актов против советской власти и в связи с гестапо.

2. Виктор Серж (Кибальчич, 1890-1947), в молодости анархист. Эмигрировал из России во Францию. После большевистского переворота вернулся в советскую Россию, работал в Коминтерне. Арестован за оппозиционную деятельность, освобожден в 1928-м, в 1933-м вновь арестован. Благодаря кампании протеста, организованной во Франции левой интеллигенцией, освобожден в 1936 г. Тогда же получил разрешение покинуть СССР. К этому времени успел разочароваться в коммунизме сталинского типа, а прибыв за границу, разочаровался и в троцкизме, за что Троцкий подверг его критике.

Б. Захароф, сэр (наст. имя Базилеос Захариас, 1849-1936), бизнесмен, торговец оружием, финансист. Один из богатейших людей своего времени, неоднократно называемый самым богатым человеком в мире. Грек по национальности. Родился в Турции. Вместе с родителями эмигрировал в Россию. Будучи молодым человеком вернулся в Турцию, затем уехал на учебу в Англию. В последующие годы жил в Греции, на Балканах. Стал торговым представителем одного из крупных военных заводов. Разбогател на торговле оружием, стал

миллионером. В 1913 г. принял французское гражданство. Во время первой мировой войны занимался поставками вооружений армиям Антанты, получил чин офицера. Был награжден орденом Почетного легиона и орденом Бани.

Николаев Леонид (1904-1934), коммунист, член РКИ, убийца Кирова, совершивший покушение 1 декабря 1934 г.

Жак Дюкло (1896-1975), член французской компартии с 1920 г. С 1926 г.- член ЦК, с 1931 г.- член Политбюро. В 1931-1964 гг. -секретарь ФКП. Сталинист. В 1935-1943 гг. член ИККИ. С 1959 г. - французский сенатор.

6. Нападение произошло в ночь с 4 на 5 августа 1936 г.

Раймонд Розенмарк, французский адвокат, через французскую Лигу прав человека (организацию, защищающую гражданские права и придерживающуюся просоветского курса) выступил с поддержкой обвинений, выдвинутых на открытых московских процессах. Противоположное заявление, представленное Лиге Магдалиной Паз, было Лигой отвергнуто и не опубликовано.

Денис Притт (1888-1972), британский адвокат, лейборист, принявший результаты московского процесса за чистую монету и написавший, что этот процесс, в смысле правомерности, является "образцом для всего мира".

Заочно (франц.).

16. А. Я. Вышинский (1883-1954), с 1903 по 1920 г. - меньшевик, затем большевик. Ректор МГУ, затем главный обвинитель на всех открытых показательных процессах. С 1940 г. на дипломатической работе. Имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. В 1940-1946 гг. - первый заместитель наркома иностранных дел, в 1946-1949 гг.-замминистра иностранных дел СССР по общим вопросам. В 1949-1953 гг.-министр иностранных дел. В 1953-1954 гг.- первый заместитель министра иностранных дел и постоянный представитель СССР в ООН.

Эдуард Даладье (1884-1970), лидер французской партии радикалов, неоднократно был министром во французском правительстве, в 1933-1934 и 1938-1940 гг. - премьер-министр. Первоначально - сторонник Народного фронта, затем его противник. Подписал Мюнхенское соглашение 1938 г.

Е. С. Гольцман (1882-1936), один из подсудимых на первом московском процессе (1936). Расстрелян.

Валентин Ольберг (1907-1936), в 1930 г. вступил в организацию немецких троцкистов. Был исключен из организации по подозрению в том, что сотрудничает с советской разведкой. В 1930 г., до исключения, вел переписку с Троцким, имел неоднократные контакты с сыном Троцкого Львом Седовым. На первом московском процессе (1936) выставлен обвиняемым и приговорен к смертной казни.

14. Конон Берман-Юрин (1901-1936) и Фриц Давид (1897-1936) обвинялись во встрече с Троцким в Копенгагене в 1932 г. для получения инструкций о террористической деятельности. Берман-Юрин был советским корреспондентом в Германии. Давид - редактором газеты германской компартии Die Rote Fahne. С Троцким какой-то контакт в 1932 г. они действительно имели. Об этом говорит следующее. 29 ноября 1932 г. западным информационным агентствам было ошибочно сообщено о внезапной смерти Зиновьева. Агентство "Интернэшнел Ньюс Сервис" телеграммой сообщило об этом Троцкому и попросило его написать статью на смерть Зиновьева. Троцкий сделал на телеграмме отметку карандашом: "Как же Берман-Юрин и Фриц Давид ничего не упомянули об этом

факте?" Упоминание Троцким именно их вряд ли было случайным. Но утверждение, что Троцкий снабжал их инструкциями для террористической деятельности, следует считать безусловным вымыслом.

С. Д. Мрачковский (1883-1936), активный участник революции и гражданской войны, большевик. Исключен из партии за оппозиционную деятельность в декабре 1927 г. постановлением XV съезда партии, сослан. В 1929 г. капитулировал, возвращен из ссылки. В 1933 г. снова сослан, а в 1936-м на первом открытом московском процессе приговорен к смертной казни и расстрелян.

К. А. Дрейцер (1894-1936), во время гражданской войны командир Красной армии, большевик. В 1927 г. исключен из партии за оппозиционную деятельность. В 1928 г. капитулировал, но на первом московском процессе был приговорен к смерти.

17. Кража части архивов Троцкого из парижского отделения Института социальной истории, куда Троцкий передал документы на хранение, была произведена НКВД 7 ноября 1936 г. Информация о нахождении архива, судя по всему, была передана советским агентам Зборовским, другом Льва Седова, работавшим, как оказалось, на ГПУ - НКВД. "Слышали о провокации "Этьена", секретаря покойного Седова? - спрашивал Николаевский Суварина. - Это он, вместе с Седовым, привез тогда так называемый "Архив Троцкого" в институт на рю Мишлэ, и сам же сообщил по начальству для кражи. Теперь признал, хотя утверждает, что к похищению прямого отношения не имел. Рассказал, что были разочарованы: оказались одни газеты со всех концов мира (троцкистских групп). Конечно, теперь заново надо думать и о смерти Седова". (Архив Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция Б. КСуварина. Письмо Б. И. Николаевского Б. К. Суварину от 19 декабря 1955 г., 1 лист) Подпавший тогда же под подозрение Зборовский в разговоре с Лелей Эстриной и Д. Ю. Далиным "не отрицал, что он дал сведения об архиве", писал об этом С. Эстрин Б. Сапиру. (См. Архив Международного института социальной истории в Амстердаме, коллекция С. Эстрина. Копии писем 1947-1975. Оригиналы писем из архива Гуверовского института. Папка "Сапир -Эстрин". Письмо Б. М. Сапира С. Э. Эстрину от 3 августа 1975 г.; там же, письмо С. Э. Эстрина Б. М. Сапиру. 9 сентября 1975 г.). О краже архивов см. также раздел "Из прессы тех лет".

Борджа (Борджиа) - знатный род испанского происхождения, игравший значительную роль в Италии 15 - начала 16 столетий. Троцкий имеет в виду Чезаре Борджиа, известного своим коварством.

Мишель Пюнтервольд, норвежский адвокат Троцкого.

Д. Нигорсвольд (1879-1952), в 1935 г. был министром в лейбористском правительстве Норвегии.

Джордж Новак, род. в 1905, в 1933 г. стал троцкистом. Секретарь "Американского комитета защиты Льва Троцкого", образованного в 1936 г. для расследования обвинений, выдвинутых против Троцкого на первом московском процессе. Комитет просуществовал до 1938 года.

Хорошо (англ.).

Показания приготовлены для комиссии по расследованию обвинений, выдвинутых на московском процессе.

Речь идет о книге Троцкого "Преступления Сталина", опубликованной вскоре на основных европейских языках.

25 Работу над книгой "Жизнь Ленина" Троцкий, как уже отмечалось, так и не закончил. Вообще создается впечатление, что Троцкий намеренно ссылается на эту книгу как на свое основное занятие, пытаясь таким образом "отвлечь внимание" как Сталина, так и западных правительств от своей политической деятельности.

Опубл. по-английски в "Socialist Appeal" 26 февраля 1938 г. Лев Седов умер 16 февраля в парижском госпитале.

Рейсе И. ("Людвиг", наст, имя И. Порецкий), сотрудник советской разведки, перешедший на положение невозвращенца летом 1937 г. и ставший троцкистом и членом Четвертого интернационала. 4 сентября 1937 г. убит советскими органами безопасности под Лозанной

(Швейцария). Опувл. в "Socialist Appeal" 10 сентября 1938 г. Видимо, 1938 г. Печатается по тексту, хранящемуся в Международном институте социальной истории (Амстердам), фонд SIBL, папка 2293/56.

Джозеф Пэженель, следователь, ведущий расследование причин смерти Льва Седова. Здесь не публикуется. Опувл. в "Бюллетене оппозиции", No 68-69, с. 28-30.

32. Об обвинении в отравлениях, выдвинутом на процессе, в черновиках Троцкого к незаконченной им биографии Сталина записано следующее:

"Доктор Казаков показал: "Вследствие моего разговора с Ягодой я выработал вместе с Левиным способ лечения Менжинского, который действительно разрушал его последние силы и ускорял его смерть. Таким образом, Левин и я практически убили Менжинского. Я дал Левину смесь лизатов, которая в сочетании с алколоидами вызвала намеченный результат, т. е. смерть Менжинского".

Казаков был в этом отношении особенно полезен, так как он, по словам доктора Левина, оперировал при помощи медикаментов, которые он сам изготовлял без всякого контроля в своей лаборатории, так что он один знал секрет своих инъекций... Менжинский умер внезапно во сне, от паралича сердца... Я никогда не сомневался, что это было делом Казакова, - говорил Левин.

По признанию обвиняемых Ягоды и Буланова, имелось в виду убить Ежова, преемника Ягоды, с помощью специально приготовленного для этой цели "яда". Обвиняемый Буланов, секретарь Ягоды, объявил, что он приготовил сам смесь ядов, предназначенную для Ежова.

Ягода находил, что сын Горького ведет дурной образ жизни, оказывает неблагоприятное влияние на отца и окружает отца "нежелательными людьми", отсюда он приходит к выводу устранить сына и предлагает доктору Левину оказать ему в этом содействие в ликвидации сына Горького. Так показывает сам Левин.

Ягода сказал Крючкову, секретарю Горького и своему агенту: "Нужно уменьшить деятельность Горького, деятельность Горького стесняет известных лиц". Буланов, со своей стороны, свидетельствует, что "Алексей Максимович... с исключительным восторгом говорил каждый раз, как представлялся случай, о роли Сталина в стратегии социалистического государства". А Бухарин в своих показаниях называет Горького сталинцем, сторонником политики сталинской партии: "Горький непоколебимый сторонник сталинского руководства".

Эти повторения, эти нагромождения имеют своей целью вытеснить из сознания другую версию, именно борьбы между Сталиным и Горьким.

Недавно умерший советский дипломат Раскольников в своем предсмертном письме высказывает уверенность, что Горький умер естественной смертью. Но в таком случае его судьи по чьему-то приказу приговорили к смерти ни в чем не повинных врачей. Что лучше, в конце концов, что благоприятнее для сверх-борджии: отравление Горького или убийство людей, ложно обвиненных в деле отравления, решить нелегко.

Показание доктора Левина, 68-летнего старика, производило наиболее потрясающее впечатление. По его словам, он намеренно содействовал ускорению смерти Менжинского, Куйбышева и самого Максима Горького. Он действовал по требованию Ягоды, ибо боялся "истребления своей семьи". Левин, по его словам, не имел никакой личной цели. Наоборот, "он любил Горького и его семью". Он убил сына и отца из-за страха за собственную семью.

Доктор Левин говорил доктору Плетневу, что в случае слушания "Ягода вас наверняка уничтожит, и вы все не спасетесь от Ягоды. Он не останавливается ни перед чем, он не

забывает ничего". Эти слова относятся не к Ягоде, а к его хозяину, который не останавливается ни перед чем, не забывает ничего.

В руках Ягоды сосредоточивалась охрана Кремля, и в частности, охрана Сталина. Если бы он был заговорщиком, а не агентом Сталина, он мог бы найти каждый день благоприятную обстановку для того, чтобы расправиться с диктатором. Плетнев, Казаков, Крючков, все участники действительных и мнимых преступлений объясняют свое поведение страхом перед Ягодой. И это объяснение приемлетя как вполне естественное. Размах этих преступлений поражает. Они далеко переросли личность Сталина.

Самым поразительным является включение в список Максима Горького. Как писатель и человек он пользовался широкими симпатиями, политиком не был никогда. С молодых лет болел туберкулезом и жил в Крыму, затем в фашистской Италии, где благодаря своему чисто литературному характеру деятельности не встречал никаких затруднений со стороны полиции Италии. Последние годы Горький снова поселился в Крыму. Так как он очень жалостлив, поддавался всякого рода влияниям, то ГПУ окружало его под видом секретарей и машинисток кольцом своих агентов. Их задачей было не допустить к Горькому нежелательных посетителей. Какой смысл был в убийстве 67-летнего больного писателя?

Это все доказывает, что деятельность Горького, по словам Ягоды, стесняла "высокие личности". Эта формула насчет высоких личностей повторяется несколько раз. На суде ее растолковывают так, будто дело шло о Рыкове, Бухарине, Каменеве и Зиновьеве. Но в этот период названные лица были париями, преследуемыми ГПУ. Под псевдонимом "высокие личности" могли фигурировать только хозяева Кремля. И прежде всего Сталин".

Н. И. Ежов (1895-1940), в партии с 1917 г. С 1934 г. - член ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК. Секретарь ЦК ВКП(б) в 1935-38 гг., генеральный комиссар госбезопасности (1937), нарком внутренних дел (1936-1938). В 1938 - нарком водного транспорта СССР. Арестован в 1938 г. Расстрелян.

Эрвин Вольф (Николь Браун, Эрвин Браун, 1902-1937), чешский троцкист, член троцкистского Международного секретариата. Был секретарем Троцкого в Норвегии. Написал брошюру "L'Organe de masse", к которой Троцкий сделал предисловие. В 1937 г. был похищен и убит, видимо, сотрудниками советской разведки в Испании.

35. Опувл, в кн. Writings of Leon Trotsky [1939-1940], New York, 1977, p.

126-129. В верхней части письма рукописная приписка сделанная Троцким: "Черновик, не отправленный". В английском издании датировано 6 декабря. Черновик Троцкого датирован 4 декабря. Троцкий цитирует по русскому изданию книги "История русской революции", том 2, часть 2. Изд. "Гранит", Берлин, 1933.

Комиссия Джона Дьюи - комиссия по расследованию обвинений, выдвинутых против Троцкого на московских процессах. Дьюи (1859-1952), председатель комиссии, был известным американским философом и педагогом. Комиссия провела слушания в Мексике (10-17 апреля 1937 г.) и опубликовала результаты расследования в книге "Not Guilty" ("Не виновен"). Стенограммы слушаний были опубликованы, кроме того, в книге "The Case of Leon Trotsky" ("Дело Льва Троцкого").

Лафолет Сюзанна - бывший редактор троцкистского издания The New Freeman, секретарь комиссии Дьюи по расследованию обвинений, выдвинутых на московских открытых процессах. Опувл. в "Socialist Appeal" 11 мая 1940 г.

Ласаро Карденас (1895-(1970), участник мексиканской революции 1910-1917 гг., в 1931, 1933, 1943-1945 гг. занимал министерские посты в мексиканском правительстве. В 1934-

1940 г., - президент Мексики. В 1959 г. награжден Международной ленинской премией. С 1969 г. почетный президент просоветской организации Всемирный совет мира.

Нападение агентов советских органов безопасности на виллу Троцкого было произведено 24 мая 1940 г. Троцкий остался невредим.

Начальник мексиканской полиции.

Отто Шуслер (Шюсслер), род. в, 1905 г. Жил также под псевдонимам Оскар Фишер. Один из руководителей германской троцкистской организации, секретарь Троцкого в Турции в 1962-1933 и в Мексике в 1938-1940 гг. После второй мировой войны вышел из Четвертого Интернационала и порвал с троцкизмом.

Кандидат в президенты на мексиканских выборах.

В. Ломбарде Толедано (1893-1968), руководитель мексиканской конфедерации рабочих, крупнейшего профсоюза в Мексике, неоднократно и публично выступал против Троцкого, проживавшего в изгнании в Мексике, придерживался просоветской ориентации. По заявлению Троцкого - советский агент в Мексике. Здесь обрывается запись от 27 февраля 1940 г.

48. Один из псевдонимов убийцы Троцкого Р. Меркадера.

FB2 document info

Document ID: fb2-7a9dbf96-ff6e-7e5d-b87f-a838b6f29386

Document version: 1.11

Document creation date: 2007-06-12

Created using: LibRusEc kit, FB Editor v2.0, AIReader2 software

Document authors :

- rusec

Document history:

v.1.1 - сделано форматирование, убраны ошибки. Для продолжения нужен первоисточник. Особенно для редактировани ПРИМЕЧАНИЙ.

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon